Федеральное агентство по образованию
Горно-Алтайский государственный университет

Древности Сибири и Центральной Азии

№ 1-2(13-14)

Горно-Алтайск, 2009

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

ГОУ ВПО «Горно-Алтайский Государственный университет»

**Научно-исследовательская лаборатория
по изучению древностей Сибири и Центральной Азии**

Древности Сибири и Центральной Азии

№1-2(13-14)

Горно-Алтайск
2009

ББК 63.4
63.3
82.3(2)

Древности Сибири и Центральной Азии.
Сборник научных трудов / под ред. В.И. Соёнова. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. – №1-2(13-14) – 212 с.

ISBN 978-5-91425-031-4

Ответственный редактор – *к.и.н., доцент* ***В.И. Соёнов***

Сборник научных трудов подготовлен Научно-исследовательской лабораторией по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в рамках реализации научно-исследовательских проектов Министерства образования и науки Российской Федерации «Древняя и средневековая фортификация Алтая» аналитической ведомственной целевой программы "Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)" (№2.1.3/6768) и РГНФ «Древние и средневековые археологические комплексы Чуйской котловины» (№08-01-61103а/Т).

Электронную версию издания «Древности Сибири и Центральной Азии»
читайте на сайте ГАГУ *http://www.**gasu.ru/***

ISBN 978-5-91425-031-4

© **В.И.СОЁНОВ**, составление, оформление, макет, **2009**

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.
(г. Донецк, Украина)

НОЖИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ С КОЛЬЦЕВЫМ УПОРОМ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СИБИРИ И ИХ ЗАПАДНЫЕ АНАЛОГИИ

Исследователи памятников эпохи поздней бронзы Центральной Азии и Сибири уже давно обращают внимание на бронзовые ножи (чаще их именуют кинжалами), характерной особенностью которых является наличие кольцевого упора-утолщения у основания черешка. Для обозначения таких изделий нет единого термина. В частности, В.А. Городцов именовал их «копьевидными ножами» (Городцов В.А., 1928, с.57). В дальнейшем многие исследователи называли их (и до сих пор называют) «кинжалами киммерийского типа» (см., например: (Тереножкин А.И., 1961, с.107, 133; Гришин Ю.С., 1971, с.15; Левицкий О.Г., 1993, р.66; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001, с.97; Ситников С.М., 2004, с.208; Папин Д.В., Дураков И.А., Федорук А.С., 2006, с.108)). Отметим, что в настоящее время данный термин не может быть признан корректным, поскольку приводит к путанице (Бруяко И.В., 2005, с.138-139).

Е.Н. Черных разделил рассматриваемые артефакты, именовавшиеся им ножами-кинжалами, на типы Н-34, Н-36, Н-37 и Н-38/40 (Черных Е.Н., 1976, с.119-122). В.И. Клочко назвал эти изделия кинжалами Красномаяцкого и Новокиевского типов (Kločko V., 1995, s.117-128). Использовалась и другая терминология (см.: Ситников С.М., 2004, с.209). Учитывая отмеченный разнобой, мы в данной работе будем употреблять дефиницию «ножи с кольцевым упором», хотя и она, несмотря на свою обтекаемость, не идеальна. Дело в том, что на ряде изделий упор, действительно, очень рельефно выражен (см., например: рис.2 – 1-7, 9, 10; 3 – 3, 5, 6). В других случаях он более аморфен (см., например: рис. 2 – 8; 3 – 1, 2, 4, 7-10). В свое время это побудило Е.Н. Черныха различать ножи-кинжалы с «намечающимся кольцевым упором» (тип Н-34) и ножи-кинжалы с «четким кольцевым упором» (типы Н-36, Н-37 и Н-38/40) (Черных Е.Н., 1976, с.119-122). Вместе с тем, исследователь отметил, что «в некотором отношении» изделия типа Н-34 являются вариантом изделий типа Н-36 (Черных Е.Н., 1976, с.120). Действительно, грань между «намечающимся кольцевым упором» и «четким кольцевым упором» несколько субъективна. К тому же, рисунки в ряде публикаций таковы, что о степени «четкости» упора судить трудно. Поэтому далее в качестве критерия классификации степень выраженности упора мы брать не будем.

Нам удалось учесть 37 ножей с кольцевым упором и 2 литейные формы для отливки данных орудий, обнаруженные на территории Зауралья, Центральной Азии и Сибири. На востоке рассматриваемые изделия доходят до Енисея, а на юге – до предгорий Копетдага и Памира (рис.1; на данной карте, чтобы не перегружать ее, мы отметили лишь небольшую часть находок с территории Украины). Они выявлены, в основном, в лесостепной и степной зонах. Изредка рассматриваемые артефакты происходят из зоны пустынь, гор (Западные Саяны) и южной окраины лесов.

Ножи с кольцевым упором, обнаруженные на данной территории, довольно разнообразны. Длина их колеблется от 9 до 26 см. Самыми короткими являются изделия с поселений Намазга-депе, Таджикистан (рис.2 – 5) – около 9 см, Теккем-депе, Таджикистан (рис.2 – 10) – 9 см и Кент, Казахстан (рис.2 – 4) – около 10 см. Самый большой среди учтенных ножей – артефакт с поселения Калиновка II, Алтайский край (рис.6 – 8). Его длина – около 26 см. Ненамного меньше, вероятно, был нож из Каратуза, Красноярский край (рис.4 – 1). Острие его, правда, обломано, но, судя по конфигурации клинка, общая длина изделия первоначально могла достигать 25 см. Тот же дефект имеет нож с поселения Рублево VI, Алтайский край (рис.2 – 1). Его длина могла достигать 23 см. Наконец, нож с озера Пресное, Казахстан, острие которого также утрачено (рис.3 – 1), изначально, вероятно, имел длину до 20,5 см.

Длина клинка рассматриваемых ножей составляет от 6 до 19 см. При этом на большинстве экземпляров (60,6% изделий, первоначальная длина которых

устанавливается более или менее надежно) данный параметр находился в интервале 11-15 см. В 30,3% случаев он меньше и лишь в 9,1% случаев – больше. Для сравнения, длина клинка у кинжалов из Ингульского и Лозовского кладов (Северное Причерноморье) составляет 21-27 см (Черных Е.Н., 1976, табл.XXXVII – 1, 3; XXXVIII – 4, 5). Кроме того, ножи с кольцевым упором, если использовать их как оружие, более пригодны для нанесения рубяще-режущих, чем колющих ударов (Клочко В.І., 2006, с.185). Отсюда большую часть рассматриваемых нами артефактов корректнее называть ножами, а не кинжалами.

Ширина клинка находится в интервале 2-4 см. В 63,6% случаев она составляет 2,8-3,5 см. Еще один параметр, о котором следует сказать – отношение длины клинка к его ширине. Он колеблется от 2,1:1 до 6,3:1. При этом можно выделить ножи с укороченным клинком (упомянутый параметр составляет 2,1:1, 2,3:1 и 2,4:1) (рис.2 – 4; 6 – 2, 4) и ножи с удлиненным клинком (5,2:1 и 6,3:1) (рис.4 – 1, 6). Большая часть изделий (85,7%) имеет клинок с соотношением длины к ширине 2,8:1-4,7:1.

Поперечное сечение клинка рассматриваемых изделий, как правило, является эллиптическим (см., например: рис.2 – 6, 9) или ромбовидным (см., например: рис.2 – 3, 8). На клинках некоторых экземпляров имеется более или менее четко выраженная продольная нервюра (см., например: рис. 2 – 2, 5, 10).

Длина черешка в большинстве случаев (58,3% артефактов, где данный параметр известен) находится в интервале 3-4 см. Минимальна она на ноже из Намазги-депе (рис.2 – 5) – 1,7 см, максимальна – на изделиях из Рублево VI (рис. 2 – 1) и Калиновского II (рис.6 – 8) – до 6 см. Окончание черешка обычно стамесковидное и по ширине близко к его основанию. На общем фоне выделяется находка из Кривошеино, Красноярский край, где окончание черешка было намного шире, чем основание (рис.3 – 10).

В качестве критерия классификации ножей с кольцевым упором нами была выбрана форма клинка. В зависимости от нее мы склонны выделять 4 группы ножей:

I. Ножи с более или менее плавным изгибом краев клинка и максимальным его расширением, смещенным к упору (рис.2; 3); учтено 22 экземпляра и 1 литейная форма. Данные артефакты обнаружены на поселениях Челкар (Археологическая карта.., 1960, табл.III – 53), Кент (Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., 2008, рис.24 – 4, 5) (клинок первого из ножей поврежден; изделие отнесено к рассматриваемой группе условно), Павловка, (Зданович Г.Б., 1988, табл.10 – 12), Якши-Янгизтау (Аванесова Н.А., 1991, рис.8 – 23), Атасу I (Маргулан А.Х., 1998, рис.102 – 3[1]), Казахстан, Теккем-депе (литейная форма) (Щетенко А.Я., 1999, рис.2 – 1), Намазга-депе (Щетенко А.Я., 2002, рис.8 – 1), Туркменистан, Рублево VI, Алтайский край (Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б., 2000, рис.3 – 1), в погребениях из Саргаров (Аванесова Н.А., 1991, рис.25 – 25) и Борового (Аванесова Н.А., 1991, рис.25 – 23), Казахстан. Но куда больше случайных находок. Они происходят с территории Семипалатинской (Аванесова Н.А., 1991, рис.26 – 13), Алмаатинской (Аванесова Н.А., 1991, рис.27 – А – 10) областей, Пролетарки (Археологическая карта.., 1960, табл.IX – 141), озера Пресного (Аванесова Н.А., 1991, рис.26 – 12), прииска «Кольба» (Аванесова Н.А., 1991, рис.26 – 14), Улутоу (Аванесова Н.А., 1991, рис.27 – А – 11), Казахстан, Ташкентской области, Узбекистан (Аванесова Н.А., 1991, рис.27 – Б – 8), Бердска, Новосибирская обл. (Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б., 2006, рис.4 – 1), Клепиково (Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В., 2009, рис.14 – 6), Третьяковского (Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В., 2009, рис.14 – 3), Поспелихинского (Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б., 2006, рис.4 – 2) районов, Алтайский край, Кривошеино, Красноярский край (Аванесова Н.А., 1991, рис.28 – Б – 5).

II. Ножи с более или менее плавным изгибом краев клинка и максимальным его расширением посередине (рис.4); учтено 8 экземпляров и 1 литейная форма. Они выявлены на двух поселениях в Казахстане – Алексеевском (Кривцова-Гракова О.А.,

---

[1] В работе приведена фотография ножа. Имеется и другая публикация, где помещен рисунок данного изделия. Судя по нему, нож следовало бы отнести ко II группе (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, рис.20 – 3). Вероятно, фотография более объективно передает облик артефакта.

1948, рис.20 – 1) и Бес-тюбе (Аванесова Н.А., 1991, рис.25 – 26), поселении Кангурттут, Таджикистан (литейная форма) (Виноградова Н.М., 2004, рис.27 – 2), в могильниках Северный Тагискен, Казахстан (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001, рис.123 – 1) и Черноозерье I, Омская обл. (Аванесова Н.А., 1991, рис.28 – А – 13). Есть также серия случайных находок, происходящих из окресностей Кочневска, Свердловская обл. (Аванесова Н.А., 1991, рис.24 – А – 13), Ленинского, Казахстан (Мерц В.К., 2000, рис.1 – 1), Ильинки, Алтайский край (Аванесова Н.А., 1991, рис.28 – А – 14), Каратуза, Красноярский край (Аванесова Н.А., 1991, рис.28 – Б – 6).

III. Ножи, где края клинка образуют близ упора резкий излом под углом около 120-140°, а часть клинка ниже излома имеет форму вытянутого треугольника (рис.6 – 1-4); учтено 4 экземпляра. Изделия данной группы выявлены на поселении Синташта, Челябинская область (Генинг, В.Ф., Зданович, Г.Б., Генинг, В.В., 1992, рис.41 – 15) и в могильнике Преображенка III, Новосибирская область (Молодин В.И., 1985, рис.63 – 5). Правда, последний артефакт автором публикации был назван наконечником дротика (Молодин В.И., 1985, с.124), но его типологическая тождественность рассматриваемым ножам заставляет воспринять данную атрибуцию скептически. Стоит, впрочем, отметить, что гипотеза об использовании ножей с кольцевым упором в качестве наконечников копий и дротиков имеет и других сторонников (Маргулан А.Х., 1998, с.250; Папин Д.В., Дураков И.А., Федорук А.С., 2006, с.108).

Кроме того, нам известны две случайные находки ножей III группы, происходящие с территории Казахстана – из Моисеевки (Мерц В.К., 2000, рис.1 – 2) и с рудника «Степняк» (Аванесова Н.А., 1991, рис.25 – 22).

IV. Нож с параллельными лезвиями (рис.6 – 8); учтен 1 экземпляр, найденный на поселении Калиновка II, Алтайский край (Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В., 2009, рис.14 – 2).

Еще два ножа настолько повреждены, что отнести их к какой-либо из выделяемых групп невозможно. Это – артефакты с Семиярского поселения, Казахстан (Мерц В.К., 2006, рис.3 – 3) и могильника Чекановский Лог-7, Алтайский край (Ситников С.М., 2004, рис.1 – 2). Последний нож, вероятно, относится или к I или ко II группе.

Многие исследователи касались хронологии ножей с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири. Практически все они сходились на том, что рассматриваемые изделия бытовали в эпоху поздней бронзы, однако при установлении более узких дат порой возникали разногласия. Е.Н. Черных в свое время отнес данные ножи к «общности культур валиковой керамики» (Черных Е.Н., 1983, с.93), сложение которой датировал XIII/XII вв. до н.э. (Черных Е.Н., 1983, с.95). В работах последнего десятилетия для азиатских ножей с кольцевым упором и памятников, где они выявлены, предлагались даты XIII-IX вв. до н.э. (Мерц В.К., 2000, с.140), XII-VIII вв. до н.э. (Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б., 2000, с.154), IX-VIII вв. до н.э. (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001, с.97), XII-IX (VIII) вв. до н.э. (Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю., 2006, с.4), XII-X вв. до н.э. (Мерц В.К., 2006, с.77), конец II – начало I тыс. до н.э. (Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б., 2006, с.88), XIII-X вв. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 2008, с.99). Иногда рассматриваемые ножи синхронизируются с «белозерским этапом срубной культуры» (Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю., 2006, с.4). По современной периодизации белозерские памятники (в настоящее время они выделяются в белозерскую культуру) датируются XII-X вв. до н.э. (Отрощенко В.В., 2001, с.193).

Давно отмечено, что ножи с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири, находят аналогии на более западных территориях (см., например: (Аванесова Н.А., 1991, с.25; Виноградова, Н.М., 2004, с.75; Ситников С.М., 2004, с.208; Кузьмина Е.Е., 2008, с.99)). Среди интересующих нас изделий, выявленных в Восточной Европе, больше всего, как и в Азии, ножей I группы (см., например: рис.5 – 2-4). Ножи II группы (см., например: рис.5 – 5-7) по количеству стоят на втором месте, что вновь-таки коррелируется с ситуацией в Азии.

Особенно много ножей с кольцевым упором происходит из лесостепного и степного Поднепровья, что в свое время констатировал Е.Н. Черных (1976, с.121). Открытия, сделанные после публикации монографии 1976 г., лишь подтвердили данное

наблюдение. Стоит привести некоторые конкретные цифры. Отметим сразу, что ниже мы не учитываем биметаллические ножи, которые типологически близки рассматриваемым, но имеют вставной железный клинок (см., например: Тереножкин А.И., 1961, рис.70 – 2).

В Поднепровье нами учтено 28 готовых изделия и 25 литейных форм для производства рассматриваемых орудий. На территории Днепро-Донецкого междуречья, включая Приазовье, и Правобережья Среднего Донца обнаружены 10 ножей и 3 матрицы. Из Побужья происходят 4 ножа. В Северо-Западном Причерноморье выявлены 8 ножей и 2 матрицы. В Прикарпатье найдены 2 ножа. На территории Румынии – 5. К востоку от территории Украины (как, впрочем, и к западу) количество интересующих нас артефактов резко сокращается. В частности, на Среднем Дону нам известна 1 матрица, на Нижнем Дону – 5 ножей, на Северном Кавказе – 6, в Поволжье, Прикамье, и Приуралье – 9 ножей и 1 матрица.

Таким образом, одно лишь Поднепровье дало находок ножей и матриц для их производства значительно больше, чем вся Азия. Еще более показательно другое. С территории Поднепровья и Левобережной Украины происходят 28 учтенных нами находок литейных форм. Далее к востоку они единичны – по 1 в Воронежской области (Улезько В.Н., 2002, рис.2), Татарстане (Халиков А.Х., 1980, табл.41 – 1) и, как сказано выше, Туркменистане и Таджикистане. На территории зауральских областей России, в Казахстане и Сибири, насколько нам известно, матрицы для изготовления ножей с кольцевым упором до сих пор не выявлены, хотя, возможно, здесь интересующие нас изделия все-таки производились. Так, согласно данным спектрального анализа, нож из Ленинского (рис.4 – 3), вероятно, изготовлен из сырья Рудного Алтая (Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю., 2006, с.9).

Из отмеченного видно, что если в Азии ножи с кольцевым упором и отливались, то – в масштабах, намного меньших, чем в Поднепровье.

Заслуживает рассмотрения вопрос о хронологическом соотношении восточных ножей с западными. Согласно разработкам А.М. Лескова, к числу самых ранних ножей с кольцевым упором в Северном Причерноморье относятся изделия из Кабаковского и Лобойковского кладов (Leskov A.M., 1981, taf.15). Наиболее вероятная дата последних – 1400-1300 вв. до н.э. (Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002, рис.1, с.98), хотя есть и другие точки зрения (см., например: Klocko V., 1995, abb.45). Нож из Кабаковского клада имеет клинок подромбической формы (рис.5 – 1) и по этому признаку не находит аналогий в Азии. В Лобойковском кладе было 2 ножа с кольцевым упором (Klocko V., 1995, abb.24 – 6, 7). Клинок одного из них настолько сточен, что отнести его к какой-то из выделяемых нами групп трудно. Другой же нож по форме клинка соответствует изделиям I группы.

Вероятно, в Северном Причерноморье ножи II группы появляются несколько позже, чем ножи I группы. В пользу этого свидетельствует, в частности, то, что комплекс литейных форм из Красного Маяка, где были матрицы для отливки ножей II группы (рис.5 – 6), датируется позднесабатиновским временем, в отличие от Лобойковского клада, синхронного ранней сабатиновской культуре (Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002, рис.1).

Вместе с тем, ножи I группы не исчезают после появления ножей II группы. Они длительное время сосуществуют с последними, о чем свидетельствует, например, «кенотаф» из Комсомольского, Астраханская обл., который датируется XIII-XII вв. до н.э. (Отрощенко В.В., 2001, с.161-162), т.е. позднесабатиновским временем. Не исключено, что ножи I группы в Восточной Европе продолжали использоваться и в белозерское время. Показательна находка фрагмента такого ножа в Бугском кладе, Николаевская обл. (Гошко Т.Ю., 2008, рис.1 – 2). Этот клад содержал фрагмент однолезвийного черешкового ножа, находящего аналогии на белозерском поселении Дикий Сад, Николаевская обл. (Гошко Т.Ю., 2008, с.27). При раскопках Дикого Сада были выявлены и 2 ножа с кольцевым упором. Первый из них (Горбенко К.В., 2008, рис.1 – 21) настолько поврежден, что причислить изделие к какой-либо группе затруднительно. Можно лишь допускать, что это – или I, или II группа. Второй нож (Горбенко К.В., Гребенніков Ю.С., Панковський В.Б., 2005, рис.6 – 4) может быть отнесен к IV группе.

Сильно попорчен и клинок ножа, обнаруженного в погребении белозерской культуры из Зальца, 4/5, Одесская обл. (Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е.,

2005, рис.8 – 3). Лишь с некоторой натяжкой этот нож может быть отнесен ко II группе. Тем не менее, он и ножи из Бугского клада и Дикого Сада позволяют констатировать, что в белозерское время, наряду с имеющими кольцевой упор биметаллическими ножами, ножами, где максимальное расширение клинка смещено к острию (типа изделия из Ново-Александровки (Лесков А.М., 1967, рис.3 – 11-13)) и ножами с параллельными лезвиями, аналогичными артефакту из Дикого Сада, продолжали использоваться ножи I и II групп.

Среди ножей с кольцевым упором, происходящих из Азии, основная часть, очевидно, датируется временем саргарьинско-алексеевской культуры. Однако, находка такого ножа на поселении федоровской культуры Павловка, Казахстан (Зданович Г.Б., 1988, табл.10 – 12) (рис.2 – 8) позволяет сделать вывод, что рассматриваемые изделия появляются в азиатских степях еще в период, предшествующий широкому распространению на данной территории валиковой керамики. Отметим, что нож из Павловки относится к I группе. Нижняя дата федоровской культуры является дискуссионной. Согласно разработкам Г.Б. Здановича, это – середина XIV в. до н.э. (Зданович Г.Б., 1988, с.144). Е.Е. Кузьмина отнесла интересующее нас поселение к позднефедоровским памятникам, которые датировала XIII в. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 1994, с.44). Таким образом, ножи с кольцевым упором из Азии по времени являются более поздними, чем наиболее ранние их аналоги из Поднепровья.

Временем федоровской культуры, возможно, датируются также нож I группы из Намазга-депе (рис.2 – 5) и матрица для изготовления ножей данной группы из Теккем-депе (рис.2 – 10). Согласно построениям А.Я. Щетенко, обе находки относятся к 4 этапу его периодизации памятников Средней Азии, а появление саргарьинско-алексеевской керамики на этих памятниках – к 5 этапу (Щетенко А.Я., 2002, с.215-216). Правда, Е.Е. Кузьмина датировала артефакты из Намазги-депе и Теккем-депе временем саргарьинско-алексеевской культуры (по терминологии исследовательницы – памятники типа Алексеевки), т.е. XIII-XII вв. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 2008, с.74, 75). Но, независимо от даты ножей из Намазга-депе и Теккем-депе, нет надежных данных, позволяющих относить ко времени, предшествующему саргарьинско-алексеевской культуре, какие-либо ножей II группы.

Дату распространения последних в Азии позволяет установить литейная форма из Кангурттута (рис.4 – 8). Как мы полагаем, она может быть датирована достаточно узко. Поблизости от керамического развала, в котором находилась матрица, и в том же слое обнаружен фрагмент бронзового серпа (Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г., 2008, с.173; рис. 41 – 15). Типологически этот серп может быть отнесен к типу Хелештень, варианту Хелештень (Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002, с.239-250). Производство данных серпов, согласно разработкам В.С. Бочкарева и В.А. Дергачева, датируется второй половиной периода BD – первой половиной периода HaA1 (Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002, с.256), т.е. – серединой XIII – серединой XII вв. до н.э. Замечателен сам факт обнаружения рассматриваемого серпа в Таджикистане – вдали от основного ареала распространения изделий данного варианта, локализуемого, в основном, в пределах Румынской Молдовы и Прутско-Днестровского междуречья. На востоке, в пределах Восточной Европы, серпы варианта Хелештень доходят до Северского Донца (Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002, карта 28). Далее подобные изделия, за исключением артефакта из Кангурттута, нам не известны. Но в свете того, что и нож, который отливался в кангурттутской матрице, находит аналогии в Северном Причерноморье, факт обнаружения серпа варианта Хелештень в Средней Азии не должен восприниматься с чрезмерным удивлением.

Очевидно, ножи II группы использовались и позже XII в. до н.э. Об этом свидетельствует находка из «мавзолея» 4-ж Северного Тагискена (рис.4 – 7). По мнению Н.А. Итиной и Л.Т. Яблонского, могильник датируется IX-VIII вв. до н.э. (Итина Н.А., Яблонский Л.Т., 2001, с.101). Вероятно, эта дата несколько завышена (Бруяко И.В., 2005, с.137-139). Но, тем не менее, можно утверждать, что нож из Тагискена – один из самых поздних среди учтенных нами азиатских ножей с кольцевым упором.

Ножи I группы также «жили» довольно долго, что демонстрирует находка из могильника Боровое, ограда 1 (рис.3 – 2). Здесь, кроме ножа, присутствовали, в частности,

квадратное зеркало с ручкой-петелькой и сосуд донгальского типа. Согласно Е.Е. Кузьминой, комплекс может быть датирован X-IX (VIII?) вв. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 2008, с.260).

По конфигурации клинка нож из Борового довольно близок к ножам III группы. Они же, на наш взгляд, являются относительно поздними среди рассматриваемых изделий. Нож, найденный на Синташтинском поселении (рис.6 – 3), естественно, не может датироваться временем синташтинской культуры. К сожалению, из публикации обстоятельства его находки выяснить не удается.

Более конкретную дату дает нож из могильника ирменской культуры Преображенка III (рис.6 – 4). Судя по присутствию в одном из погребений бронзового ножа с треугольной аркой на кронштейне, ирменские захоронения могильника, а, соответственно, и нож с кольцевым упором, могут быть датированы VIII-VII вв. до н.э. (Михайлов Ю.И., 2000, с.157).

Интересно, что в Восточной Европе артефактов, близких азиатским ножам III группы, практически нет. На территории Украины нам известна лишь 1 находка, которая может быть с ними сопоставлена, – нож из Пилявы, Киевская обл. (Kločko V., 1995, abb.28 – 3) (рис.6 – 5). Но он найден вне комплекса, а потому дату его установить невозможно. Нож III группы происходит из могильника Красногорский I, Башкортостан (Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф., 1980, рис.3 – 2) (рис.6 – 6). Согласно М.Ф. Обыденному, памятник, который сначала считался черкаскульским, следует отнести к межовской культуре (Обыденнов М.Ф., 1985). Дата могильника – XI-IX вв. до н.э. (Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф., 1980, с.182) может быть признана нижней для ножей III группы.

Случайная находка ножа, очень близкого рассматриваемым, происходит из Бишево, Татарстан (Халиков А.Х., 1980, табл.52 – 5) (рис.6 – 7). Пока можно констатировать, что на памятниках саргарьинско-алексеевской культуры ножи III группы до сих пор не выявлены. Это позволяет допускать более позднее их появление по сравнению с ножами II группы.

Что касается даты бытования в Азии ножей IV группы, то этот вопрос можно будет рассмотреть лишь после публикации новых находок. Ситуация в Восточной Европе более ясна. Здесь подобные изделия входят в употребление лишь в белозерское время.

Итак, подведем итоги. Наиболее ранними ножами с кольцевым упором являются, вероятно, нож из Кабаковского клада и ножи I группы, причем в Поднепровье данные орудия начали производиться раньше, чем в более западных и более восточных регионах. Отсюда возможно допущение, что появление ножей с кольцевым упором в Центральной Азии и Сибири явилось не результатом развития местных ножей, как это иногда считается, а следствием влияния с запада. Идея эта не нова (см., например: Черников С.С., 1960, с.80). На определенном этапе распространились ножи II группы, но ножи I группы продолжали использоваться, причем эта «нахлестка» имела место и в Восточной Европе, и в Азии. Начиная с какого-то времени развитие ножей с кольцевым упором в Европе и в Азии пошло разными путями. В Европе на смену ножам I и II групп в белозерское время постепенно пришли ножи с параллельными лезвиями, ножи с максимальным расширением клинка, смещенным к острию, и биметаллические ножи. В Азии же получили распространение ножи III группы, но ножи I и II групп продолжали использоваться параллельно с ними до самого финала бронзового века.

Библиографический список

1. Аванесова, Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям) / Н.А. Аванесова. – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.
2. Археологическая карта Казахстана. Реестр. – Алма-Ата: Изд. АН Казахской ССР, 1960. – 487 с.
3. Бейсенов, А.З. Могильник Бегазы. Центральный Казахстан в бегазы-дандыбаевскую эпоху / А.З. Бейсенов, В.В. Варфоломеев. – Алматы, 2008. – 112 с.
4. Бруяко, И.В. Ранние кочевники в Европе. X-V вв. до Р.Х. / И.В. Бруяко. – Кишинев, 2005. – 538 с.
5. Виноградова, Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы / Н.М. Виноградова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – 299 с.

6. Виноградова, Н.М. Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха энеолита и бронзовый век) / Н.М. Виноградова, В.А. Ранов, Т.Г. Филимонова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2008. – 472 с.
7. Генинг, В.Ф. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей / В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович, В.В. Генинг. – Челябинск: Южно-Уральское книжное изд., 1992. – 408 с.
8. Горбенко, К.В. Предварительные итоги археологических исследований укрепленного поселения эпохи поздней бронзы Дикий Сад // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / К.В. Горбенко. – М., 2008. – Т. 1. – С. 384-387.
9. Горбенко, К.В. Розкопки укріпленого поселення «Дикий Сад» у 2004 р. // Археологічні дослідження в Україні 2003-2004 рр. / К.В. Горбенко, Ю.С. Гребенніков, В.Б. Панковський. – Київ; Запоріжжя: Дике Поле, 2005. – С.100-104.
10. Горбунов, В.С. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии // СА / В.С.Горбунов, М.Ф. Обыденнов. – 1980. – № 3. – С.173-182.
11. Городцов, В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды секции археологии РАНИОН / В.А. Городцов. – М., 1928. – Вып. II. – С.46-60.
12. Гошко, Т.Ю. Технологічне дослідження бронзових виробів із Бузького скарбу // Археологія / Т.Ю. Гошко. – 2008. – № 4. – С.27-33.
13. Гришин, Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // САИ / Ю.С. Гришин. – М.: Наука, 1971. – Вып. В3-12. – 90 с.
14. Грушин, С.П. Материалы эпохи бронзы из Павлоградского Прииртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века / С.П. Грушин, В.К. Мерц, Д.В. Папин, Г.Ю. Пересветов. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2006. – С.4-17.
15. Грушин, С.П. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века / С.П. Грушин, Д.В. Папин, О.А. Позднякова, Е.А. Тюрина, А.С. Федорук, С.В. Хаврин. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2009. – 160 с.
16. Дергачев, В.А. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы / В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев. – Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. – 348 с.
17. Зданович, Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей / Г.Б. Зданович. – Свердловск: Изд. Уральского ГУ, 1988. – 183 с.
18. Иванова, С.В. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра / С.В. Иванова, В.Г. Петренко, Н.Е. Ветчинникова. – Одесса, 2005. – 207 с.
19. Итина, М.А. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи / М.А. Итина, Л.Т. Яблонский. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 295 с.
20. Кадырбаев М.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки / М.К. Кадырбаев, Ж. Курманкулов. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 247 с.
21. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области // Археологический альманах. – Донецк, 1993. – № 1. – 236 с.
22. Клочко, В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000-900 рр. До Р.Х.) / В.І. Клочко. – Київ, 2006. – 337 с.
23. Кузьмина, Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев / Е.Е. Кузьмина. – М., 1994. – 464 с.
24. Кузьмина, Е.Е. Арии – путь на юг / Е.Е. Кузьмина. – М. – СПб., 2008. – 258 с.
25. Левицкий, О.Г. Бронзовые изделия раннегальштатской культуры с каннелированной керамикой Восточно-Карпатского региона // Revista Arheologica / О.Г. Левицкий. – 1993. – № 1. – P. 54-75.
26. Лесков, А.М. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР / А.М. Лесков. – Киев: Наукова думка, 1967. – С.143-184.
27. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана // Маргулан А.Х. Сочинения / А.Х. Маргулан. – Алматы: Атам¥ра, 1998. – Т. 1. – 400 с.
28. Мерц, В.К. Новые находки бронзовых изделий из Павлоградского Прииртышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая / В.К. Мерц. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2000. – Вып. XI. – С.138-140.

29. Мерц, В.К. Археологические исследования в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века / В.К. Мерц. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2006. – С.73-82.
30. Михайлов, Ю.И. К вопросу о коллективных захоронениях в ирменской погребальной традиции // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая / Ю.И. Михайлов. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2000. – Вып. XI. – С.156-157.
31. Молодин, В.И. Бараба в эпоху бронзы / В.И. Молодин. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
32. Обыденнов, М.Ф. Ареал межовской культуры позднего бронзового века и характеристика поселений на южном Урале // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья / М.Ф. Обыденнов. – Челябинск, 1985. – С.120-141.
33. Отрощенко, В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) / В.В. Отрощенко. – Київ, 2001. – 288 с.
34. Папин, Д.В. Металлообработка бронзовых изделий на поселении эпохи поздней бронзы Рублево-VI // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века / Д.В. Папин, И.А. Дураков, А.С. Федорук. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2006. – С.107-116.
35. Папин, Д.В. Находки бронзовых предметов с территории Кулундинской степи // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века / Д.В. Папин, А.С. Федорук, А.Б. Шамшин. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2006. – С.83-96.
36. Папин, Д.В. Материалы эпохи поздней бронзы из Южной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая / Д.В. Папин, О.А. Ченских, А.Б. Шамшин. – Барнаул: Изд. Алтайского ГУ, 2000. – Вып. XI. – С.152-155.
37. Ситников, С.М. Два кинжала эпохи поздней бронзы с территории Лесостепного Алтая // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности. Материалы XLIV Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых / С.М. Ситников. – Кемерово, 2004. – С.208-209.
38. Тереножкин, А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье / А.И. Тереножкин. – Киев: Изд-во АН УССР, 1961. – 248 с.
39. Улезько, В.Н. Новые находки литейных форм эпохи поздней бронзы в Лесостепном Подонье // Археологические памятники Восточной Европы / В.Н. Улезько. – Воронеж, 2002. – С.105-107.
40. Халиков, А.Х. Приказанская культура // САИ / А.Х. Халиков. – М.: Наука, 1980. – Вып. В1-24. – 129 с.
41. Черников, С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА / С.С. Черников. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1960. – № 88. – 272 с.
42. Черных, Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР / Е.Н. Черных. – М.: Наука, 1976. – 304 с.
43. Черных, Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Е.Н. Черных. – Челябинск, 1983. – С.81-99.
44. Щетенко, А.Я. Литейные формы эпохи поздней бронзы с поселения Теккем-депе (Южный Туркменистан) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова) / А.Я. Щетенко. – Запорожье, 1999. – С.271-278.
45. Щетенко, А.Я. Основные этапы разработки археологической периодизации эпохи поздней бронзы Средней Азии // Історична наука: проблеми розвитку / А.Я. Щетенко. – Луганськ: Вид. СНУ ім. В. Даля, 2002. – С.204-221.
46. Kločko, V. Zur Bronzezeitelichen bewaffnung in der Ukraine. Die Metallwaffen des 17. – 10. Jhs. Chr. // EA / V. Kločko. – Berlin, 1995. – B. 1. – S.81-163.
47. Leskov, A.M. Jung- und spatbronzezeitliche Depotfunde im nordlichen Schwarzmeergebiet (Depots mit einheimischen Formen) // Prahistorishe bronzefunde / A.M. Leskov. – Münhen: C.H. Beck'sche verlagsbuchhandlung, 1981. – Ab. XX. – B. 5 – 130 s.

Список сокращений

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
EA – Eurasia Antiqua (Berlin)

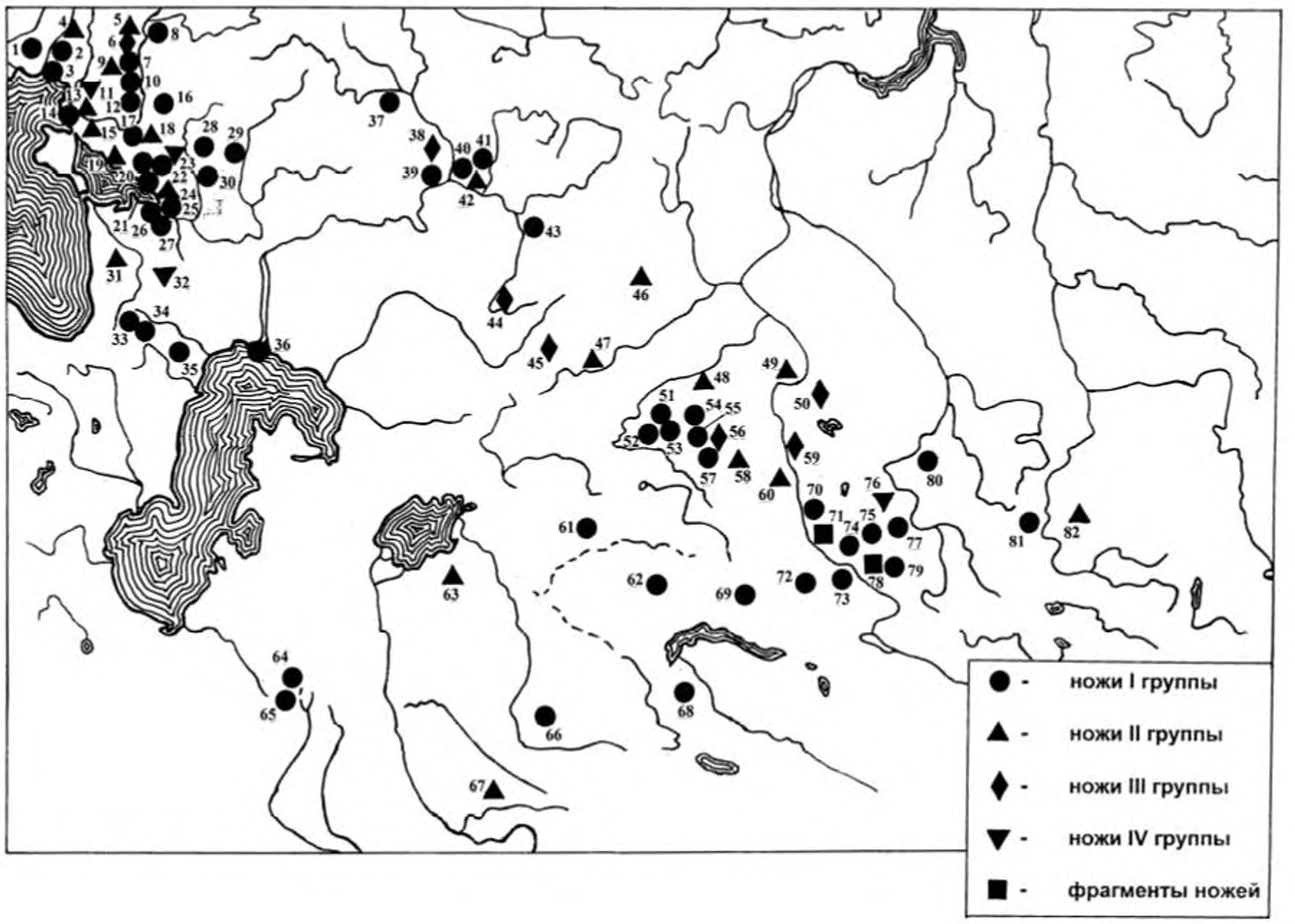

Рис.1 Карта распространения ножей с кольцевым упором (готовые изделия и матрицы):

1 – Березовка; 2 – Гояны; 3 – Салганы; 4 – Красный Маяк; 5 – Мазепинцы; 6 – Пилява; 7 – Хмельна; 8 – Головуров; 9 – Таращанский район; 10 – Выдумка; 11 – Дикий Сад; 12 – Днепро-Каменка; 13 – Кучугуры; 14 – Малые Копани; 15 – Солонцы; 16 – Буланово; 17 – Ганновка; 18 – Вязовок; 19 – Андрово; 20 – Кременевка; 21 – Новоазовск; 22 – Макеевка; 23 – Богородичное; 24, 25, 27 – Новочеркасский музей; 26 – Дугино; 28 – Сватово; 29 – Белогорье; 30 – Трехизбенка; 31 – Удобная; 32 – Ипатово; 33 – Курп; 34 – Заюков; 35 – Бажиган; 36 – Комсомольское; 37 – Садовый Бор; 38 – Бишево; 39 – Монастырское; 40 – Маркиз; 41 – Малмыжа; 42 – Грохань; 43 – Ново-Кизганово II; 44 – Красногорский I; 45 – Синташта; 46 – Кочневск; 47 – Алексеевское; 48 – Ильинка; 49 – Черноозерье; 50 – Преображенка III; 51 – Якши-Янгизтау; 52 – Саргары; 53 – Павловка; 54 – Боровое; 55 – Кольба; 56 – Степняк; 57 – Челкар; 58 – Бес-Тюбе; 59 – Моисеевка; 60 – Ленинский; 61 – Улутау; 62 – Атасу; 63 – Северный Тагискен; 64 – Намазга («Вышка»); 65 – Теккем-депе; 66 – Ташкентская область; 67 – Кангурттут; 68 – Алмаатинская область; 69 – Кент; 70 – Пресное; 71 – Семиярка; 72 – Семипалатинская область; 73 – Пролетарка; 74 – Рублево VI; 75 – Поспелихинский район; 76 – Калиновка II; 77 – Клепиково; 78 – Чекановский Лог VII; 79 – Третьяковский район; 80 – Бердск; 81 – Кривошеино; 82 – Каратуз.

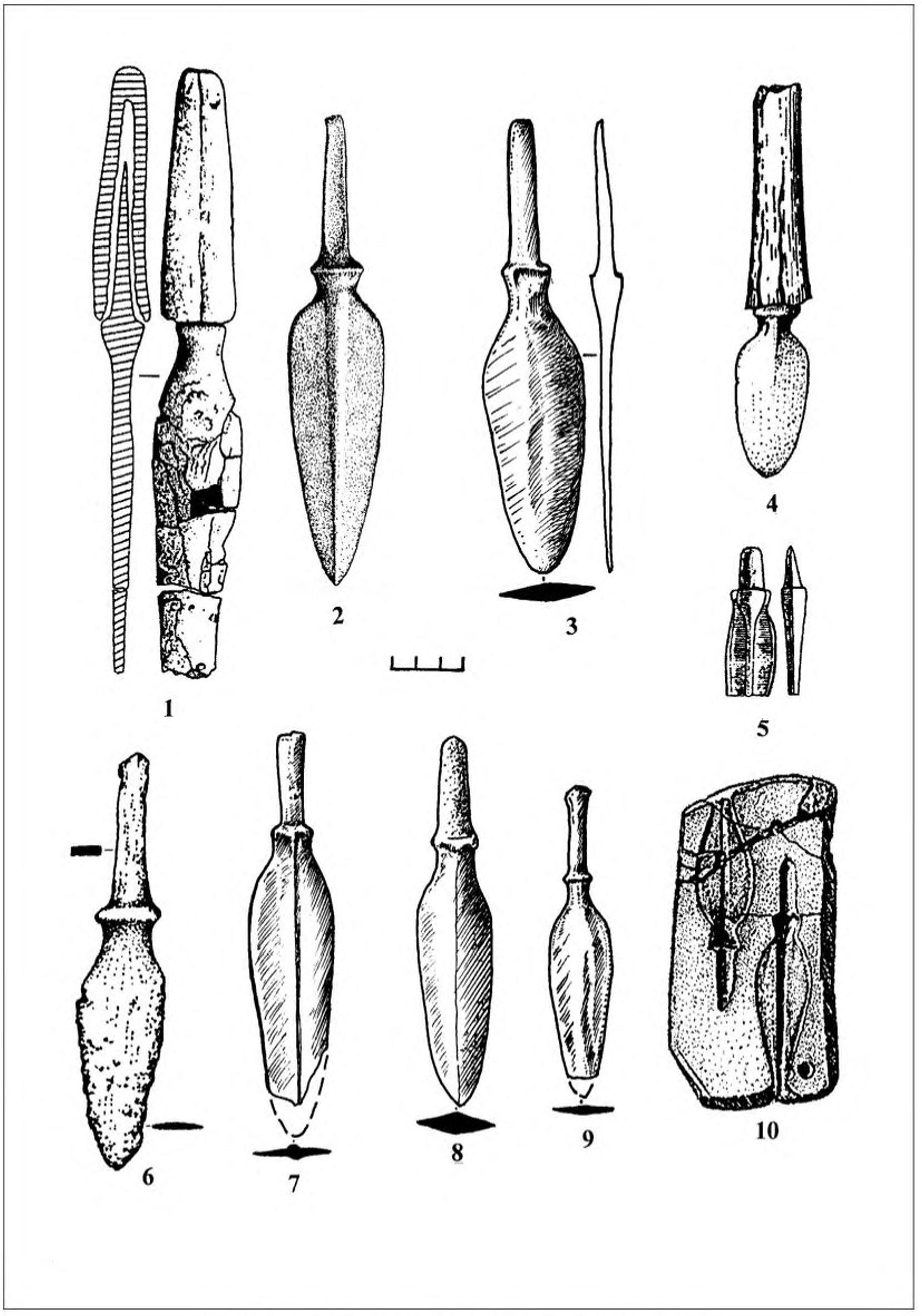

Рис.2 Ножи и матрица I группы из Азии:

1 – Рублево VI; 2 – Поспелихинский район; 3 – Саргары; 4, 6 – Кент; 5 – Намазга-депе; 7 – Якши-Янгизтау; 8 – Павловка; 9 – Семипалатинская область; 10 – Теккем-депе (1 – по: Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б., 2000; 2 – по: Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б., 2006; 3, 7, 9 – по: Аванесова Н.А., 1991; 4, 6 – по: Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., 2008; 5 – по: Щетенко А.Я., 2002; 8 – по: Зданович Г.Б., 1988; 10 – по: Щетенко А.Я., 1999).

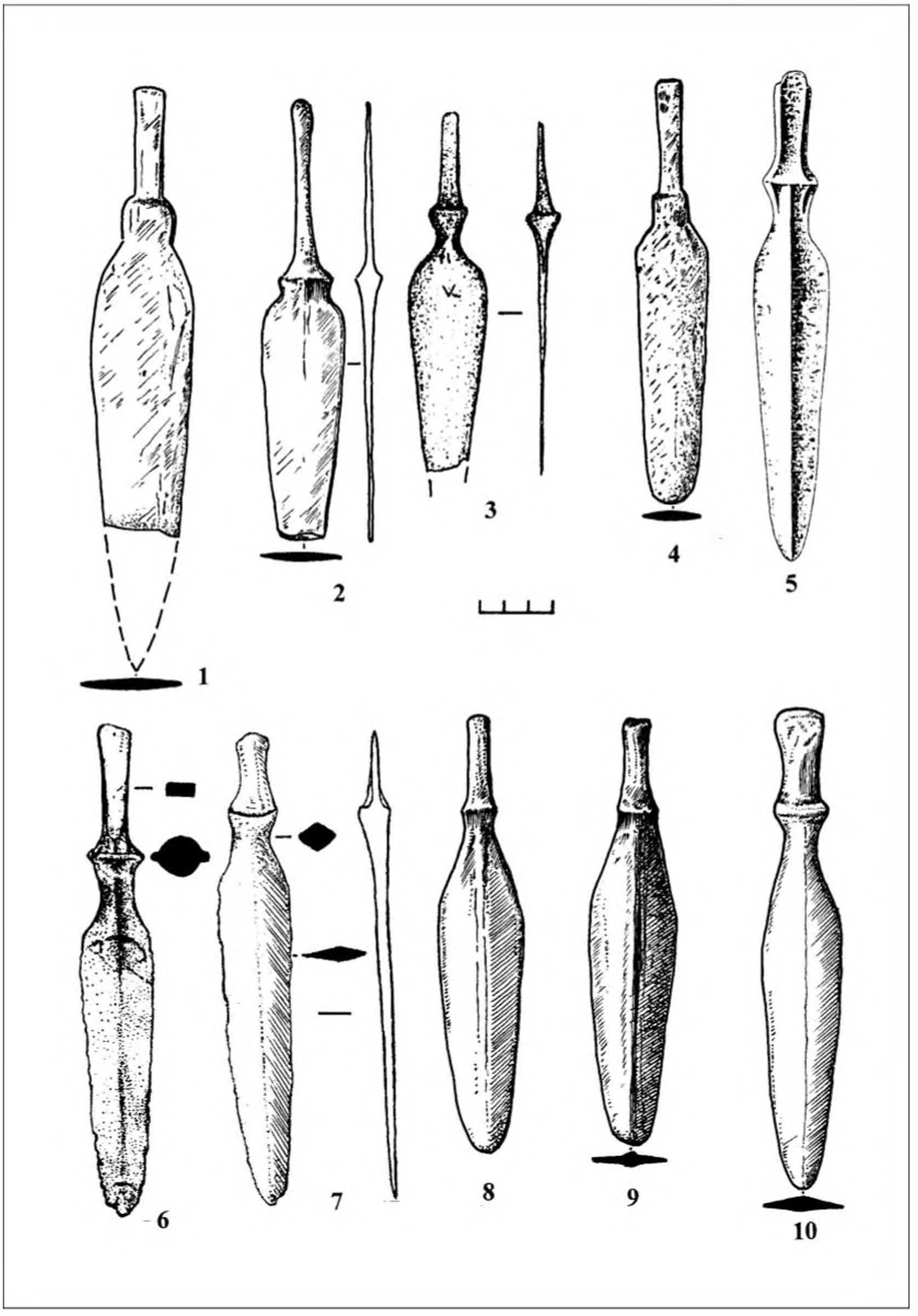

Рис.3 Ножи I группы из Азии:

1 – Пресное; 2 – Боровое; 3 – Клепиково; 4 – Кольба; 5 – Ташкентская область; 6 – Бердск; 7 – Третьяковский район; 8 – Улутау; 9 – Алмаатинская область; 10 – Кривошеино (1, 2, 4, 5, 8-10 – по: Аванесова Н.А., 1991; 3, 7 – по: Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В., 2009; 6 – по: Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б., 2006).

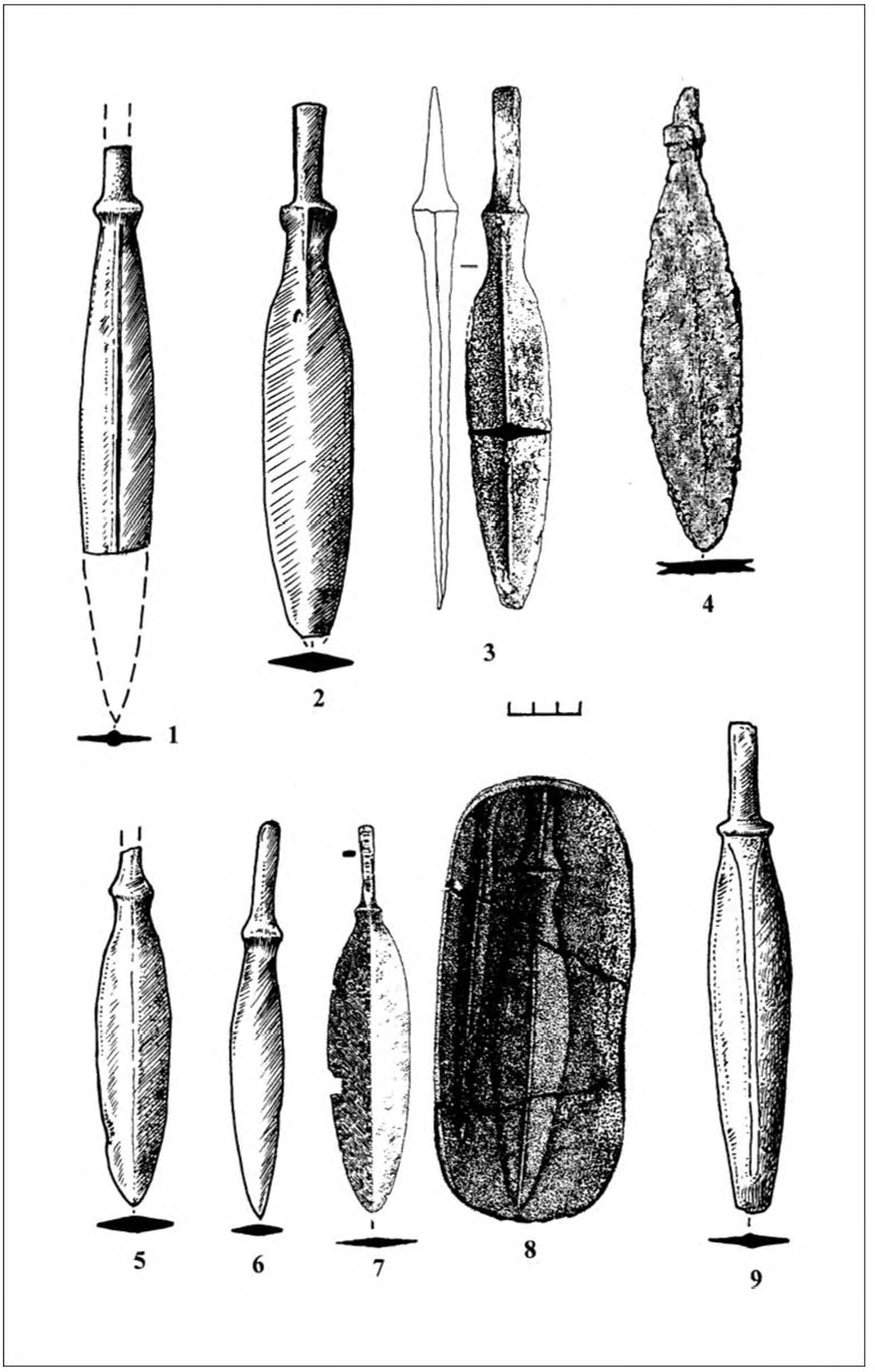

Рис.4 Ножи и матрица II группы из Азии:

1 – Каратуз; 2 – Бес-тюбе; 3 – Ленинский; 4 – Алексеевское; 5 – Черноозерье I; 6 – Кочневск; 7 – Северный Тагискен; 8 – Кангурттут; 9 – Ильинка (1, 2, 5, 6, 9 – по: Аванесова Н.А., 1991; 3 – по: Мерц В.К., 2000; 4 – по: Кривцова-Гракова О.А., 1948; 7 – по: Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001; 8 – по: Виноградова Н.М., 2004).

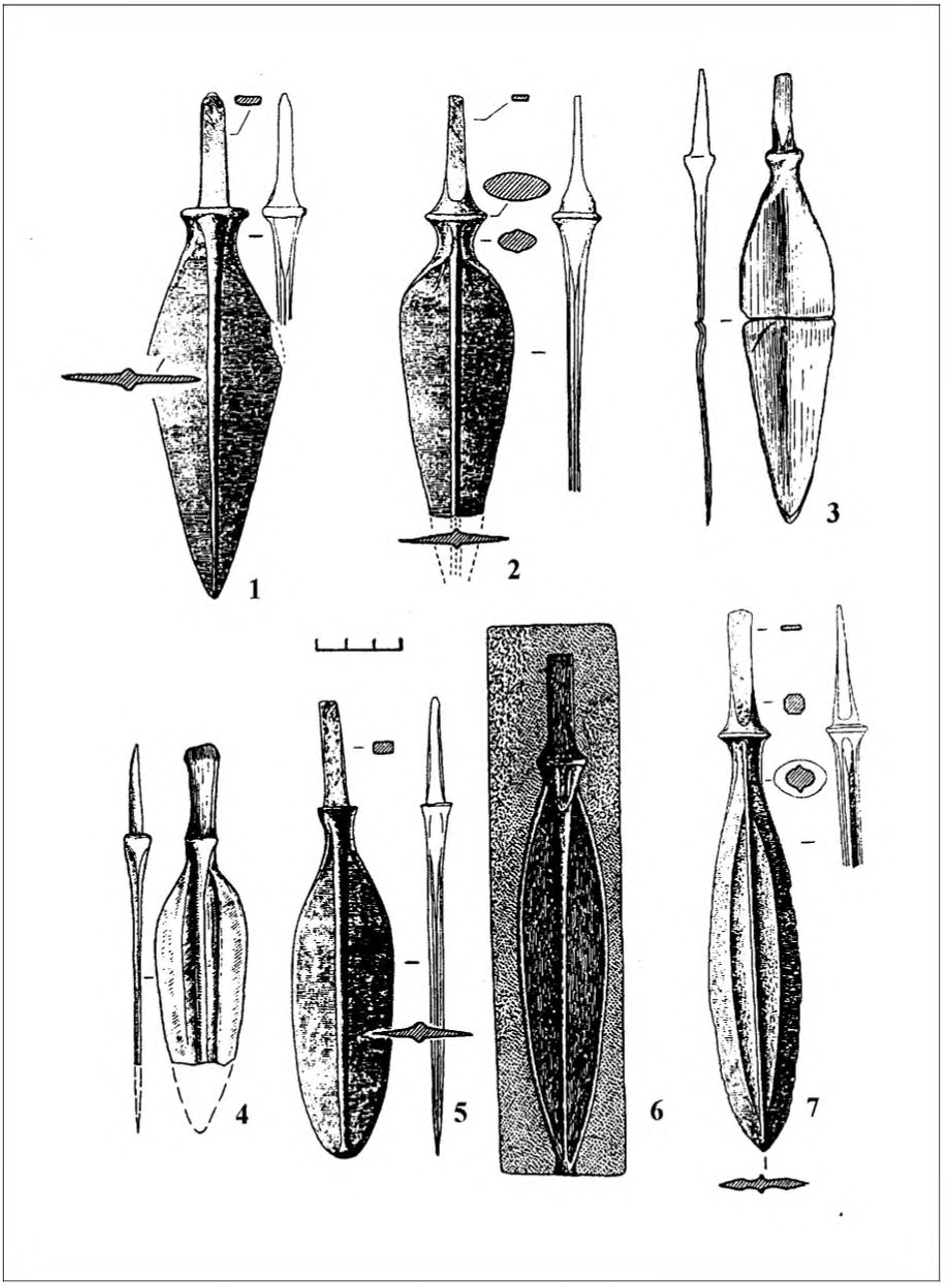

Рис.5 Ножи и матрица из Восточной Европы:

1 – Кабаково; 2 – Хмельна; 3 – Новоазовск; 4 – Сватово; 5 – Херсонская область; 6 – Красный Маяк; 7 – Думанцы (1, 2, 5-7 – по: Kločko, 1995; 3-4 – по: Каталог случайных находок.., 1993).

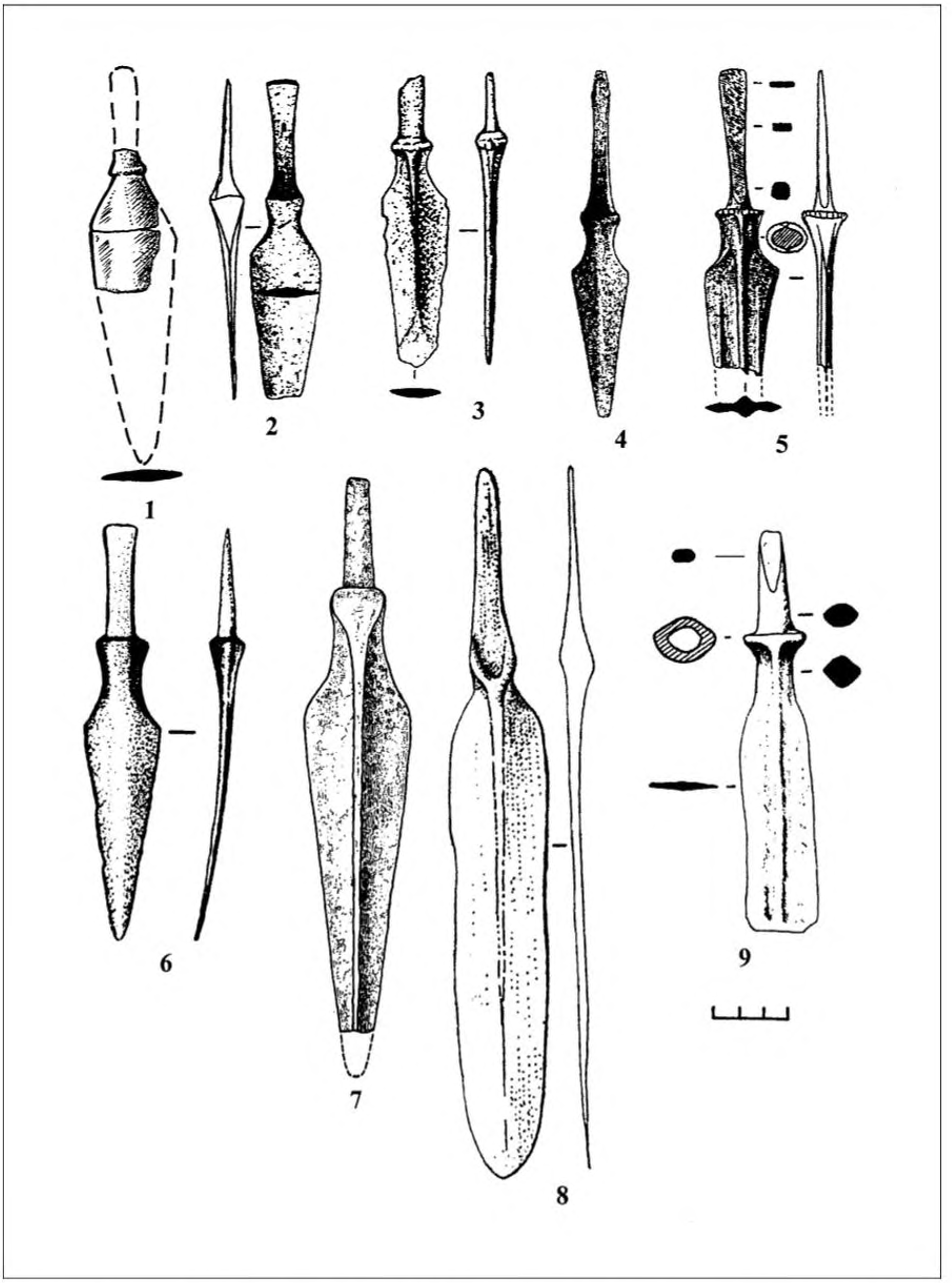

Рис.6 Ножи III (1-7) и IV (8, 9) групп из Азии (1-4, 8) и Восточной Европы (5-7, 9):

1 – Степняк; 2 – Моисеевка; 3 – Синташта; 4 – Преображенка III; 5 – Пилява; 6 – Красногорский I; 7 – Бишево; 8 – Калиновка II; 9 – Богородичное (1 – по: Аванесова Н.А., 1991; 2 – по: Мерц В.К., 2000; 3 – по: Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992; 4 – по: Молодин В.И., 1985; 5 – по: Kločko, 1995; 6 – по: Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф., 1980; 7 – по: Халиков А.Х., 1980; 9 – по: Каталог случайных находок .., 1993).

Худяков Ю.С.
(г. Новосибирск, Россия)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ДОЛИНЕ Р. ЭДИГАН
(по материалам работ Южносибирского отряда ИАЭТ СО РАН в 1988-2008 гг.)

Долина р. Эдиган, правого притока Катуни, насыщена археологическими памятниками, относящимися к разным историческим эпохам в хронологическом диапазоне со времени освоения этой территории в каменном веке до этнографической современности. В историко-культурном отношении археологические памятники, расположенные в этой долине, относятся к Среднекатунскому археологической микрорайону, охватывающему долины р. Катунь и ее притоков в среднем течении этой реки. Изучение археологических памятников Средней Катуни началось в первые десятилетия XX в. (Кубарев В.Д., 1990, с. 7). В 1964-1969 гг. археологические исследования в этом районе, по инициативе академика А.П. Окладникова, проводила Е.М. Берс. В долине «Голубого Эдигана», как она назвала этот приток Катуни, на поверхности распаханной речной террасы, была собрана большая коллекция каменных изделий (Худяков Ю.С., 2008, с. 14). В дальнейшем, в середине 1970-х гг., эта стоянка, расположенная на левом берегу р. Эдиган, исследовалась Б.Х. Кадиковым и Б.И. Лапшиным (Лапшин Б.И., 1977, с. 215). В 1981 и 1982 гг. памятники в приустьевой части долины р. Эдиган были обследованы А.С. Суразаковым и Л.М. Чевалковым. Была обследована стоянка на левобережной террасе, на поверхности которой собраны каменные орудия и остатки каменной индустрии, отнесенные к эпохам верхнего палеолита и мезолита (Суразаков А.С., Чевалков Л.М., 1983, с. 29-31).

В середине 1980-х гг., в связи с планами строительства Катунской ГЭС, в долине р. Эдиган, часть которой также должна была попасть в зону затопления, проводилось сплошное обследование и фиксация археологических памятников. В 1983 и 1984 г. М.Т. Абдулганеевым было зафиксировано несколько памятников в приустьевой части долины р. Эдиган (Абдулганеев М.Т., 1985, с. 189; Абдулганеев М.Т., 1986, с. 165). В 1984 и 1988 гг. на этом памятнике, расположенном на левом берегу р. Эдиган, изучавшимся ранее Е.М. Берс и Б.И. Лапшиным, проводил раскопки Л.М. Чевалков (Чевалков Л.М., 1986, с. 130-148). В приустьевой части долины р. Эдиган обнаружено четыре местонахождения с каменным инвентарем (Чевалков Л.М., 1990, с. 201). В результате анализа материалов раскопок поселения Эдиган V, Л.М. Чевалков пришел к выводу, что обнаруженные им изделия из камня, бронзы, кости и фрагменты керамических сосудов могут относиться к неолиту и афанасьевской культуре раннего бронзового века (Чевалков Л.М., 1990, с. 209). В 1989 и 1990 гг. археологическим отрядом Алтайского госуниверситета на правом берегу р. Эиган, близ ее устья, было раскопано 9 курганов на памятниках Верх. Тельтехмень-I и Верх. Тельтехмень-IV. Согласно определению Н.Ф. Степановой, раскопанные курганы должны относиться к эпохе бронзы и раннескифскому времени (Степанова Н.Ф., 1997, с. 64).

Автором настоящей статьи полевые исследования в долине р. Эдиган начали проводиться в 1988 г. В течение первых лет они велись в составе Катунского отряда Алтайской экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН, а в последующие годы Южносибирского отряда ИАЭТ СО РАН и НГУ. В 1988-1994 гг. полевые изыскания были сосредоточены в проектируемой зоне затопления Катунской ГЭС (Худяков Ю.С., 1994, с. 59-62). В 1995-1996 гг. полевые исследования на Средней Катуни, включая поиск и картографирование археологических памятников в долине р. Эдиган, проводились в рамках Федеральной целевой программы «Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации» (Худяков Ю.С., 1996, с. 376). В последующие годы археологические исследования в долине р. Эдиган проводились Южносибирским отрядом в рамках различных программ СО РАН и Рособразования. За истекшие годы в ходе поисковых маршрутов автором настоящей статьи в долине р. Эдиган и ее левого притока р. Каинзара было обнаружено большое количество памятников, на нескольких из

них проведены раскопки. Один из памятников, могильник Усть-Эдиган, был обнаружен сотрудницей отряда М.В. Мороз и в течение ряда лет изучался ею и автором статьи. Памятники, обнаруженные и частично раскопанные ранее другими исследователями в приустьевой части долины р. Эдиган, в данной статье не описываются, поскольку автор не располагает материалами этих исследований.

1. Памятник Абы. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от с. Эдиган. Три пологие, интенсивно задернованные, крадратные каменные выкладки, площадью 3х3 м, высотой 0,1 м. Ориентированы сторонами по сторонам света (рис. I – 1).

2. Одиночный курган Агыр. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 0,8 км от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, округлая каменная насыпь, диаметром 8 м, высотой 0,3 м, сооруженная из массивных и мелких скальных обломков (рис. I – 2).

3. Памятник Адган. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган. В 6 км от с. Эдиган. Две пологие. Интенсивно задернованные, овальные западины, площадью 2х1 м, глубиной 0,1 м, ориентированы длинной осью по линии север-юг (рис. I – 3).

4. Одиночная оградка Адылда. Расположена на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 2,1 км от с. Эдиган. Пологая, слабо задернованная, округлая оградка, диаметром 4 м, высотой 0,1 м, сооруженная из массивных скальных обломков (рис. I – 4).

5. Памятник Ак-Баш. Расположен на правом берегу р. эдиган, на склоне горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 4,8 км от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, овальная каменная выкладка, площадью 2х1 м, высотой 0,1 м. сложенная из массивных и мелких скальных обломков. Ориентирована длинной осью по линии северо-запад-юго-восток (рис. I – 5).

6. Группа курганов Ак-Кара-Бом. Расположена на правом берегу р. Эдиган, на склоне увала горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 2,2 км от с. Эдиган. Включает 4 пологих, интенсивно задернованных, округлых каменных насыпи, диаметром 6-8 м, высотой 0,2-0,3 м, сложенных из массивных и мелких скальных обломков. Площадь памятника была частично снесена при расширении дороги. В 2000 г. на памятнике раскопано 2 кургана. Под насыпями находились могильные ямы, на дне которых скелеты погребенных людей, один из которых почти полностью истлел. В могилах найдены лепные керамисечкие сосуды, кости овец от заупокойной пищи, бронзовые и железные ножи, крюки и зеркало. Раскопанные курганы относятся к позднему этапу пазырыкской культуры (Худяков Ю.С., Плотникова А.В., Миронов В.С., 2000, с. 424-428) (рис. I – 6).

7. Одиночный курган Аксас. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на склоне горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 1,7 км от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, овальная каменная выкладка, площадью 2х1 м, высотой 0, 1 м, сложенная из массивных и мелких скальных обломков. Ориентирована длинной осью по лини запад-восток. Выкладка была повреждена. На поверхности вывернута кость животного. Выкладка раскопана в 1997 г. Дополнительных конструкций и находок не обнаружено (рис. I – 7).

8. Группа курганов Атудар. Расположена на правом берегу р. Эдиган, на высокой террасе, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 2,1 км от с. Эдиган. Включает две пологих, оинтенсивно задернованных, округлых каменных насыпи, диаметром 5 и 11 м, высотой 0,1-0,3 м. сооруженных из массивных и мелких скальных обломков (рис. I – 8).

9. Поселение Бедик. Расположен на левом берегу р. Эдиган, на высакой террасе, у подножья горы, к востоку от проселочной дороги, в 4,5 км от с. Эдиган. На пологом склоне террасы, на поверхности песчаных обнажений, на площади 60х70 м, обнаружены фрагменты керамики и железное шило. Памятник относится к раннему железному веку (рис. I – 9).

10. Памятник Беш-Бильдыр. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на первой надпойменной террасе, к югу от дороги Чемал-Эдиган, в 2,5 км от с. Эдиган. На площади террасы зафиксировано две пологих, интенсивно задернованных, округлых западины, диаметром 5-6 м, глубиной 0,3-0,4 м. На поверхности обнажения песчаного склона террасы найдено три фрагмента лепных керамических сосудов, два из них с

елочным орнаментом. В 1999-2000 гг. на площади памятника раскопано три шурфа, однако культурный слой не выявлен. На площади одного из шурфов обнаружена яма, заполненная камнями, костями овец и коз. В яме найдена железная катушка. Раскопанный объект относится к периоду этнографической современности (рис.I – 10).

11. Поминальник Биченег. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на увале горного отрога, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 3 км от с. Эдиган. Включает 13 пологих, интенсивно задернованных, квадратных каменных оградок, площадью от 2х2 до 4х4 м, высотой 0,1-0,2 м и одну округлую оградку, диаметром 2 м, высотой 0,1 м, сооруженных из массивных и мелких скальных обломков. Ориентированы сторонами по сторонам света. С восточной стороны от наиболее крупных квадратных оградок и округлой оградки были установлены вертикальные каменные стелы. Оградки сооружены рядами, ориентированными с севера на юг. Памятник раскопан в 2000-2003 гг. Внутри оградок на уровне древнего горизонта обнаружены остатки поминальных тризн и железные предметы быта, вооружения и конской сбруи. В двух оградках находились ямки, забутованные камнями. В одной из ямок был развал костей лошади. С западной стороны у стенки наиболее крупной оградки находились раздавленные керамические сосуды. Памятник относится к древнетюркской культуре эпохи раннего средневековья (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2001, с. 146; Худяков Ю.С., Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., 2000, с. 417-423; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001, с.466; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2002, с. 480; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2003, с. 510-515) (рис. I – 11).

12. Группа курганов Бузургаш. Расположена на высокой террасе правого берега р. Катунь, к югу от устья р. Эдиган, к западу от дороги Чемал-Куюс, в 8,5 км от с. Куюс (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 147-148). Включает две округлых, сильно задернованных, округлых каменных насыпи, диаметром 3 м, высотой 0,1 м, сложенных из скальных обломков (рис. I – 12).

13. Памятник Буру-Алты. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на склоне горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган. В 4,1 км от с. Эдиган. Пять пологих, интенсивно задернованных и заросших кустами караганы, овальных каменных выкладок, площадью от 2х1 до 4х2 м, высотой 0,1-0,2 м, сложенных их из массивных и мелких скальных обломков. Ориентированы длинной осью по линии запад-восток (рис. I – 13).

14. Памятник Верхний Аговый лог. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на пологом склоне сухого лога, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 5 км от с. Эдиган. Три пологих, интенсивно задернованных, овальных каменных выкладки, площадью 4х2 и 4х3 м, высотой 0,2 м, сложенных из крупных и мелких скальных обломков. Ориентированы длинной осью по линии запад-восток и юго-запад-северо-восток (рис. I – 14).

15. Одиночная выкладка Дямантел. Расположена на правом берегу р. Эдиган, на первой надпойменной террасе, в 1,9 км вверх по течению от с. Эдиган. Пологая. Интенсивно задернованная, округлая каменная выкладка, диаметром 2 м, высотой 0,1 м, сооруженная из массивных скальных обломков (рис. I – 15).

16. Группа курганов Идыхта. Расположена на правом берегу р. Эдиган, на первой надпойменной террасе, в 2,9 км вверх по течению от с. Эдиган. Включает две пологие, интенсивно задернованные, округлые каменные насыпи, диаметром 2-3 м, высотой 0,2-0,4 м, сооруженные из речных валунов (рис. I – 16).

17. Памятник Каинзарах. Расположен на левом берегу р. Эдиган, на увале горы, к югу от дороги Чемал Эдиган, в 8 км от с. Эдиган. Включает пологую, интенсивно задернованную округлую каменную насыпь, диаметром 11,5 м, высотой 0,3 м, сложенную из массивных скальных обломков, с глубокой западиной в центре и две прямоугольных каменных выкладки, площадью 2,2х2 и 4х3 м, высотой 0,3-0,5 м, сложенных из масивных скальных обломков и валунов. Курган № 1 был раскопан в 1995 г. Под насыпью выявлена, овальная могильная яма, площадью 2,5х1,8 м, глубиной 2,9 м. Погребение полностью разграблено. Вдоль северной стенки сохранился скелет лошади с подогнутыми ногами с обрывками фольги на черепе. На дне могилы остатки истлевшего дерева и обломок нижней челюсти взрослого человека.

Курган относится к позднему этапу пазырыкской культуры раннего железного века (рис. I – 17).

18. Одиночная курган Кам-Детхан. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 1,8 км от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, прямоугольная каменная насыпь с каменным ящиком в центре, диаметром 7 м, высотой 0,1 м, сложенная из массивных и мелких скальных обломков. В 1997 г. курган раскопан. По периметру насыпи с северной и южной сторон прослеживаются крупные камни крепиды. В центре насыпи находился прямоугольный каменный ящик, сооруженный из вертикально врытых крупных каменных плит. У ящика не было восточной стенки. Внутри ящика и в восточной части насыпи найдены фрагменты лерных керамических сосудов. Памятник относится к майэмирской культуре раннего железного века (рис. I – 18).

19. Памятник Карагай. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на пологом склоне горы, к северу от дороги Чемал-эдиган, в 4,2 км от с. Эдиган. Пологая, слабо задернованная. Овальная каменная выкладка, площадью 3х2 м, высотой 0,1 м, сложенная из массивных скальных обломков. Ориентирована длинной осью по линии север-юг (рис. I – 19).

20 Памятник Каралык. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на седловине горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 6,1 км от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, овальная каменная выкладка, площадью 1,5х1 м, высотой 0,1 м, сложенная из массивных скальных обломков. Ориентирована длинной осью по линии север-юг (рис. I – 20).

21. Поминальник Кишнег-Атудар. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на склоне увала, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 1 км от с. Эдиган. Включает 6 пологих, квадратых каменных оградок, площадью от 1,5х1,5 м до 4х4 м, высотой 0,1 м, сооруженных из массивных скальных обломков. Ориентированы сторонами по сторонам света. У одной оградки с западной стороны установлена вертикальная каменная стела. Оградки сооружены в ряд, ориентированный с севера на юг. Одна небольшая оградка пристроена к более крупной оградке с восточной стороны. Одна оградка сооружена обособленно вне ряда. Памятник раскопан в 2001 г. Внутри оградок обнаружены кости животных, фрагменты керамики, керамический сосуд, предметы быта и вооружения. В одной из оградок была захоронена лошадь. В двух оградках находок не было. Памятник относится к древнетюркской культуре эпохи раннего средневековья (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001, с. 467-469) (рис. I – 21).

22. Местонахождение Кишнег-Лог. Расположено на правом берегу р. Эдиган, на пологом склоне сухого лога, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 1,1 км от с. Эдиган. На поверхности горной тропы обнаружен фрагмент лепного керамического сосуда раннего железного века (рис. I – 22).

23. Памятник Кишнег-Салхындовый Лог. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на на увале горного склона, к севру от дороги Чемал-Эдиган, в 0,3 км от с. Эдиган. Включает три пологие, интенсивно задернованные, квадратные каменные оградки, площадью 2х2 м, высотой 0,1 м, сооруженные из массивных и мелких скальных обломков. Ориентированы сторонами по сторонам света. Расположены в ряд с севера на юг (рис. I – 23).

24. Памятник Кишнег-Увал. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на пологом склоне горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 0,9 км от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, квадратная каменная выкладка, площадью 2х2 м, высотой 0,1 м, сложенная из массивных и мелких скальных обломков. Ориентирована сторонами по сторонам света (рис. I – 24).

25. Памятник Кок-Саир. Расположен на левом берегу р. Эдиган, на высокой террасе, у подножья горы, в 4,6 км к западу от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, овальная каменная выкладка, площадью 4х2 м, востой 0, 1 м, сложенная из массивных и мелких скальных обломков. Ориентирована длинной осью по линии северо-запад-юго-восток (рис. I – 25).

26. Могильник Кок-Эдиган. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на высокой террасе, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 2 км от с. Эдиган. Включает 13 пологих,

интенсивно задернованных и заросших кустарником округлых и овальных каменных насыпей, диаметром 9-11 м, высотой 0,2-0,3 м и 7 округлых каменных выкладок, диаметром 3 м, высотой 0,1 м, сложенных из массивных и мелких скальных обломков. Площадь памятника повреждена при прокладке автомобильной дороги и двух силосных траншей. В 1995-1999 гг. на памятнике было раскопано 20 курганов и два шурфа поперек силосной траншеи. Под насыпями находились могильные ямы, внутри которых сильно истлевшие бревенчатые срубы. В могилах находились одиночные и парные захоронения людей, некоторые из них с лошадьми. Мужчин хоронили с оружием, женщин с украшениями. Всем умершим помещали заупокойную пищу и сосуды. Под насыпью одного кургана находилось захоронение с конем в грунтовой яме с бронзовой серьгой, железным ножом и костяной цуркой. Под насыпью другого кургана погребение по обряду кремации в неглубокой ямке с оружием и предметами конского убранства. В насыпи одного из курганов находилось впускное захоронение по обряду частичной кремации с предметами конской сбруи. В насыпи и заполнении могильной ямы другого кургана находилось два впускных захоронения с керамическими сосудами и железными предметами. Среди раскопанных курганов 9 относятся к пазырыкской культуре раннего железного века, 1 – к древнетюркской культуре раннего средневековья, 1 – к культуре енисейских кыргызов развитого средневековья, 2 впускных погребения – к хунно-сяньбийской эпохе, 1 впускное захоронение – к эпохе позднего средневековья (Худяков Ю.С., Миронов В.С., 1997, с. 310-313; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Плотникова А.В., 1999, с. 300-305; Худяков Ю.С., 2000а, с. 202-215; Худяков Ю.С., 2000б, с. 180-193) (рис. I – 26).

27. Одиночный курган Кок-Эдиган-эке. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на склоне горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 1,9 км от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная овальная каменная насыпь, площадью 4х2,4 м, высотой 0,1 м, сложенная из массивных скальных обломков. Ориентирована длинной осью по линии запад восток. Раскопана в 1996 г. Под насыпью находилась могильная яма, перекрытая жердями и берестой. На дне ямы, на берестяной подстилке лежал скелет взрослого человека, вытянуто, головой на восток. На поясе фрагмент лепного керамического сосуда, деревянная трубка, в зубах железный мундштук. Памятник относится к эпохе позднего средневековья (рис. I – 27).

28. Памятник Кок-Эдиган-ус. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на склоне увала горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 2 км от с. Эдиган. Две пологие, интенсивно задернованные, овальные каменные выкладки, площадью 2х1 м, высотой 0,1 м, сложенные из массивных и мелких скальных обломков. Ориентированы длинной осью по линии север-юг (рис. I – 28).

29. Местонахождение Кыгып. Расположено на правом берегу р. Эдиган, на высокой надпойменной террасе. К северу от дороги Чемал-Эдиган, в 1,9 км от с. Эдиган. На полотне проселочной дороги, на поверхности найдено два фрагмента лепного, не орнаментированного сосуда (рис. I – 29).

30. Одиночная выкладка Кызыл-Таш. Расположена на правом берегу р. Эдиган, на левой надпойменной террасе, к югу от дороги Чемал-Эдиган, в 5 км от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, прямоугольная каменная выкладка, площадью 1,1х1 м, высотой 0,1 м, сложенная из массивных валунов и скальных обломков. Ориентирована длинной осью по линии запад-восток (рис. I – 30).

31. Группа курганов Кызылгак. Расположена на правом берегу р. Эдиган, на первой надпойменной террасе, к северу от проселочной дороги, в 1 км от с. Эдиган. Включает три пологих, интенсивно задернованных, округлых каменных насыпи, диаметром 5-10 м, высотой 0,1-0,2 м, сооруженных из массивных и мелких скальных обломков. В центрое одной насыпи пологая западина (рис. I – 31).

32. Одиночный курган Кыпчыл. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 4 км от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, неправильной формы округлая каменная насыпь, диаметром 5 м, высотой 0,1 м. На поверхности следы повреждения отдельные камни вывернуты. Памятник раскопан в 2003 г. В процессе раскопок памятника было выявлено нарушенное

погребение взрослого человека, захороненного на уровне древнего горизонта. В насыпи найдены кости человеческого скелета, фрагменты лепного неорнаментированного сосуда, угольки. Памятник относится к эпохе позднего средневековья (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2003, с. 281-285) (рис. I – 32).

33. Группа курганов Мичик. Расположена на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, в 1,8 км вверх по течению от с. Эдиган. Включает две пологие, интенсивно задернованные, округлые каменные выккладки, диаметром 5-6 м, высотой 0,1 м, сооруженные из массивных и мелких скальных обломков. В центре одной из выкладок пологая западина (рис. I – 33).

34. Памятник Омолы. Расположен на левом берегу р. Эдиган, на первой надпойменной террасе, к югу от дороги Чемал-Эдиган, в 1,5 км к западу от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, подпрямоугольная каменная насыпь, площадью 8х5 м, высотой 0,5 м, сложенная из массивных и мелких скальных обломков. Ориентирована длинной осью по линии запад-восток (рис. I – 34).

35. Местонахождение Песчаный Карьер. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на высокой террасе, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 1,7 от с. Эдиган. Современный песчаный карьер представляет собой глубокий котлован, вырытый строителями дороги на склоне террасы. В последние десятилетия был использован жителями с. Эдиган под мусорную свалку. У северной стенки котлована на дне карьера был обнаружен горшок, изготовленный на гончарном круге, с частично обломанной горловиной и туловом (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2003, с. 281-285). На дне карьера найден фрагмент лепной, не орнаментированной керамики (рис. I – 35).

36. Группа курганов Сары-Джар. Расположена на левом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от проселочной дороги, в 3,2 км от с. Эдиган. Включает три пологие, интенсивно задернованные, округлые каменные насыпи, диаметром 7-9 м, высотой 0,3-0,4 м, сооруженные из массивных и мелких скальных обломков (рис. I – 36).

37. Памятник Сойгонош. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 3,2 км от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, овальная каменная насыпь, площадью 5х2 м, высотой 0,1 м, сложенная из массивных скальных обломков. Ориентирована длинной осью по линии северо-восток-юго-запад (рис. I – 37).

38. Одиночный курган Тетикмень. Расположен на высокой террасе правого берега р. Катунь, к югу от устья Эдигана, к западу от дороги Чемал-Куюс, в 8,6 км от с. Куюс (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 148-149). Пологая, сильно задернованная, округлая каменная выкладка, диаметром 1,5 м, высотой 0,1 м, сложенная из скальных обломков (рис. I – 38).

39. Памятник Тетикмень-Баш. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на склоне горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 5,1 км от с. Эдиган. Пологая, слабо задернованная, овальная каменная выкладка, площадью 2х1 м, высотой 0,1 м, сложенная из массивных скальных обломков. Ориентирована длинной осью по линии север-юг (рис. I – 39).

40. Одиночная выкладка Тербиен. Расположена на правом берегу р. Эдиган, на первой надпойменной террасе, в 2,5 км вверх по течению от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, овальная каменная выкладка, площадью 5х2 м, высотой 0,3 м, сооруженная из массивных и мелких скальных обломков. Ориентирована длинной осью по линии северо-восток-юго-запад (рис. I – 40).

41. Памятник Тердем. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на склоне горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 2,5 км от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, неправилоьной квадратной формы каменная выкладка, площадью 3х3 м, высотой 0,1 м, сложенная из массивных и мелких скальных обломков. Ориентирована углами по сторонам света (рис. I – 41).

42. Одиночный курган Тимушта. Расположен на левом берегу р. Эдиган, на увале горы, к востоку от дороги Чемал-Куюс, в 8,5 км от с. Куюс (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 149). Пологая, сильно задернованная, округлая каменная выкладка, диаметром 1,5 м, высотой 0,1 м, сложенная из скальных обломков (рис. I – 42).

43. Памятник Тимушта-Увал. Расположен на левом берегу р. Эдиган, на высокой террасе, под горой, в 5 км к западу от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная и заросшая кустами шиповника, овальная каменная выкладка, площадью 2х1 м, высотой 0,1 м, сложенная из массивных и мелких скальных камней. Ориентирована длинной осью по линии запад-восток (рис. I – 43).

44. Памятник Тугусколь. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от проселочной дороги, в 1,5 км от с. Эдиган. Включает 8 пологих, интенсивно задернованных, округлых каменных насыпей, диаметром от 1 до 6 м, высотой 0,1 м, сооруженных из массивных и мелких скальных обломков. В центре одной из насыпей воронка от грабительских раскопок (рис. I – 44).

45. Одиночная выкладка Тугыр. Расположена на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 3,3 км от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, овальная выкладка, площадью 3х2 м, высотой 0,1 м, сооруженная из массивных и мелких скальных обломков. Ориентирована длинной осью по линии запад-восток. В центре выкладки пологая, задернованная западина (рис. I – 45).

46. Одиночный курган Тэли. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, округлая каменная насыпь, диаметром 9 м, высотой 0,1 м, сложенная из массивных и мелких скальных обломков (рис. I – 46).

47. Могильник Тянгыс-Тыт. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на увале горы и высокой террасе, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 0,2 км от с. Эдиган. Включает 6 пологих, интенсивно задернованных, округлых каменных насыпей, диаметром 7-10 м, высотой 0,1-0,2 м, сложенных из массивных и мелких скальных обломков, расположенных двумя рядами по 2 и 4 кургана, и 5 пологих, слабо задернованных кольцевых каменных оградок, диаметром 4 м, высотой 0,1 м, сооруженных из массивных скальных обломков. Площадь памятника повреждена при бурении скважин и прокладке силосной траншеи. В 1998-1999 гг. на памятнике раскопано 6 курганов и 1 оградка. Под насыпями пяти курганов находились могильные ямы, внутри которых сильно истлевшие бревенчатые срубы. В могилах находились одиночные и парные, в некоторых случаях в сопровождении верхового коня. Мужчин хоронили с оружием, женщин с украшениями. Всем умершим помещали в могилу сосуды и заупокойную пищу. Лошадей помещали в могилы взнузданными. В заполнении могильных ям в трех курганов находились одиночные впускные захоронения взрослых людей и подростка. В одном из впускных захоронений находились принадлежности пояса и ножи, в другом предметы конской сбруи, детали поясного набора, наконечники стрел и колчанный крюк. Впускное захоронение подростка не содержало сопроводительного инвентаря. Под насыпью одного кургана, на горизонте обнаружено скопление фрагментов лепных керамических сосудов. В раскопанной оградке находились обломки костей животных и фрагменты лепных сосудов. Раскопанные курганы содержат погребения позднего этапа пазырыкской культуры. Одно из впускных захоронений относится к хунно-сяньбийской эпохе, другое к эпохе раннего средневековья. Курган без захоронения и оградка относятся к позднему этапу пазырыкской культуры (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 1998, с. 369-373; Худяков Ю.С., Миронов В.С., 1998, с. 374-378; Худяков Ю.С., Миронов В.С., 1999, с. 537-541) (рис. I – 47).

48. Одиночная оградка Ужой. Расположена на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 8 км от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, квадратная каменная оградка, площадью 3х3 м, высотой 0, 1 м, сооруженная из массивных и мелких каменных плит (рис. I – 48).

49. Памятник Улита-Паспахту-Обо. Расположена на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 1 км от с. Эдиган. Две пологие, интенсивно задернованные, округлая и овальная каменные выкладки, диаметром 6 м, высотой 0,1 м, площадью 4х2 м, высотой 0,1 м, сложенные из массивных и мелких скальных обломков. Овальная выкладка ориентирована длинной осью по линии север-юг (рис. I – 49).

50. Группа курганов Улуг-Салхындовый Лог. Расположена на правом берегу р. Эдиган, на первой надпойменной террасе, у подножья горного склона, к северу от дороги

Чемал-Эдиган, в 0,1 км от с. Эдиган. Включает две пологих, интенсивно задернованных, округлых каменных насыпи, диаметром 6-8 м, высотой 0,3 м, сооруженных из массивных и мелких скальных обломков. Насыпи повреждены и частично снесены с южной стороны при строительстве дороги (рис. I – 50).

51. Могильник Улуг-Чолтух. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 0,8 км от с. Эдиган. Включает 74 пологих, интенсивно и слабо задернованных, и поросших кустами, овальных каменных насыпей, площадью от 2,5х1,5 до 4х2 м, высотой 0,1 м, сложенных из массивных и мелких скальных обломков. Ориентированы длинной осью по линии запад-восток. Памятник раскапывался в 2001-2003, 2005, 2007-2008 гг. Раскопано 45 насыпей, часть которых содержала по две могилы и два-три захоронения. Под насыпями находились неглубокие, овальные, или прямоугольные могильные ямы, стенки которых иногда укреплялись камнями и жердями. В могилах были одиночные, реже парные и групповые захоронения взрослых мужчин, женщин и детей. Скелеты погребенных лежат на спине, вытянуто, ориентированы головой на восток, в редких случаях на запад. Мужчины погребены с оружием, женщины с украшениями и предметами быта, в редких случаях в могилу помещались керамические сосуды. В насыпях и заполнении могил встречаются следы тризн. Могильник относится к айрыдашскому типу памятников хунно-сяньбийской эпохи (Худяков Ю.С., 2002а, с. 472-478; Худяков Ю.С., 2002б, с. 79-87; Худяков Ю.С., 2003, с. 504-509; Худяков Ю.С., 2005а, с. 480-484; Худяков Ю.С., 2005б, с. 63-66; Худяков Ю.С., 2007, с. 388-391) (рис. I – 51).

52. Могильник Усть-Эдиган. Расположен на правом берегу р. Катунь, на высокой террасе Бузургаш, к югу от устья р. Эдиган, к западу от дороги Чемал-Куюс, в 8 от с. Куюс. Могильник включал 115 пологих, интенсивно задернованных и заросших кустарником округлых каменных насыпей, диаметром от 2 до 12 м, высотой 0,1-0,4 м, сложенные из речных валунов, гальки, массивных и мелких скальных обломков. В 1988-1994 гг. 105 объектов на памятнике было раскопано, 8 – М.В. Мороз и 97 – Ю.С. Худяковым. Под насыпями курганов находились могильные ямы, внутри которых деревянные рамы, каменные ящики и отдельные каменные плиты. В могилах были одиночные и парные погребения взрослых людей, детей, и кенотафы. Некоторые взрослые мужчины и женщины захоронены с лошадьми. Мужчины погребены с оружием, женщины и дети с украшениями. С умершими помещали заупокойную пищу и керамические сосуды. Отдельных людей хоронили без вещей. В числе раскопанных объектов 2 кургана позднего этапа пазырыкской культуры, 103 погребальных и поминальных комплекса булан-кобинской культуры хунно-сяньбийского времени и 1 впускное захоронение древнетюркской культуры эпохи раннего средневековья (Худяков Ю.С., Мороз М.В., 1990, с. 177-185; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 119-147; Худяков Ю.С., 1997а, с. 145-155; Худяков Ю.С., 1997б, с. 29-37; Худяков Ю.С., 1998а, с. 135-143; Худяков Ю.С., 1998б, с. 206-211; Худяков Ю.С., 1998в, с. 33-38) (рис. I – 52).

53. Группа курганов Чолтух. Расположена на правом берегу р. Эдиган, на склоне увала горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 0,9 км от с. Эдиган. Включает две пологие, слабо задернованные, округлые каменные насыпи, диаметром 5-8 м, высотой 0,1-0,2 м, сложенные из массивных и мелких скальных обломков. Курганы раскопаны в 1998 г. Насыпь одного кургана была сооружена на горизонте и никаких находок не содержала. Под насыпью другого кургана находилась могильная яма, внутри которой было деревянное перекрытие. На дне могилы было парное захоронение мужчины и женщины с двумя невзнузданными лошадьми. В могилу был помещен керамический сосуд. Памятник относится к пазырыкской культуре (рис. I – 53).

54. Памятник Чолтух-бир. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на склоне увала горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган. В 1,9 км от с. Эдиган. Включает две пологих, интенсивно задернованных овальную и округлую каменные насыпи, площадью 4х3 м и диаметром 4 м, высотой 0,1 м, сооруженные из валунов. массивных и мелких скальных обломков. Овальная насыпь ориентирована длинной осью по линии северо-запад-юго-восток (рис. I – 54).

55. Памятник Чолтух-эке. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на пологом склоне горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, 0,8 км к северо-западу от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, подпрямоугольная каменная выкладка, площадью 2х1,8 м, высотой 0,1 м, сложенная из массивных и мелких скальных обломков. Ориентирована длинной осью по линии запад-восток (рис. I – 55).

56. Группа курганов Чыланмас. Расположена на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 1,8 км от с. Эдиган. Включает два кургана, пологую, интенсивно задернованную насыпь с кольцевой крепидой и прямоугольным каменным ящиком в центре, диаметром 9 м, высотой 0,1 м, и пологую, интенсивно задернованную каменную насыпь, диаметром 3,5 м, высотой 0,1 м. Ограда и насыпь сооружены из массивных скальных обломков. Первый курган раскопан в 1999 г. Пологая насыпь была окаймлена крепидой из массивных каменных плит. В центре кургана находился каменный ящик из массивных каменных плит, выступавших на поверхность. Внутри ящика обнаружена одна плечевая кость взрослого человека. Погребение разграблено. Памятник относится к майэмирской культуре раннескифского времени (рис. I – 56).

57. Одиночный курган Эдиган-Баш. Расположен на правом берегу р. Эдиган, на увале горы, к северу от дороги Чемал Эдиган, в 6,3 км от с. Эдиган. Пологая, интенсивно задернованная, овальной формы каменная выкладка, площадью 4х2 м, высотой 0,1 м, сложенная из массивных и мелких скальных обломков. Ориентирована длинной осью по линии запад-восток. Памятник раскопан в 2002 г. Под насыпью находилась могильная яма, внутри которой находился скелет погребенной женщины в сильно истлевшей бревенчатой колоде. Среди вещей обнаружены украшения, принадлежности одежды и детали конской сбруи. Памятник датируется эпохой позднего средневековья (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2002, с. 253-257) (рис. I – 57).

58. Местонахождение Эдиган-Чол. Расположено на правом берегу р. Эдиган, на первой надпойменной террасе, к югу от дроги Чемал-Эдиган, в 0,6 км от с. Эдиган. На полотне проселочной дороги обнаружены фрагменты лепных керамических сосудов, обломок железной, сильно коррозированной прямоугольной пластины со скошенными углами и отверстием от ламеллярного панциря и обломок однолезвийного железного ножа. Керамика относится к пазырыкской культуре раннего железного века, железные предметы к эпохе средневековья (рис. I – 58).

В числе зафиксированных, полностью или частично исследованных к настоящему времени сотрудниками Южносибирского отряда ИАЭТ СО РАН археологических памятников в долине р. Эдиган, представлены поселения и стоянки бронзового и раннего железного веков, погребальные комплексы и поминальные сооружения культур скифского, хунно-сяньбийского и древнетюркского времени, одиночные курганы, могилы и впускные захоронения периодов развитого и позднего средневековья, отдельные находки на поверхности. Поселения и стоянки афанасьевской культуры энеолита и раннего бронзового века обнаружены в двух пунктах на левом берегу р. Эдиган, в приустьевой и центральной части долины. Курганы раннескифского времени обнаружены и раскопаны на увалах гор в приустьевой и центральной части долины на правом берегу р. Эдиган. Наиболее многочисленны в долине р. Эдиган памятники пазырыкской культуры раннего железного века. Курганные могильники и группы курганов, поселения, стоянки и отдельные находки фрагментов керамики этой культуры на поверхности дорог и горных троп рассредоточены по обеим берегам р. Эдиган от среднего течения до устья и по правому берегу Катуни. Среди пазырыкских курганов выделяются погребальные комплексы позднего этапа этой культуры, зафиксированные и изученные на нескольких памятниках в долине р. Эдиган, в ее среднем течении и на правобережье Катуни. Могильники булан-кобинской культуры и айрыдашского типа расположены в долине в двух пунктах, в приустьевой части на правом берегу Катуни и в среднем течении на правом берегу р. Эдиган. Обнаружено несколько впускных захоронений, относящихся к хунно-сяньбийской эпохе, в насыпях курганов пазырыкской культуры на правобережье Эдигана. В меньшей степени в долине р. Эдиган выявлены погребальные комплексы культуры древних тюрок. К настоящему времени раскопано

одно курганное и два впускных захоронения в насыпях курганов пазырыкской и булан-кобинской культур на правобережье Катуни и Эдигана. В то же время на правом берегу р. Эдиган, в ее среднем течении, исследована два древнетюркских поминальника и обнаружено несколько одиночных оградок. Это может свидетельствовать о том, что в эпоху раннего средневековья долина р. Эдиган была освоена древними тюрками. Памятник культуры енисейских кыргызов эпохи развитого средневековья обнаружен в среднем течении р. Эдиган в единичном случае. Данный курган может свидетельствовать о том, что долина р. Катунь и ее притоков, в ходила в состав одного из кыргызских княжеств в эпоху развитого средневековья. В долине р. Эдиган обнаружено и исследовано несколько памятников эпохи позднего средневековья. Эти материалы дают основания для заключения о том, что она была населена одной из этнических групп алтайцев на протяжении рассматриваемого периода. Исследованные археологические материалы позволяют существенно дополнить и уточнить сложившиеся представления по этнокультурной истории Горного Алтая.

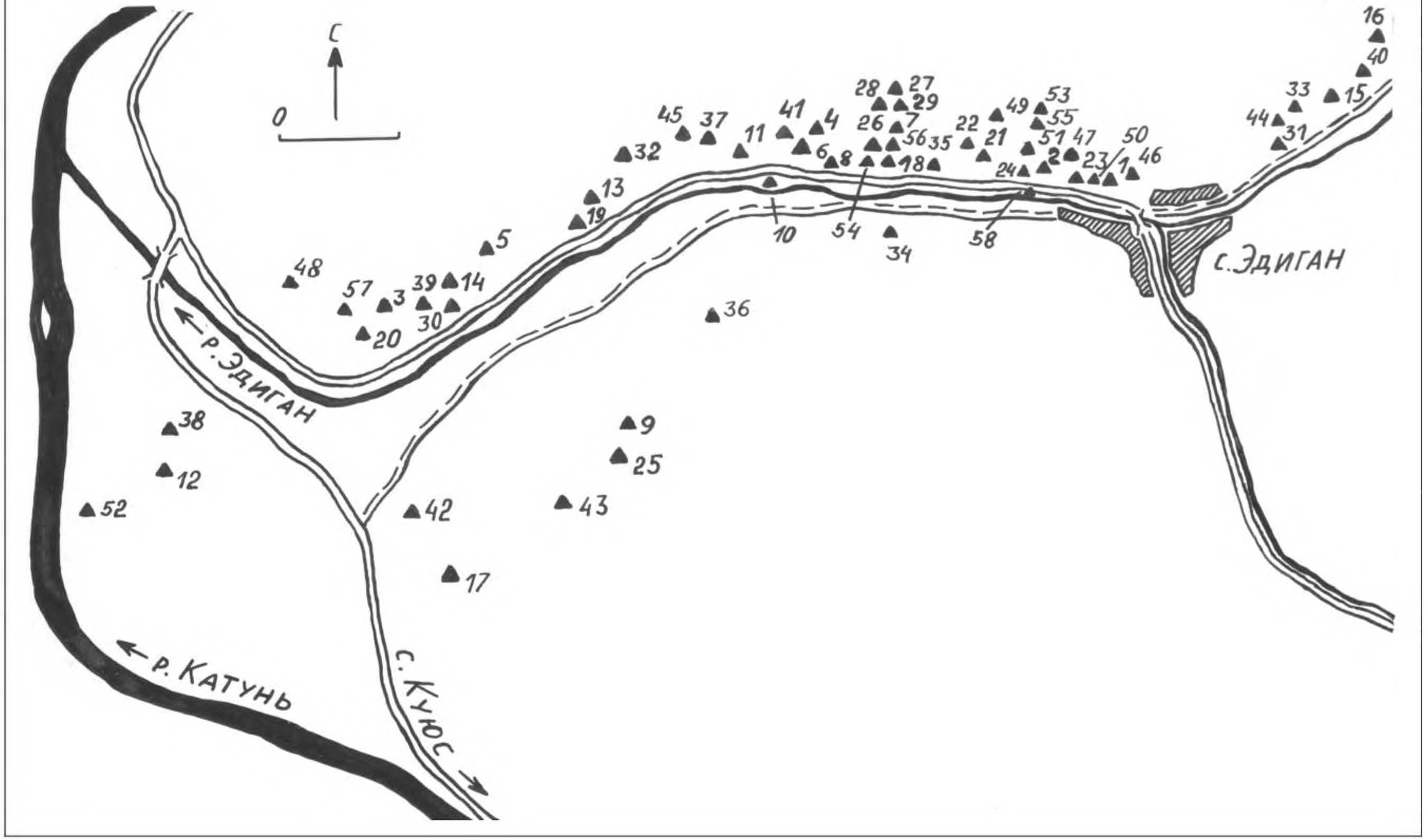

С
О
с. Эдиган
р. Эдиган
р. Катунь
с. Куюс

Рис.I Карта памятников,
исследованных Южносибирским отрядом ИАЭТ СР НАН в долине р. Эдиган:

1 – Абы; 2 – Агыр; 3 – Адган; 4 – Адылда; 5 – Ак-Баш; 6 – Ак-кара-Бом; 7 – Аксас; 8 – Атудар; 9 – Бедик; 10 – Беш-Бильдыр; 11 – Биченег; 12 – Бузургаш; 13 - Буру-Алты; 14 – Верхний Аговый Лог; 15 – Дямантел; 16 – Идыхта; 17 – Каинзарах; 18 – Кам-Детхан; 19 – Карагай; 20 – Каралык; 21 – Кишнег-Атудар; 22 – Кишнег-Лог; 23 – Кишнег-Салхындовый Лог; 24 - Кишнег-Увал; 25 – Кок-Саир; 26 – Кок-Эдиган; 27 – Кок-Эдиган-эке; 28 – Кок-Эдиган-ус; 29 – Кыгып; 30 – Кызыл-Таш; 31 – Кызылгак; 32 – Кыпчыл; 33 – Мичик; 34 – Омолы; 35 – Песчаный Карьер; 36 – Сары-Джар; 37 – Сойгонош; 38 – Тетикмень; 39 – Тетикмень-Баш; 40 – Тербиен; 41 – Тердем; 42 – Тимушта; 43 – Тимушта-Увал; 44 – Тугусколь; 45 – Турыр; 46 – Тэли; 47 – Тянгыс-Тыт; 48 – Ужой; 49 – Улита-Паспахту-Обо; 50 – Улуг-Салхындовый –Лог; 51 – Улуг-Чолтух; 52 – Усть-Эдиган; 53 – Чолтух; 54 – Чолтух-бир; 55 – Чолтух-эке; 56 – Чыланмас; 57 – Эдиган-Баш; 58 – Эдиган-Чол.

Библиографический список

1. Абдулганеев, М.Т. Работы в горном и лесостепном Алтае // Археологические открытия 1983 года / М.Т. Абдулганеев. – М., 1985. – С. 189.
2. Абдулганеев, М.Т. Разведки на Алтае // Археологические открытия 1984 года / М.Т. Абдулганеев. – М., 1986. – С. 165.
3. Борисенко, А.Ю. Керамика из древнетюркского поминальника Биченег // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии / А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков. – Горно-Алтайск, 2001. – № 7. – С. 145-154.
4. Борисенко, А.Ю. Эдиган-Баш – памятник эпохи позднего средневековья в долине р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН / А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков. – Новосибирск, 2002. – Т. VIII. – С. 253-257.
5. Борисенко, А.Ю. Новые материалы эпохи позднего средневековья из долины р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН / А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 281-285.
6. Кубарев, В.Д. История изучения археологических памятников Средней Катуни // Археологические исследования на Катуни / В.Д. Кубарев. – Новосибирск, 1990. – С. 7–22.
7. Лапшин, Б.И. разведки в долинах рек Катуни и Бии // Археологические открытия 1976 года / Б.И. Лапшин. – М., 1977. – С. 215.
8. Степанова, Н.Ф. Раскопки в устье р. Эдиган // Известия лаборатории археологии / Н.Ф. Степанова. – Горно-Алтайск, 1997. – № 2. – С. 64-73.
9. Суразаков, А.С. Новые находки эпохи камня в Горном Алтае // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах / А.С. Суразаков, Л.М. Чевалков. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 28-31.
10. Худяков, Ю.С. Охранные работы в зоне затопления Катунской ГЭС в 1988-1993 гг. // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая / Ю.С. Худяков. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 59-62.
11. Худяков, Ю.С. Исследования в Чемальском районе Республики Алтай // Археологические открытия 1995 года / Ю.С. Худяков. – М., 1996. – С. 376-377.
12. Худяков, Ю.С. Новые находки хуннского времени из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Источники по истории Республики Алтай / Ю.С. Худяков. – Горно-Алтайск, 1997а. – С. 145-155.
13. Худяков, Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лабораторияя археологии / Ю.С. Худяков. – Горно-Алтайск, 1997б. – № 2. – С. 29-37.

14. Худяков, Ю.С. Зеркала из могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии / Ю.С. Худяков. – Горно-Алтайск, 1998а. – Вып. 3. – С. 135-143.
15. Худяков, Ю.С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая / Ю.С. Худяков. – Барнаул, 1998б. – С. 206-211.
16. Худяков, Ю.С. Эдиганская мумия // Природа / Ю.С. Худяков. – 1998в. – № 10. – С. 33-38.
17. Худяков, Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Посвящается 70-летию заведующего кафедрой первобытной истории Омского государственного университета, заведующего сектором археологии ИИФФ СО РАН, профессора, доктора исторических наук В.И. Матющенко / Ю.С. Худяков. – Омск, 2000а. – С. 202-215.
18. Худяков, Ю.С. Позднесредневековое впускное погребение на могильнике Кок-Эдиган // Алтай и Центральная азия: культурно-историческая преемственность / Ю.С. Худяков. – Горно-Алтайск, 2000б. – С. 180-193.
19. Худяков, Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН / Ю.С. Худяков. – Новосибирск, 2002а. – Т. VIII. – С. 472-478.
20. Худяков, Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий / Ю.С. Худяков. – Барнаул, 2002б. – С. 79-87.
21. Худяков, Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН / Ю.С. Худяков. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 504-509.
22. Худяков, Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН / Ю.С. Худяков. – Новосибирск, 2005а. – Т. XI. – Ч. I. – С. 480-484.
23. Худяков, Ю.С. Могила изгоя в урочище Улуг-Чолтух // Природа / Ю.С. Худяков. – 2005б. – № 5. – С. 63-66.
24. Худяков, Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии. Антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН / Ю.С. Худяков. – Новосибирск, 2007. – Т. XIII. – С. 388-391.
25. Худяков, Ю.С. Памятная веха для археологии в Новосибирском государственном университете: к 100-летию Е.М. Берс // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Археология и этнография / Ю.С. Худяков. – 2008. – Т. 7. – Вып. 3. – С. 12-19.
26. Худяков, Ю.С. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН / Ю.С. Худяков, А.Ю. Борисенко. – Новосибирск, 1998. – Т. IV. – С. 369-373.
27. Худяков, Ю.С. Древнетюркский поминальник Биченег в долине р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и соапредельных территорий. Материалы годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН / Ю.С. Худяков, Л.А. Бобров, А.Ю. Борисенко. – Новосибирск, 2000. – Т.VI. – С. 417-423.
28. Худяков, Ю.С. Изучение древнетюркских поминальных комплексов в долине р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН / Ю.С. Худяков, А.Ю. Борисенко, К.Ы. Кыпчакова. – Новосибирск, 2001. – Т. VII. – С. 465-470.
29. Худяков, Ю.С. Продолжение раскопок поминальника Биченег // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН / Ю.С. Худяков, А.Ю. Борисенко, К.Ы. Кыпчакова. – Новосибирск, 2002. – Т. VIII. – С. 479-483.

30. Худяков, Ю.С. Раскопки поминальника Биченег в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН / Ю.С. Худяков, А.Ю. Борисенко, К.Ы. Кыпчакова. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. – Ч.I. – С. 510-515.
31. Худяков, Ю.С. Впускное погребение эпохи позднего средневековья из долины р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН / Ю.С. Худяков, А.Ю. Борисенко, А.В. Плотникова. – Новосибирск, 1999. – Т. V. – С. 300-305.
32. Худяков, Ю.С. Археологические исследования на могильнике Кок-Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН / Ю.С. Худяков, В.С. Миронов. – Новосибирск, 1997. – Т. III. – С. 310-313.
33. Худяков, Ю.С. Раскопки курганов пазырыкской культуры в долине р. Эдиган в 1998 г. // Проблемы археологии. этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН / Ю.С. Худяков, В.С. Миронов. – Новосибирск, 1998. – Т. IV. – С. 374-378.
34. Худяков, Ю.С. Раскопки курганов пазырыкской культуры на памятниках Кок-Эдиган и Тянгыс-Тыт в 1999 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН / Ю.С. Худяков, В.С. Миронов. – Новосибирск, 1999. – Т.V. – С. 537-541.
35. Худяков, Ю.С. Коллекция оружия из могильника Усть-Эдиган // Археологические исследования на Катуни / Ю.С. Худяков, М.В. Мороз. – Новосибирск, 1990. – С. 177-185.
36. Худяков, Ю.С. Раскопки могильника Ак-Кара-Бом // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН / Ю.С. Худяков, А.В. Плотникова, В.С. Миронов. – Новосибирск, 2000. – Т. VI. – С. 424-428.
37. Худяков, Ю.С. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катуни / Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев, М.В. Мороз. – Новосибирск, 1990. – С. 95-150.
38. Чевалков, Л.М. О результатах поиска памятников каменного века в Горном Алтае // Материалы по археологии Горного Алтая / Л.М. Чевалков. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 130-148.
39. Чевалков, Л.М. Раскопки в устье реки Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катуни / Л.М. Чевалков. – Новосибирск, 1990. – С. 200-210.

Азбелев П.П.
(г. С-Петербург, Россия)

ТАШТЫКСКИЙ ПОЯС

Общие замечания. Систематика

Поясные наборы (прежде всего пряжки) культуры таштыкских склепов, «могил с бюстовыми масками» по терминологии С.А. Теплоухова, классифицировались дважды. Впервые – Л.Р. Кызласовым, сопрягавшим деление пряжек с конструктивными вариантами склепов (Кызласов Л.Р., 1960, с.36-40), затем – Э.Б. Вадецкой, учитывавшей корреляции типов пряжек с иными категориями инвентаря (Вадецкая Э.Б., 1999, с.122-125). Не разбирая эти системы детально, замечу, что обе они основаны на очевидном разделении язычковых и шпеньковых пряжек; вопрос о соотношении этих групп в обеих

системах решён одинаково: шпеньковые считаются более ранними. Между тем в ряде случаев те и другие пряжки найдены в одних и тех же комплексах, а закономерная смена шпеньковых пряжек язычковыми – слишком общее правило, чтобы строить на нём относительную хронологию внутри сравнительно короткого промежутка времени. Расхождения авторов сводятся к тому, на чьё мнение опираться при абсолютном датировании: Л.Р. Кызласов развивал идеи С.В. Киселёва и относил все таштыкские пряжки (а с ними и склепы) к первой половине I тыс. н.э.; Э.Б. Вадецкая вслед за А.К. Амброзом датировала язычковые пряжки VI-VII вв., а шпеньковые – предшествующими веками. Ни происхождение, ни принципы типообразования таштыкской фурнитуры этими авторами не исследовались. Учитывая многолетние наработки и новые материалы, я считаю возможным предложить уточнения и поправки к систематике, аналогиям и датировкам таштыкских поясных принадлежностей, определеляющие новый взгляд на феномен таштыкского пояса.

Таштыкские пояса известны по серийным находкам погребальных моделей, а также по редким функциональным изделиям и изображениям. Вотивные имитации до мелочей копируют бытовые вещи, так что привлечение моделей к типологическому разбору вполне допустимо. Единственный полный набор (Уйбат I, скл.№5) относится к типу симметричных, с оформлением ленты, не отличающимся от фронтальной части (о типологии поясов см.: Азбелев П.П., 2008в). Достоверно поясные пряжки – всегда шпеньковые; металл – либо медь (иногда с незначительной примесью олова или олова и свинца), либо оловянистая бронза (благодарю за консультацию С.В. Хаврина, по моей просьбе предварительно изучившего таштыкские бронзы эрмитажной коллекции).

В основе наборов – двурамчатые цельнолитые пряжки и накладки (рис.1 – 1-4); есть единичные экземпляры с тремя рамками (Король Г.Г., 2008, с.322, табл. XL – 50, 51, рис. из альбома В.В. Радлова). Найдены обкладки поясных принадлежностей из золотой фольги (рис.1 – 8; рис.2 – 3); на бронзовых накладках и пряжках золотая фольга не встречена, кажется, ни разу; видимо, ею украшались изделия из дерева или плотной кожи. Во всех известных случаях в просветы рамок вписаны ажурные симетричные волюты.

Между основными накладками размещались «вставки» – малые накладки с боковыми рамками, с волютами или без них (рис.1 – 5-7). Известны детали набора, включавшего оригинальные накладки со «вставками», прилитыми к среднему щитку двурамчатых накладок (рис.1 – 9; ММ № А8468; спасибо за содействие Н.В. Леонтьеву). «Вставки» как бы предназначены для подвешивания к поясу каких-то предметов – ни разу, однако, не найденных. Видимо, «вставки» были чисто декоративны, и пояса типа уйбатского можно условно именовать «парадными».

Пряжки и накладки других типов не могут быть однозначно связаны с «парадным» поясом из двурамчатых элементов; либо они использовались вообще не на поясе, либо существовал и другой тип пояса, без двурамчатых элементов с волютами, не «парадный», но функциональный.

Некоторые находки (Король Г.Г., 2008, с.322, табл. XL – 26, 32, рис. из альбома В.В. Радлова) позволяют предполагать, что «парадные» наборы не были столь стандартизированы, как может показаться при знакомстве с серийными двурамчатыми накладками; но это беспаспортные вещи, и нужно лишь отметить вероятность бытования разных вариантов «парадных» поясов. Эти вещи могли относиться не к собственно поясу, а к портупеям (по аналогии с крестовидными распределителями, см. Азбелев П.П., 2008г).

Элементы таштыкских пряжек, т.е. рамки и щитки, разнообразны, но сочетаются весьма свободно. Это обессмысливает общее иерархическое классифицирование пряжек; их разнообразие лучше представить в виде таблицы, отражающей совстречаемость типов рамок и щитков в конкретных вещах (рис.2). Публикуемая таблица сокращена за счёт дробности деления щитков по декору и крепежу, и в неё не включены «вставки», иначе она заняла бы слишком много места. Таблица показывает прежде всего сам принцип оптимальной систематики таштыкских пряжек; её удобно дополнять вновь обнаруживаемыми версиями рамок и щитков, и в ней легко отразить все

способы компоновки таштыкских типов, группируя их согласно задачам конкретного исследования.

Эта таблица и комментируется ниже. Основное внимание уделено вопросам общей хронологии, происхождению основных форм и композиции таштыкского пояса в контексте общей типологии фурнитуры. Опущен разбор декора щитков, более уместный в исследовании компонентного состава культуры таштыкских склепов. Цельнолитым изделиям с хуннскими элементами в декоре посвящена специальная работа (Азбелев П.П., 2008б).

1. Морфология таштыкской фурнитуры

Язычковые пряжки и даты.

Рамки язычковых пряжек – В-образные, округлые и подпрямоугольные; другие формы единичны. Щитки – почти всегда пластинчатые на шарнире, часто с заклёпками. Пряжки в основном мелкие, вряд ли все они годились для застёгивания поясов; их могли использовать и на подвесных ремешках, сумках, обуви и т.п., или в конской узде.

Именно благодаря разработанной хронологии язычковых пряжек удаётся датировать таштыкские склепы. Раньше Л.Р. Кызласов искал таким пряжкам сарматские аналоги начала н.э. (Кызласов Л.Р., 1960, с.125), но он сравнивал вещи без учёта деталей. Позднее А.К. Амброз синхронизировал таштыкские В-образные рамки с европейскими «геральдическими» VII в. (Амброз А.К., 1971, с.120-121). Выводы А.К. Амброза всецело приняла Э.Б. Вадецкая (1999, с. 122), но они нуждаются в уточнениях, ведь история таких пряжек началась задолго до VII в. С ранними В-образными рамками таштыкские сближаются по мелкой огранке рамок, сетчатой гравировке их оснований, иногда хоботковым язычкам; ранний признак – и пластинчатые щитки-обоймы с крупными заклёпками (Азбелев П.П., 2008а, с.65, рис.4 – 1-5 vs 7-11; здесь и ниже vs – лат. *versus*, ‘против’ – разделяет сопоставляемые группы рисунков). При этом таштыкские рамки уже имеют ряд черт, более типичных для пряжек VII-VIII вв.: разомкнутые рамки с выделенной осью; «отогнутые» наружу основания рамок; крупная огранка; уплощённое, близкое к пластинчатому сечение (Азбелев П.П., 2008а, с.65, рис.4 – 6-11 vs 12-15).

Ранние пряжки, типологически предшествующие таштыкским, датируются IV-V вв.; поздние, в т.ч. геральдического стиля, условно «наследующие» таштыкским типам, – VII-VIII вв.; значит, таштыкские пряжки с В-образными рамками относятся к варианту, бытовавшему в V-VI вв. – вероятно, в раннетюркской культурной среде, известной пока лишь «в отражениях», по её влияниям на другие народы.

Ища место таштыкским В-образным рамкам в этом интервале, надо учесть их распределение по памятникам. В отличие от «стандартных» цельнолитых пряжек, шарнирные со сложными рамками распространены очень узко: все они (как и конструктивно близкие пряжки с округлыми разомкнутыми рамками и выделенной осью) – с расположенных недалеко один от другого Изыхского, Сырского, Уйбатского чаатасов. В тех же комплексах сосредоточены пластинчатые щитки с крупными заклёпками (с ранними инокультурными аналогиями) и цельнолитые пряжки с плоской скобой (типогенетически ранние, см. ниже). Учитывая исходную инородность всех этих типов для минусинских культур и малочисленность находок, можно считать эту ограниченность не только локальной, но и хронологической, а именно ранней: эти типы были единожды занесены на Средний Енисей, и бытовали они здесь недолго. Среди прочего, отсюда следует и то, что две основные группы таштыкских пряжек не сменяли одна другую (как предполагалось в хронологических системах Л.Р. Кызласова и Э.Б. Вадецкой), а появились на Енисее одновременно. С учётом исторических обстоятельств нужно заключить, что в таштыкских типах отражены формы, сложившиеся вне Минусинской котловины и принесённые сюда кыргызами-*цигу* вскоре после 460 г. (подробнее: Азбелев П.П., 2008а, д).

Шпеньковые пряжки с Т-образным просветом рамки.

Разнообразие таштыкских шпеньковых рамок сводится к трём основным типам – с Т-образным просветом, с волютами и простым (рис.3).

Рамки с Т-образным просветом образуют две основные подгруппы.

Первая – «стандартные» овальные рамки с гладкими или «зубчатыми» щитками (большинство находок; рис.2 – 7, рис.3а – 1-3). Шпеньковые цельнолитые пряжки с такими рамками считаются характерным таштыкским типом, но близкие вещи есть в Туве и на Алтае (рис.3а – 4, 5), т.е. таштыкские находки – лишь самая многочисленная часть широкого массива. Важен рудимент язычковых пряжек – нефункциональная дополнительная прорезь в основании рамки. Эта прорезь, благодаря которой просвет и становится Т-образным, позволяет указать прототипы специфических таштыкских изделий: рамчатые овально-трапециевидные язычковые пряжки, характерные для памятников рубежа эр – первых вв. н.э., преимущественно на западе степей и в Европе (подробно о них ниже). Особость таштыкских типов – в том, что облик *язычковых* овально-трапециевидных рамчатых пряжек имитируется пряжками *шпеньковыми*: люди, привыкшие к архаичным шпеньковым пряжкам, знакомыми средствами воспроизвели в цельнолитых изделиях инокультурную композицию из язычковой пряжки и наконечника либо шарнирного щитка. Эта схема верна для всех цельнолитых таштыкских пряжек независимо от формы рамки (Азбелев П.П., 1992). Перпендикулярные скобы, добавление которых завершает типогенетический процесс, имеют возможные местные прототипы: точно так же крепились на ремне т.н. «ложечковидные застёжки», обычные в азиатских памятниках хуннского времени.

Пока не вполне понятны вещи из колл. И.А. Лопатина – как бы «недоделанные» пряжки без шпеньков и крепёжных скоб (рис.3а – 3; ГЭ ОАВЕС №№ 5531/1379, 1380) – модели или заготовки функциональных пряжек или бесшпеньковых рамок.

Об округлощитковых пряжках с такими рамками (рис.2 – 6) см.: Азбелев П.П., 2008б, с.69-70.

Вторая подгруппа – сравнительно редкие трапециевидные рамки с вогнутыми сторонами, с Т-образным просветом или простые (рис.2 – 8-11, рис.3б – 6-13). Этот тип не следует путать с хуннскими трапециевидными рамками, имевшими прямые стороны (Давыдова А.В., 1985, с.106, рис.XIII – 23) или с таштыкскими прямоугольными (рис.2 – 17, 18): типообразующий признак в нашем случае – «вогнутость» сторон и «оттянутость» углов рамки (иногда слабые, как на рис.3б – 9, 15). Л.Р. Кызласов включил эти рамки в свои типы 5-6, заметив, что они «являются специфично таштыкскими и не имеют себе аналогий» (Кызласов Л.Р., 1960, с.125). Аналогий, однако, достаточно, если рассматривать вместе идентичные рамки и цельнолитых, и шарнирных пряжек. Близкие аналоги с шарнирными щитками – в могилах кокэльской культуры в Туве (рис.3б – 14, 15), а более ранние, серийные, разных пропорций – в комплексах рубежа эр и начала н.э. в разнокультурных европейских памятниках (рис.3б – 1-4); наряду со шпеньковыми бытовали и язычковые пряжки с теми же рамками. «Именно в это время римским влиянием охватывается практически вся Европа» (Щукин М.Б., 1991, с.101), и может быть, причиной распространения данного типа было римское давление на варваров. Такие рамки распространяются широко – на юге, например, до Йемена (язычковый экземпляр, см. рис.3б – 5; Breton J.-F. etc., 1993, p.32 и Pl. 30. fig. 92; спасибо М.М. Казанскому за литературу и консультацию), на востоке – как видно из обсуждаемых находок, до Южной Сибири и Центральной Азии. Позднее близкие рамки встречаются на пряжках геральдического стиля.

Динамика движения этих рамок на восток неясна. Возможно, прямые повторения западных типов типологически, а то и хронологически старше пряжек, имеющих такие же рамки, но уже с характерными местными признаками – Т-образным просветом рамки и насечками на цельнолитых щитках (рис.3б – 8, 11, 13): чужой тип переоформлен в духе местной тенденции. О соотношении минусинских и тувинских находок можно заметить, что если таштыкские (или «прото-таштыкские») мастера переосмыслили чужой тип, то кокэльские ограничивались его воспроизведением.

Таштыкские пряжки с трапециевидными рамками различаются и по способу крепления: плоской или перпендикулярной скобой (рис.3б – 8, 13 vs 11). Плоские скобы – рудимент крепежа инокультурных сложнорамчатых прототипов – типогенетически предшествуют «стандартным» перпендикулярным, и не исключено, что наличие в склепе пряжки с плоской скобой указывает на вероятность его сравнительно ранней даты.

Кроме этих двух типов, есть несколько цельнолитых изделий с простыми рамками-колечками без волют или Т-образной прорези – например, поясная «вставка» для подвески (Быстрая II); такие же колечки прилиты к нетипичным двурамчатым накладкам из Минусинского музея (рис.1 – 7, 9), поэтому можно думать, что и пряжка с такой кольчатой рамкой (рис.2 – 15) использовалась с подвесным ремешком (см. об этом в Заключении этой статьи; также см. рис. из альбома Радлова: Король Г.Г., 2008, с.322, табл.XL – 32). Рамки близкой схемы есть в фоминских материалах (Ширин Ю.В., 2003, с.224, табл. LX – 11), но у них усложнён контур просвета; эти аналогии требуют отдельного изучения.

Пряжки с волютами и т.н. «корейские аналогии».

Есть мнение, по которому таштыкские пояса – подражание корейским. В таких случаях ссылаются на А.К. Амброза, но это ошибка восприятия, возникшая из-за крайне сжатого изложения в статье 1971 г. (подробно: Азбелев П.П., 2008д, с.464 и прим. 16 на с.467-468; другие примеры неверного прочтения аргументов данного автора разобраны им самим, Амброз А.К., 1989, с.67-69). Вместо изучения форм лишь замечают ажурные волюты, чем и ограничивается сравнение; когда-то эту ошибку повторил и я (Азбелев П.П., 1993, с.91). Но такие волюты известны очень широко и сами по себе межкультурной связи не определяют. Чтобы проверить сопоставимость таштыкских поясов с корейскими, нужно, во-первых, сравнить их волютовый декор в широком контексте аналогий и коррелирующих типов, а во-вторых, учесть композиции наборов.

Волюты – функционально-декоративный элемент: они изящно заполняют просвет рамки и притом фиксируют ремень, не позволяя ему при ослаблении натяжения соскочить со шпенька или, наоборот, сползти к основанию язычка – в зависимости от того, какой тип фиксации ремня используется. Этот приём имеет большой круг аналогий, рассматриваемый ниже от западных проявлений к восточным. Всюду налицо одна и та же тенденция – модифицируется заполнение просвета; это происходило везде по-своему, и в этой разнице – ключ к пониманию истории данного признака. В отличие от простой типологии, типогенетический анализ предполагает классифицирование не только вещей, но и способов их трансформации, причём не простейших, вроде общераспространённого скручивания волют в колечки, а сложных, влияющих на общую конфигурацию вещей или декора.

а) Западные волюты язычковых пряжек.

Европейские образцы начала н.э. (рис.4а – 1-3) – на разнокультурных язычковых пряжках с шарнирными щитками; волюты, играя роль функционального фиксатора, «перемещались» с рамки на язычок, образуя нечто вроде «лилии» (показательны пряжки с волютами одновременно в рамке и на язычке), и деградировали, превращаясь в простую поперечину, язычковую перекладинку. Недолгая история таких типов довольно сложна: это эклектичный сплав разных по происхождению традиций поясов и декора. Не вдаваясь в детальный разбор этой типогенетической коллизии, отмечу лишь один из её аспектов. Пряжки – язычковые, но волютовое заполнение просвета – наследие шпеньковых пряжек, где ремень не закрывает просвет рамки, и его имеет смысл украшать; на язычковых пряжках всё изящество волют оказывалось под ремнём, и бессмысленно сложный элемент уступил место простой поперечине (рис.4а – 4, 5), стержневой или пластинчатой. Перекладинки бывают и на пряжках с короткими язычками, где нужды в них уже нет – то есть воспроизводятся рудиментарно и лишь заполняют просвет рамки (рис.4а – 6-7).

Поздние проявления этой версии встречаются довольно широко – видимо, язычок с фиксатором показался удачной формой. Редуцированные волюты или перекладинки на язычках бытуют до конца I тыс. н.э. (напр., Кулаков В.И., 1990, с.100, табл. VI – 6; с.109, табл. XV – 2, 3, 6; с.110, табл. XVI – 1, 4). Мне известна и минусинская пряжка такого рода (с креплением язычка как на Изыхе (ср. Кызласов Л.Р., 1960, с.38, рис.8 – 1), показывающая развитие типа (рис.4а – 8; сборы на о.Гладком; частная коллекция). С таштыкскими традициями этот вариант заполнения просвета рамки не связан.

б) Волюты и длиннорамчатые пряжки.

Среди ранних пряжек с волютами – вариант европейских длиннорамчатых овально-трапециевидных пряжек (т.н. «тип С по Раддатцу»). Разные версии – с волютами или без них, с язычком на заднем крае, на выделенной оси или на вертлюге – бытовали параллельно, так что нужно говорить в целом об истории пряжек этой группы, с волютами или без них, с выделенной осью или без неё. Важный признак типа – чёткий угол просвета между овальной и трапециевидной частями. Именно эти рамки прототипичны для таштыкских пряжек (Азбелев П.П., 1992; 2008б, с.69). Распространение их маркируется находками в Центральной и Восточной Европе, включая Северный Кавказ (рис.4б – 1-4), в Приуралье (рис.4б – 5; благодарю А.А. Краснопёрова, указавшего мне эту находку), далее – в Орлатском (рис.4б – 6, 6а), Балыктыюльском (рис.4б – 7-9, западный импорт?), Усть-Абинском (рис.4б – 10; по: Ширин Ю.В., 2003, с.224, табл. LX – 6), Кокэльском (рис.4б – 11) могильниках, на Среднем Енисее (рис.4б – 12, 13; по: Тетерин Ю.В., 1999, рис. 2 – 6, 7). Ещё сводку таких пряжек из Южной Сибири см.: Николаев Н.Н., 2000, с.72-75 (NB: автор путает их с длинными петлеобразными; близкие по общим пропорциям, они весьма разнятся типологически и по истории форм). Самые восточные экземпляры – в Корее (рис.4б – 14).

Если серийные (Raddatz K. 1957, Karten №№ 2, 3, 6) европейские находки пряжек хорошо датированы рубежом эр – началом н.э., а орлатская – позднесарматским временем (по сопутствующим находкам и реалиям гравированных миниатюр поясного набора), то редкие дальневосточные – уже серединой I тыс. н.э. (по жёстким привязкам к письменной истории) Направление и динамика распространения очевидны, как и следующая отсюда общая дата южносибирских экземпляров – не ранее второй четверти I тыс.

В данной версии на востоке волюты как таковые редки; фиксатор либо отсутствует, либо переходит, как и в Европе, на язычок, но выглядит иначе: пряжка из Орлатского могильника имела длинный язычок с округлыми выступами у переднего конца, почти целиком закрывавшими просвет рамки (рис.4б – 6, 6а). Возможно, позднейший этап развития таких язычков – на пряжках конца I тыс. из Приамурья и Приморья: пластинчатые язычки с мелким носком, который и входил в отверстие ремня; внешний контур рамки иной, сглаженный и прогнутый по бокам (рис.4б – 15), как у «типа U по Раддатцу». Проверить эту связь пока невозможно по недостатку материала (из вероятных связующих звеньев можно указать разве что длинные пряжки сходного контура, известные не по вещам, а лишь по реалиям ряда древнетюркских изваяний и среднеазиатских росписей; кроме того, существовали и шпеньковые пряжки сходного контура с пластинчатым заполнением рамки).

в) Таштыкские волюты.

Минусинские пряжки и просто рамки с волютами – все цельнолитые бронзовые. С.В. Киселёв и за ним Л.Р. Кызласов выводили волюты таштыкских пряжек из «волютового орнамента кольчатых тагарских ножей» (типа: ГЭ ОАВЕС № 5531/473, или Киселёв С.В., 1949, с.138, табл.XXIII – 13; ср. Киселёв С.В., 1949, с.243 и Кызласов Л.Р., 1960, с.40), но тагарские волюты нужно рассматривать в контексте культур скифского времени – скорее всего, это упрощение образа симметричных головок горного барана и т.п., встречающегося и на шпеньковых пряжках (Завитухина М.П., 1983, с.114, кат.45, 46), и не только на Енисее. В развитии этот мотив сводился к колечкам (а не волютам) в рамках (типа: ГЭ ОАВЕС 1296/87). Даже если этот зооморфный декор *в целом* и прототипичен для позднейших волют на пряжках, то прямой преемственности по минусинским находкам не прослеживается.

Таштыкские рамки с волютами бывают двух видов: «стандартные» (рис.3в), со шпеньком напротив волют, отходящих от основания рамки, и «обратные» со шпеньком на добавочной скобе (рис.3г). В основе обеих версий – сращиваемые со щитком той или иной стороной бляшки-«крендельки» – рамки с загнутыми внутрь окончаниями, нередкие в памятниках I тыс.; в таштыкских склепах такие «крендельки», кажется, пока не встречались, они известны в I тыс. н.э. по материалам других культур.

«Обратные» волюты размещали на двурамчатых пряжках и наконечниках (рис.1 – 1-4) или и в их одинарной версии (рис.3г – 1, Тепсей III, скл. 3; см.: Грязнов М.П., 1979, с.119, рис. 70 – 12-14; первая из указанных пряжек, рис.3г – 1, в публикации попала в сборную таблицу находок из разных склепов, Грязнов М.П., 1979, с.96, рис. 56 – 28, но входила, видимо, в тот же набор, что и другие; ср. ещё: рис. 3г – 2, Быстрая II, по: Поселянин А.И., 2003, с.276, рис. 1 – 2). «Обратные» волюты – и на изыхской пряжке с иным способом застёгивания (рис. 3г – 4, по: Кызласов Л.Р., 1960, с.37, рис. 7 – 9). Сюда же можно отнести: обкладку из золотой фольги с Койбальского чаатаса (рис.3г – 3; щитковая часть длинновата для перемычки между рамками, так что неясно, двурамчатой или одинарной была эта пряжка), фрагментированную золотую обкладку с Ташебы (рис.1 – 8) – и ещё, может быть, пряжку с ажурным псевдомеандром на щитке и повреждённой рамкой с Быстрой II (рис.2 – 22; по: Поселянин А.И., 2003, с.276, рис. 1 – 10; однозначно реконструировать рамку не удаётся).

Одинарные пряжки со «стандартными» волютами обычно имеют щитки с дугообразно фацетированными боковыми гранями, но есть исключения – например, пряжка из коллекции Радлова с составным щитком (рис.2 – 2, ажурный псевдомеандр и прямоугольный гладкий задний отдел со слабым фацетированием). Пряжки с «обратными» волютами в одинарной версии – с гладкими щитками, в двурамчатой – с обычным зубчатым декором продольных граней, с розетками на щитках или без декора.

На одинарных пряжках и «стандартные», и «обратные» волюты гипертрофировались, сливались, образуя «ножку» в точке соприкосновения (рис.3в – 3, 4), смыкались с рамкой (рис.3в – 1; рис.3г – 1), пространство между ними заполнялось вставками (рис.1 – 9, рис.3г – 4), и возникала система фигурных просветов. Развитие этой тенденции (уплощение изделия и перенос очертаний просветов между объёмными рамками и волютами – на прорези в пластинах) представлено позднейшими материалами из иных регионов; таштыкские волюты фиксируют формы ранних этапов этого развития, прототипичные для позднейшего декора «геральдических» бляшек и щитков с нефункциональным «носком» и характерным ажурным узором, на ранних типологических этапах устойчивым, а на поздних – часто разваливающимся в россыпь фигурных прорезей (Азбелев П.П., 1993, с.90, рис.1 – 1-9). Такой декор – рудимент волют, а не схема лица, как иногда считают вслед за В.Б. Ковалевской (Ковалевская В.Б., 1970). Подчеркну и здесь, что рассмотренный сложный ряд восстановлен с учётом «отражённых» периферийных проявлений.

Волюты таштыкских двурамчатых пряжек более стабильны; изменения заметны в основном на внешнем контуре: стык «шпеньковой» скобы и основной рамки сглаживался (рис.1 – 4) или, возможно, «сползал» к середине рамки, образуя чёткие выступы (рис.1 – 3; подобно тому, как волюты на необычных накладках из Минусинского музея «съехали» к середине рамки – рис.1 – 9). Аналогичные выступы бывают и на других типах пряжек («стандартных», см. Митько О.А., 2007, с.22, рис.22 – 4, или округлощитковых, см. Кызласов Л.Р., 1960, с.37, рис.7 – 1, 2, 5), но лишь развитие двурамчатых объясняет их появление.

Стремясь к симметричности фронтальной части пояса, на противоположной накладке («наконечнике») воспроизводили развёрнутые волюты с дополнительной скобой, уже нефункциональной, без шпенька. На «наконечнике» из скл. 2 Ташебинского чаатаса такая дополнительная скоба уже слита с рамкой, а примыкающий к ней щиток слегка приострён, словно бы имитируя шпенёк (рис.1 – 3 vs 4; ср. рис. из альбома В.В. Радлова: Король Г.Г., 2008, с.322, табл.XL – 21). Симметричная ташебинскому наконечнику двурамчатая пряжка (рис.1 – 3) фиксирует и типологически (не обязательно хронологически) поздний синтез разных типов рамок – с «обратными» волютами и с Т-образной прорезью.

Двурамчатые пряжки и накладки «смонтированы» из тех же элементов, что и обычные пряжки: рамок с волютами и щитков с боковыми насечками. Есть накладки то ли с обломанными рамками, то ли специально изготовленные с «полурамками» (Кызласов Л.Р., 1960, с.37, рис.7 – 13; Савинов Д.Г., 1993, с.52, рис.4 – 4) – из нескольких таких неполных накладок, расположенных на ремне встык, складывалась та же композиция, что и из полных, но более гибкая (Азбелев П.П., 1993, с.90, рис.1 – 10 vs 11).

Если «стандартные» волюты имеют широкий круг аналогий, то обратная ориентировка – специфически таштыкское явление. Она типологически вторична и, видимо, придавалась волютам для достижения симметричности декора фронтальной части пояса. Сходство «обратных» волют с хуннскими (типа: Давыдова А.В., 1985, с.106, рис.XIII – 17) – чисто внешнее: в основе хуннского мотива – совсем другие S-образные волюты.

г) Дальневосточные волюты.

Дальневосточные волюты известны как на пряжках (рис.4б – 14; ср. фото всего пояса: NMK, 2007, p.75; прорись фото: рис.5 – 1; большое спасибо А.В. Савельевой за помощь с литературой), так и на подвесках (рис.5 – 1-2: рис.6 – 2). Подвесные рамки – без шпеньков, порой приострённые, с мелкими отверстиями в рамках, через которые проволочками крепились дополнительные фигурные подвески, магатамы и т.п. Эти рамки и щитки, в отличие от таштыкских, никогда не отлиты вместе, они соединенялись шарнирно – короткую скобу на задней части рамки охватывает загнутый выступ щитка. Именно эти шарнирные подвески (а не волюты) и акцентировал А.К. Амброз, привлекая корейские пояса к изучению евразийской традиции поясов с псевдопряжками (Амброз А.К., 1981, с.17).

На подвесных рамках изредка заметно обычное скручивание волют, прорези щитков геометризуются (рис.6 – 2б; ср. фото: Van Alpen J. 2008, p.178, кат. №1), но для межкультурных сопоставлений более значим другой признак трансформации. На корейских и японских подвесках и пряжках с волютами имеется обязательная деталь, резко специфичная для дальневосточных находок – внешние «рожки» у оснований рамок, направленные к шарниру. Что это за элемент?

Его происхождение выясняется благодаря рамкам (рис.5 – 2; см. о памятнике: Воробьёв М.В., 1961, с.100-101 и рис.XXXII – 5), представляющим совершенно особый вариант развития ажурного декора: не редукция или гипертрофирование, а репликация волют – дополнительной внутренней рамкой, концентрически воспроизводящей внешнюю. Из сравнения внешней и внутренней рамок (рис.5 – 3) видно, что волюты внешней рамки, примыкая к дополнительной внутренней рамке, образовали на стыке контур «рамки с рожками», а затем – видимо, по соображениям композиционно-эстетического свойства – произошло обратное реплицирование: «рожки», образовавшиеся на стыке внешней и внутренней рамок, были «спроецированы» изнутри на внешний контур – т.е. основную наружную рамку уподобили декоративной внутренней. Новый элемент понравился, его стали воспроизводить и на подвесках с простыми рамками без внутренних реплицированных волют (рис.6 – 2а, б). При распространении нового мотива с подвесок на пряжки эти «рожки» на внешней рамке трактуются уже как отогнутые завершения длинных сторон трапециевидной части (это хорошо видно на рис.4 – 14); вышеприведённый обзор длиннорамчатых пряжек показывает, что предпосылок для появления данного признака в их общей истории нет, и здесь налицо именно результат реплицирования волют – новые формы образуются не «из ниоткуда», а из рекомбинации уже существующих элементов.

При заимствовании корейских типов в Японии «рожки» рамок не терялись. Идентичные бляхи с «рожками» у основания подвесных рамок есть в японских памятниках периода кофун (Воробьёв М.В., 1958, рис.XXIX – 1, 12; Воробьёв М.В., 1961, рис.XXXIX – 14, 15). Сам же узор из «концентрических» волют перешёл ещё и на кольчатые навершия рукоятей мечей – *канто-но тати касира* (Воробьёв М.В., 1958, рис.XXVI – 12; Баженов А.Г., 2001, рис. на с.14-16, 20; Киддер Дж.Э, 2003, с.221, рис.45). Декор мечей *канто-но тати*, связываемых с континентальными влияниями (о силланско-японских связях см.: Воробьёв М.В., 1961, с.124), среди прочих мотивов представляет и дальнейшее развитие волютового декора: крупные волюты распадаются на пары мелких (т.е. продолжается их репликация, рис.5 – 4), порой деформируются в кольца (рис.5 – 7), и из этой ажурной «мозаики» мастера иногда складывали схему традиционного образа драконов с жемчужиной (рис.5 – 5, 6).

д) Выводы о волютах.

Таким образом, ажурный волютовый декор развивался по функциональному и декоративному направлениям. В первом случае волюты редуцировались,

деградировали, сливались с рамкой или язычком, смотря по типу фиксации ремня, во втором – гипертрофировались или реплицировались. Европейские язычковые шарнирные рамки с волютами представляют одну «ветвь» развития элементов ажурного декора (деградация, редукция), цельнолитые таштыкские – другую (гипертрофирование), а шарнирные дальневосточные – третью (реплицирование). Таштыкские пряжки не имеют ни признаков реплицирования волют, ни тем более «рожек» у основания рамки, а на дальневосточных рамках этой группы нет ни редукции, ни спрямления волют. Везде образуются особые местные формы, неизвестные в других регионах или проникающие туда много позже.

Отсюда следует, что:

а) разделение «ветвей» развития волютового декора относится ко времени до начала трансформации волют – вероятно, к хуннской эпохе;

б) эти «ветви» с момента их разделения развивались независимо одна от другой.

Таштыкские и дальневосточные волютовые рамки относятся к чётко обособленным «ветвям» развития декора (единственное сходство – эпизодическое скручивание волют в колечки, не слишком специфичное для значимых сравнений), и с ни о прямом, ни об опосредованном заимствовании принадлежностей поясного набора здесь говорить не приходится. Корейская линия сопоставлений для таштыкских поясных принадлежностей – типологически, на уровне морфологии элементов набора, «не работает».

2. Композиции поясов

Корейские и таштыкские пояса.

Для полноты картины следует сравнить не только элементы наборов, но и составляемую из них композицию – зримый образ пояса, прежде всего и воспроизводимый при заимствовании (если, конечно, оно имело место в реальности). Но и на этом уровне сопоставлений таштыкские и корейские наборы совершенно не похожи (рис.6 – 1 vs 2). Корейские пояса выглядели как сверкающие металлические ленты с «бахромой» из функциональных подвесных рамок, а таштыкский пояс смотрелся своеобразной плоской цепью из посаженных с интервалами округлых блях с редкими декоративными «вставками». Это совершенно разные композиции, и аналогичными их признать нельзя.

Традиция «ленточных» поясов специфична для дальневосточных культур; она существовала в раннем средневековье только здесь и сохранялась ещё очень долго, а её композиционным принципом всегда (и независимо от того, застёгивался пояс или завязывался) оставалось сплошное заполнение поверхности ремня подквадратными ажурными накладками без дополнительных элементов между ними (ср. приамурские и приморские пояса предмонгольского времени, рис.6 – 2а-б vs 3, 4).

Таштыкская композиция поясных наборов.

а) Принцип композитности.

Чтобы понять феномен таштыкского пояса, нужно учесть типогенетические обстоятельства, чётче проявляющиеся в сложнофигурных изделиях, для которых могут быть указаны ясные прототипы. Важнейший принцип типообразования таштыкских поясных принадлежностей – имитация составной композиции цельнолитой вещью сложной формы. Изделия, существовавшие как особые предметные типы, «сращиваются» либо продольно, по одной оси, либо перпендикулярно одно к другому.

Так появились и наиболее распространённые цельнолитые пряжки (Азбелев П.П., 1992), и крестовидные распределители ремней, и поясные «вставки», накладки и пряжки с боковыми рамками (Азбелев П.П., 2008г), и представленные пока единственной находкой цельнолитые накладки – имитации рамчато-двущитковых композиций, т.н. «блоков» (Азбелев П.П., 2008б, с.66, 72, рис.1в). Распределители и накладка имеют аналоги в фоминских материалах (Ширин Ю.В., 2003, с.171, табл.VII – 5; с.251, табл.LXXXVII – 4; эти параллели требуют особого изучения, выходящего за рамки данной работы). Принцип цельнолитой имитации составных прототипов привёл и к появлению специфических двух- и трёхрамчатых поясных накладок, представляющих собой

композиции из чередующихся крупных округлых (бляшки-«крендельки») и мелких прямоугольных частей.

Лучевая версия этого же принципа представлена колесовидной портупейной бляхой с Верхнего Чумыша (Азбелев П.П., 2008г, с.125-126); продольная – т.н. «подвесками-псевдопряжками» (Панкова С.В., 2003, с.272, рис.; к этой сводке нужно добавить: Деревянко Е.И., 1977, с.191, табл.XXVII – 8, 17), обычно включающими как составной элемент и бляшки-«крендельки» с волютами, гипертрофированными иногда уже в спирали.

Принцип жёсткой компоновки сложных форм из простых элементов в южносибирских культурах словно бы застыл на ранних этапах своей истории. Но в других регионах его развивитие не останавливалось. Тот же типогенетический принцип (в продольной и лучевой версиях с общим уплощением изделий) стал одним из стилеобразующих для фурнитуры геральдического стиля (Азбелев П.П., 2008в, с.289). Наконец, применение именно этого принципа породило, например, такие характерные для древнетюркской эпохи типы, как Т-образные и трёхлучевые (уздечные и портупейные) распределители ремней.

Столь широкое распространение данного типогенетического механизма не позволяет считать его лишь приёмом «из арсенала» таштыкского погребального моделирования: несомненно, цельно-композитные изделия бытовали и в повседневной жизни.

б) Таштыкские и «круглобляшечные» пояса.

При таком взгляде становится понятно, как преодолеть типологическую уникальность таштыкского пояса. Решающее значение имеет не частная морфология деталей, а воспроизводимая их совокупностью общая композиция набора – чередование округлых блях с прямоугольными, причём округлые элементы (рамки с волютами) крупнее и приподняты (см. боковые виды на рис.1 – 3, 4), а прямоугольные имеют подчинённое значение, лишь заполняя пространство между образующими основу композиции округлыми рамками.

Поясные наборы из округлых бляшек хорошо известны в азиатских материалах древнетюркской эпохи и ранее – первой половины I тыс. н.э. Наиболее древние в I тыс. её образцы – тиллятепинский пояс из погр. 4 (рис.7 – 1); симметричные элементы фронтальной части «парфянского пояса» из музеев Метрополитэн и Британского, колл. Дж.П. Моргана (Черников С.С., 1965, с.140, фото); пояс, изображённый на статуе бодисатвы из 2-го храма в Дальверзин-тепе (Пугаченкова Г.А., 1989, с.14, фото; Тургунов Б.А., 1989, с.90-92, фото), причём здесь округлые бляшки украшают не только пояс, но и другие части костюма, и расположены встык без промежутков, подтверждая тезис о второстепенности прямоугольных элементов. На сасанидских рельефах такие пояса носят цари, а на афрасиабских и восточнотуркестанских росписях – знатные тюрки (Аржанцева И.А., 1987, Yatsenko S.A., 2004). Пояса с каменными и металлическими округлыми бляшками известны в китайских и сино-согдийских могилах середины – третьей четверти I тыс. н.э. (ср. пояс из могилы сабао Аньцзя 570-х гг., Anjia tomb, 2003, p.63). На Алтае «круглобляшечные» наборы найдены на могильниках Кок-Паш и Кудыргэ (рис.7 – 3, 4), а в Восточном Казахстане доживают до рубежа тысячелетий (Арсланова Ф.Х., 1969, с.44, рис.1 – 2). Позднейшее «эхо» традиции «круглобляшечных» поясов – басандайские и др. круглые бляхи, уже с обычными для предмонгольского времени выносными скобами для подвесок (Басандайка, с.270, табл.55 – 22, 25; Кызласов И.Л., 1980, с.90, рис.8 – 1, 2).

Круглобляшечные пояса были ведущим типом во времена Первого каганата; я предполагаю, что именно они были одним из центральных элементов государственной культуры ашина – элитного рода, вставшего во главе тюркской державы. На следующем, катандинском этапе развития восточнотюркских культур, в эпоху телеских ханств и Второго каганата, «круглобляшечные» композиции существуют уже не в чистом виде, а в сочетании с более распространёнными в это время «геометрическими» бляхами. У западных тюрков круглобляшечные пояса бытовали дольше, чем у восточных. В общих чертах история таких поясов сводится к постепенному разрушению исходной древней композиции: наборы

из круглых бляшек всё больше «разбавляются» изделиями посторонних типов, и наконец круглые бляшки становятся преимущественно второстепенным элементом.

Место таштыкских поясов в этом ряду вполне очевидно. Из сравнения с этими поясами таштыкского набора (рис.7 – 2 vs 1, 3, 4) видно, что в нём, с одной стороны, элементы исходной композиции имитированы «подробнее» – не только круглые бляхи, но и заполнение пространства между ними; с другой стороны, имитация выполнена из элементов, типологически весьма далёких от бляшек как прототипичной, так и древнетюркской композиций; кроме того, в тюркских «круглобляшечных» наборах уже не проявлялся принцип композитности. Кыргызы-*цигу*, на алтайском этапе истории раннетюркских племён (после 460 г.) поселившиеся между Абаканом и Енисеем и оставившие таштыкские склепы (Савинов Д.Г., 1988; Азбелев П.П., 2008д), явно не входили в число первых носителей традиции «круглобляшечных» поясов: они лишь внешне воспроизвели их облик из привычных для себя элементов и привычным для себя способом, создав совершенно своеобразную разновидность поясов данного типа.

Заключение

Итак, таштыкский наборный пояс – это периферийная имитация ранних версий круглобляшечной композиции, воплощённой при помощи предметных типов различного происхождения с широким применением «принципа композитности» и эпизодическим использованием в декоре хуннских элементов. Прототипов таштыкского пояса и его элементов на Енисее нет; их поиск, как и детальный разбор исторических обстоятельств сложения культуры таштыкских склепов, составляет особую задачу, связанную с изучением истоков «принципа композитности» и путей распространения европейских и среднеазиатских типов на восток в первые века н.э.

Скорее всего, в таштыкской культуре бытовали два типа поясов: «парадный», из двурамчатых блях с символическими «подвесками» – вставными нефункциональными рамками, и «функциональный» – с неясной пока композицией и настоящими подвесными ремешками. В пользу такого предположения, кроме уже приведённых типологических наблюдений, говорят таштыкские гравировки «ошкольской группы» (о них см.: Азбелев П.П., 2008д, с.462-463, там же в прим.12 лит. вопроса; благодарю С.В. Панкову за обсуждение вопроса и ознакомление с неопубликованными фотоматериалами). Рисунки схематичны, но на них различимы «парадные» пояса с двурамчатыми элементами (рис.8 – 1, 2 vs 3), и подвесные ремешки «функциональных» поясов. Чем застёгнуты последние – не видно, зато в одной подвеске опознаётся В-образная пряжка (рис.8 – 1а vs 4-6), другая – напоминает пряжку с трапециевидно-вогнутой рамкой, условно изображённой в виде двух треугольников, сомкнутых вершинами (?). В других случаях показаны подвески, завершающиеся, на мой взгляд, кольчатыми рамками (рис.8 – 2 vs 7-8). Но такие рамки свойственны и «вставкам» «парадных» поясов (рис.1 – 7, 9), и поэтому не исключено, что вернее трактовка С.В. Панковой (Панкова С.В., 2002), сравнившей эти подвески с витыми цепочками (рис.8 – 2 vs 9-10); против этой версии – избыточное количество изображённых «цепочек» и то, что сами предметы, для подвешивания которых и нужны «цепочки» (ср. обзоры: Вадецкая Э.Б., 1999, с.124; Николаев Н.Н., 2000, с.75-78), не показаны. Т.о., реалии, различимые на этих гравировках, не всегда опознаются однозначно, но во всех реалистичных «прочтениях» это таштыкские вещи. На нижнем поясе в одном случае (рис.8 – 2) видна круглая бляшка, но можно ли отсюда делать какие-то выводы, неясно.

Сравнение ошкольских изображений с другими таштыкскими рисунками убеждает в том, что использование «парадных» наборных поясов было свойственно лишь одной из социальных групп таштыкского общества. Её соотношение с прочими группами на местных материалах не выясняется, но по аналогии с другими культурами можно думать, что наборный пояс был знаком высокого социального статуса.

В отличие от менее «семантизированных» элементов культуры, таштыкские пояса не могли пережить культурную трансформацию, сопровождавшую становление государства енисейских кыргызов в середине (второй трети) VII в., когда таштыкское население оказалось на втором уровне социальной иерархии после аристократической

группы, хоронившей под оградами «типа чаатас». Поскольку с престижными «парадными» поясами явно связаны лишь волютовые рамки, постольку отсутствие в склепе двурамчатых пряжек и накладок с волютами косвенно указывает на возможность относительно поздней даты (хотя прямо датировать по отсутствию признака, разумеется, недопустимо). Вместе с тем кыргызские пояса VII-VIII вв. неизвестны, и установить время отмирания таштыкской поясной традиции пока невозможно; в склепе Арбанского чаатаса (второй четверти VII в., см. о датировке: Азбелев П.П., 2008а, с.56-62) пряжек уже не было. Решение этого вопроса нужно отложить до появления подробных разработок хронологии склепов и других типов минусинских памятников эпохи раннего средневековья.

Библиографический список

1. Азбелев, П.П. Типогенез характерных таштыкских пряжек // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края / П.П. Азбелев. – Красноярск, 1992. – Т. II. – С.48-52.
2. Азбелев, П.П. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля // Петербургский археологический вестник / П.П. Азбелев. – СПб, 1993. – Вып. 3. – С.89-93.
3. Азбелев, П.П. Стремена и склепы таштыкской культуры // Исследование археологических памятников эпохи средневековья / П.П. Азбелев. – СПб, 2008. – С.56-68.
4. Азбелев, П.П. Хуннские элементы в таштыкском декоре // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / П.П. Азбелев. – Горно-Алтайск, 2008б. – Выпуск 7. – С.66-75.
5. Азбелев, П.П. К систематике поясных наборов древнетюркской эпохи // Жилище и одежда как феномен этнической культуры. Материалы Седьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений / П.П. Азбелев. – СПб, 2008в. – С.285-290.
6. Азбелев, П.П. Таштыкские крестовидные распределители ремней // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст / П.П. Азбелев. – СПб, 2008г. – С.122-127.
7. Азбелев, П.П. Первые кыргызы на Енисее // Вестник СПбГУ / П.П. Азбелев. – 2008д. – Серия 12. – Вып. 4. – С.461-469.
8. Амброз, А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА / А.К. Амброз. – 1971. – №3. – Ч. II. – С.106-134.
9. Амброз, А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР / А.К. Амброз. – М., 1981. – С.10-23.
10. Амброз, А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. / А.К. Амброз. – М., 1989. – 134 с.
11. Арсланова, Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана / Ф.Х. Арсланова. – Алма-Ата, 1969. С.43-57.
12. Аржанцева, И.А. Пояса на росписях Афрасиаба // История материальной культуры Узбекистана / И.А. Аржанцева. – Ташкент, 1987. – Вып.31. – С.106-122.
13. Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: 1947 (на обложке – 1948). – 308 с.
14. Баженов, А.Г. История японского меча / А.Г. Баженов. – СПб, 2001. – 264 с.
15. Вадецкая, Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири / Э.Б. Вадецкая. – СПб, 1999. – 440 с.
16. Воробьёв, М.В. Древняя Япония: Историко-археологический очерк / М.В. Воробьёв. – М., 1958. – 183 с.
17. Воробьёв, М.В. Древняя Корея (историко-археологический очерк) / М.В. Воробьёв. – М., 1961. – 194 с.

18. Грязнов, М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М.П. Грязнов. – Новосибирск, 1979. С.89-146.
19. Давыдова, А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье / А.В. Давыдова. – Л., 1985. – 111 с.
20. Деревянко, Е.И. Троицкий могильник / Е.И. Деревянко. – Новосибирск, 1977. – 224 с.
21. Завитухина, М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции / М.П. Завитухина. – Л.: «Искусство», Лен. отд., 1983. – 192 с.
22. Киддер, Дж.Э. Япония до буддизма. Острова, заселённые богами / Дж.Э. Киддер. – М., 2003. – 286 с.
23. Киселёв, С.В. Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР / С.В. Киселёв. – М.-Л., 1949. – № 9. – 364 с.
24. Ковалевская, В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI-IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии / В.Б. Ковалевская. – М., 1970. – С.144-155.
25. Король, Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки / Г.Г. Король. – М. – Кемерово, 2008. – 332 с. (Труды САИПИ, вып. V).
26. Кулаков, В.И. Древности пруссов VI-XIII вв. // САИ / В.И. Кулаков. – М., 1990. – Вып. – Г1-9. – 168 с.
27. Кызласов, И.Л. Кыпчаки и восстания енисейских племён в XIII в. // СА / И.Л. Кызласов. – 1980. – № 2. – С.80-93.
28. Кызласов, Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.) / Л.Р. Кызласов. – М., 1960. – 198 с.
29. Митько, О.А. Таштыкские памятники могильника Маркелов Мыс II. Материалы к реконструкции сожжения погребальных сооружений (по результатам раскопок склепа № 8) // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края / О.А. Митько. – Новосибирск, 2000. – С.39-61.
30. Николаев, Н.Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М.Л. Подольского / Н.Н. Николаев. – СПб, 2000. – С.70-84.
31. Панкова, С.В. К интерпретации загадочных фигур из Хакасии // История и культура Востока Азии. Материалы международной научной конференции / С.В. Панкова. – Новосибирск, 2002. – Том 2. – С.135-140.
32. Панкова, С.В. «Подвески-псевдопряжки» в средневековых памятниках Сибири // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / С.В. Панкова. – СПб, 2003 (на обложке – 2002). – Кн.II. – С.271-274.

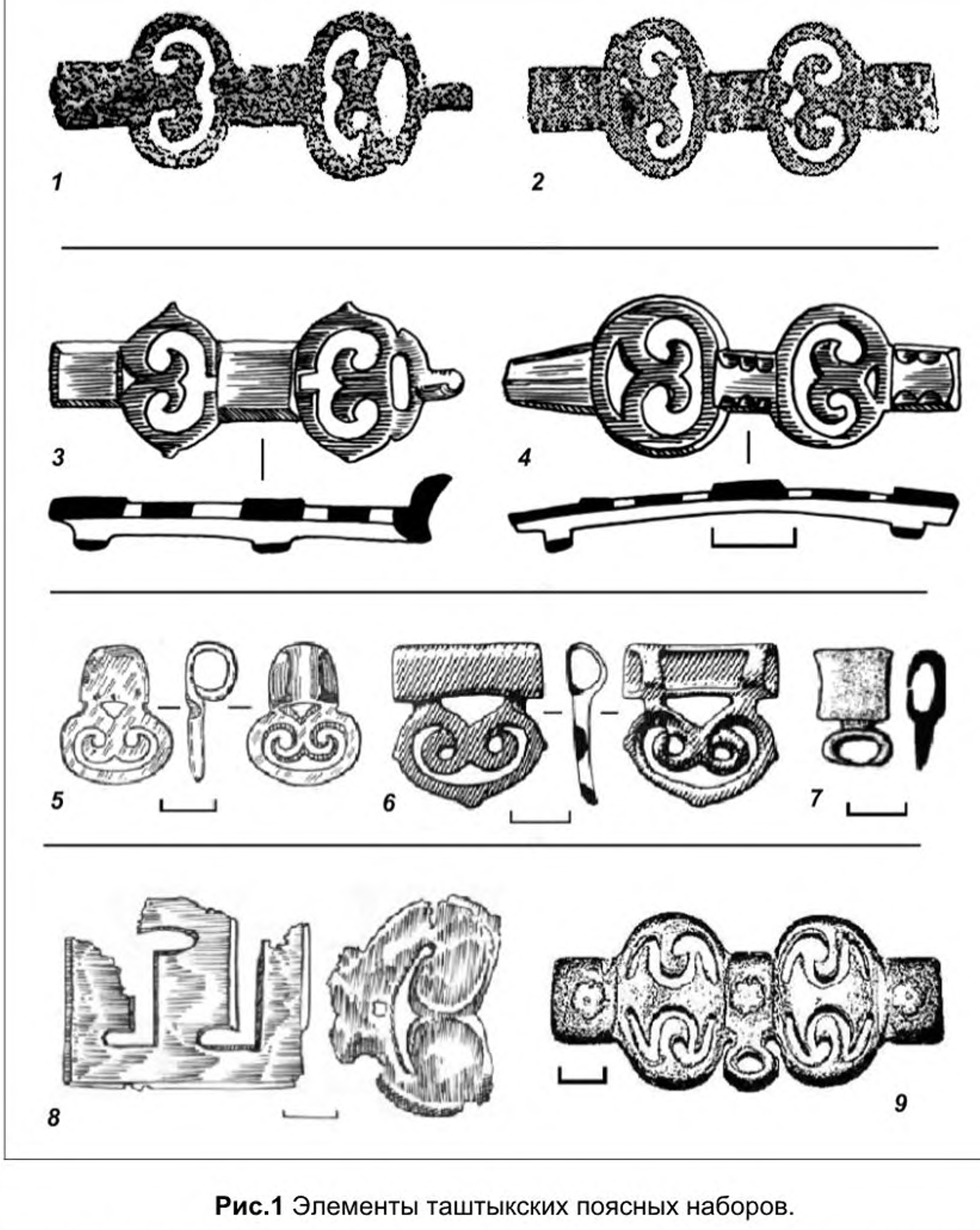

Рис.1 Элементы таштыкских поясных наборов.

1, 2 — Уйбатский чаатас, скл.5 (без масштаба); 3, 4 — Ташебинский чаатас, скл.2; 5 — Изыхский чаатас, скл.2; 6 — Красная Грива, скл.1; 7 — Быстрая II, склеп; 8 — Ташебинский чаатас, скл.1; 9 — сборы, ММ № А8468.
По С.В. Киселёву, Э.Б. Вадецкой, Л.Р. Кызласову, А.И. Поселянину, также рис. автора.

ЩИТКИ → / РАМКИ ↓		1	2	3	4	5	6	7	0
									—
1		 1	 22			 3			
2		 1a	 2	 4					
3			 21	 5	 6	 7			
4						 15		 15a	 16
5						 8	 9	 10	 11
6							 12	 13	 14
7								 17	 18
8									 19
9									 20
		1	2	3	4	5	6	7	8

Рис.2 Систематика таштыкских пряжек.

1, 4, 5, 6 — Изыхский чаатас, скл.2; 1а — Тепсей III, скл.3; 2 — колл. В.В. Радлова (ГЭ ОАВЕС 1123/257); 21, 22 — Быстрая II; 3 — Койбальский чаатас, склеп; 7, 14, 15, 15а — Усть-Тесь; 8-12 — Изыхский чаатас, скл.1; 13, 16, 18, 19 — Сырский чаатас, скл.1; 17 — Тепсей III, скл. 2.

По С.В. Киселёву, Л.Р. Кызласову, Э.Б. Вадецкой, И.И. Таштандинову, А.И. Поселянину, С.В. Панковой, также рис. автора. Масштаб разный.

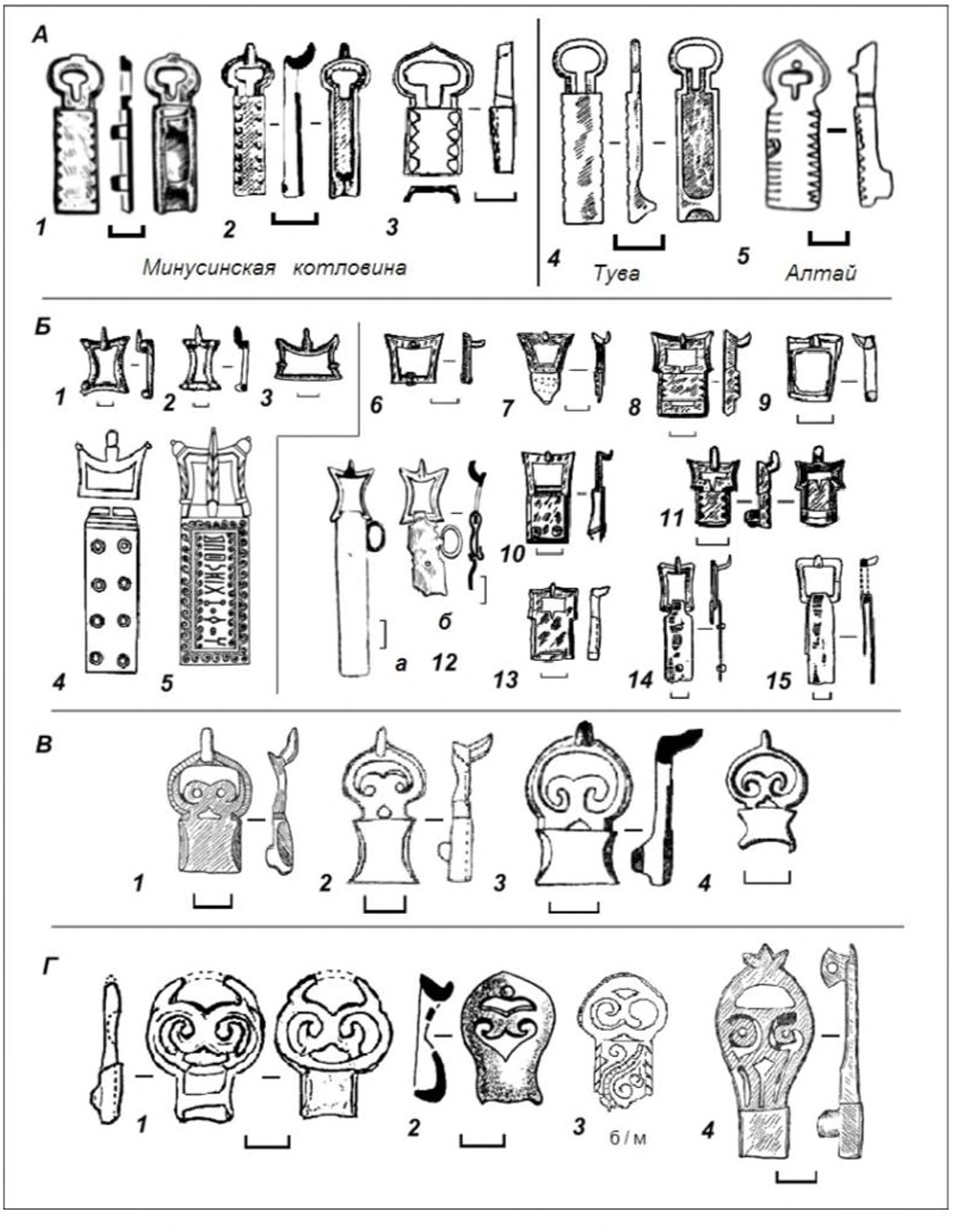

Рис.3 Типы таштыкских пряжек и их происхождение.

А — цельнолитые таштыкские пряжки и их южносибирские аналоги: 1 — Усть-Тесь; 2 — Степновка; 3 — ГЭ ОАВЕС № 5531/1380; 4 — Кокэль; 5 — Степной Чумыш.
Б — пряжки с трапециевидными рамками: 1 — Беляус; 2 — Неаполь Скифский; 3 — Колоколин; 4 — провинциально-римский тип (б/м); 5 — Вади-Дура, Йемен (9,5 см); 6, 7, 10 — Изыхский чаатас, скл.1; 8, 11, 13 — Сырский чаатас, скл.1; 9 — Тепсей III, скл.2 (ГЭ ОАВЕС № 2616/133); 12 — Усть-Тесь, скл.1 (а — 1929, б — 1999); 14-15 — Кокэль.
В — пряжки со «стандартными» волютами: 1 — Изыхский чаатас, скл.2; 2 — Тепсей IV, скл.4; 3 — Тепсей III, скл.3 (ГЭ ОАВЕС № 2616/254); 4 — Усть-Тесь, скл.3.
Г — пряжки с «обратными» волютами: 1 — Тепсей III, скл. 3 (ГЭ ОАВЕС № 2616/19); 2 — Быстрая II (возможно, рис. неточен); 3 — Койбальский чаатас; 4 — Изыхский чаатас, скл.2.
По Д.Г. Савинову, В.П. Дьяконовой, А.П. Уманскому, О.Д. Дашевской, И.П. Русановой, М.Б. Щукину, Ж.-Ф. Бретону, Л.Р. Кызласову, С.В. Киселёву, М.П. Грязнову, Э.Б. Вадецкой, И.И. Таштандинову, А.И. Поселянину, также рис. автора.

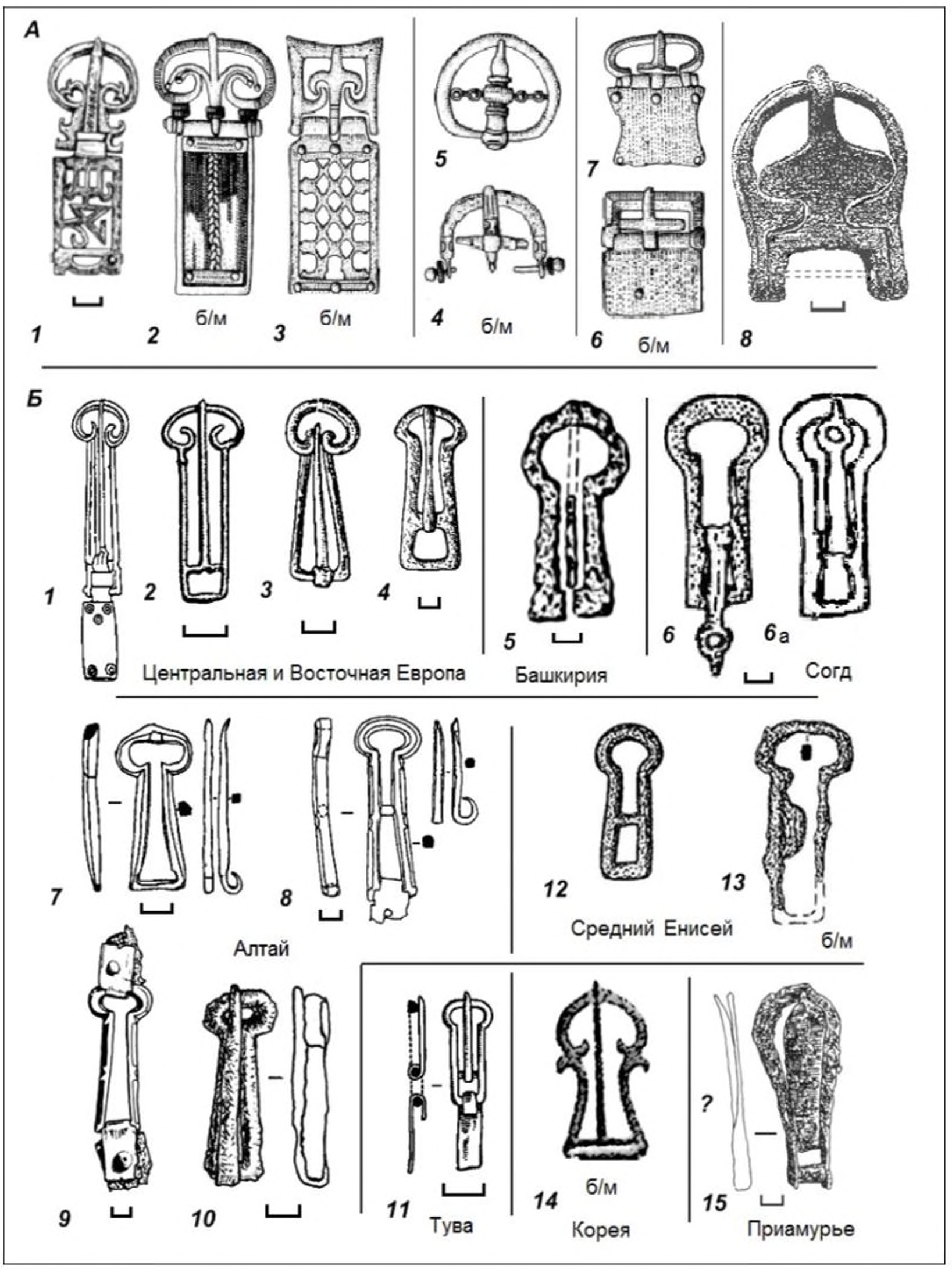

Рис.4 Пряжки с волютами и связанные типы.

А — Европейские пряжки с волютами и их развитие (1 — по Е.М. Алексеевой, 2-7 — по R. Madyda-Legutko, 8 — Средний Енисей, сборы, рис. автора). *Б* — Длиннорамчатые пряжки. 1 — «маркоманская» пряжка типа С по Раддатцу (рис. по М.Б. Щукину); 2 — Лучка (по И.П. Русановой); 3 — Нижний Джулат (по М.П. Абрамовой); 6 — Золотобалтовский мог-к, Крым (по О.Д. Дашевской); 5 — Ново-Сасыкуль, Башкирия (по С.М. Васюткину, В.К. Калинину); 6 — Орлат (по Г.А. Пугаченковой, 6а — с элементами реконструкции); 7-9 — Балыктыюль (ГЭ ОАВЕС №№ 2815/13-14; 7-8 — рис. автора, 9 — по С.С. Сорокину); 10 — Усть-Абинский мог-к (по Ю.В. Ширину); 11 — Кокэль, Тува (по В.П. Дьяконовой); 12-13 — Минусинская котловина (12 — сборы, 13 — Староозначенская Переправа I; по

Ю.В. Тетерину) 14 — Корея, Силла (по NMK, 2007); 15 — Корсаковский могильник (по В.Е. Медедеву).

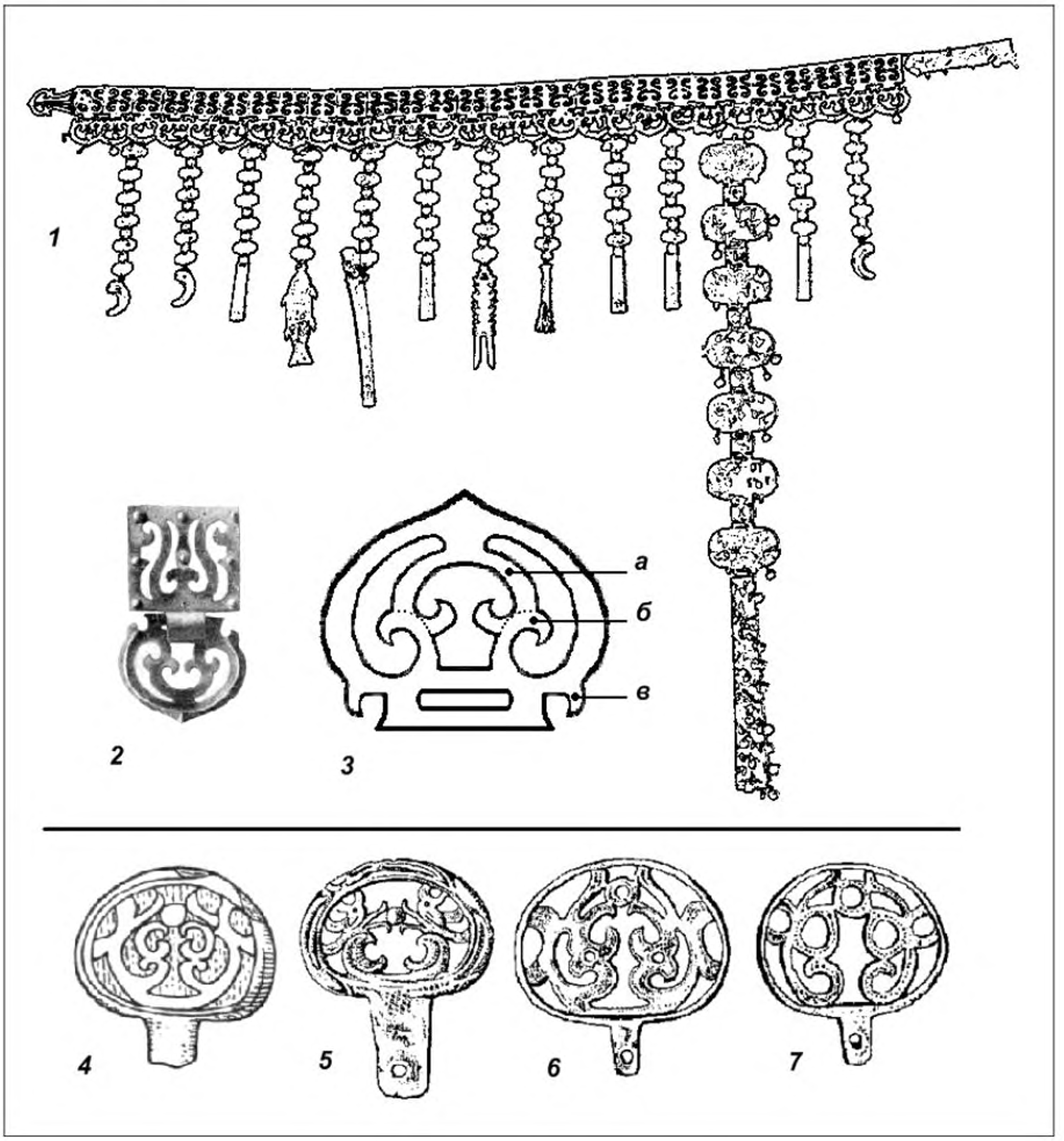

Рис.5 Дальневосточные волюты.

1 — пояс с волютовой пряжкой и подвесками, курган Хваннамдэчхон, Кёнджу, пров. Кёнсан-Пукто, Корея, царство Силла (рис. по фото из NMK, 2007); 3 — кург. № 1 близ дер. Сонсан в пров. Чхунчон-намдо, Корея, царство Пэкче (по М.В. Воробьёву); 4 — типогенетическая схема для корейских рамок с репликацией волют, рис. автора (*а* — дополнительная внутренняя рамка; *б* — образование «рожек» на стыке внешней и снутренней рамок; *в* — проекция «рожек» на внешнюю рамку); 5 — ажурный декор мечей *канто-но тати*, Япония, кофун (по М.В. Воробьёву, Дж.Э. Киддеру). Масштаб разный.

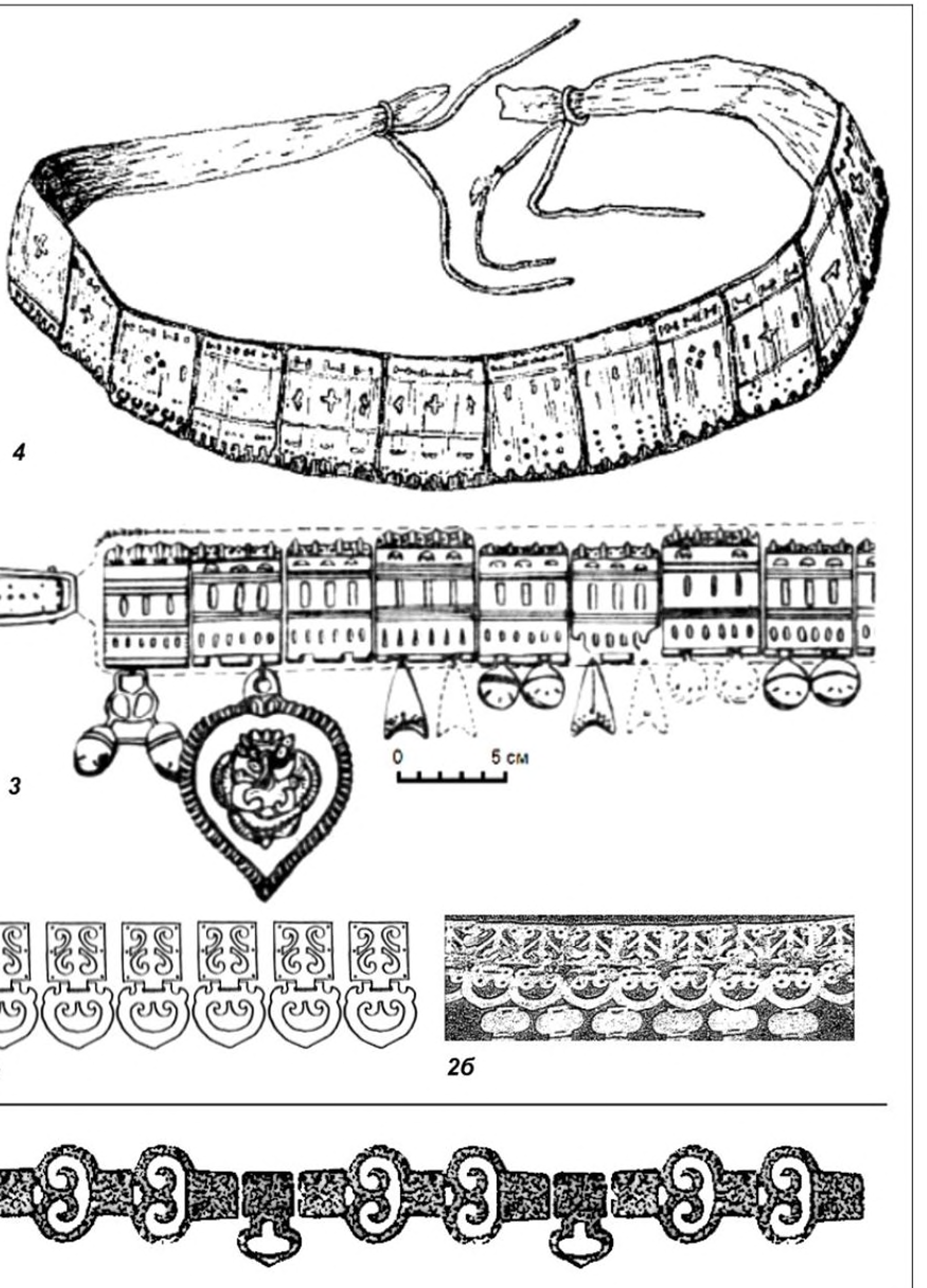

Рис.6 Таштыкский и дальневосточные поясные наборы.

1 — Уйбатский чаатас, скл.5 (схема по публ. С.В. Киселёва); 2 — корейский пояс (а — схема по публ. М.В. Воробьёва, б — рис. по фото из: Van Alpen, J. 2008). Поздние приамурские пояса: 3 — Корсаковский могильник, 4 — Надеждинский могильник (по В.Е. Медведеву). Масштаб разный.

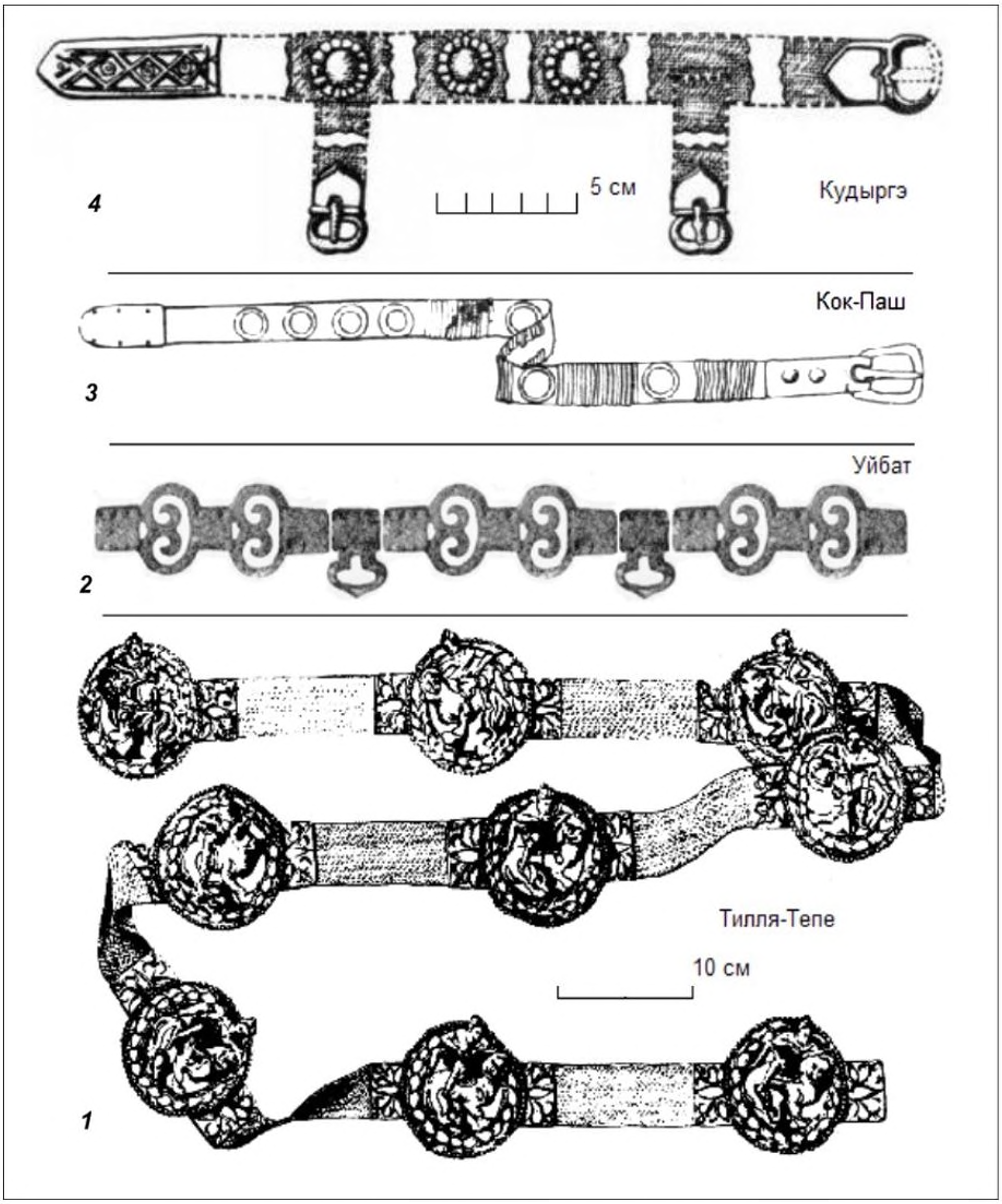

Рис.7 Таштыкский и «круглобляшечные» поясные наборы.

1 — Тилля-тепе, погр.4 (по В.И. Сарианиди); 2 — Уйбатский чаатас, скл.5 (на основе фото из публ. С.В. Киселёва); 3 — Кок-Паш, реконструкция (по А.С. Васютину); 4 — Кудыргэ, реконструкция (по В.А. Могильникову). Масштаб разный.

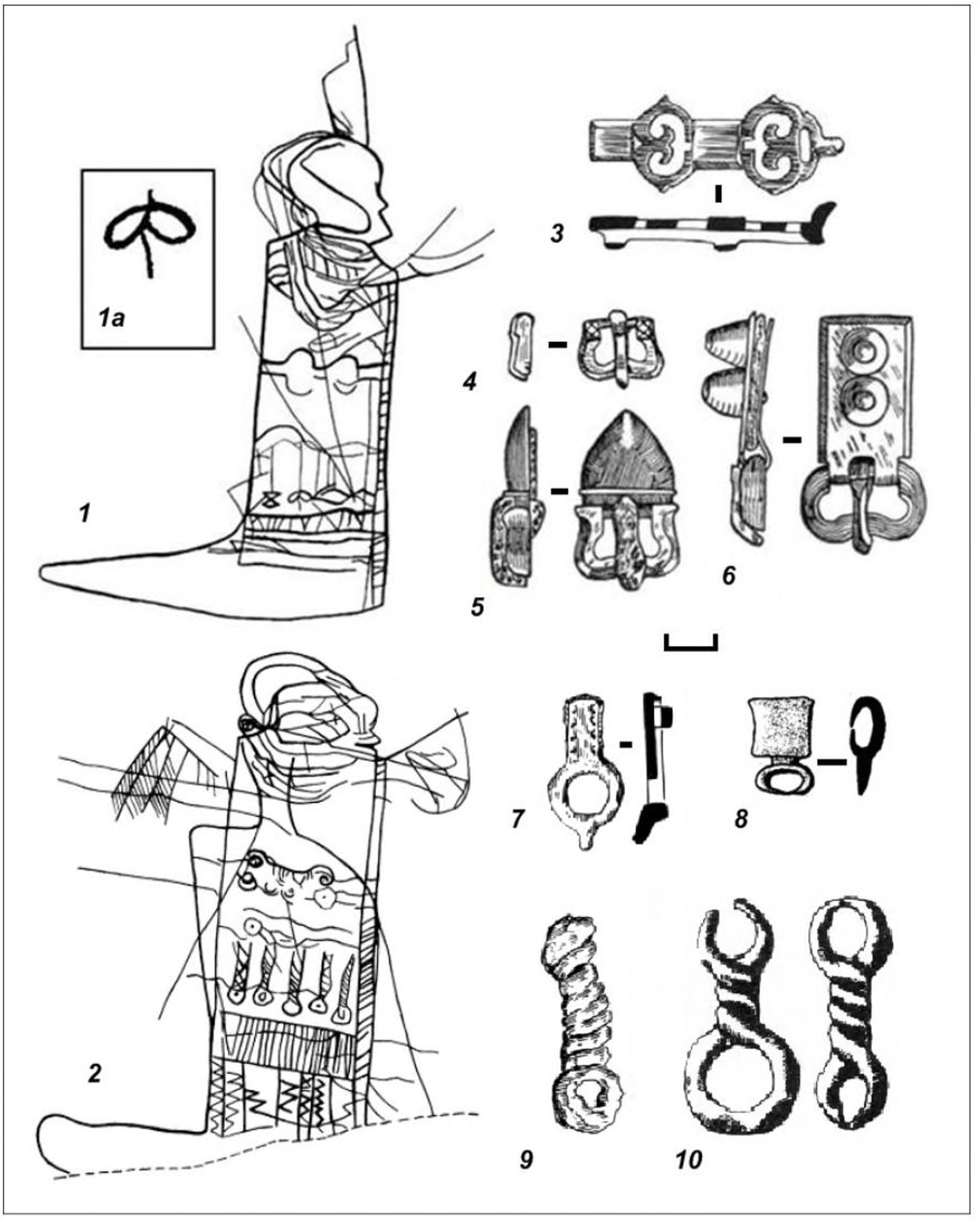

Рис.8 Таштыкские гравировки с изображениями поясов.

1-2 — Ошкольская писаница, высота фигур 16,5 и 15,5 см. (по С.В. Панковой).
3-10 — аналогии реалиям (3 — Ташебинский чаатас, скл.2; 4 — Сырский чаатас, скл.1; 5, 6 — Изыхский чаатас, скл.1; 7, 9 — Усть-Тесь, скл.1; 8 — Быстрая II, склеп; 10 — Думная гора, скл.4). По Э.Б. Вадецкой, Л.Р. Кызласову, А.И. Поселянину. Масштаб только для вещей.

33. Поселянин, А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Быстрая II на Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / А.И. Поселянин. – СПб, 2003 (на обложке – 2002). – Кн.II. – С.274-278.
34. Пугаченкова, Г.А. В поиске культурных ценностей прошлого // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана в свете новых открытий Узбекистанской искусствоведческой экспедиции / Г.А. Пугаченкова. – Ташкент, 1989. – С.7-28.
35. Савинов, Д.Г. Владение Цигу древнетюркских генеалогических преданий и таштыкская культура // Историко-культурные связи народов Южной Сибири / Д.Г. Савинов. – Абакан, 1988. – С.64-74.
36. Савинов, Д.Г. Таштыкский склеп Степновка II на юге Хакасии // Археологические вести / Д.Г. Савинов. – СПб, 1993. – Вып. 2. – С.44-47.
37. Тургунов, Б.А. Раскопки второго буддийского храма на Дальверзинтепе (предварительное сообщение) // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана в свете новых открытий Узбекистанской искусствоведческой экспедиции / Б.А. Тургунов. – Ташкент, 1989. – С.81-95.
38. Черников, С.С. Загадка Золотого кургана / С.С. Черников. – М., 1965. – 190 с.
39. Ширин, Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры) / Ю.В. Ширин. – Новокузнецк, 2003. – 288 с.
40. Щукин, М.Б. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (К методике историко-археологических сопоставлений) // АСГЭ / М.Б. Щукин. – Л., 1991. – Вып.31. С.91-106.
41. Anjia tomb, Anjia tomb of Northern Zhou at Xi'an (With an English Abstract). By Shaanxi Provincial Institute of Archaeology / Shaanxi Provincial Institute of Archaeology. – Beijing: Cultural Relics Publishing House, 2003. – 113 с. + альбом, на кит. яз.
42. Breton J.-F. etc, Trésors du Wādī Dura' (République du Yémen). Fouille franco-yéménite de la nécropole de Hajar am-Dhaybiyya / Bibliothèque archйologique et historique / Jean-Franзois Breton. – Paris, 1993. – T. CXLI. – 110 pp. Pl.1-41.
43. NMK, National Museum of Korea. Published by Cultural Fundation of National Museum of Korea. – Seoul, 2007. ISBN 978-89-960499-6-8.
44. Raddatz, K. Der Thorsberger Moorfund: Gьrtelteile und Kцrperschmuck / Klaus Raddatz. – Neumьnster, 1957. – 158 S. Taf.1-20, Kart.1-15.
45. Van Alpen, J. The smile of Buddha: 1600 years of Buddhist art in Korea / Jan Van Alpen. – Brussels: Centre for Fine Arts, 2008. – 255 pp. (каталог временной выставки 10.10.2008 – 18.01.2009).
46. Yatsenko, S.A. The Costume of Foreign Embassies and Inhabitants of Samarkand on Wall Painting of the 7th c. in the Hall of Ambassadors from Afrasiab as a Historical Source // Transoxiana / S.A. Yatsenko. – Roma, 2004. – № 8.

Тишкин А.А, Серегин Н.Н.
(г. Барнаул, Россия)

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ В ОНГУДАЙСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ[1]

Составление подробных карт распространения археологических памятников в различных регионах России остается весьма актуальным. Подобная работа является

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Археологическая карта памятников Алтая эпохи средневековья» (№09-01-60103а/Т).

своего рода обобщением многолетних исследований объектов, относящихся к древности и средневековью. На сегодняшний день накоплен значительный опыт в области систематизации погребальных, поминальных и поселенческих комплексов Республики Алтай (Соёнов В.И., Суразаков А.С., 2001; Молодин В.И., и др., 2004; Бородовский А.П., и др., 2005; Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006; и др.). При этом очевидна необходимость продолжения археологических исследований, направленных на выявление и всестороннюю фиксацию археологических памятников региона. В ходе такой работы возможно получение значительного объема научной информации, которая обеспечит решение ряда проблем без трудоемких раскопок. Кроме этого, в современных условиях практически бесконтрольного землепользования важно вовремя поставить на государственный учет объекты культурно-исторического наследия. Одной из наиболее эффективных форм обнаружения археологических комплексов является сплошное и неоднократное обследование выбранной территории.

Разведочные работы, проведенные авторами статьи в 2008 г., являлись продолжением плановых полевых изысканий Яломанской археологической экспедиции Алтайского государственного университета в рамках изучения древних и средневековых памятников Центрального Алтая. Уже в течение ряда лет осуществляется фиксация различных объектов в долине Катуни на участке между селами Купчегень и Иня (Онгудайский район Республики Алтай). При этом применяются различные способы и приборы инструментальной съемки. В прошедшем полевом сезоне было обнаружено еще несколько памятников (рис. 1).

Основным местом обследований стало урочище Уркош на левом берегу Катуни, в 1,5–3 км к северу от устья р. Большой Яломан. Полевые исследования в этом микрорайоне целенаправленно проводятся с 1980-х годов XX в. В результате были изучены объекты различных эпох (Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2006). Новые памятники получили очередные обозначения в рамках Уркошского археологического микрорайона.

Уркош-VII (рис. 2). Памятник расположен в 2,1 км на север от устья р. Большой Яломан, на ровной площадке, представляющей собой левобережную надпойменную террасу р. Катунь аллювиального происхождения. Погребально-поминальный комплекс находится между 689 и 690 км Чуйского тракта в направлении на с. Ташанта, в 30 м к западу от этой автомагистрали. В 4,3 км к югу-юго-востоку от объекта расположено с. Малый Яломан. Памятник представляет собой группу из 18 выявленных погребальных и поминальных объектов. Географические координаты кургана №1 данного комплекса по GPS-приемнику: N – 50°32.561'; E – 086°34.523'. Высота над уровнем моря – 749 м. Семь небольших курганов (№ 1, 3, 6, 10, 12, 17, 18), а также кольцо из крупных камней (объект №15) предварительно отнесены к пазырыкской культуре скифо-сакского времени (2-я половина VI–III вв. до н.э.). Две каменные прямоугольные смежные оградки (№ 7, 8) характерны для тюркской культуры периода раннего средневековья (2-я половина V–XI вв. н.э.). Неясной остается датировка объекта №14, представляющего собой оградку, стенки которой состоят из рядов балбалов (вкопанных в землю камней) высотой от 0,03 м до 0,09 м. Выявленные камни расположены по линиям север-юг и запад-восток, образуя прямоугольник. Остальные зафиксированные на памятнике каменные выкладки и вертикально стоящие камни могут быть предварительно отнесены к поздней древности и раннему средневековью.

Уркош-VIII (рис. 3). Памятник обнаружен в 2,35 км к северу от устья р. Большой Яломан, в 190 м к востоку от Чуйского тракта, между 689 и 690 км этой автомагистрали, и в 543 м к северо-востоку от погребально-поминального комплекса Уркош-VII. В 4,55 км на юг-юго-восток от объекта расположено с. Малый Яломан. Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 50°32.802'; E – 086°34.802'. Высота над уровнем моря – 737 м. Одиночный курган находится на самом краю левобережной террасы р. Катунь. Представляет собой округлую каменную насыпь диаметром 13,3 м и высотой 0,35 м. На поверхности местами хорошо фиксируется кольцо из плоских плит, вертикально вкопанных по периметру кургана. В центре объекта имеется западина диаметром 5,3 м и глубиной 0,2 м. В 4,5 м к западу от кургана проходит полевая дорога. Необходимо

подчеркнуть, что объект находится в аварийном состоянии: восточная пола насыпи частично сползла вниз по обрыву. Перечисленные показатели надмогильного сооружения характерны для памятников афанасьевской культуры эпохи энеолита – ранней бронзы (конец IV – начало II тыс. до н.э.). Отметим, что прямо напротив зафиксированного кургана, на другом берегу Катуни, расположен хорошо известный одновременный могильник Сальдяр-I (Ларин О.В., 2005).

Уркош-IX (рис. 4). Памятник расположен на левобережной террасе р. Катунь, в 2,55 км к северу от устья р. Большой Яломан, в 80 м к западу от Чуйского тракта, между 689 и 690 км этой автомагистрали. Объект расположен в 460 м на северо-запад от памятника Уркош-VIII. В 100 м от него, на восток-северо-восток находится указатель с отметкой «689 км». В 4,7 км на юг-юго-восток от памятника расположено с. Малый Яломан. Географические координаты объекта по GPS-приемнику следующие: N – 50°32.908'; E – 086°34.527'. Высота над уровнем моря – 733 м. Памятник представляет собой одиночную прямоугольную ограду из вкопанных в землю камней и плит, расположенную на склоне террасы. В центре объекта установлены два крупных камня. Ограда вытянута по линии запад-восток, длина сторон соответственно 5,7 м и 3,35 м, высота объекта – до 0,35 м. Западная стенка сооружения разрушена. Культурную и хронологическую принадлежность памятника до раскопок определить сложно. Прямоугольные ограды характерны для кочевников тюркской культуры периода раннего средневековья (вторая половина V–XI вв. н.э.). Не исключено, что зафиксированный объект относится к этому же времени.

Уркош-X (рис. 4). Одиночная ограда зафиксирована на левобережной террасе р. Катунь, в 2,65 км к северу от устья р. Большой Яломан, в 25 м к западу от Чуйского тракта, между 688 и 689 км этой автомагистрали. Указатель с отметкой «689 км» находится в 87 м на юго-восток от него. Объект расположен в 100 м на север от памятника Уркош-IX. С. Малый Яломан расположено в 4,8 км на юг-юго-восток от объекта. Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N – 50°33.035'; E – 086°34.521'. Высота над уровнем моря – 733 м. Зафиксированное сооружение прямоугольной формы на современной поверхности представляет собой ограду, стенки которой маркируются вертикально вкопанными в землю небольшими камнями. Внутри объекта просматривается каменный ящичек, фиксируемые стороны которого имеют размеры 0,76х0,55 м. Ограда ориентирована по линии запад-восток, длина одной стороны 4 м, а другой 2,84 м, высота балбалов – до 0,1 м. Похожее сооружение обнаружено на памятнике Уркош-VII (объект №14). Прямых аналогий данным конструкциям на Алтае не известно. Оградки прямоугольной формы, правда, со стенками из плит, характерны для тюркской культуры (вторая половина V–XI вв.). Нередко внутри подобных объектов находятся небольшие каменные ящички. Отмечено, что подобный признак наиболее часто фиксируется для сооружений ранних этапов культуры тюрок Алтая (Матренин С.С., Сарафанов Д.Е., 2006, с. 206, 211; Шелепова Е.В., 2008, с. 232). В связи с этим, представляется возможным предварительно отнести объект к периоду раннего средневековья (вторая половина V–XI вв. н.э.).

В рамках мониторинга уже известных объектов в урочище Уркош было осмотрено и сфотографировано два местонахождения петроглифов, расположенных в 1,7 км и 1,87 км к северу от устья р. Большой Яломан, в 100 м к западу от Чуйского тракта, между 690 и 691 км. Географические координаты валунов, на которых находятся изображения, соответственно следующие: N – 50°32.329', E – 086°34.435' и N – 50°32.434'; E – 086°34.457'. Обратим внимание на то, что в монографии В.Д. Кубарева и Е.П. Маточкина (1992, с. 48) этот памятник, по всей видимости, условно был обозначен как Яломан-II. Позже В.Д. Кубарев с корейскими коллегами упомянули о скоплении рисунков в устье р. Большой Яломан, имея в виду, по всей видимости, этот же объект (Кубарев В.Д., Гилсу С., Джинсу С., 2004, с. 308). На самом деле рассматриваемое урочище находится вне долин рек Большой и Малый Яломан. Археологический комплекс с наименованием Яломан-II известен специалистам как некрополь булан-кобинской культуры Горного Алтая (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003; 2005). Для обследованных групп петроглифов более обоснованным будет присвоение очередных

обозначений в кругу памятников Уркоша (XI, XII). На огромных валунах фиксируется от 20 до 30, изображений животных, датирующихся в широких рамках: от эпохи бронзы до этнографического времени. Необходимо отметить, что часть поверхности с петроглифами, расположенными на одном из камней, сколота, а на сохранившейся части рисунка нанесена современная надпись. Подобное явление достаточно часто фиксируется исследователями при изучении памятников наскального искусства Алтая.

В ходе разведки были выявлены и ранее не известные петроглифы. В 36 м на северо-запад от памятника Яломан-XV[**] обнаружено наскальное изображение, на котором представлены фигуры трех оленей. Географические координаты объекта: N – 50°31.948', E – 086°34.284'. Высота над уровнем моря – 725 м. Изображения зафиксированы в юго-западной части большой скальной плоскости, ориентированной по линии юг – север с обращением на восток. У основания стены полукругом в виде своего рода «сцены» расположена плоская выкладка размером 14,9х9,0 м, высотой 0,5 м. По периметру прослежены крупные камни, пространство внутри объекта заполнено скальными обломками. Над выкладкой петроглифы не фиксируются. Обнаруженная композиция находится на плоской стене, размером 5,0х7,0 м. В ее центре изображены два оленя, стоящие мордами друг напротив друга. Северную фигуру частично перекрывает современная выбивка лошади и жеребенка (?). Длина туловища южного изображения оленя 1,3 м, высота около 1,6 м. Еще одно крупное (длиной более 2 м) изображение животного, по всей видимости также оленя, расположено ниже к югу и просматривается лишь частично. Наскальные рисунки покрыты разросшимися колониями лишайников, образцы которых были взяты для лихенометрического анализа (Давыдов Е.А., Быков Н.И., 2009). Зафиксированные изображения характерны для раннескифского времени и находят аналогии среди петроглифов и реалий на предметах этого периода.

Другим местом планомерных обследований стало обширное урочище Кур-Кечу, расположенное на левом берегу р. Катунь между устьем р. Большой Ильгумень и бомом (на карте он обозначен как скала «Коргучубом»). Через него проходит Чуйский тракт (участок между селами Купчегень и Малый Яломан). В рамках продолжающегося изучения Кур-Кечуского археологического микрорайона (Тишкин А.А., 2007). был выявлен еще один памятник, получивший очередное обозначение **Кур-Кечу-IX** (рис. 5). Археологический комплекс расположен в межгорной долине Карасу, в 7,9 км к юго-востоку с. Купчегень, в 1,6 км к юго-западу от Чуйского тракта. Скала Коргучубом расположена в 3,6 км на запад от памятника. Географические координаты кургана №1 данного комплекса по GPS-приемнику: N – 50°34.425'; E – 086°30.667'. Высота над уровнем моря – 810 м. Памятник представляет собой группу объектов, компактно расположенных на мысовидном участке самой высокой террасы Катуни. Этот участок покрыт низкой степной растительностью, а курганы поросли кустарником. Памятник включает пять курганов округлой и подпрямоугольной формы. К северу от одного из них находится невысокое Г-образное изваяние. Кроме этого, зафиксированы две каменные выкладки, а также вертикально вкопанные камни-балбалы, расположенные в ряд и одиночно. Датировка памятника до раскопок точно не может быть определена, так как прямых аналогий планиграфии комплекса и структуре наземных конструкций объектов на территории Горного Алтая не известно. Можно лишь предположить, что памятник сооружен в предтюркское (первая половина I тыс. н.э.).

Помимо плановых исследований, в полевом сезоне 2008 г. участниками Яломанской археологической экспедиции были начаты работы по договору между Алтайским государственным университетом и Каракольским этно-природным парком «Уч-Энмек». Данное соглашение предполагает выявление и всестороннюю фиксацию археологических памятников в Каракольской долине и на близлежащих территориях. Погребальные и поминальные комплексы, а также произведения наскального искусства

---

[*] В одной из публикаций данный могильник был рассмотрен в одном комплексе с памятниками долины р. Большой Яломан (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С., 2004). В настоящий момент совершенно понятно, что некрополь Яломан-XV является самым крайним объектом Уркошского микрорайона.

различных исторических периодов в этом районе достаточно давно известны специалистам, и актуальность продолжения исследований несомненна (Шитов А.В. и др., 2007).

В ходе мониторинга и разведочных работ была осуществлена фиксация курганной группы (рис. 6). Памятник находится на левом берегу р. Урсул (приток р. Катунь), в 270 м к северо-востоку от нее, в 70 м к северу от полотна Чуйского тракта и в 275 м к западу-юго-западу от окраины с. Шашикман Онгудайского района Республики Алтай. В 5,1 км на запад-северо-запад находится мост через р. Урсул. Географические координаты кургана №1 данного памятника по GPS-приемнику: N – 50°47.805'; E – 086°02.327'. Высота над уровнем моря – 906 м. Зафиксированный археологический комплекс, расположенный на ровном участке, покрытом низкой степной растительностью, состоит из крупных каменных и каменно-земляных курганов, расположенных цепочкой по линии ЮЮЗ–ССВ, а также из нескольких групп объектов с восточной стороны от них. Всего на памятнике отмечено 20 сооружений. Планиграфия памятника, а также особенности сооружений, фиксируемых визуально, позволяют сделать выводы о датировке объектов. Крупные курганы, вероятно, относятся к пазырыкской культуре скифо-сакского времени (2-я половина VI–III вв. до н.э.). Предварительная датировка остальных объектов определяется в рамках раннего железного века и средневековья.

Отметим, что археологические комплексы в районе с. Шашикман долгое время не привлекали внимание специалистов. Информация о разновременных объектах в этой местности приведена в монографии «Древности Чуйского тракта» (Бородовский А.П. и др., 2005, с. 50–52), посвященной публикации сводки памятников, находящихся в зоне самой крупной дороги Республики Алтай. Авторами выявлены разновременные комплексы Шашикман-I–VII и приведена их краткая характеристика. Судя по представленному описанию, зафиксированный нами в 2008 г. памятник не был учтен исследователями. Археологическому комплексу присвоено очередное обозначение **Шашикман-VIII**.

В дальнейшем предполагается продолжить работы по выявлению новых и обследованию уже известных памятников. Подобные исследования будут способствовать накоплению и систематизации сведений для составления археологической карты Онгудайского района Республики Алтай.

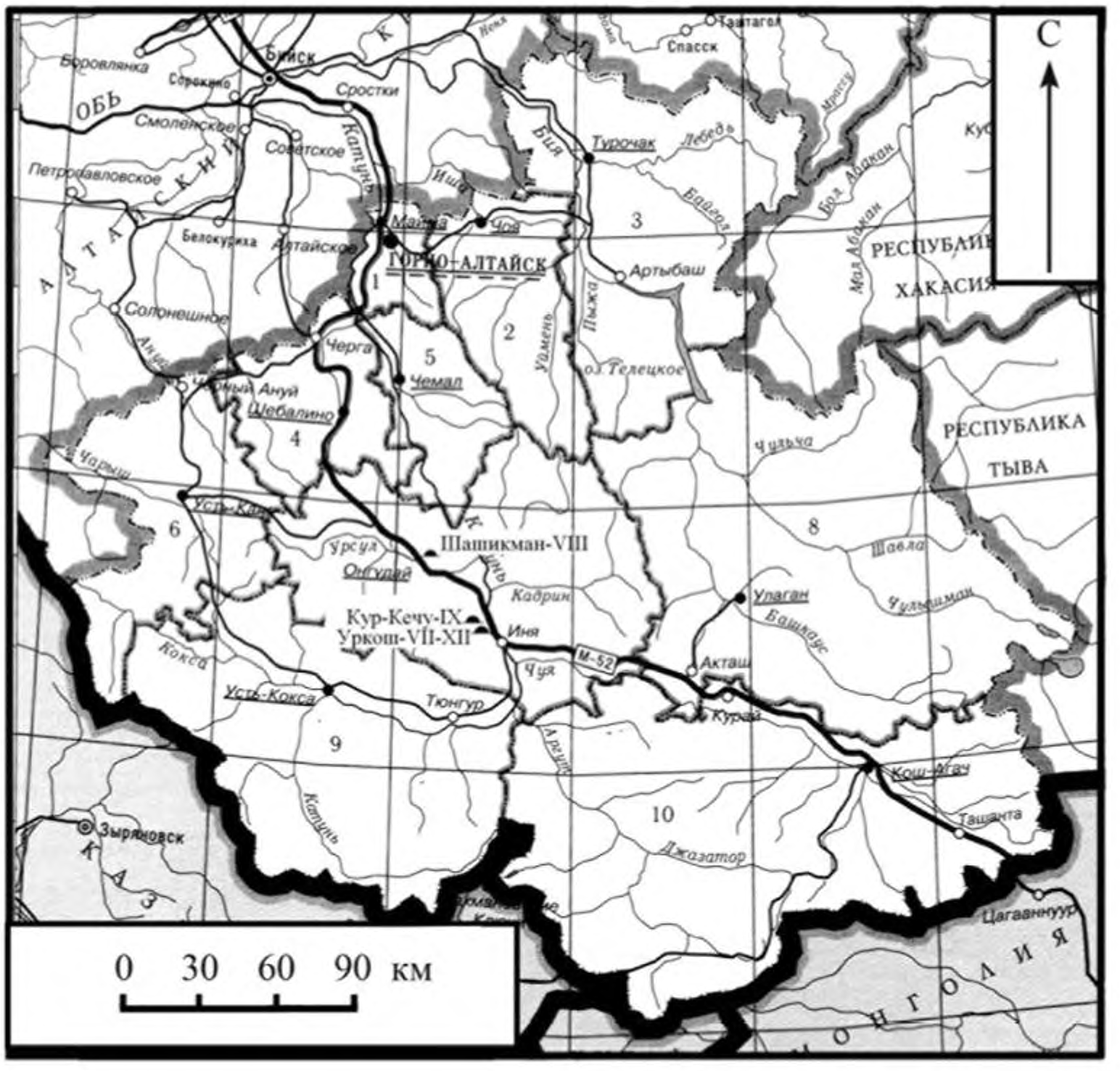

Рис.1 Республика Алтай. Карта местонахождения обследованных памятников.

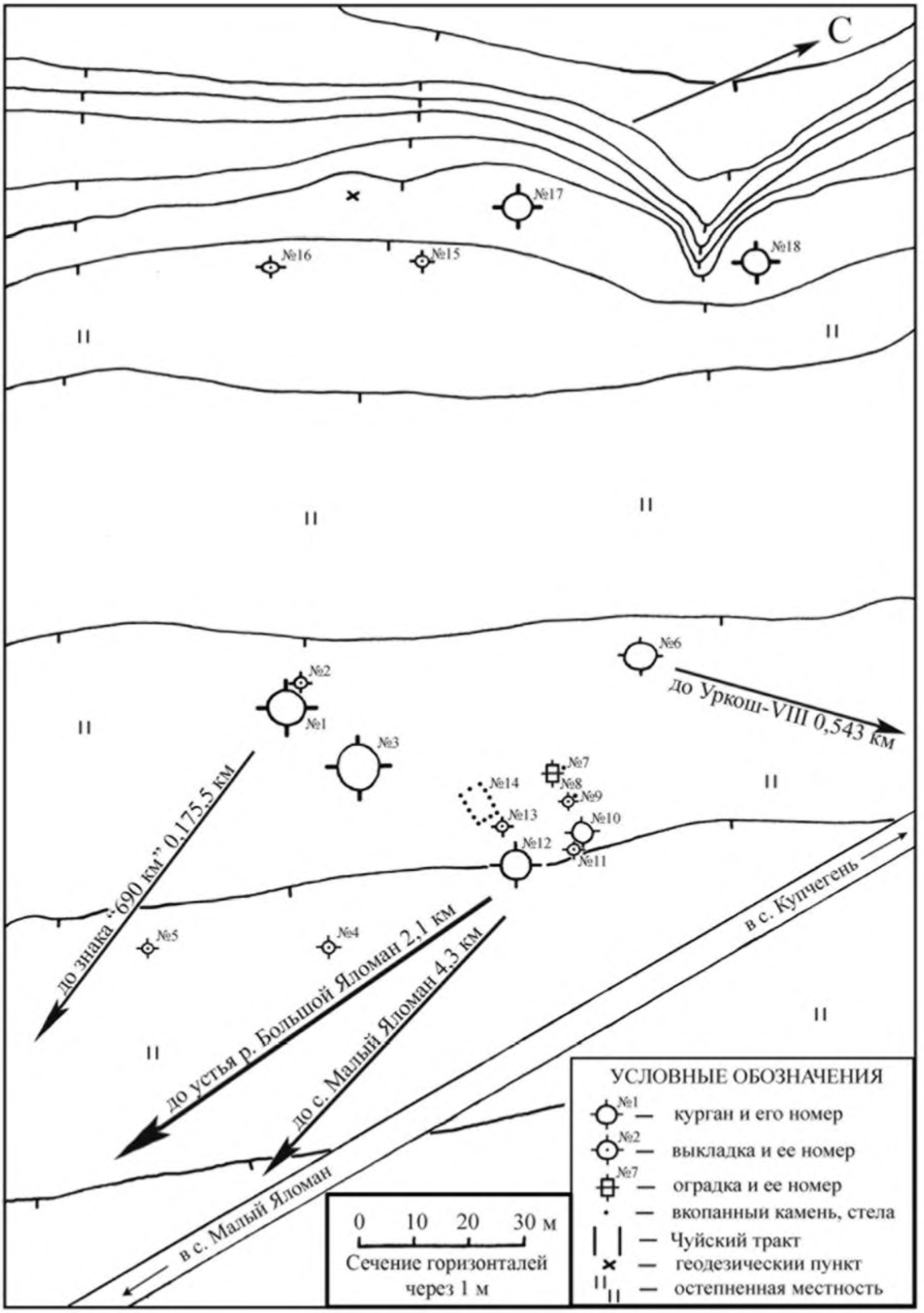

Рис.2 Археологический комплекс Уркош-VII. План памятника.

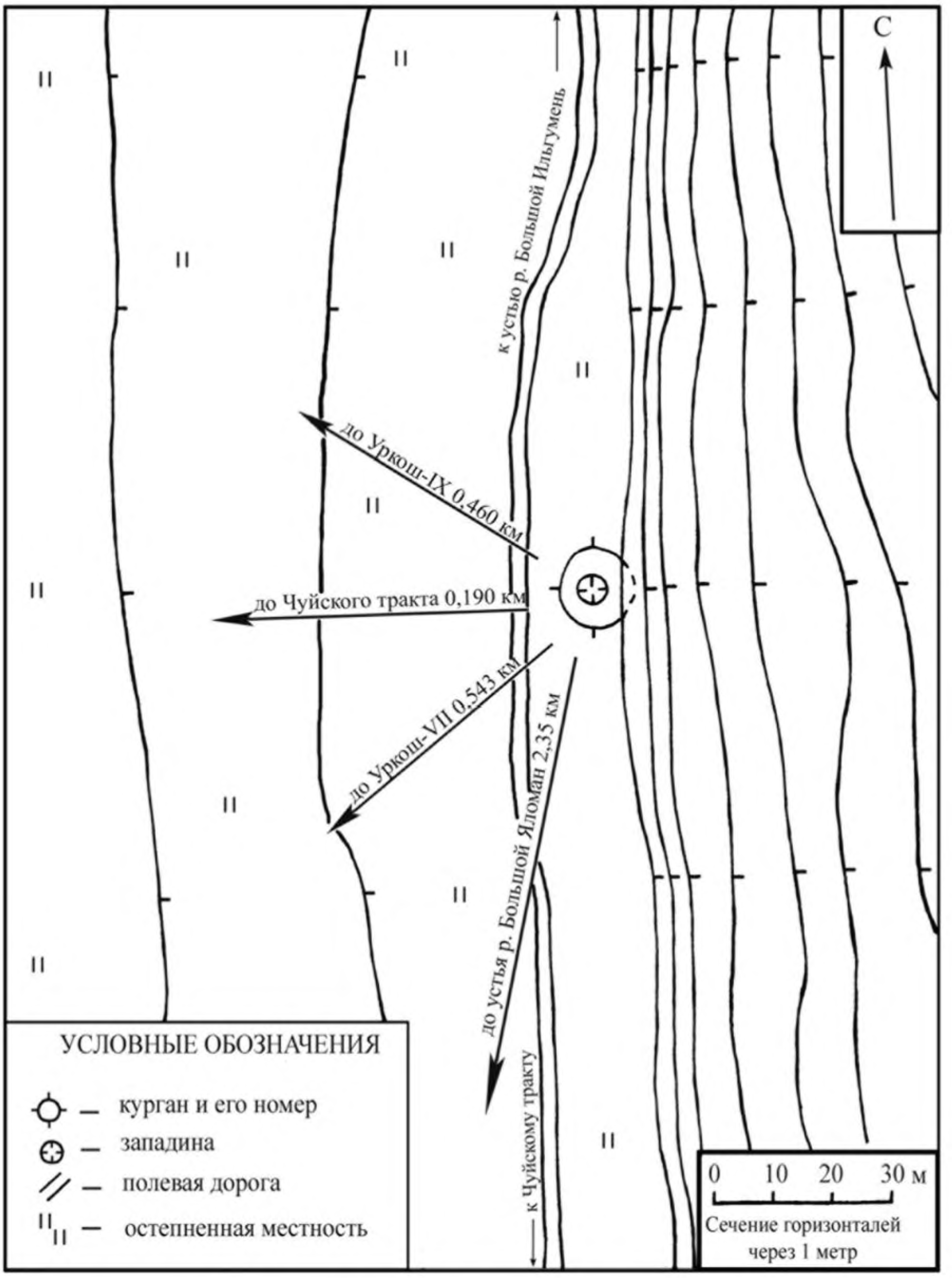

Рис.3 Одиночный курган Уркош-VIII. План памятника.

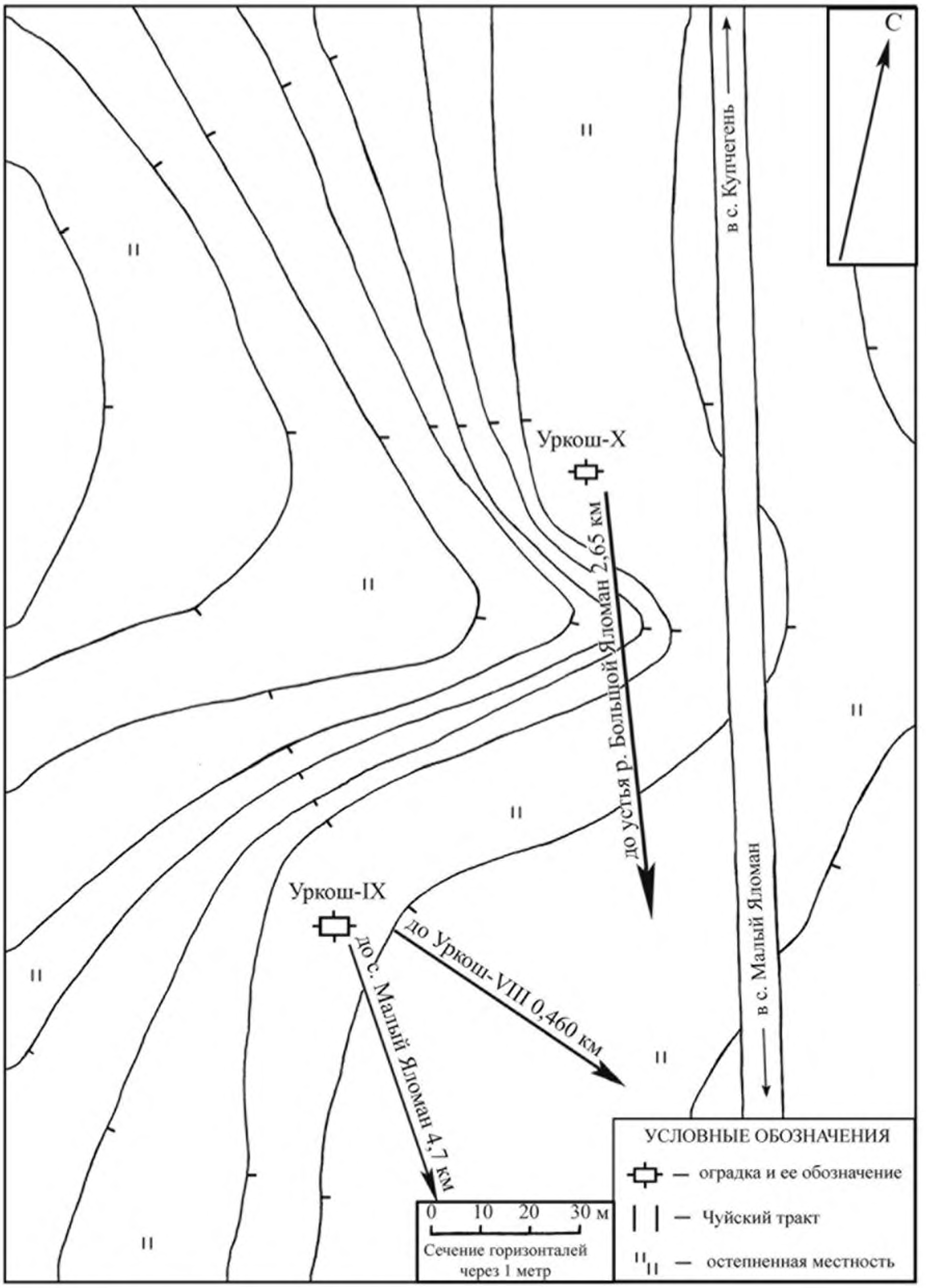

Рис.4 Одиночные оградки Уркош-IX, X. План памятников.

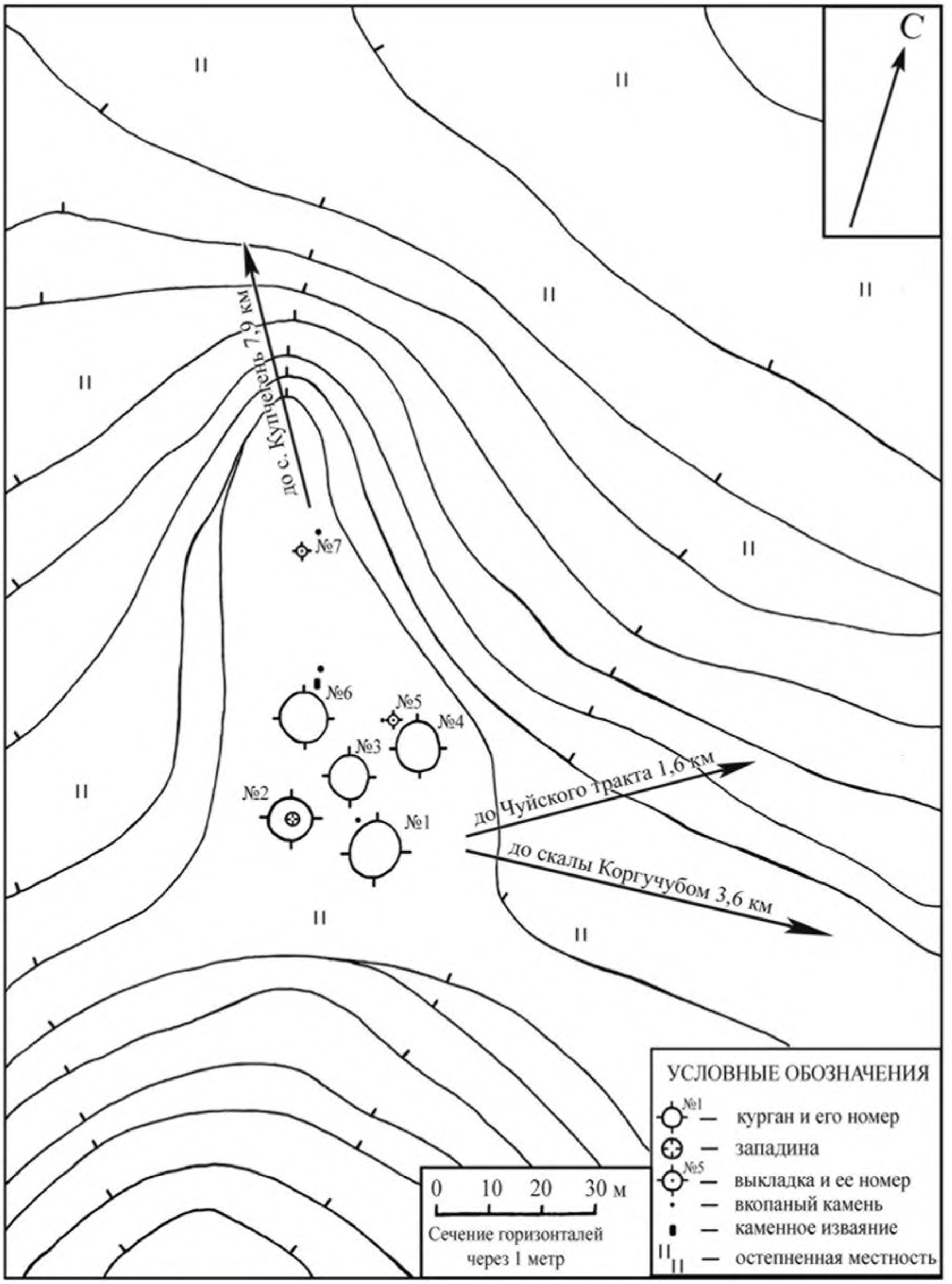

Рис.5 Археологический комплекс Кур-Кечу-IX. План памятника.

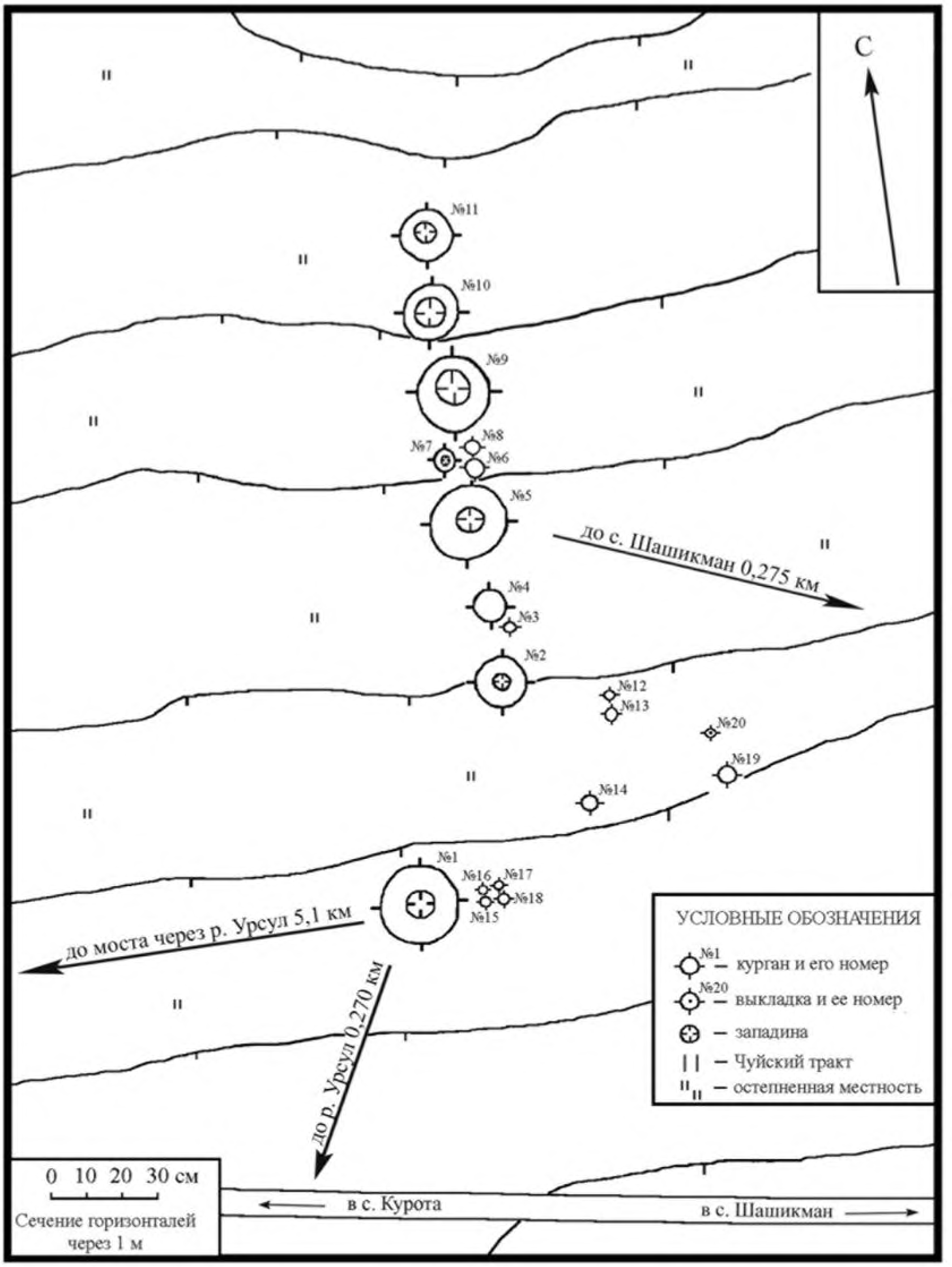

Рис.6 Археологический комплекс Шашикман-VIII. План памятника.

Библиографический список

1. Бородовский, А.П. Древности Чуйского тракта / А.П. Бородовский, В.П. Ойношев, В.И. Соенов, А.С. Суразаков, М.В. Танкова. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – 103 с.
2. Давыдов, Е.А. Лихенометрический анализ памятников Яломанского археологического комплекса // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях / Е.А. Давыдов, Н.И. Быков. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 59–63.
3. Кубарев, В.Д. Обследование петроглифов Алтая в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / В.Д. Кубарев, С. Гилсу, С. Джинсу. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. – Т. X. – С. 306–308.
4. Кубарев, В.Д. Петроглифы Алтая / В.Д. Кубарев, Е.П. Маточкин. – Новосибирск: Наука, 1992. – 123 с.
5. Ларин, О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-I / О.В. Ларин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 208 с.
6. Молодин, В.И. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай) / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, А.В. Новиков, Е.С. Богданов, И.Ю. Слюсаренко, Д.В. Черемисин. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. – 255 с.
7. Соёнов, В.И. Археологические памятники и объекты Шебалинского района / В.И. Соёнов, В.П. Ойношев. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – 100 с.
8. Соёнов, В.И. Археологические памятники особо охраняемых природных территорий Республики Алтай / В.И. Соёнов, А.С. Суразаков. – Горно-Алтайск: АКИН, 2001. – 68 с.
9. Тишкин, А.А. Археологические памятники в урочище Кур-Кечу (Горный Алтай) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов / А.А. Тишкин. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – Т.1. – С. 94–98.
10. Тишкин, А.А. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 488–493.
11. Тишкин, А.А. Горный Алтай в хуннуское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов. – М.: Наука, 2006. – №3. – С. 31–40.
12. Тишкин, А.А. Яломанский археологический микрорайон в Горном Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, С.С. Матренин. – Омск: ОмГУ, 2004. – С. 93–97.
13. Тишкин, А.А. Археологические памятники в урочище Уркош // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / А.А. Тишкин, С.С. Матренин, В.В. Горбунов. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – Вып. 3, 4. – С. 156–165.

Маточкин Е.П.
(г. Новосибирск, Россия)

ПЕТРОГЛИФЫ КАЛТАКА

Калтак – величественный скалистый массив Алтая, находящийся на правом берегу Аргута возле устья Шавлы. Увенчанный короной причудливых каменных образований, он производит неизгладимое впечатление. Идущая вдоль Аргута тропа разветвляется здесь на две. Одна уходит к истокам Шавлы, другая, минуя опасный брод, переходит на левый берег Аргута. Этот глухой и труднодоступный район, находящийся вдали от населённых пунктов, ещё до недавнего времени оставался фактически неисследованным. Однако

здесь в зимнее время чабаны всегда пасли скот, а охотники выслеживали козлов, в изобилии обитающих на горных склонах. Традиционность образа жизни обусловила и существующий с давних пор обычай оставлять на каменных плитах Калтака свои изображения.

Мы изучали петроглифы Калтака в 1998, 2002, 2003 и 2006 годах в зимнее время и только последняя экспедиция в 2006 году была в июле. Обнаруженные в первую экспедицию в гроте Калтака два изображения красной краской были опубликованы нами в 1998 году (Маточкин Е.П., 1998).

Наши небольшие экспедиции отправлялись на Аргут в конце февраля – начале марта, в последние дни, когда ещё можно местами пройти вдоль скал по кромке льда рядом с незастывающими участками бурного потока и обследовать речные террасы по обоим берегам реки. В конце первой декады марта эта возможность уже пропадает, к тому же в это время появляются клещи. Маршрут пролегал от посёлка Инегень на Катуни к устью Аргута, далее вверх по реке. В среднем течении Аргута снега нет; скалы днём уже достаточно тёплые, что позволяет проводить копирование рисунков на полиэтилен.

Петроглифы на скале Калтак располагаются фризом вдоль Аргута на протяжении около 150 метров – там, где скала, немного отступая от реки, даёт место песчаному мысу, поросшему тополями. Основной массив рисунков находится в северной части этого мыса в районе небольшого грота. Плиты глинистого сланца окружают его наподобие сот, так что изображения имеются как на гранях, смотрящих на реку (западное направление), так и на южных плоскостях, ориентированных вверх по течению Аргута, к Шавле.

Всего нами зафиксировано 56 участков с петроглифами. Нумерация участков ведётся вверх по Аргуту. Все участки можно разделить на три группы. Первая – у скалистого прижима, где тропа на несколько метров поднимается над уровнем реки. Здесь находятся участки №1-11. В 20 метрах вверх по реке расположен основной массив петроглифов; здесь сосредоточены участки №12-47. В 70 метрах южнее группируются участки №48-56.

Описание рисунков.

Рисунки выполнены выбивкой и резными линиями в технике граффити. Изображённые животные ориентированы, как правило, направо, вверх по Аргуту. Левая ориентация указывается специально.

Участок 1. На высоте 2 м от скалистой площадки, приподнятой от реки примерно на 6 м. Плоскость ориентирована на юго-восток. Выбитое по силуэту изображение козла.

Участок 2. В 0,5 м от участка 1 вдоль реки и ниже на 0,5 м. Плоскость ориентирована к Шавле. Граффити. Голова козла. Парциальное изображение. Ориентировано налево.

Участок 3. В 0,5 м от участка 2, выше на 0,7 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Выбитое по силуэту изображение козла. Ориентировано налево.

Участок 4. В 0,3 м, выше на 0,2 м. Плоскость ориентирована к Шавле. Композиция из восьми козлов, выбитых по силуэту. Все, кроме одного ориентированы направо, вверх по Аргуту.

Участок 5. В 0,5 м, высота та же. Плоскость ориентирована на юго-восток к Аргуту. Группа из трёх выбитых по силуэту животных. Одно неясное изображение. На правом коне, вероятно, всадник, вырезанный в условной манере.

Участок 6. В 0,5 м, выше на 0,5 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Группа из трёх оленей. Выбиты по силуэту (рис.1 – 1).

Участок 7. В 0,5 м, ниже на 1 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Выбитое по силуэту изображение лисы.

Участок 8. В 2,5 м, ниже на 0,5 м. Плоскость ориентирована к Шавле. Выбитые по силуэту изображения марала и козла (рис.1 – 2).

Участок 9. В 0,5 м, ниже на 0,2 м. Плоскость ориентирована к Шавле. Резные изображения двух козлов; изображение лошади выполнено резьбой и выбивкой по силуэту (рис.1 – 3).

Участок 10. В 4 м, от земли 0,5 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Два костюма (рис.1 – 4).

Участок 11. В 0,5 м, от земли 0,5 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Два костюма.

Участок 12. В 20 м, у земли. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Аил, две лошади, жеребёнок, переплетение линий, ориентированный налево козёл (рис.2 – 1).

Участок 13. В 1 м, у земли. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Козёл на длинных ногах.

Участок 14. Там же, на высоте 1,5 м. Плоскость под углом. Процарапаны две лошади. Дата 1937 г. (рис.4 – 1).

Участок 15. В 1,7 м, на высоте 1 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Неопределённое животное. Ориентировано налево.

Участок 16. В 0,8 м, на высоте 1 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Козёл. Ориентирован влево. Справа от него знак.

Участок 17. В 2 м, у земли. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Три коня, жеребёнок.

Участок 18. В 0,2 м, у земли. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. На рисунок аила накладываются изображения крупного коня и более мелкие фигурки лошади и коровы(?). Последние ориентированы налево.

Участок 19. В 0,2 м, у земли. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Табун из 11 лошадей. Рисунок одной из них крупного размера накладывается на три фигуры меньшего размера. Два схематичных животных. На двух конях изображены всадники (рис.2 – 2).

Участок 20. В 0,05 м, на высоте 0,4 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Лошадь.

Участок 21. В 0,5 м, на высоте 0,5 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Два козла. Ориентированы налево (рис.4 – 2).

Участок 22. В 0,2 м, на высоте 0,4 м. Боковая плоскость, ориентированная от Шавлы. Граффити. Два козла. Меньший из них нарисован вверху в развороте.

Участок 23. Тот же каменный блок с плоскостью, ориентированной к Аргуту. Граффити. Многофигурная композиция, включающая в себя изображения двух всадников и 38 животных, в основной своей массе движущихся направо, вверх по Аргуту (рис.3).

Участок 24. Тот же каменный блок, оканчивающийся наклонной плитой на высоте 0,3 м от земли. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Изображены осёдланная лошадь, две собаки, козёл и несколько непонятных фигур. Все животные, кроме крайнего козла движутся налево.

Участок 25. Боковая грань того же каменного блока. Плоскость ориентирована к Шавле. Граффити. Фигура козла среди переплетения линий.

Участок 26. В 0,3 м, на высоте 0,5 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Схематичное изображение животного (лошади?).

Участок 27. В 0,3 м, на высоте 0,2 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Два оленя.

Участок 28. В 0,2 м, на высоте 0,8 м. Плоскость ориентирована к Шавле. Граффити. Козёл с копытами в виде треугольничков.

Участок 29. В 0,3 м, на высоте 0,7 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Козёл.

Участок 30. Боковая грань того же блока, ориентированная к Шавле. Высота 0,6 м. Граффити. Две лошади. Нижняя направлена вниз.

Участок 31. Там же, на высоте 1 м. Плоскость ориентирована к Шавле. Граффити. Жеребёнок. Ориентирован налево.

Участок 32. Там же, на высоте 0,2 м. Плоскость ориентирована к Шавле. Граффити. Вырезано животное, напоминающее быка.

Участок 33. В 0,1 м, на высоте 0,6 м. Плоскость ориентирована к Шавле. Граффити. Самка рогатого животного.

Участок 34. В 0,2 м, на высоте 1м. Плоскость ориентирована к Шавле. Процарапаны вилы.

Участок 35. В 0,4 м, на высоте 0,3 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Процарапаны семь пятиконечных звёзд и шесть геометризованных фигур, в том числе и незавершённых звёзд.

Участок 36. Тот же каменный блок. Боковая грань, ориентированная к Шавле на высоте 0,4 м. Граффити. Две композиции. Верхняя включает в себя изображения шести антропоморфных персонажей, трёх собак, лошади, козла и трёх схематических зооморфных фигур. В нижней композиции представлена фигура козла и два условных антропоморфных персонажа. Над козлом рядом со всадником изображён знак в виде эллипса с чертой внутри (рис.4 – 3).

Участок 37. В 0,1 м, на высоте 0,5 м. Плоскость ориентирована к Шавле. Граффити. Козёл на длинных ногах и геометризованные фигуры под ним.

Участок 38. В 0,2 м, на высоте 0,2 м. Плоскость ориентирована к Шавле. Граффити. Одиночное изображение коровы, ярусное изображение оленей, самки и самца. Вверху композиция из переплетающихся линий и геометризованной зооморфной фигуры.

Участок 39. В 0,2 м, на высоте 0,7 м. Плоскость ориентирована к Шавле. Граффити. Изображены две лошади; их рисунки перекрываются. Вверху отросток в виде пламени с кругом над ним. Внизу подобный отросток, над которым нарисован эллипс с чертой внутри (рис.5 – 1).

Участок 40. В 1,7 м, на высоте 1,3 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Композиция из пересекающихся линий, овала и схематичного антропоморфного изображения.

Участок 41. Боковая грань того же блока, ориентированная к Шавле, на высоте 1,5 м. Рисунок выполнен углём. Изображён бегущий марал и два преследующих его волка. Ориентированы к реке.

Участок 42. В 0,7 м, на высоте 1 м. Плоскость ориентирована к Шавле. Козёл и олень. Рисунки выполнены углём.

Участок 43. В 0,4 м, на высоте 0,5 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Козёл. Рисунок выполнен углём. Рядом надпись «теке».

Участок 44. В 0,5 м, внутри грота, у самой земли, частично под песком. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Наложение двух разномасштабных антропоморфных изображений. Здесь же просматривается восемь зооморфных изображений; у двух животных высокие ветвистые рога. Ориентированы и налево, и направо (рис.5 – 2).

Участок 45. Плоскость ориентирована к Аргуту. В центре грота, на высоте 0,3 м изображены красной краской силуэты двух зооморфных фигур, напоминающих лошадей.

Участок 46. В 0,2 м, на высоте 0,4 м. Угловая грань грота. Граффити. Палимпсест. Марал и три козла.

Участок 47. В 0,3 м, на высоте 0,5 м. Плоскость ориентирована к Аргуту. Граффити. Композиция из дугообразных и прямых линий.

Участок 48. В 70 м, на высоте 0,6 м. Плоскость ориентирована к Шавле. Граффити. Схематичное изображение лошади и всадника. Ориентированы налево.

Участок 49. Там же, ниже на 0,2 м. Граффити. Козёл. Ориентирован налево.

Участок 50. В 0,5 м, на высоте 0,5 м. Плоскость ориентирована к Шавле. Серия выбитых и резных изображений. Фигуру марала(?), выбитую по контуру отдельными точечными ударами, перекрывают силуэты двух зооморфных изображений. Над верхним животным выбита антропоморфная фигура (шамана?) с раскинутыми руками. Сверху и снизу выбиты по силуэту ещё два зверя и три незавершённые фигуры. Вверху серия пересекающихся линий. Внизу резные изображения четырёх животных и человека с гипертрофированным фаллосом, с раскинутыми руками и широко расставленными ногами. Его туловище выбито по силуэту. Все изображения, кроме одного, ориентированы налево (рис.6).

Участок 51. На той же плоскости, на высоте 0,8 м. Изображение козла. От его живота спускаются две выбитые линии; длинная линия проходит возле копыт. Туловище выбито близко прилегающими друг к другу ударами, рога – редкой мелкоточечной выбивкой. Ориентирован налево.

Участок 52. На той же плоскости, несколько ниже. Граффити. П-образные изображения девяти козлов. Ориентированы налево.

Участок 53. На той же плоскости, несколько ниже. Граффити. Изображение всадника на лошади с копытами в виде кружков и треугольная фигура (аил?).

Участок 54. На той же плоскости, в 0,2 м в сторону от реки, на высоте 1 м. Граффити. Изображены стоящий возле лошади человек, кобыла с жеребёнком, марал со спутанными ногами и две непонятные фрагментарные фигуры. Ориентированы налево.

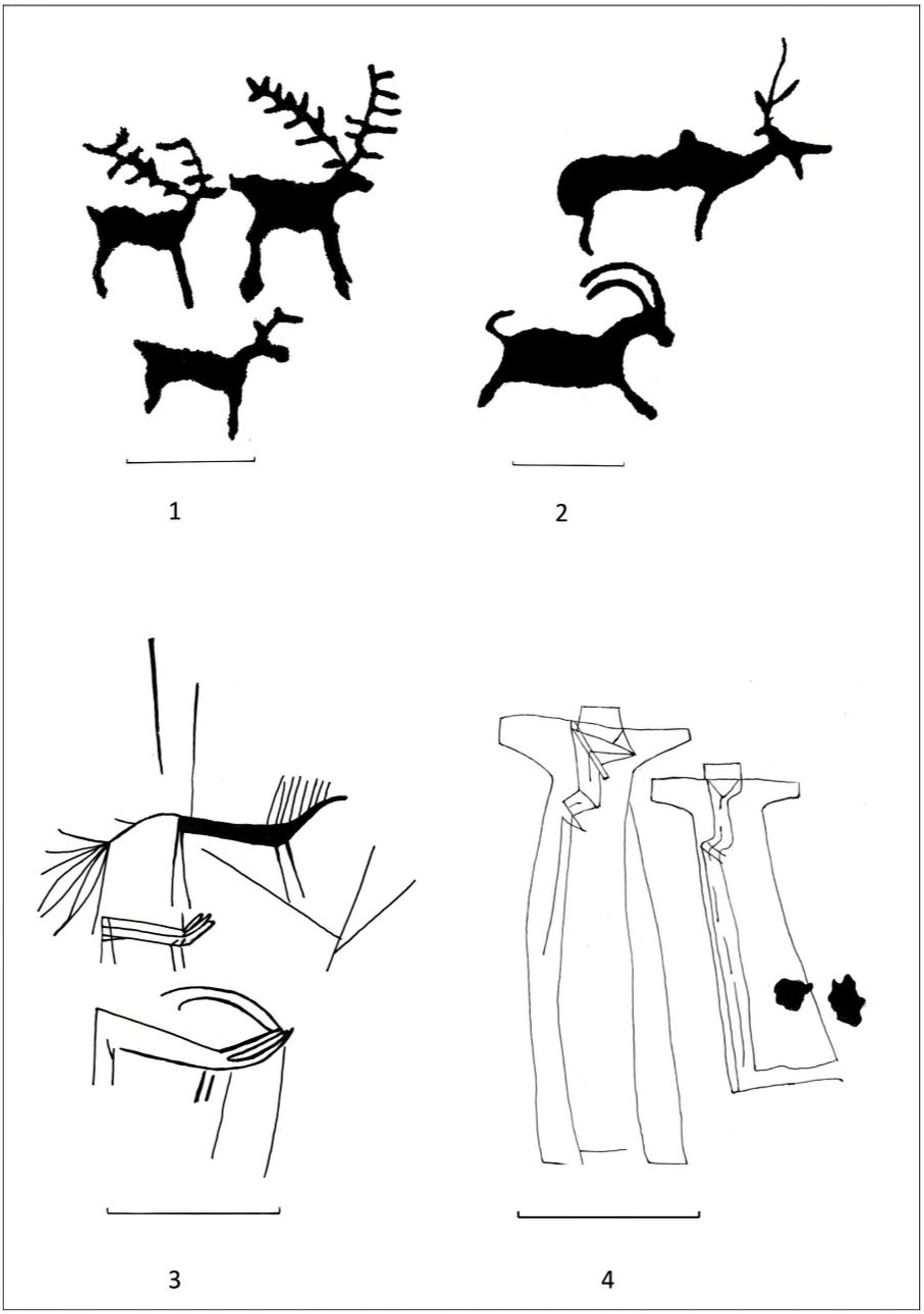

Рис.1 Петроглифы Калтака.
Шкала 5 см. 1–1 – участок 6; выбивка. 1–2 – участок 8; выбивка.
1–3 – участок 9; резьба, выбивка. 1–4 – участок 10; резьба.

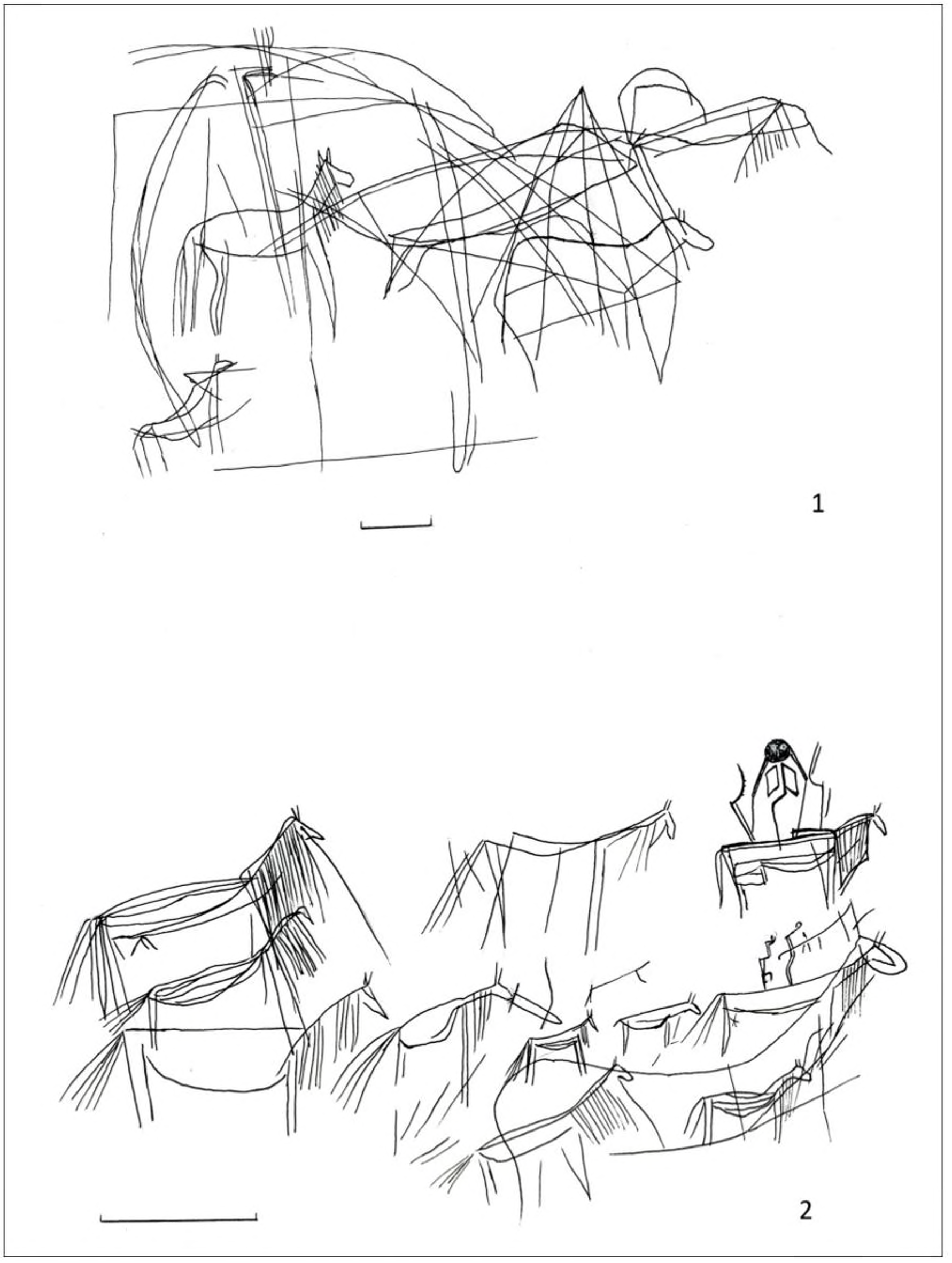
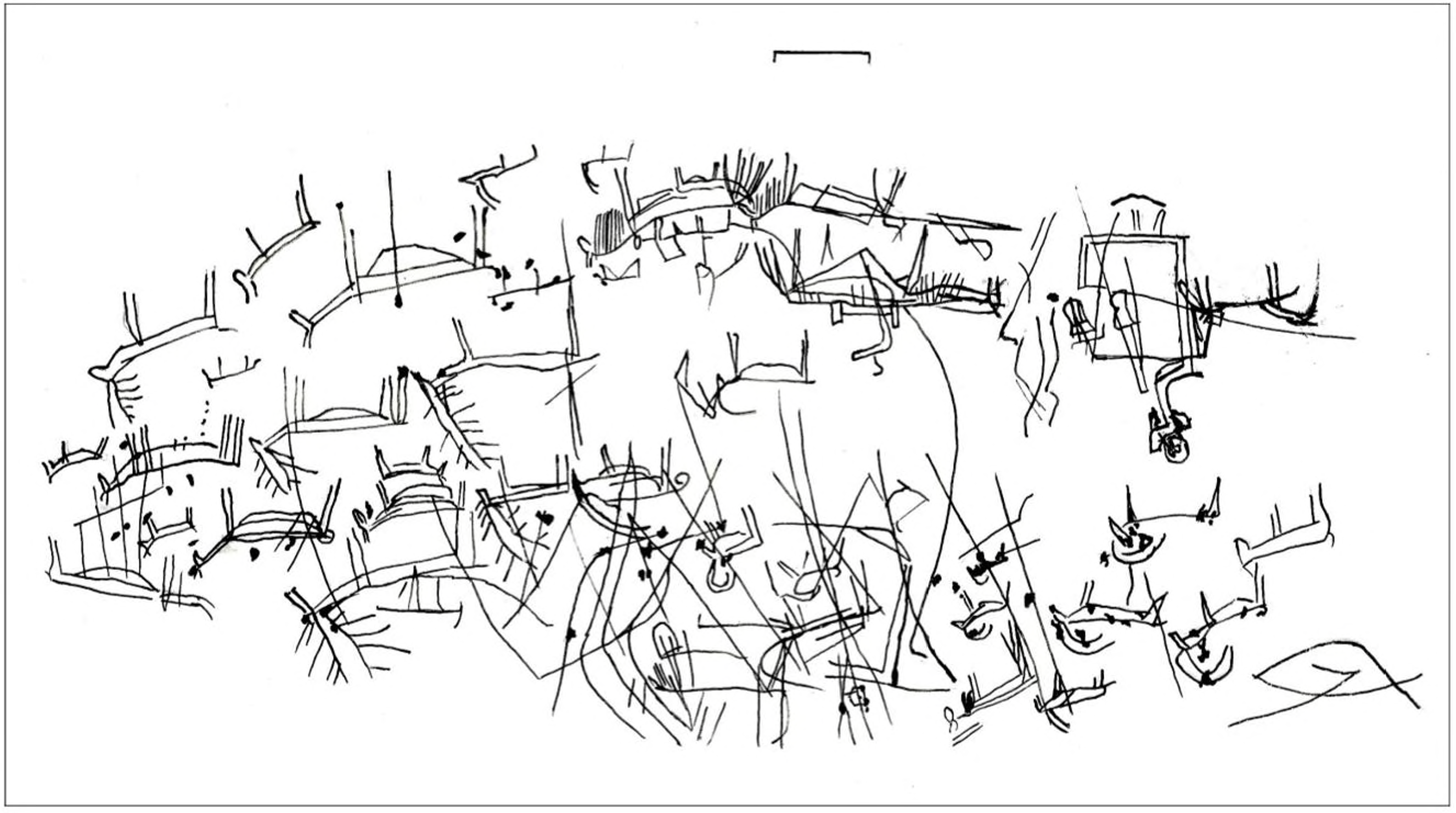
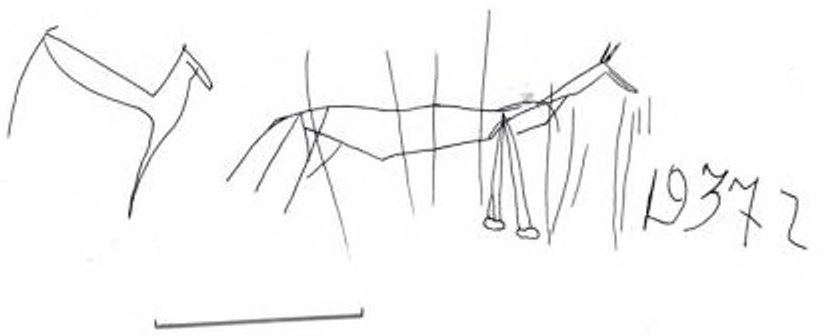
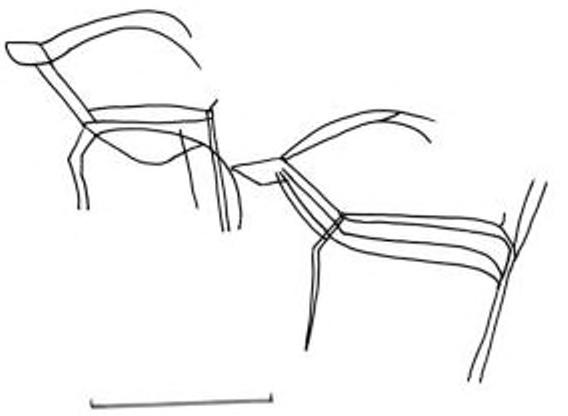

Рис.2 Петроглифы Калтака.
Шкала 5 см. 2–1 – участок 12; резьба. 2–2 – участок 19; резьба.

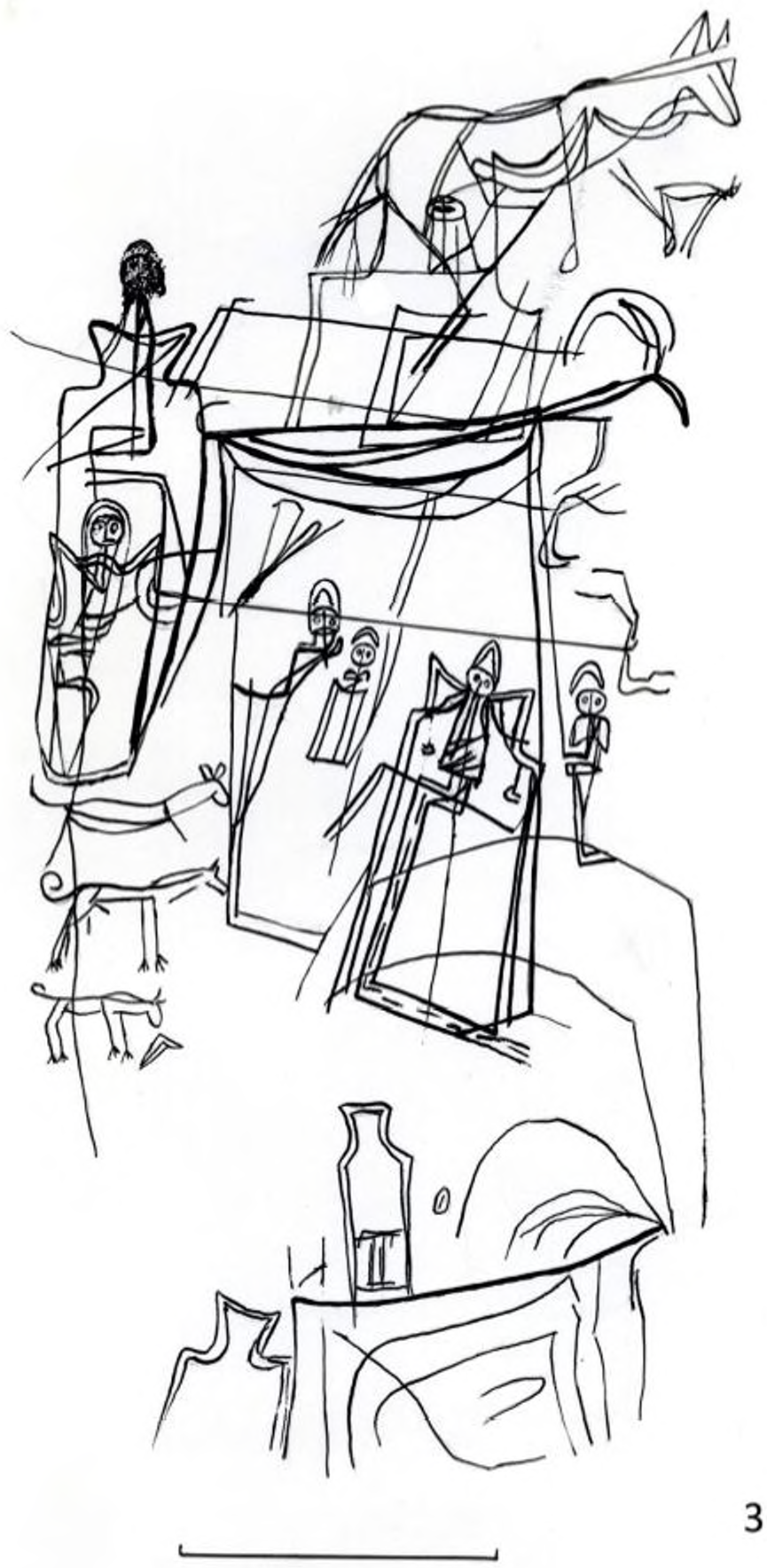

1

2

3

Рис.4 Петроглифы Калтака.
Шкала 5 см. 4–1 – участок 14; резьба.
4–2 – участок 21; резьба. 4–3 – участок 36; резьба.

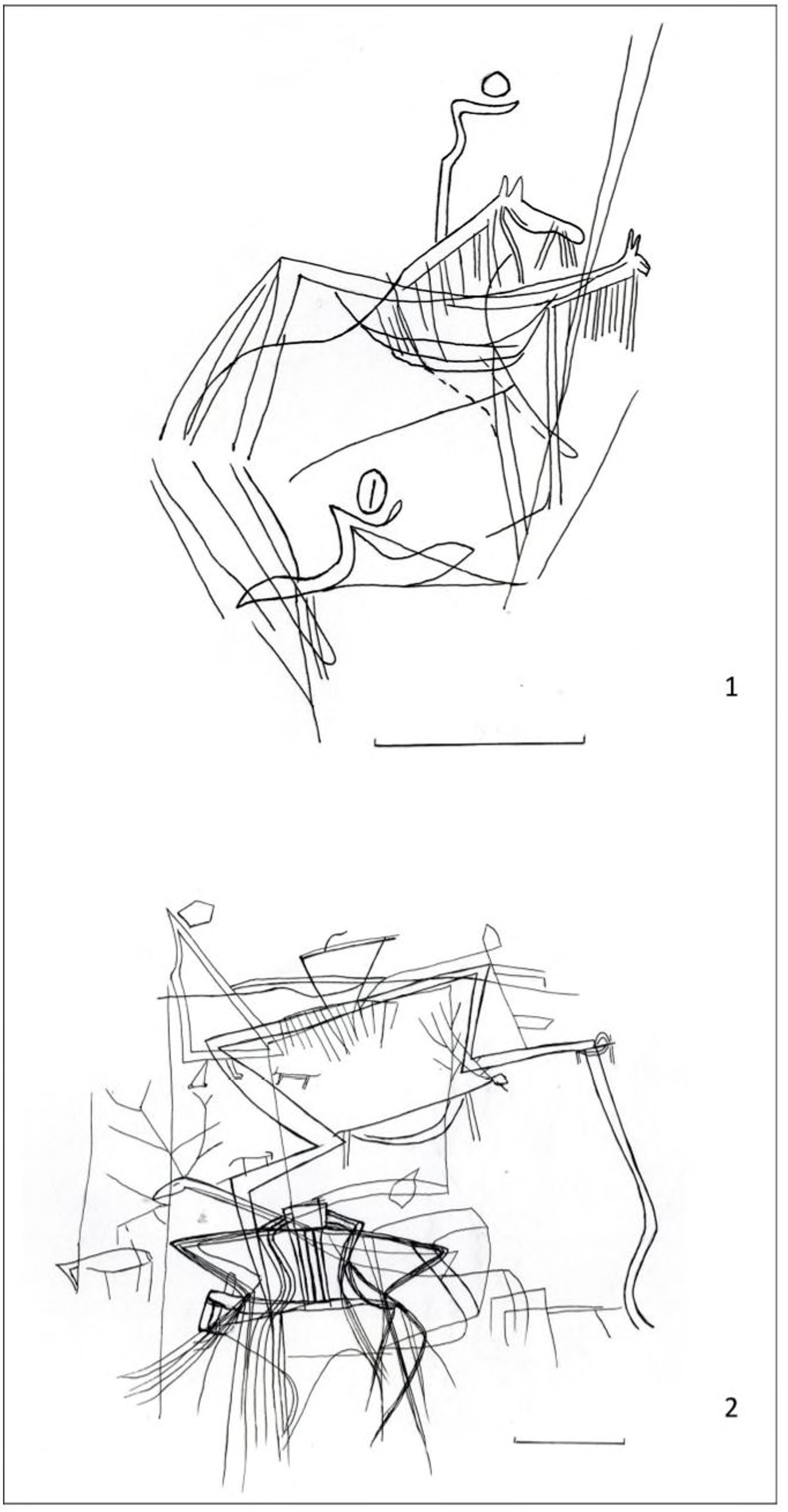

Рис.5 Петроглифы Калтака.
Шкала 5 см. 5–1 – участок 39; резьба. 5–2 – участок 44; резьба.

Рис.6 Петроглифы Калтака.
Шкала 5 см. Участок 50; выбивка, резьба.

Участок 55. В 10 м, на высоте 4 м от подножия скалы. Плоскость ориентирована к Аргуту. Рисунок углём витиеватого узора с розетками.

Участок 56. В 10 м, на высоте 1,8 м от подножия скалы. Плоскость ориентирована к Аргуту. Крайние петроглифы представляют собой аморфные пятна, состоящие из следов грубой выбивки. Справа она произведена по более раннему резному изображению. Фигуры козлика и ягнёнка(?) в центре выполнены по силуэту мелкоточечной техникой. Последний ориентирован налево.

Репертуар и образы петроглифов.

Основные образы Калтака – анималистические. Главным героем петроглифов является горный козёл. Его рисунки составляют более трети всех изображений. Это вполне естественно, поскольку и сейчас на берегах Аргута встречаются пасущиеся стада диких козлов. Около 10% всех изображений – рисунки маралов. Группы этих животных выбиты на участках 4 и 6. Это свидетельствует о том, что здесь, в районе Калтака, большую часть петроглифов оставили охотники на диких копытных животных, хотя сцены охоты тут отсутствуют. Из хищных животных фигурируют только волк и лиса. Наблюдения алтайцев над дикой природой отмечены на участке 41, где изображена динамичная сцена преследования марала волками.

Более пятой части рисунков занимают лошади, большей частью неосёдланные. Изображения их нередко групповые. Пасущиеся табуны лошадей в долине Аргута можно увидеть и в настоящее время. Сюда, на бесснежные террасы их пригоняют на корм в зимнее время. Примерно половина лошадей показаны со всадниками. Остальные домашние животные немногочисленны; их около 10% от общего числа.

В Калтаке нередки парные изображения животных – козлов, лошадей. Особенно показательны рисунки на участках 21 и 27, где показаны самец и беременная самка с подчёркнуто отвислым животом. Всё это говорит о древнем культе плодородия-плодовитости. Алтайцы и во втором тысячелетии также были обеспокоены тем, чтобы поголовье животных не сокращалось, а охотник всегда возвращался с добычей.

Антропоморфные образы составляют около 10% всех персонажей петроглифов. Четыре рисунка отражают интерес местного населения к костюмам. Возможно, эти изображения сделаны руками женщин. Красив орнаментальный узор, нарисованный углём на участке 55. Знаковые формы в виде овалов и треугольников обычно сопровождают изображения всадников.

Интересна большая композиция на участке 23 (рис.3). В нижней её части показана, вероятно, сцена перекочёвки со всадниками, лошадьми и домашними животными на зимние пастбища из жилой долины Катуни в бесснежную долину Аргута. В верхней части композиции выгравированы стада диких животных, обитающих на склонах аргутского ущелья.

Самые загадочные граффити изображены на участке 36 (рис.4 – 3). Алтайцы-проводники определили их сюжет как сцену свадьбы. Петроглифы состоят из двух композиций, верхней и нижней, надо полагать, имеющих смысловую связь. В верхней композиции представлены три женские фигуры в чегедеках с приподнятыми плечиками и характерными вырезами для рук. Рядом с центральной женской фигурой, наиболее подробно прорисованной, выгравированы ещё три антропоморфных персонажа и три собаки с трёхпалыми лапами. Над ними вырезана схематичная фигура то ли лошади, то ли козла, вероятно, со всадником. Венчает верхнюю часть фигура лошади тоже схематичная, но всё же, более узнаваемая. В нижней композиции изображён козёл со множеством больших и малых рогов. На спине козла и у его заднего крупа нарисованы фигуры, воспринимаемые как условные антропоморфные изображения. Между всадником и рогом козла заметен знак, традиционно наделяемый женской символикой.

На участке 50 (рис.6) сконцентрировалось несколько разносюжетных сцен и образов. Обращает на себя внимание небольшая по размеру, выбитая мелкими точечными ударами, как бы стоящая на спине животного антропоморфная фигура с раскинутыми, как крылья у птицы, руками, широко расставленными ногами и подчёркнутым признаком пола. Это изображение выполнено в традиционном

иконографическом каноне и, вероятно, является образом шамана, летящего по небесным сферам на ездовом животном – бубне. Надо полагать, изображённый здесь ранее в точечной технике марал, был воспринят в качестве священного животного, шкура которого пошла на обтяжку бубна. Согласно проведённому обряду оживления бубна (Потапов Л.П., 1947), шаман обрёл способность подниматься к небесным божествам. По-видимому, выбитая позднее на том же месте по силуэту странная фигура, в чём-то напоминающая абрис животного, тоже имеет отношение к шаманской мистериальности.

Ниже в технике граффити и выбивки схематически обрисована ещё одна подобная антропоморфная фигура с раскинутыми руками и ногами. Художник наделил её огромным гипертрофированным фаллосом. Рядом в той же схематичной манере изображён марал с ветвящимися рогами. Между двумя фигурами выбито овальное пятно, окружённое серией точек. Надо понимать, это бубен, данный от родовой горы, символический конус которой просматривается над спиной марала.

Стилистика и датировка изображений.

Среди петроглифов Калтака по технике исполнения и по стилистике выделяются выбитые изображения первой группы. Для них характерна верная реалистическая передача облика животного, свойственная эпохе бронзы. В то же время заметное стремление к эстетическому любованию рисунком, попытка придать динамику образам, вертикально поставленные рога маралов (участок 6, рис.1 – 1) с большим количеством отростков, подобно изображениям сравнительно недалеко расположенных петроглифов Булан-Кобы (Маточкин Е.П., 2004), – всё говорит о том, что выбитые рисунки первой группы создавались в переходный период между эпохой поздней бронзы и эпохой раннего железа. О скифо-сибирском зверином стиле напоминает участок 8 (рис.1 – 2), где представлен типичный образ – птицеголовый марал с характерным горбиком на спине, вытянутым корпусом, округлым задним крупом и коротким ногами.

О времени ранних кочевников свидетельствует и аккуратно выбитая по контуру отдельными точками фигура марала на участке 50 (рис.6). Перекрывающая её более поздняя выбивка, не позволяет представить полностью первоначальный облик животного. Во всяком случае, скифо-сибирский звериный стиль выдаёт изящная обрисовка задних ног, развёрнутых в неестественном положении.

К следующему гунно-сарматскому периоду предположительно можно отнести выбитые позднее силуэтные рисунки животных на том же участке. Известно, что художники того времени в какой-то мере подражали блистательному искусству скифов. Похоже, что самое верхнее выбитое изображение – есть попытка повторить незаконченный скифский протооригинал.

С древнетюркским периодом можно сопоставить силуэтно-линейное изображение лошади с гривой в виде вертикальных отростков на участке 9 (рис.1 – 3). В рисунке прослеживается высокая культура линии, что отличает граффити раннесредневекового времени.

В связи с тем, что только в крайних группах отмечены рисунки, созданные более тысячи лет назад, можно предположить, что скалы центральной группы с гротом у самой земли ранее были недоступны из-за близкой воды. Возможно, этим обстоятельством объясняется более поздняя датировка резных изображений второй группы.

Следует отметить, что некоторые граффити Калтака состоят исключительно из переплетения прямых и дугообразных линий. Они встречаются и расходятся, пересекаются или идут параллельно, образуя некие геометризованные структуры, подчас очень замысловатые. Условный язык этих абстрактных резных композиций сегодня непонятен. Можно только констатировать, что они не есть результат разновременного и хаотического нагромождения. Линии, как правило, художественно взаимосвязаны: их конец и начало находятся в определённых значимых положениях, что позволяет говорить о некоторой структуре композиции.

Наличие нескольких десятков участков с резными рисунками, созданными после древнетюркской эпохи, дают редкую возможность изучения граффити позднего

средневековья и этнографического времени. Вопрос об их культурно-хронологической принадлежности в археологической науке практически не разработан. Вышедшая в 2006 году монография А.И. Мартынова, В.Н. Елина и Р.М. Еркиновой «Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая» хотя и представила богатый материал по резным петроглифам, однако основное внимание исследователи уделили ранним изображениям и значительно меньшее – послемонгольскому времени. Так что представленные здесь выводы – это в значительной мере первая попытка дать некую периодизацию поздних петроглифов на основе анализа их стилистических особенностей. Общая просматриваемая тенденция – нарастание схематизма и упрощение рисунка от участков с сильной патинизацией к датированному изображению 1937 года или к появившемуся за время нашего изучения с 1998 по 2006 годы парциальному изображению (участок 2).

Хронологический анализ удобно производить по двум наиболее распространённым и взаимосвязанным образам – человека и лошади, стилистические изменения которых соотносятся и с соответствующими изменениями образа горного козла.

Самые ранние граффити центральной группы, надо полагать, появились на наиболее заметных и удобных плоскостях. Это развёрнутые сюжетные композиции на участках 23 (рис.3) и 36 (рис.4 – 3). Вместе с тем, создаётся впечатление, что они образовались в результате сложения разновременных рисунков, так как в них присутствуют изображения животных в разной степени схематизации. Тем не менее, стилистический аналог некоторым образам животных участка 23 можно обнаружить среди изображений, приводимых А.И. Мартыновым, В.Н. Елиным и Р.М. Еркиновой и относимых ими к IX–XV векам.

Отдалённые отголоски древнетюркской художественной традиции в изображении коня на Кудыргинском валуне просматриваются в верхнем рисунке лошади на участке 36.

Наиболее ранние и близкие к натуре изображения лошадей наблюдаются также на участке 12 (рис.2 – 1), непосредственно примыкающему к древним рисункам первой группы. Их отличает округлая обрисовка морды, ушей в виде треугольника, единая плавная линия головы, спины и ног, грива в виде череды падающих параллельных линий.

Считается, что в монгольское время художественный процесс затормозился; петроглифы того времени редки, а следующих столетий – не идентифицированы. В силу этого можно предположить, что наиболее ранние граффити центральной группы, не имеющие аналогов среди известного петроглифического материала, относятся к послемонгольскому периоду, т.е. к середине второго тысячелетия. Основные сюжеты этого времени – перекочёвка, лошади возле аила.

Более схематичные изображения на других участках центральной группы создавались уже в следующие столетия. Так лошади на участках 17, 18, 19 (рис.2 – 2) обрисованы более схематично, чем на участке 12; контур строится из нескольких линий, в основном прямых или дугообразных, уши изображаются двумя чёрточками.

Рисунок на участке 48 явно позднего времени. И хотя он изображает лошадь с гривой, но это всего лишь попытка повторить более древний образ. Такие повторы старого – нередкое явление в петроглифах Алтая.

Схематизация формы проявилась и в обрисовке животных параллельными линиями с отвислой дугой живота (участок 20). Этот канон отчётливо просматривается и в рисунках горных козлов (участки 16, 21 (рис.4 – 2), 29).

Дальнейшая схематизация выразилась в ещё более упрощённом рисунке. Ноги стали изображаться одной длинной чертой, спина – отрезком прямой, корпус – серией дугообразных линий, голова в виде узкого лепестка (центральная фигура участка 36, рис.4 – 3). Соответствующие этой стилистике изображения козлов представлены на участках 12, 36.

На участках 52 и 53 животные представлены в форме буквы «П». Иногда используется характерный способ изображения копыт кружочками. Этот приём доживает на датированном рисунке до 1937 года (участок 14, рис.4 – 1); туловище и шея лошади даны в нём вялыми изломанными линиями.

В поздних граффити возобладал однолинейный способ изображения (участок 25).

В советское время появились рисунки пятиконечных звёзд (участок 35).

Попытка реалистической обрисовки лошадей обнаружилась в последние годы на участке 31. Близкий к нему рисунок головы козла появился в 2006 году (участок 2).

Изображения человека в петроглифах Калтака всегда достаточно условны; менее схематична фигура шамана (участок 50, рис.6). Граффити, в которых ещё присутствует обрисовка головы человека (участки 19, рис.2 – 2 и 36, рис.1 – 3), вероятно, более ранние. Такая датировка согласуется и с хронологией образа лошади на этих же участках. Однако в этих ранних изображениях уже заметно стремление обрисовать не столько человека, сколько его костюм. Возможно, такая иконография была присуща образу женщины. В дальнейшем костюм фактически полностью заменил собой женскую фигуру (участки 10, рис.1 – 4), 11, 40, 44, рис.5 – 2).

Следует отметить, что в тех же граффити на участках 19 и 36, а также на участке 23 есть совсем иное представление человека – в виде изогнутой выступом линии или такого же по форме пламевидного образования. Аналогии им можно указать среди изображений на гравированных плитках, обнаруженных В.Д. Кубаревым (Гричан Ю.В., 1987, рис.1, 2, 4, 18), и среди петроглифов Шалкобы (Окладникова Е.А., 1987, рис.2 – 11). Подобные антропоморфные фигуры в виде тройной линии, изломанной под углом, на скалах ручья Алты-Катындой фиксировал Д.В. Черемисин (Черемисин Д.В., 1993, рис.12, 19). В Калтаке подобный приём особенно ярко проявился в композиции на участке 39 (рис.5 – 1), где, по-видимому, символически изображена эротическая сцена. В ней присутствуют изображения налегающих друг на друга лошадей, а также две условные пламевидные фигуры в горизонтальном и вертикальном положении. Над вертикальной фигурой показан круг, а над горизонтальной – овал с чертой внутри, что традиционно связывается с женским половым признаком.

Образ всадника в виде креста с круглой головкой наверху на лошади, изображённой несколькими линиями с кружками-копытами, можно отнести к этнографическому времени (участок 53). А наиболее поздние изображения всадников (участки 5 и 48) создавались, вероятно, в конце XX – начале XXI века.

Ранее мы не давали конкретной датировки для изображений, сделанных красной краской внутри грота (участок 45). Надо полагать, что они появились там одновременно с окружающими их резными рисунками. Так, композиция на участке 44 (рис.5 – 2) могла быть создана не в самый ранний период появления здесь граффити, поскольку стилистика изображения животных уже отличается заметным схематизмом. В то же время рисунки маралов ещё не сводятся к однолинейным, характерным для позднего времени. В силу этого и композицию на участке 44 и красочные рисунки на участке 45 ориентировочно можно датировать XVIII веком.

Заключение.

Петроглифы Калтака – уникальный памятник духовной культуры Алтая, в котором ярко воплотилось искусство 2-го тысячелетия. Поразительно и то, что историко-художественный процесс на скалах Калтака продолжается и поныне, и сегодня чабаны и охотники вырезают там свои рисунки. В силу этого можно констатировать, что петроглифы Калтака отражают непрерывный художественный процесс в течение трёх тысячелетий. К тому же он опровергает мнение некоторых исследователей о том, что традиция нанесения на скалы рисунков-граффити была завершена несколько десятилетий назад, пока воспоминания о прошлом среди алтайского народа были более прочны (Елин В.И., 1994, с.57). Не только в Калтаке, но и в других местах встречаются наскальные изображения, созданные в последние десятилетия (Черемисин Д.В., Октябрьская И.В., 1996; Черемисин Д.В., 2008; Маточкин Е.П., 2009).

В археологии приоритет в изучении петроглифов отдаётся, как правило, первобытности – эпохе бронзы и раннего железа. История же последних столетий изучается в основном по письменным источникам – летописям и хроникам. К тому же, поскольку в граффити позднего времени нарастает условность и знаковая символика, а проблемы их интерпретации остаются неразработанными, то археологическая наука редко прибегает к ним как к научным документам.

Более того, поздние граффити необычайно сложно копировать, воспроизводить и «прочитывать». Фиксация даже одного резного рисунки требует гораздо больше времени и усилий, нежели работа с выбитыми по силуэту рисунками эпохи палеометалла или скифского времени. До сих пор нет надёжной методики их копирования. Масса тонких, подчас уже сгладившихся линий, опутывающих образ, несомненно, придаёт ему определённую смысловую окраску, которая, ранее, надо полагать, воспринималась понятной. Язык этой условной изобразительности утрачен, а опыта его дешифровки явно недостаточно даже для того, чтобы уверенно датировать граффити хотя бы с точностью до нескольких столетий. В силу этих обстоятельств поздние граффити ещё не вошли в той же мере в археологическую науку, как более ранние петроглифы. В этнографической науке примеры изучения граффити Горного Алтая позднего средневековья крайне редки.

Если научная мысль сможет продвинуться в изучении граффити, сопоставив их с имеющимися этнографическими данными, письменными источниками, устным фольклором, то она с большим пониманием сможет подойти и к изучению петроглифов предшествующего бесписьменного первобытного периода. Ведь они также остаются мало осмысленными, так как до сих пор нет «ключа», нет адекватной методики для их интерпретации. В этом вопросе могло бы сказать своё слово и искусствоведение: отталкиваясь от изучения творчества позднего периода и выявляя образную смыслообразующую роль художественной формы, можно было бы более обоснованно перейти и к анализу более ранних памятников.

Хотелось бы выразить благодарность проводникам зимних и летних экспедиций по Аргуту: Амыру Николаевичу Самойлову, Еркину Яманову, Айдыну Самойлову, Сунеру Самойлову, Евгению Годукову, Анатолию Тимошевичу Теришеву.

Библиографический список

1. Гричан, Ю.В. Новые материалы по изобразительному искусству Горного Алтая // Традиционные верования и быт народов Сибири / Ю.В. Гричан. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 178-200.
2. Елин, В.И. Хронология граффити // Материалы по истории и культуре Республики Алтай / В.И. Елин. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 55-57.
3. Мартынов, А.И. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая / А.И. Мартынов, В.Н. Елин, Р.М. Еркинова. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. – 346с.
4. Маточкин Е.П. Красные кони Калтака // Гуманитарные науки в Сибири / Е.П. Маточкин. – Новосибирск: Изд. СО РАН, 1998. – №3. – С.57-59.
5. Маточкин, Е.П. Петроглифы Булан-Кобы // Комплексные исследования древних и традиционных сообществ Евразии: Сборник научных трудов / Е.П. Маточкин. – Барнаул: АГУ, 2004. – С. 399-402.
6. Маточкин, Е.П. Искусство алтайских чабанов // Мир науки, культуры, образования / Е.П. Маточкин. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. – № 2 – С. 90-92.
7. Окладникова, Е.А. Образ человека в наскальном искусстве Центрального Алтая // Первобытное искусство. Антропоморфные изображения / Е.А. Окладникова. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 170-180.
8. Потапов, Л.П. Обряд оживления бубна у тюркоязычных племён Алтая // Тр. Ин-та этнографии. Нов. Сер. / Л.П. Потапов. – Л., 1947. – Т.1. – С.159-182.
9. Черемисин, Д.В. // К изучению поздних петроглифов Горного Алтая // Современные проблемы изучения петроглифов / Д.В. Черемисин. – Кемерово: КемГУ, 1993. – С. 122–132.
10. Черемисин Д.В., Октябрьская И.В. Современные наскальные рисунки на стыке традиций // Интеграция археологических и этнографических исследований. Тез. докл.

Всеросс. науч. конф. / Д.В. Черемисин, И.В. Октябрьская. – Новосибирск-Омск: ОмГУ, 1996. – Ч. II. – С. 44-47.
11. Черемисин Д.В. К изучению новейших наскальных изображений Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007) / Д.В. Черемисин. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 269-274.

Соёнов В.И., Трифанова С.В.,
Константинов Н.А., Штанакова Е.А.
(г. Горно-Алтайск, Россия)

РАСКОПКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБЪЕКТОВ НА МОГИЛЬНИКЕ БИКЕ III

Введение.

Район расположения могильника Бике III, на котором проводились раскопки археологических объектов в полевой сезон 2008 года, географически находится в центральной части Горного Алтая. Правобережье Катуни в этом месте представлено среднегорными ландшафтами, южнотаежными светлохвойными с лиственничными лесами на горно-лесных черноземовидных почвах в сочетании с высокотравными лугами на горно-луговых почвах и кустарниково-злаковыми степями на горных черноземах по склонам южной экспозиции Куминского хребта (Атлас Алтайского края, 1991). Остепненные участки береговых террас Катуни отделены друг от друга бомами – местами с крутыми обрывистыми берегами. В геологическом отношении участок относится к Катунской структурно-формационной зоне, сложенной осадочными и вулканогенными породами верхнерифейского-нижнепалеозойского возраста (герцинский этап складчатости) и представляет собой антиклинальное сводовое поднятие палеозойского фундамента (Барышников Г.Я., Малолетко А.М., 1997).

В археологическом плане территория Средней Катуни достаточно хорошо исследована (Кубарев В.Д., 1990). Что касается непосредственно курганов урочища Бийке (Бийка, Бике) на правом берегу р. Катуни, то они зафиксированы В.А. Могильниковым еще в 1975 г. (Степанова Н.Ф., Соёнов В.И., 2009, с.35). По описанию В.А. Могильникова, курганы располагаются в 6 км от с. Еланда и 17 км от с. Эдиган Чемальского района. Первая курганная группа находится на поле и состоит из пяти курганов диаметром до 10-12 м, расположенных цепочкой с севера на юг. Полы курганов сильно опаханы из-за чего форма насыпей приобрела вытянутые очертания. Вторая курганная группа расположена южнее первой, на сухом лугу и состоит из двух параллельных цепочек, в которых насчитывается 14 курганов диаметром до 4-5 м, высотой до 0,2-0,3 м. Курганы округлой формы, часть из них имеют в центре углубление – следы грабительского шурфа. Цепочки ориентированы по линии север-юг. Курганы предположительно были датированы скифским временем (Могильников В.А., 1975).

В 1980 г. курганы урочища Бийке были зафиксированы М.Т. Абдулганеевым под названием Еланда-I (Степанова Н.Ф., 1980). Позже, в период подготовки строительства Катунской ГЭС (1988-91 гг.), экспедицией под руководством В.Д. Кубарева осуществлены широкомасштабные раскопки на этом памятнике. Могильник был разделен В.Д. Кубаревым на четыре группы под наименованиями Бике I-IV, которые и закрепились в научной литературе. На этих памятниках раскопаны объекты афанасьевской, бийкенской, пазырыкской, булан-кобинской и тюркской культур (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990; Кубарев В.Д., Слюсаренко И.Ю., 1990; Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1992; 2001; Кубарев В.Д., 1990; 1994; 2001).

В 2007 г. раскопочные работы на Бийке были возобновлены в связи с планами строительства Алтайской ГЭС – уменьшенного варианта Катунской ГЭС. На могильнике Бике III археологической экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством В.П. Семибратова раскопаны два пазырыкских кургана, а на памятнике Бике IV вскрыты три

объекта: два – раннескифского времени, один – раннего средневековья (Семибратов В.П., 2007; Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Матренин С.С., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., 2007). В 2008 г. работы в урочище продолжены археологической экспедицией под руководством В.И. Соёнова. На могильнике Бике III раскопаны четыре ритуальных кургана и прямоугольная тюркская оградка, расположенные к западу от основной цепочки пазырыкских курганов (Соёнов В.И., 2009). В данной статье мы вводим в научный оборот эти объекты. Там же, на краю террасы, обнаружено лицевое изваяние тюркского времени (более подробно о нем см. в статье С.Г. Ленской об изваяниях Средней Катуни в данном сборнике).

Описание исследованных объектов.

Могильник Бике III расположен на поверхности второй надпойменной террасы, возвышающейся над рекой на 18-20 м, в 6,3 км к ЮВЮ от с. Еланда Чемальского района, в 2,1 км к ЗСЗ от устья р. Бийке, на правом берегу р. Катуни. Бике III находится к западу от могильников Бике I, II. Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N-51˚10′033″, E-086˚07′405″; N-51˚09′941″, E-086˚07′349″; N-51˚09′899″, E-086˚07′546″; N-51˚09′944″, E-086˚07′602″.

Оградка 15. Расположена в юго-западной части могильника, в 155 м к ЗСЗ от кургана 1, раскопанного В.Д. Кубаревым (Кубарев В.Д., 2001, рис.1), в 35 м к юго-западу от кургана 16. Объект имеет следующие географические координаты по GPS-приемнику: N-51°09′934″, E-086°07′418″, h-473 м над уровнем моря по балтийской системе высот. До раскопок он представлял собой небольшой запаханный холмик овальной формы в плане, ориентированный длинной осью по линии СЗ-ЮВ, размерами 4,7х2,5 м, высотой 0,37 м. После снятия дернового слоя выявлен развал окатанных камней неправильной формы, размерами 3,8х3,5 м (рис.1). В ходе разборки развала (верхние камни – сборы с поля), стала хорошо различима оградка подквадратной формы со слегка закругленными углами, размерами 2х2 м (рис.3). Она сложена из 10 камней: пять окатанных камней и пять плит. Одна из плит имеет явные следы обработки (оформленный угол). Восемь камней поставлены на длинное ребро. В северо-восточном и юго-западном углах оградки стояли окатанные камни. Сооружение внутри заполнено небольшими окатанными камнями. Снаружи оградки около восточной стенки лежал продолговатый камень белого цвета длиной 52 см (балбал?). В центре оградки на глубине 48 см от условного нуля зачищено скопление небольших окатанных камней (возможно, забутовка ямы). К северо-востоку от них обнаружены мелкие древесные угольки. В центральной части оградки на глубине 36 см от условного нуля выявлены два пятна ям, отличавшиеся от окружающего грунта более темным цветом. Яма 1 имела подтреугольную форму, с длиной сторон 40 см (рис.5 – 1). Глубина ямы 1 – 36 см. При выборке грунта из ямы был обнаружен мелкий фрагмент древесного угля. В 20 см к северо-западу от ямы 1 находится яма 2 овальной формы размерами 30х25 см (рис.5 – 2). Глубина ямы 2 – 28 см. У южной стенки ямы лежали два плоских камня овальной формы. При выборе грунта из ямы 2 на глубине 67 см от условного нуля зачищен железный нож (рис.4; 6 – 3). В 10 см к северу от ямы 1 обнаружены железное стремя (рис.4; 7), железная заклепка (рис.4; 6 – 1) и колчанный крюк (рис.4; 6 – 2). В западном секторе оградки на глубине 59 см от условного нуля обнаружены семь железных наконечников стрел (рис.4; 8 – 1-7), на глубине 62 см – железные удила (рис.4; 6 – 4). В юго-восточном секторе оградки на глубине 58 см от условного нуля зачищен небольшой фрагмент бронзовой бляшки-накладки, имеющий штампованный сердцевидный орнамент (рис.4; 6 – 5).

Курган 16. Расположен в юго-западной части могильника, в 140 м к северо-западу от кургана 1, раскопанного В.Д. Кубаревым (Кубарев В.Д., 2001, рис.1), в 35 м к северо-востоку от оградки 15. Географические координаты по GPS-приемнику: N-51˚09′944″, E-086˚07′442″, h-473 м над уровнем моря по балтийской системе высот. До раскопок объект представлял собой холмик овальной формы в плане, ориентированный длиной осью по линии восток-запад, размерами 6,0х3,6 м, высотой 0,25 м. Холмик был сильно задернован и опахан с юга и севера. После снятия дернового слоя выявлен бесформенный развал размерами 4,7х2,0 м, состоящий из окатанных камней (сборы с поля) (рис.9). При его

разборке отмечен второй слой камней, представляющий собой выкладку, а не развал. По-видимому, это остатки первоначальной выкладки. Между первым и вторым слоями камней фиксируется пласт почвы мощностью до 10-15 см (рис.10). Зачищенная выкладка неправильной в плане формы была вытянута по линии запад-восток (рис.11). Она сложена из окатанных камней и имела размеры 2,7х1,6 м. Под выкладкой никаких ям или перекопов не зафиксировано. Из инвентаря найден неорнаментированный фрагмент лепной керамики из рыхлого теста с крупными включениями серо-коричневого цвета (рис.12). Он находился в юго-восточном секторе насыпи под камнями. Других предметов не обнаружено.

Курганы 17-19. Расположены в западной части могильника, в 170 м к северо-западу от кургана 1, раскопанного В.Д. Кубаревым (Кубарев В.Д., 2001, рис.1), в 55 м к СВС от кургана 16. До раскопок представляли собой невысокий задернованный холмик, вытянутый по линии СВС-ЮЗЮ. После снятия дернового слоя выявлена цепочка из трех плотно пристроенных друг к другу насыпей овальной формы, сложенных из окатанного и рваного камня (рис.13).

Курган 17. Расположен в юго-западной части цепочки курганов 17-19. Географические координаты по GPS-приемнику: N-51˚09′973″, E-086˚07′447″, h-475 м над уровнем моря по балтийской системе высот. Насыпь овальной формы в плане, длиной осью ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Размеры 4,8х4,2 м, высота 0,3 м. С северо-восточной стороны к нему примыкает насыпь кургана 18 (рис.13). В ЗЮЗ секторе кургана на насыпи зачищен белый камень вытянутой формы. При разборке насыпи в восточном секторе обнаружены отдельные древесные угольки, а юго-западном секторе зафиксированы скопления древесного угля (рис.16). В 3 м к юго-востоку от края насыпи обнаружено несколько неорнаментированных фрагментов лепной керамики из грубого теста с крупными включениями (рис.23 – 4, 5, 8). При разборке насыпи в его центральной части выявлена выкладка округлой формы, сложенная из крупных камней (рис.15). С восточной стороны выкладки находятся каменные плиты прямоугольной формы, с западной стороны и в центре – окатанные камни. В 40 см к юго-западу от выкладки на глубине 57 см от условного нуля выявлено пятно бурого цвета подовальной формы размерами 1,0х0,6 м, ориентированное длинной осью по линии север-юг (яма 1) (рис.17; 18). При выборке грунта в яме обнаружена забутовка из окатанных камней. В северном секторе ямы зачищены плоские камни, лежавшие на дне. В южном секторе камни находились чуть выше дна ямы. Глубина ямы 66 см от условного нуля. К северо-западу от выкладки выявлено пятно бурого цвета овальной формы, размерами 0,4х0,5 м, ориентированное длиной осью по линии север-юг (яма 2) (рис.17; 19). При выборке грунта из ямы ничего не обнаружено. Контрольный перекоп позволил выявить яму 3, расположенную к востоку от ямы 2. Она имела округлую форму в плане (рис.17; 20). Диаметр 0,6 м. В заполнении ямы имелась забутовка из камней: в центре лежал рваный камень, вокруг которого находились небольшие окатанные камни и фрагмент большой гальки. Под скоплением камней обнаружены древесный тлен и угли (рис.16). Вещей в кургане 17 не обнаружено.

Курган 18. Расположен в центре цепочки. Географические координаты по GPS-приемнику: N-51˚09′974″, E-086˚07′447″, h-475 м над уровнем моря по балтийской системе высот. С юго-западной стороны к нему примыкает курган 17, а с северо-восточной – курган 19 (рис.13). Насыпь кургана имеет овальную форму в плане. Длиной осью ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Размеры 4,5×3,0 м, высота 0,3 м. Насыпь сложена из окатанного и рваного камня с преобладанием первых. В северо-западном секторе насыпи среди камней обнаружены древесные угли. В 1,2 м к западу от насыпи обнаружен фрагмент челюсти животного (лошади?). Вдоль западной полы кургана обнаружено скопление древесных углей, вытянутое с севера на юг примерно на 2 метра (рис.16). В западном секторе насыпи обнаружены фрагменты зубов животного (лошади?) и древесные угли. В восточном секторе насыпи встречены неорнаментированные фрагменты лепной керамики из грубого теста с крупными включениями (рис.16; 23 – 1-3, 6). После разборки развала насыпи в западной части выявлены две каменные выкладки (рис.15). Восточная выкладка 1 сооружена из окатанных и рваных камней. В северо-

западной части этой выкладки имеются окатанные камни, а в юго-восточной части – два больших рванных камня, поставленных вертикально. При разборке выкладки на глубине 64 см от условного нуля выявлено пятно ямы 1 желтого цвета диаметром 35 см, округлой формы в плане (рис.17; 21). Глубина ямы 55 см. При выборке ямы обнаружено скопление небольших окатанных камней. На глубине 92 см от условного нуля встречен древесный тлен, на глубине 95 см – мелкие древесные угольки. Выкладка 2, расположенная в 15 см к западу от выкладки 1, сложена из небольших окатанных камней. После разборки выкладки 2 выявлено пятно округлой формы в плане, диаметром 100 см (рис.17; 21). Глубина ямы 25 см. Она была заполнена окатанными камнями, среди которых обнаружены древесные угли. На глубине 92 см от условного нуля в центре ямы обнаружено скопление древесного угля и древесный тлен. В 75 см к западу от ямы 2 выявлено бурое пятно диаметром 30 см округлой формы в плане (рис.17; 21). Глубина ямы 15 см. При выборе грунта в яме ничего не обнаружено. Возможно, кротовина. Вещей в кургане 18 не обнаружено.

Курган 19. Расположен в северо-восточной части цепочки курганов 17-19. С юго-западной стороны к нему вплотную примыкает насыпь кургана 18 (рис.13). Географические координаты по GPS-приемнику: N-51°09′976″, E-086°07′449″, h-475 м над уровнем моря по балтийской системе высот. Насыпь сложена из окатанного и рваного камня. Она овальной формы в плане, длиной осью ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Размеры насыпи 6,6х1,2 м, высота 0,3 м. С западной стороны насыпи обнаружены древесные угольки (рис.16). На восточной части насыпи, под камнями развала найдены фрагменты кости и керамики (рис.23 – 7,9). После разборки насыпи, выявлена оградка неправильной формы размерами 2,2х2,4 м с закругленными углами и скругленной восточной стороной (рис.15). Оградка сложена из каменных блоков длиной до 0,7 м. Внутри она была заполнена крупными, преимущественно окатанными камнями. С внешней стороны оградки у южной стенки обнаружена часть нижней челюсть лошади (?). При разборке бровки в северо-восточной части объекта найдены мелкие фрагменты костей (рис.16). Внутри оградки зачищены две выкладки (рис.17). Восточная представляла собой два вертикально установленных камня, у основания южного камня уложены небольшие окатанные камни. Западная выкладка сложена преимущественно из плоских окатанных камней. Под камнями выкладок встречались мелкие древесные угольки. На глубине 57 см от условного нуля обнаружено пятно ямы 1 бурого цвета. Оно имело овальную форму в плане, длиной осью ориентировано по линии восток-запад (рис.17; 22). Размеры 1,4х1,2 м. Во время выборки грунта были зафиксированы два скопления камней. Под восточным скоплением камней зачищена яма 1/1, заполненная грунтом бурого цвета. Она имела круглую форму в плане (рис.22). Диаметр 35 см. В яме находились небольшие окатанные камни: в северном секторе – плоские камни, лежащие на дне; в южном секторе – лежащие чуть выше дна ямы. В грунте между камнями встречены мелкие древесные угольки и маленький фрагмент кости. Под западным скоплением камней зафиксирована вторая яма 2/1, заполненная грунтом бурого цвета. Она имела округлую форму в плане (рис.22). Диаметр 80 см. В ЮВЮ части ямы находился рваный камень подпрямоугольной формы в плане. Вещей в кургане 19 не обнаружено.

Культурно-хронологическая принадлежность объектов.

Итак, раскопанные сооружения можно условно отнести к непогребальным памятникам, поскольку в них не зафиксированы остатки погребений. На первый взгляд здесь представлены две разновидности памятников – оградка и курганы. Однако это очень условное деление по внешнему виду не совсем точно отражает суть раскопанных сооружений.

Объект 15 относится к одиночным квадратным тюркским оградкам. На сегодняшний день подобных оградок исследовано на Алтае значительное количество (Могильников В.А., 1981; Кубарев В.Д., 1984; Кубарев Г.В., 2005; Тишкин А.А., 2007; Матренин С.С., Сарафанов Д.Е., 2006). Внутренние сооружения оградки 15 представлены двумя ямками. Хотя на Алтае известны тюркские оградки с вещами, помещенными в ямки, вряд ли ямки

оградки 15 были жертвенными. Центральная ямка, по-видимому, столбовая, а яма 2 – ход грызунов. Инвентарь располагался прямо под выкладкой, практически по всей площади оградки. Единственная находка в яме 2 – железный нож, который находился в верхней части заполнения ямы, возможно, попал в яму в результате деятельности грызунов.

Инвентарь, обнаруженный в оградке 15, частью находит аналогии в материалах других памятников Горного Алтая. Найденные в оградке кованые железные *удила* имеют петельчатые окончания, а звенья соединены при помощи крюкового способа крепления (рис. 6 – 4). Общая длина удил 8,8 см. Размеры петельчатых окончаний составляют 2,4х1,7 см. Длина звеньев по 4,5 см. Форма сечения звеньев и окончаний – овальное. Близкие по форме удила были достаточно широко распространены в Южной Сибири и Центральной Азии в период раннего средневековья. В алтае-саянском регионе они известны уже с гунно-сарматского времени, т.е. с первой половины I тыс. н.э. (Кызласов И.Л., 1983, с. 57; Неверов С.В., 1992, с. 143; Соёнов В.И., 1998, с.97) и бытовали на протяжении второй половины I тыс. н.э. Примерами таких изделий из памятников Горного Алтая тюркского времени можно назвать удила из кургана 10 могильника Тыткескень VI, датированного VI-VII вв. н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998, рис.5 – 10); из оградки 1 могильника Кызыл-Таш, который относится к V-VI вв. н.э. (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1996, рис.1 – 2); из объектов 61-А, 81, 86 могильника Кара-Коба I, датированных V-VI вв. н.э. (Могильников В.А., 1994, рис.2 – 2; 9 – 1; 13 – 1; 14 – 1); из кургана 29 могильника Юстыд XII, из кургана 7 могильника Талдуаир I, из кургана 12 могильника Балык-Соок I, из кургана у изваяния могильника Ак-Кобы, из кургана 9 могильника Джолин, датированных VII-VIII вв. н.э. (Кубарев Г.В., 2005, табл.30 – 2; 102 – 2; 136 – 2; 89 – 3); из кургана 5 и впускного погребения большого кургана могильника Катанда II, относящихся к VII-VIII вв. н.э. (Гаврилова А.А., 1965, рис.8 – 10; рис.10 – 1); из курганов 3, 11, 16, 22 могильника Катанда III, относящихся ко второй половине VII-первой половине VIII вв. н.э. (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис.4 – 5; 6 – 25; 7 – 11; 9 – 7); из оградки XI могильника Кудыргэ, датированного VI-VIII вв. н.э. (Гаврилова А.А., 1965, табл.IV – 7); из ряда погребений могильника Кудыргэ, которые относятся к VI-VII вв. н.э. (Гаврилова А.А., 1965, табл.VIII – 8; XIV – 11; XV – 6; XXIII – 1,2); и др.

Железное *стремя* восьмеркообразной формы имело петельчатое ушко и дужку округлой формы (рис.7). Общие размеры стремени: высота 13,4 см, наибольшая ширина дужки 11,6 см. Ширина петельчатого ушка 3,2 см, высота 2,7 см. Дужка и ушко в поперечном сечении округлой формы, диаметр сечения 0,6-0,9 см. Подножка шириной 2,8 см оформлена путем расплющивания прута. Края подножки загнуты вниз, по всей длине подножки прослеживается ребро жесткости. Подобные петельчатые стремена с округлой дужкой имели широкое распространение в Южной Сибири и Центральной Азии в период раннего средневековья, в т.ч. на Алтае (Неверов С.В., 1998, с.146). Близкие стремена найдены в кургане 10 могильника Тыткескень-VI, относящемся ко второй четверти VII в. н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998, рис.5 – 6,7); в курганах 1, 3, 11, 16, 21 могильника Катанда III, относящихся ко второй половине VII-первой половине VIII вв. н.э. (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис.2 – 3; 4 – 2; 7 – 3,5; 9 – 5,13); в курганах 1 и 8 могильника Кара-Коба I, датированных VII-VIII вв. н.э. (Могильников В.А., 1990, с. 157, рис.1 – 2; 5 – 2,3); в кургане 9 могильника Бике I, датированном VIII-IX вв. н.э. (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис.18 – 5); в кургане 7 могильника Талдуаир I, в кургане 12 могильника Балык-Соок I, во впускном погребении (кенотафе) кургана Калбак-Таш, в кургане 2 могильника Ак-Кобы III, датированных VII-VIII вв. н.э. (Кубарев Г.В., 2005, табл.95 – 9; 102 – 7, 119 – 2,4; 136 – 1); в ряде курганов могильника Кудыргэ, которые относятся к VI-VII вв. н.э. (Гаврилова А.А., 1965, табл. XII – 10; XIX – 22; XXI – 10,11; XXIII – 10); и др.

Найденный однолезвийный черешковый железный *нож* имеет равномерно суживающийся к концу плоский черешок, чуть вогнутое (сточенное?) лезвие и прямую спинку (рис. 6 – 3). При переходе к черешку имеется небольшой выступ со стороны спинки. Общая длина ножа 8,8 см, длина лезвия 4,8 см, длина ручки 4 см, максимальная ширина изделия 1,7 см. Железные ножи тюркского времени, по мнению исследователей, довольно однотипны и пока не имеют узкой хронологии (Кубарев Г.В., 2005, с.72).

Крюк с удлинённым щитком с одной заклёпкой имел крючкообразное окончание (рис.6 – 2). Общая длина крючка 4,8 см, длина крючкообразного окончания 1,6 см, максимальная ширина щитка составляет 1,5 см, размеры квадратной шляпки заклёпки 1х1 см. Хотя крюки со щитками различных форм – довольно распространенная находка в памятниках Горного Алтая, но точные аналогии данного изделия нам неизвестны. Отдаленное сходство с ним по щитку имеют поясные или колчанные крюки из кургана 9 могильника Кудыргэ и кургана 9 могильника Бике I, датированные, соответственно, VI-VII вв. н.э. и VIII-IX вв. н.э. (Гаврилова А.А., 1965, табл.XV – 5); Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис.19 – 6; Кубарев Г.В., 2005, табл.150 – 5).

Бляшка-накладка, изготовленная из бронзы имеет неполную сохранность (рис.6 – 5). Сохранился край прямоугольной пластины с отогнутыми бортиками и отверстием, пробитым на краю пластины. Размеры фрагмента 1,5х1,4 см. На поверхности бляшки имеются остатки штампованного орнамента в виде ряда изображений в форме сердца. По-видимому, это часть накладки на пояс или сбруйный ремень. Из-за малых размеров фрагмента затруднен поиск аналогий и интерпретация предмета. Можно отметить, что сердцевидный орнамент был широко распространены в искусстве средневекового населения Евразии (например: Король Г.Г., 2008, табл. 5, 17, 23).

Железная *заклёпка* (рис.6 – 1) размерами 1,7х1,5 см, диаметром застёжки 1,3 см, толщиной 0,8 см не имеет узкой датировки.

Все, обнаруженные в оградке 15, *наконечники стрел* с черешковым способом насада изготовлены из железа.

1. Трехлопастной ярусный наконечник с заостренным треугольным окончанием (рис.8 – 1). Верхняя часть в форме пятиугольника, нижняя – в форме шестиугольника. Имеет округлые отверстия в лопастях. Сечение шейки пера круглое, имеется кольцевой упор. Размеры наконечника: длина 11,5 см, длина пера 5 см, максимальная ширина пера 2,4 см, длина черешка 6,5 см. Идентичных наконечников нам неизвестно, хотя в южносибирских и центральноазиатских памятниках ярусные наконечники широко распространены. Железные трехлопастные черешковые ярусные наконечники появились на Саяно-Алтае в конце I тыс. до н.э. и бытовали на протяжении всего I тыс. н.э. Но наибольшее распространение ярусные наконечники имели в гунно-сарматское время (Худяков Ю.С., 1986; Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т., 1991; Горбунов В.В., 2006).

2. Трехлопастной удлиненно-шестиугольный наконечник с шестиугольным вытянутым пером, сужающимся к вершине (рис.8 – 2). Сечение шейки пера круглое, имеется кольцевой упор. Длина наконечника 10,1 см, длина пера 4,5 см, длина черешка 5,4 см, максимальная ширина пера 2,4 см. Наконечники стрел, имеющие сходство по абрису с бикенским экземпляром, обнаружены на многих памятниках тюркского времени: во впускном погребении кургана 5 могильника Яконур, относящемся ко второй половине V-первой половине VI в. н.э. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, рис.2 – 2); кургане 29 могильника Юстыд XII, в кургане 6 могильника Талдуаир I, в кургане 82 могильника Боротал I, во впускном погребении (кенотафе) кургана Калбак-Таш, в кургане 9 могильника Бике I, датированных VII-IX вв. н.э. (Кубарев Г.В., 2005, табл.33 – 1,7; 99 – 1-5,7; 112 – 3; 119 – 9; 150 – 2); в курганах 5, 9, 18 могильника Кудыргэ, которые относятся к VI-VII вв. н.э. (Гаврилова А.А., 1965, табл.XI – 10,12; XVII – 7; XXII – 3); и др.

3. Трехлопастной крылато-ромбический наконечник с широкими уплощенно-ромбическими лопастями (рис.6 – 3). Имеется кольцевой упор. Общая длина 8,5 см, длина пера 3 см, длина черешка 5,5 см, максимальная ширина пера 3 см. В памятниках Горного Алтая точные аналогии данного изделия нам неизвестны. Но данный наконечник уплощенностью формы пера, широкими лопастями, кольцевым упором и т.д. близок к нескольким типам наконечников, встречающимся в комплексе вооружения центральноазиатских и южносибирских воинов гунно-сарматского и тюркского времени (Худяков Ю.С., 1986, рис.5 – 1; 27 – 27; 64 – 17; Киреев С.М., 1993, рис.1; Кубарев Г.В., 2005, рис.25 – 9; и др.).

4. Трехлопастной крылато-овальный наконечник с широкими скругленными уплощенными лопастями (рис.6 – 4). Имеется кольцевой упор и круглые отверстия в лопастях. Общая длина 6,4 см, длина черешка 4 см, длина пера 2,3 см, максимальная

ширина пера 2,4 см. В памятниках Горного Алтая точные аналогии данного изделия нам неизвестны. Уплощенностью формы пера, широкими лопастями, кольцевым упором и т.д. данный наконечник сходен с вышеописанным крылато-ромбическим наконечником.

5. Трехгранно-трехлопастной удлиненно-ромбический наконечник (рис.6 – 5). Перо наконечника близко к трехгранной форме, но грани оформлены в виде очень коротких лопастей. Имеется кольцевой упор. Размеры: общая длина 7,9 см, длина пера 1,9 см, длина черешка 6 см, максимальная ширина пера 0,6 см. В памятниках Горного Алтая аналогичные наконечники не известны.

6. Трехлопастной удлиненно-треугольный наконечник (рис.6 – 6). Форма пера имеет треугольный вид с округлыми «плечиками». Размеры: общая длина 6 см, длина черешка 4,5 см, длина пера 1,5 см, максимальная ширина пера 0,6 см. В памятниках Горного Алтая аналогичные наконечники не известны.

7. Трехлопастной ромбический наконечник (рис.6 – 7). Имеется кольцевой упор. Общая длина 6,9 см, длина пера 3,4 см, длина черешка 3,2 см, максимальная ширина пера 1,3 см. Подобные изделия не имеют узкой хронологии. Разные типы трехлопастных ромбических наконечников получили на Алтае широкое распространение в гунно-сарматское время и продолжали использоваться в тюркское время (Худяков Ю.С., 1986, рис.58; 64; Горбунов В.В., 2006, рис.23-28; 33).

Таким образом, на основании датировки вышеописанного инвентаря, найденного в оградке, мы можем датировать объект в широких пределах от второй половины V в. н.э. до VIII-IX вв. н.э. Однако, учитывая факт наличия в облике инвентаря явных черт предшествующего гунно-сарматского времени, надо полагать, что оградка относится к началу тюркского времени. Ее раннюю датировку подтверждает, выявленный исследователями, признак раннетюркских памятников: наличие одного стремени. Только в конскую амуницию кызыл-ташского этапа тюркской культуры (второй половины V – первой половины VI вв. н.э.) входит одно стремя, в то время как в последующем их всегда два (Тишкин А.А., 2007, с.194). Косвенно о ранней датировке оградки указывает нетипичность форм наконечников стрел для тюркской культуры. Это свидетельствует о промежуточности форм и неустоявшемся комплексе наконечников стрел, что характерно для этапа поиска наиболее оптимальных типов и вариантов изделий. Исходя из конструкции объекта, обычной для тюркской культуры, и вышеизложенных особенностей инвентаря, оградку 15 мы предварительно датируем второй половиной V – первой половиной VI вв. н.э. и относим к собственно тюркским памятникам.

Отсутствие достоверно датирующего инвентаря и каких-либо находок, помимо неорнаментированного фрагмента керамики, затрудняют культурно-хронологическую интерпретацию объекта 16. Скорее всего, он принадлежит к тюркскому времени, к которому относятся соседние одиночные сооружения, и является ритуальным сооружением. Но мы не исключаем возможность того, что он может иметь отношение к пазырыкским курганам, расположенным на могильнике, в качестве ритуально-поминального сооружения.

Раскопанные нами курганы 17-19 снаружи, даже после зачистки насыпей, выглядели как обычные курганы, но оказались непогребальными сооружениями. Под насыпями зафиксированы выкладки из мощных каменных блоков, неглубокие столбовые ямки с каменной забутовкой и древесным тленом. Обращает на себя внимание, что в кургане 19 под развалом насыпи выявлена оградка неправильной формы с закругленными углами и скругленной восточной стороной. По внешнему виду он явно напоминает тюркские оградки. Под камнями насыпи найдены мелкие неорнаментированные фрагменты керамики, фрагменты костей и зубов животных, древесные угли, но датирующих находок не обнаружено. Подобные курганам 17-19 цепочки каменных сооружений без могил хорошо известны на территории Горного Алтая в гунно-сарматское и раннетюркское время (Савинов Д.Г., 1994, с.94-104; Могильников В.А., 1994, с.94-116; Соёнов В.И., Эбель А.В., 1997, с.104; Семибратов В.П., Матренин С.С., 2008, с.61-63). Скорее всего, курганы 17-19 представляют собой ритуальные сооружения раннетюркского времени. Датировку этим временем косвенно подтверждают также две калиброванные радиоуглеродные даты по древесному углю, полученные для кургана 18 в

радиоуглеродной группе Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН к.г.-м.н. Л.А. Орловой:

SOAN-7776
Radiocarbon Age 1450±80
One Sigma Ranges: [start:end] relative area
[537 AD:663 AD] 1,
Two Sigma Ranges: [start:end] relative area
[420 AD:694 AD] 0,98392
[702 AD:706 AD] 0,002575
[748 AD:765 AD] 0,013505
SOAN-7777
Radiocarbon Age 1505±75
One Sigma Ranges: [start:end] relative area
[440 AD:485 AD] 0,262742
[532 AD:634 AD] 0,737258
Two Sigma Ranges: [start:end] relative area
[410 AD:658 AD] 1,

Третья радиоуглеродная дата по древесному углю, полученная для кургана 19 имеет рамки в пределах середины XIII-начала XV вв. н.э. и даже близко не совпадает с ними:

SOAN-7775
Radiocarbon Age 655±70
One Sigma Ranges: [start:end] relative area
[1279 AD:1324 AD] 0,487119
[1345 AD:1393 AD] 0,512881
Two Sigma Ranges: [start:end] relative area
[1229 AD:1231 AD] 0,001075
[1242 AD:1246 AD] 0,004329
[1251 AD:1422 AD] 0,994596

Таким образом, цепочку объектов 17-19 можно, с большой долей вероятности, датировать в пределах V-VII вв. н.э. По всей видимости, третья дата ошибочна или не имеет отношения ко времени сооружения и функционирования объекта. Не исключено и то, что на объекте раннетюркского времени в более позднее (монгольское время) проводились какие-то действия. Отсутствие каких-либо других следов, кроме ямы и остатков древесного угля, затрудняют доказательство и интерпретацию этих действий.

Исследованные на могильнике Бике III объекты 17-19 можно отнести к ритуальными сооружениями местного населения, имеющим генетическую связь с памятниками предшествующего гунно-сарматского времени (Могильников В.А., 1995, с.145; Соёнов В.И., 2003, с.27-29; Матренин С.С., Сарафанов Д.Е., 2006, с.207; Матренин С.С., Шелепова Е.В., 2007, с.84-90). Традиция квадратных “поминальных” сооружений находит истоки в «более восточных районах Центральной Азии» и пришла в Горный Алтай после 460 г. н.э. с тюрками-тугю (Могильников В.А., 1995, с.144). Какое-то время во второй половине V – первой половине VI вв. н.э. на Алтае традиция сооружения округлых выкладок сосуществовали с традицией установки квадратных или прямоугольных оградок и они оказали взаимное влияние. О совмещении традиций говорит и большая вариативность “поминальных” оградок этого периода (Матренин С.С., Сарафанов Д.Е., 2006, с.210). Дальнейшие исследования в этом направлении позволят выявить характер и сроки принятия пришлой традиции булан-кобинцами, а также позволит оценить степень вклада местного населения в развитие тюркской традиции. Ведь это, так или иначе, оказало влияние на формирование тюркской культуры более позднего периода Великих Тюркских каганатов.

Библиографический список

1. Атлас Алтайского края / Ком-т геодезии и картографии СССР. – М., 1991. – 36 с.

2. Барышников, Г.Я. Археологические памятники Алтая глазами геологов / Г.Я. Барышников, А.М. Малолетко. – Томск: ТГУ, 1997. – Часть 1. – 191 с.
3. Гаврилова, А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен / А.А. Гаврилова. – М.-Л.: Наука, 1965. – 144 с.
4. Горбунов, В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. / В.В. Горбунов. – Барнаул: АлтГУ, 2006. – 231 с.
5. Киреев, С.М. Погребение тюркского воина из Горно-Алтайска // Охрана и изучение культурного наследия Алтая / С.М. Киреев. – Барнаул: АлтГУ, 1993. – Часть II. – С.230-235.
6. Кирюшин, Ю.Ф. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая / Ю.Ф. Кирюшин, В.В. Горбунов, Н.Ф. Степанова, А.А. Тишкин. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. – №3. – С.165-175.
7. Король, Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки / Г.Г. Король. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 332 с.
8. Кубарев, В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая / В.Д. Кубарев. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
9. Кубарев, В.Д. История изучения археологических памятников Средней Катуни // Археологические исследования на Катуни / В.Д. Кубарев. – Новосибирск: Наука, 1990. – С.7-22.

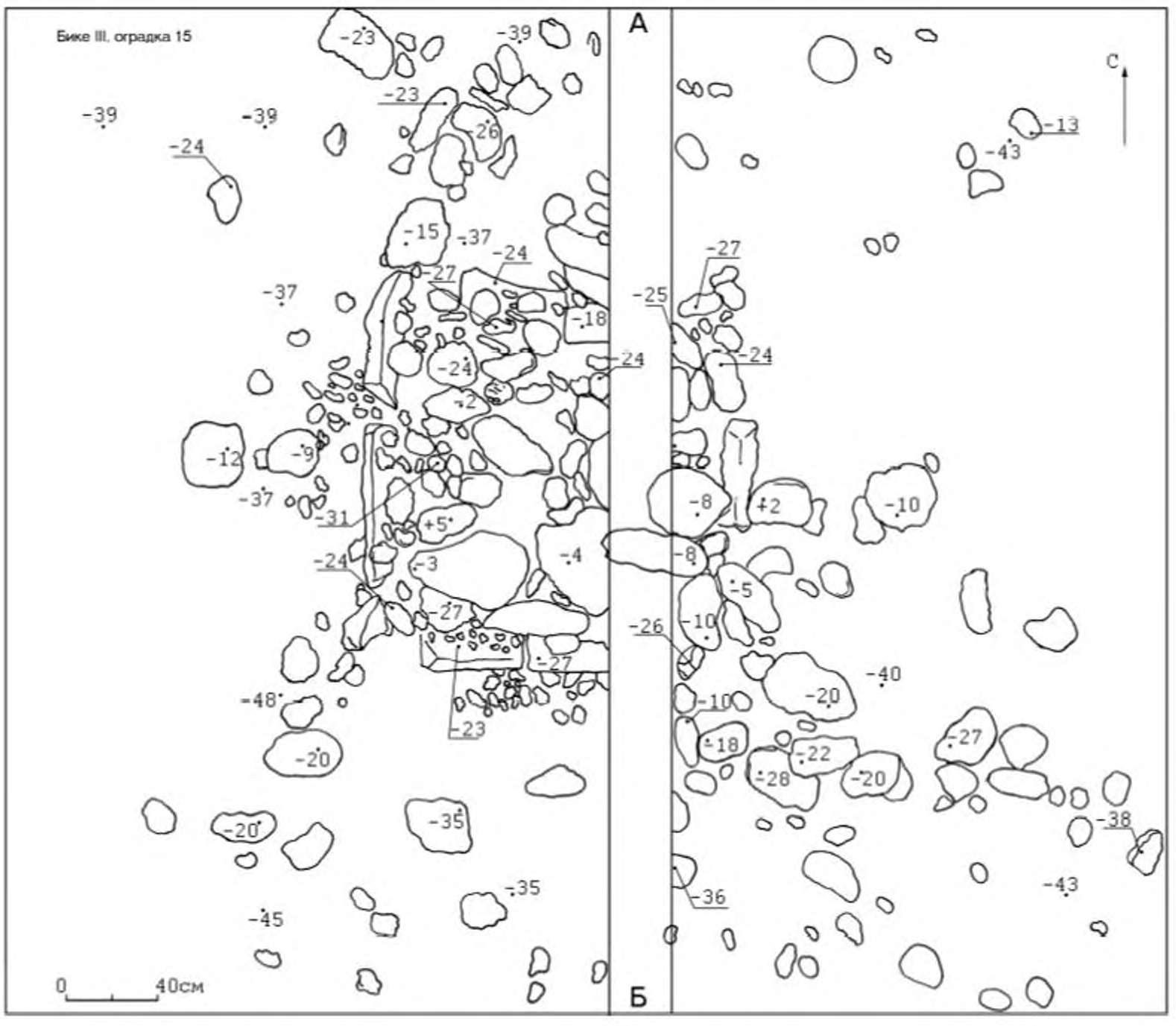

Рис.1 План оградки 15 до выборки заполнения. Бике III

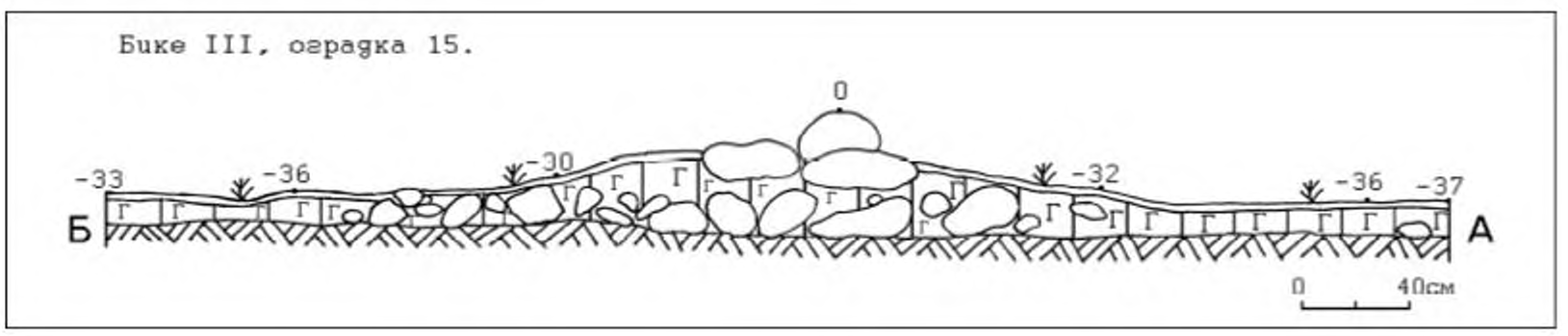

Рис.2 Разрез оградки 15 по А-Б. Бике III

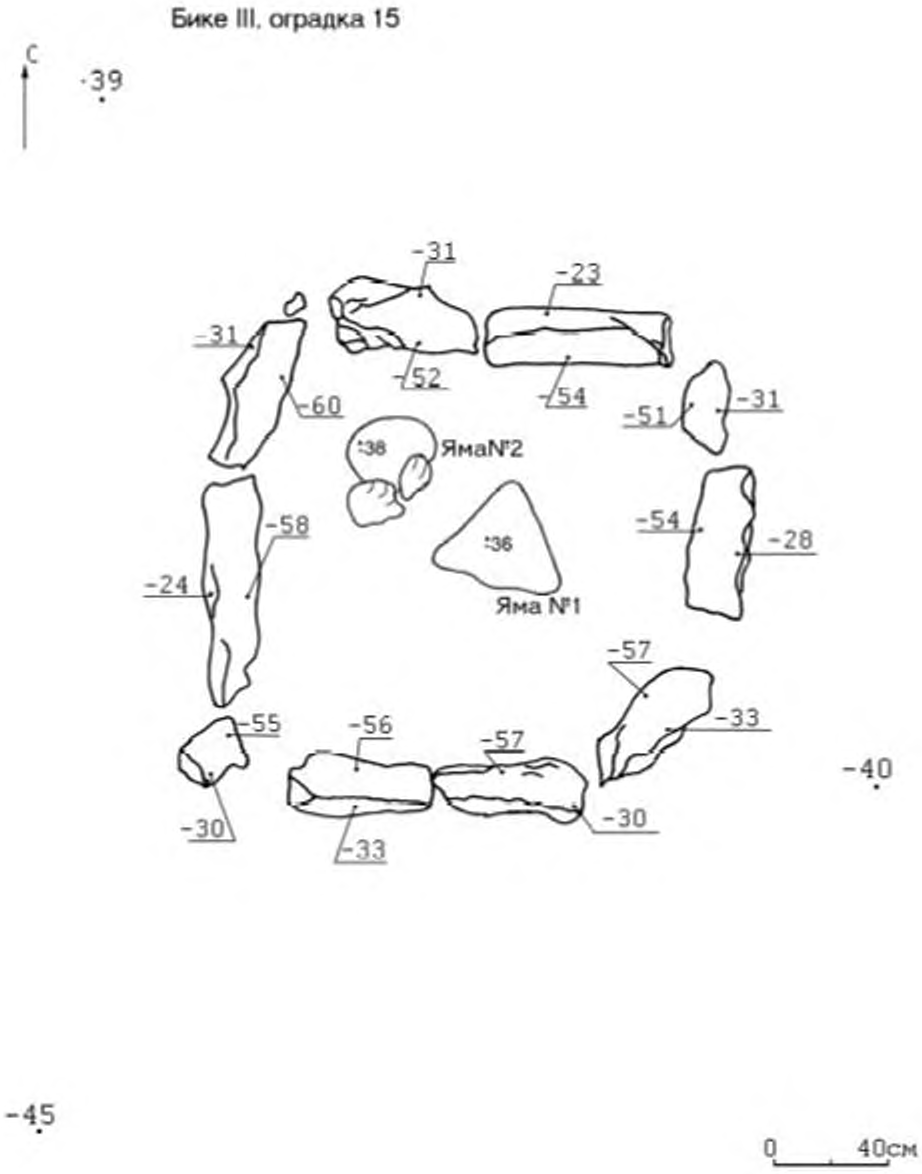

Рис.3 План оградки 15 после выборки заполнения. Бике III

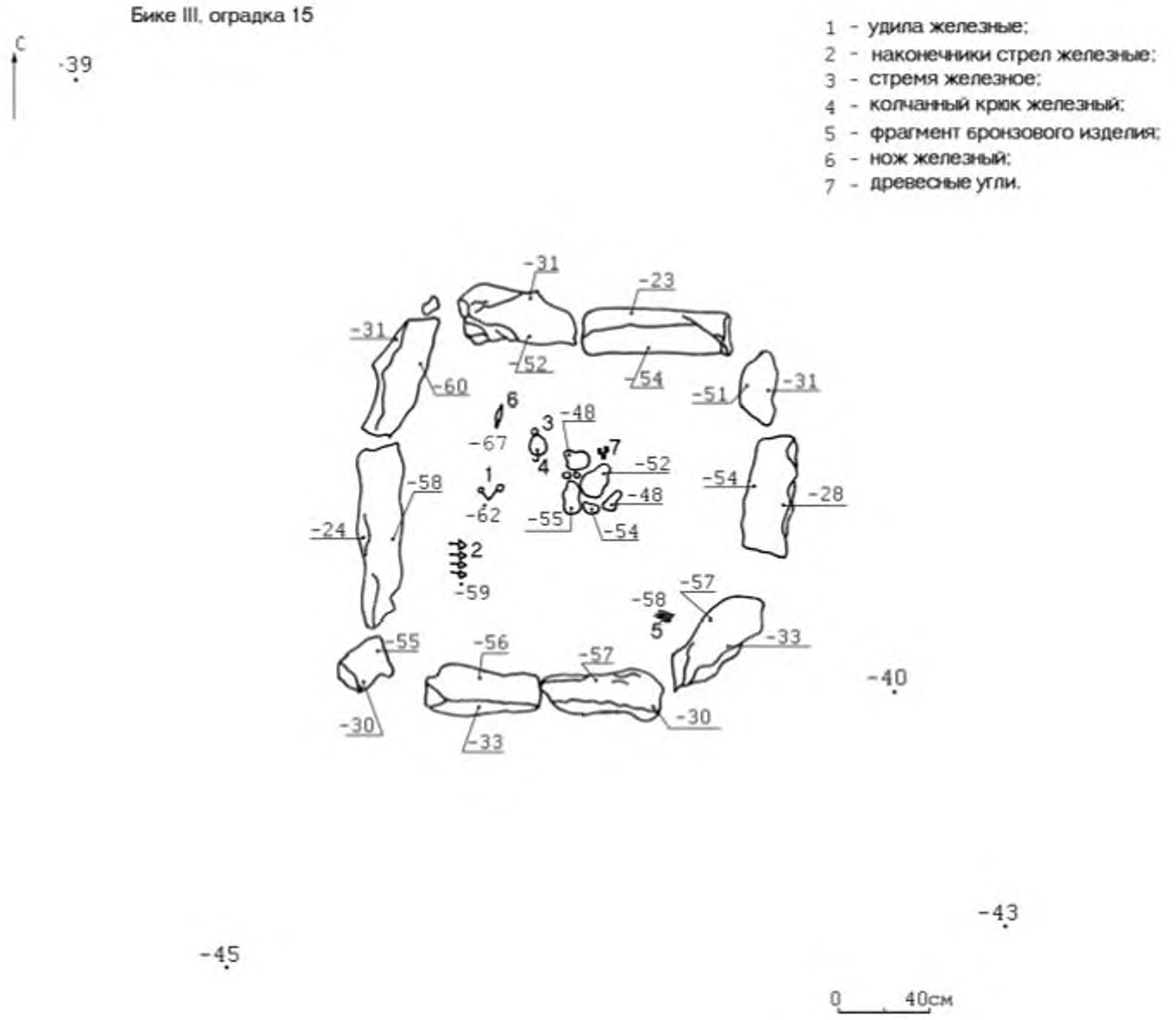

Рис.4 Расположение инвентаря в оградке 15. Бике III

Рис.5 План и разрез ям 1 и 2. Оградка 15. Бике III

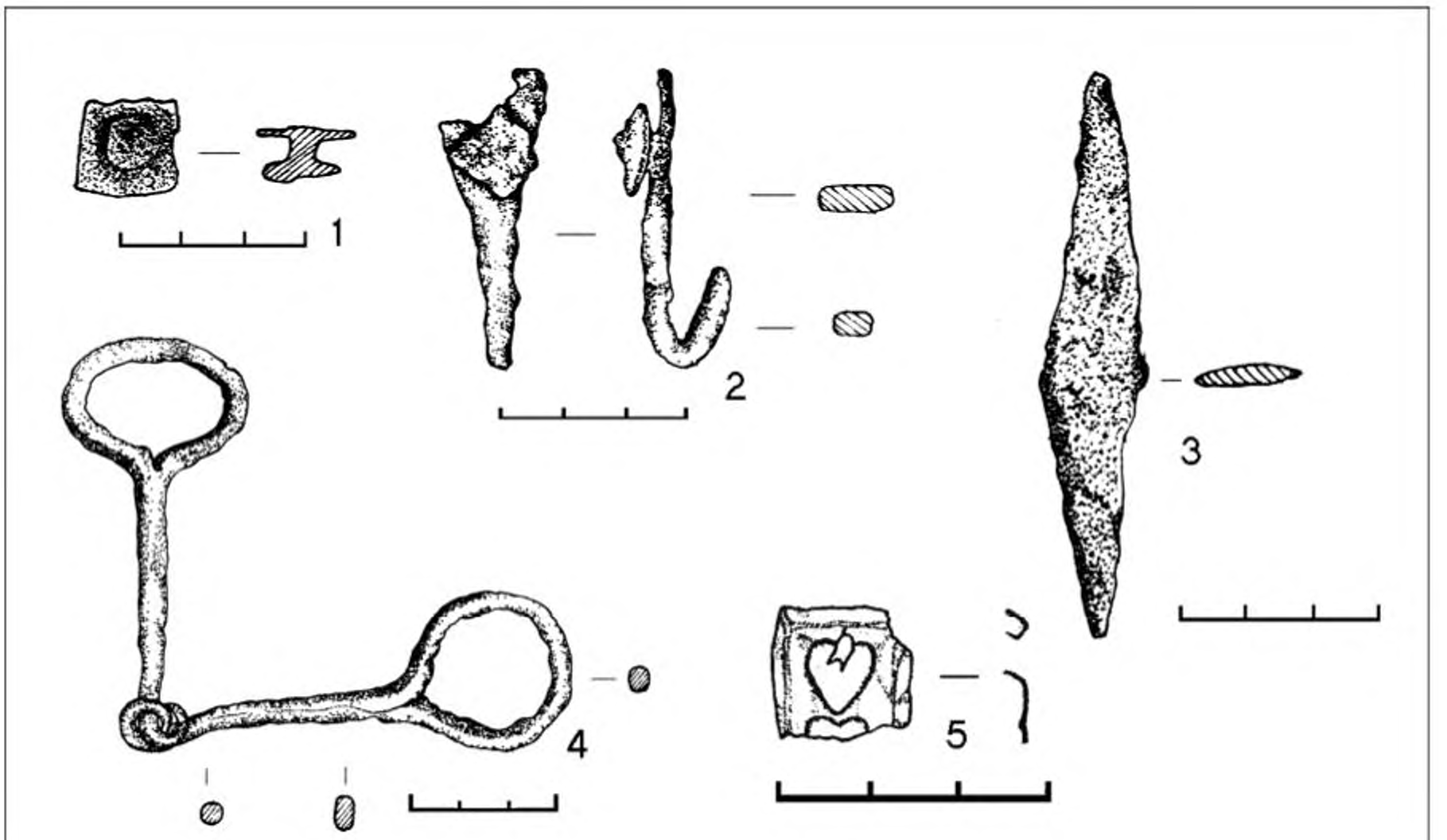

Рис.6 Инвентарь из оградки 15. Бике III.
1 – заклёпка; 2 – колчанный крюк; 3 – нож; 4 – удила;
5 – фрагмент поясной бляшки (1-4 – железо; 5 – бронза)

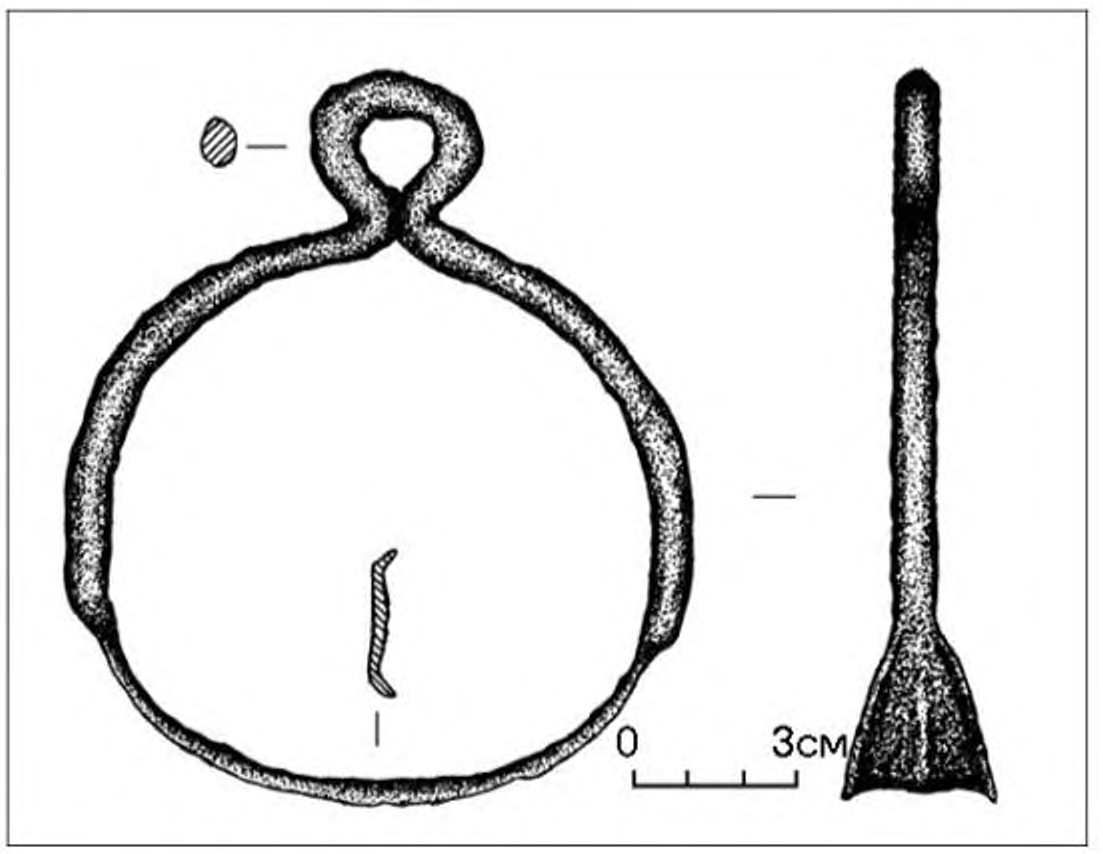

Рис.7 Стремя из оградки 15. Бике III

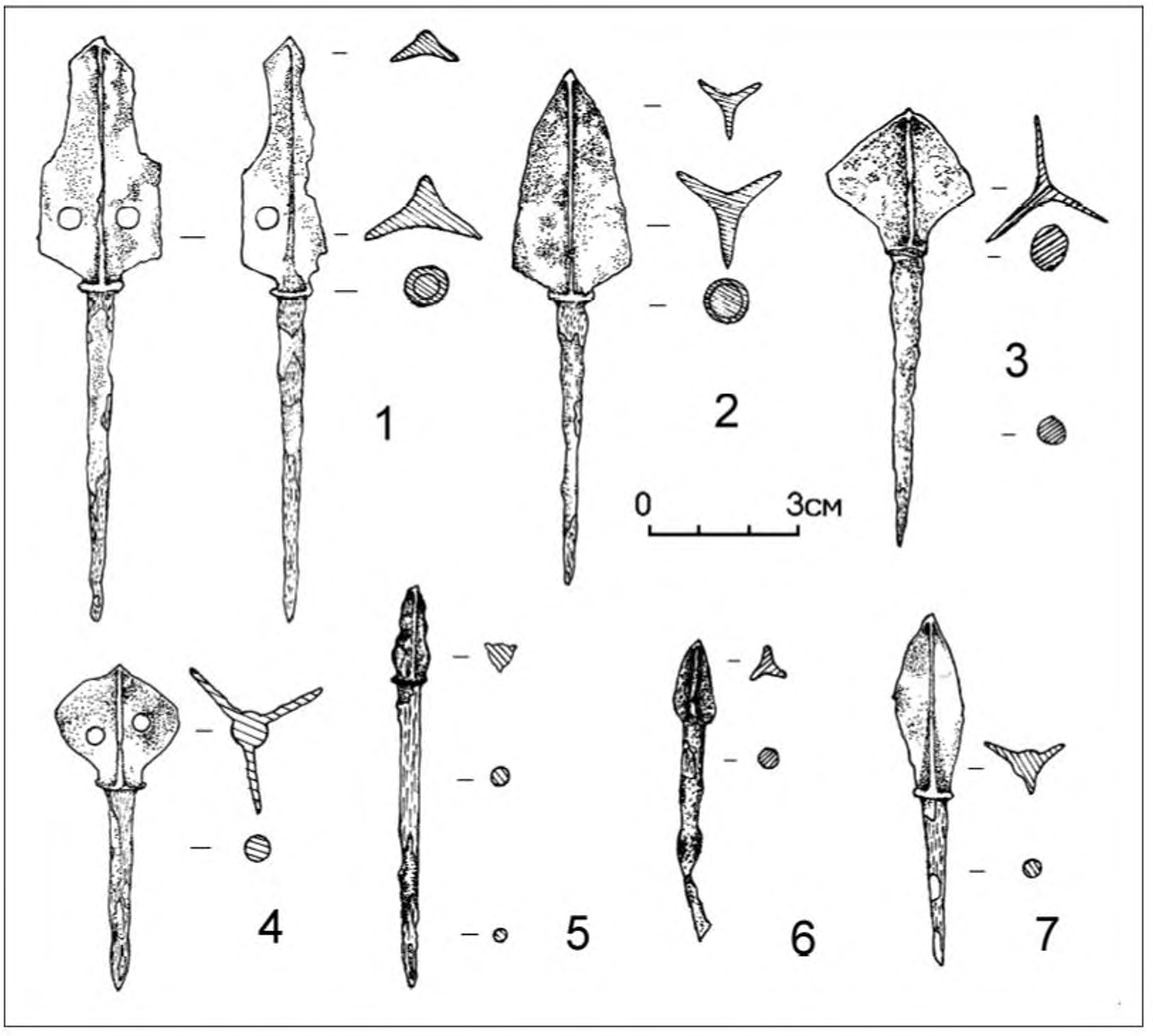

Рис.8 Наконечники стрел из оградки 15. Бике III

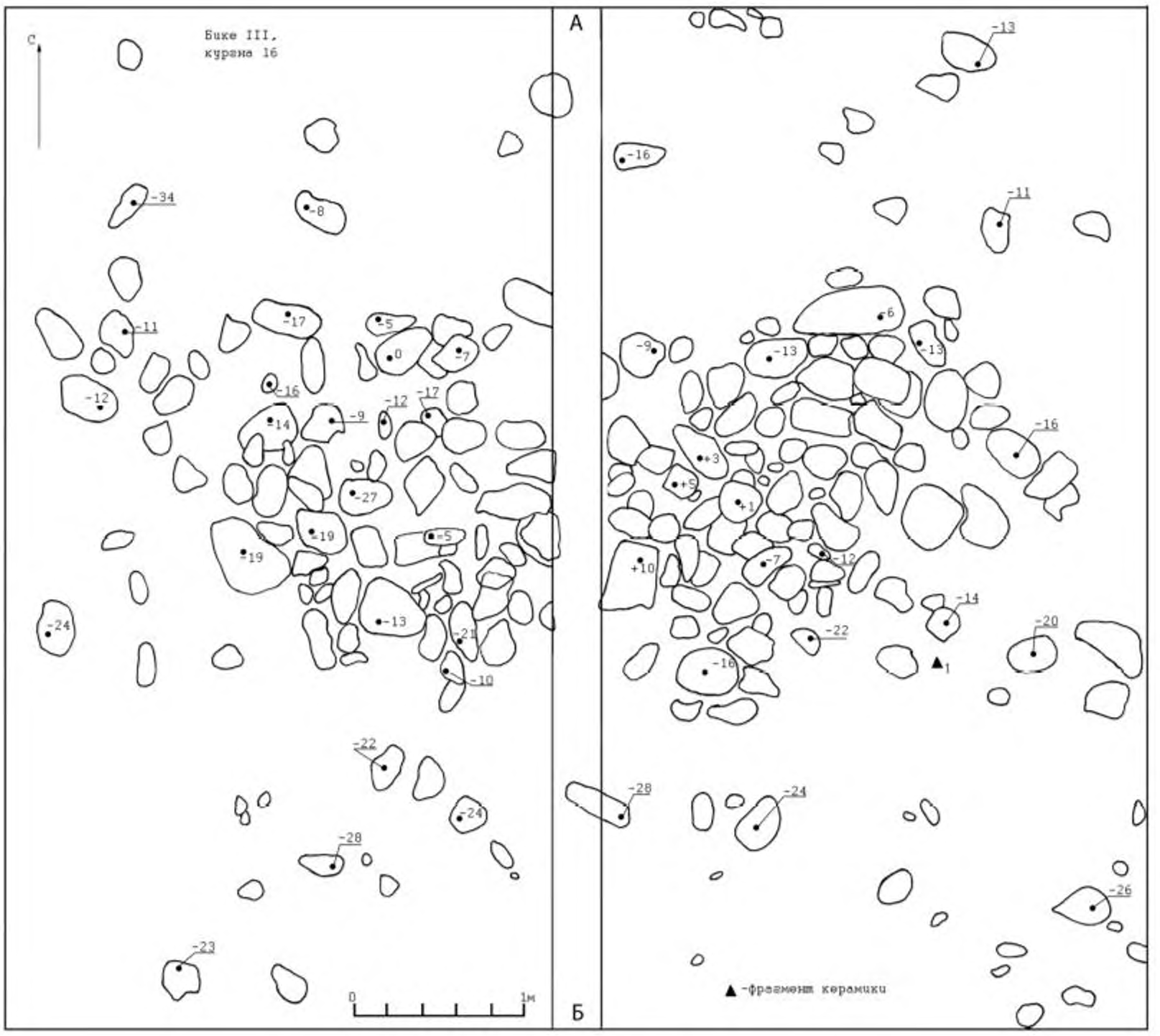

Рис.9 Зачищенный развал кургана 16. Бике III

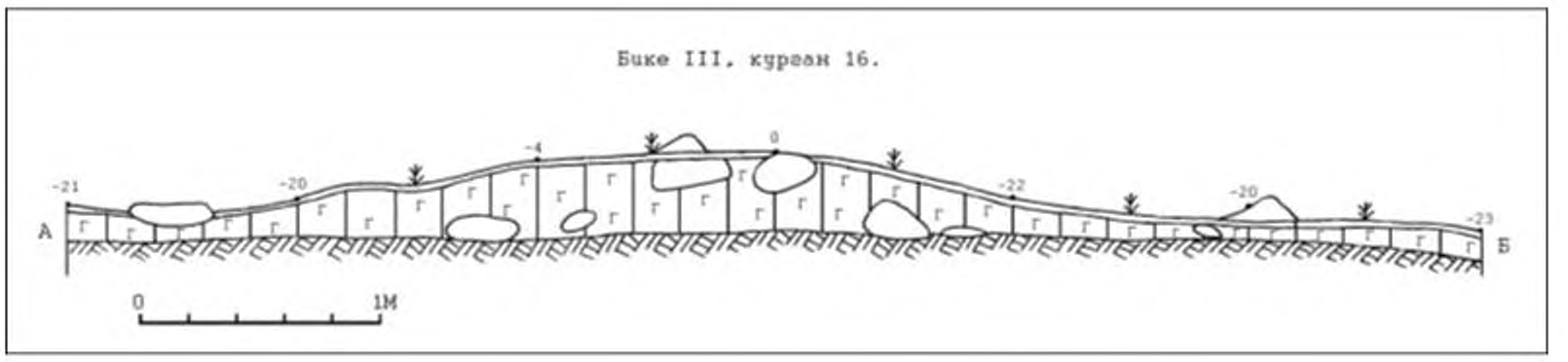

Рис.10 Разрез кургана 16 по А-Б. Бике III

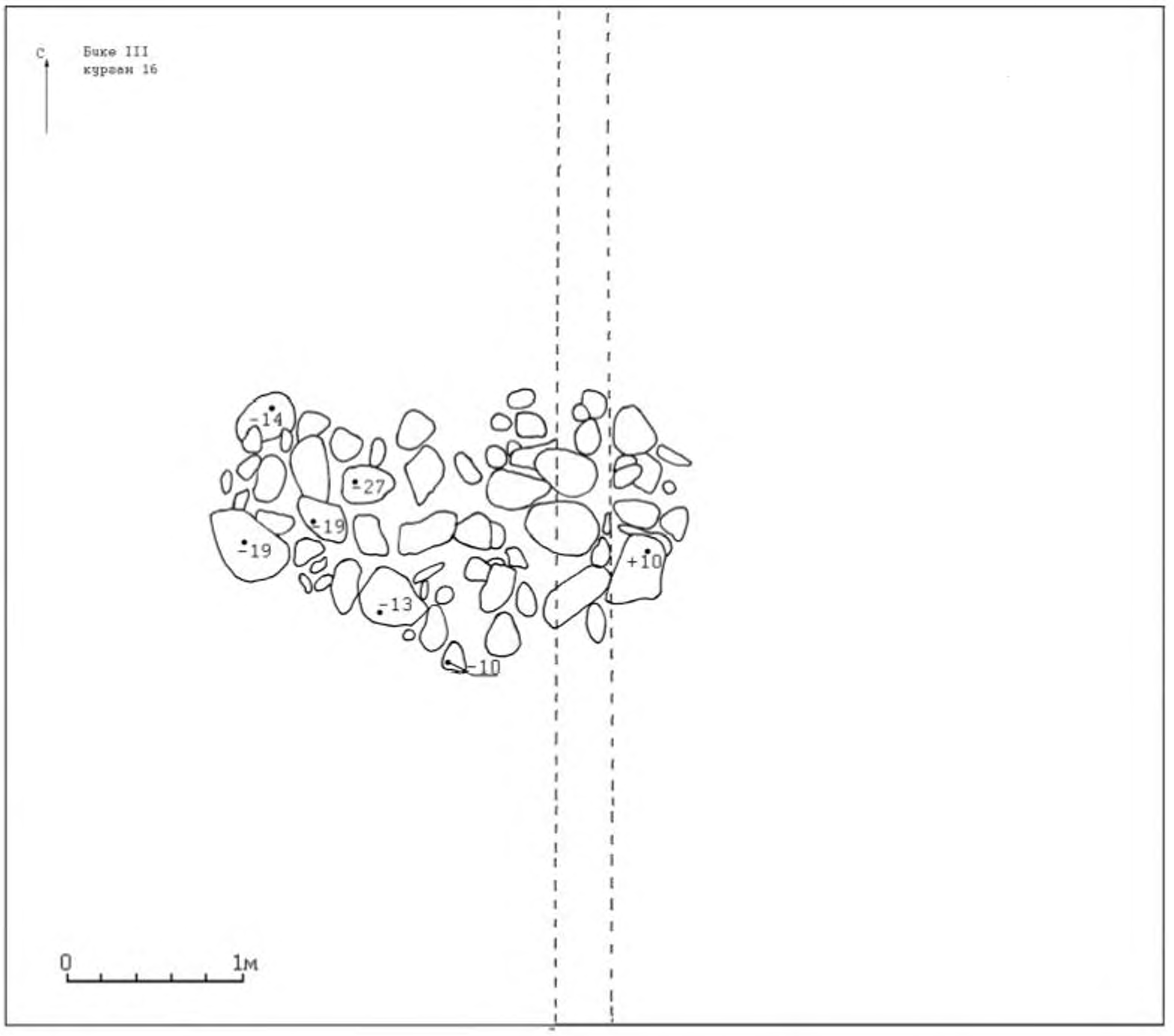

Рис.11 Нижний слой выкладки кургана 16. Бике III

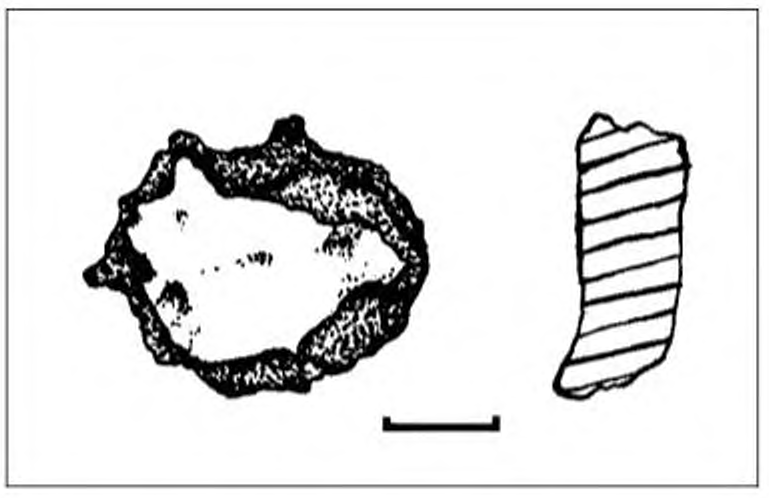

Рис.12 Фрагмент керамики
из кургана 16. Бике III

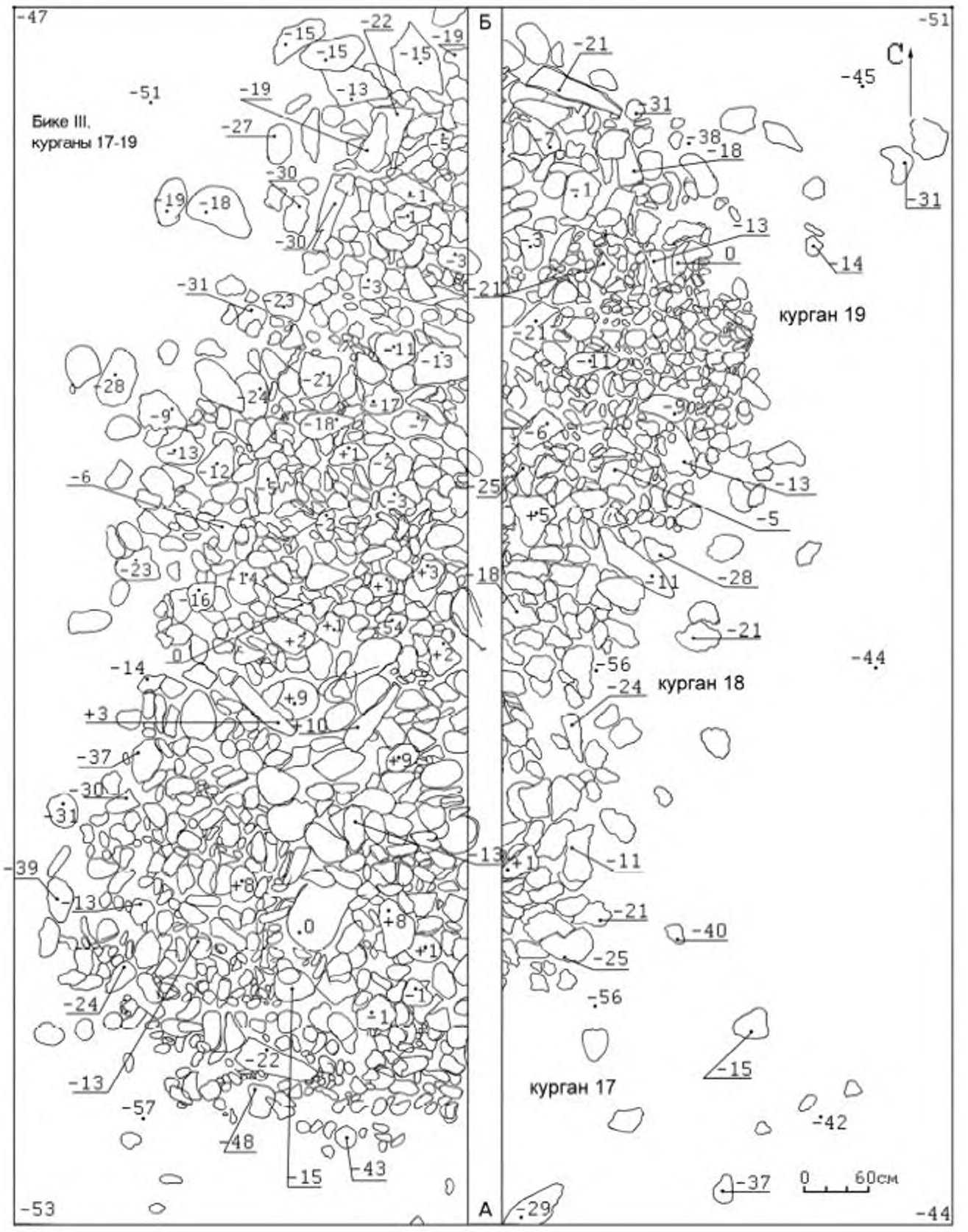

Рис.13 План насыпи курганов 17-19. Бике III

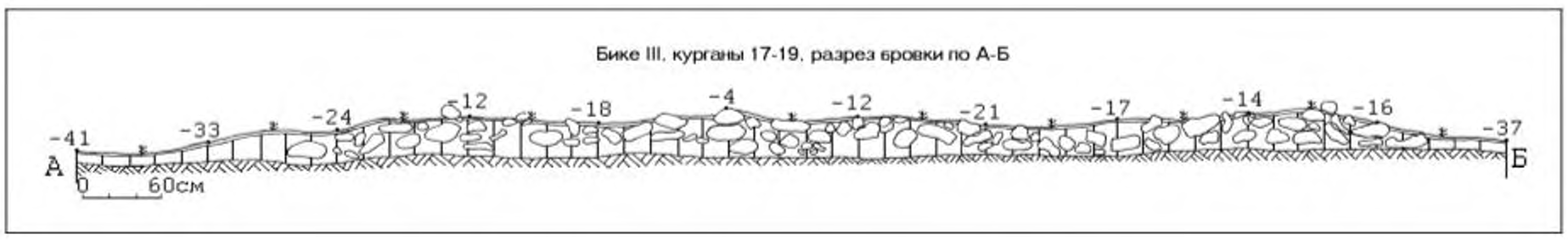

Рис.14 Разрез курганов 17-19 по А-Б. Бике III

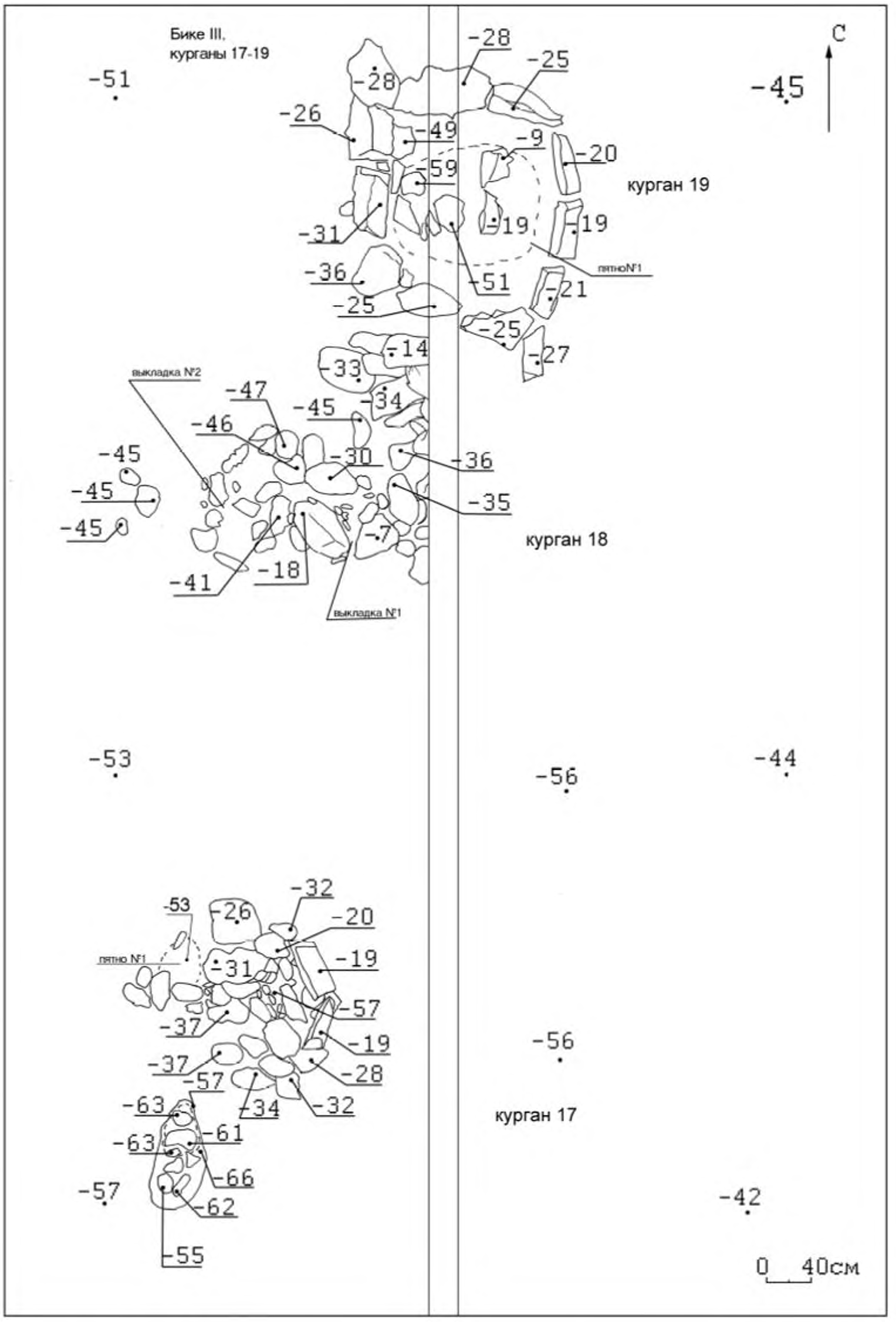

Рис.15 План объектов после разборки насыпей курганов 17-19. Бике III

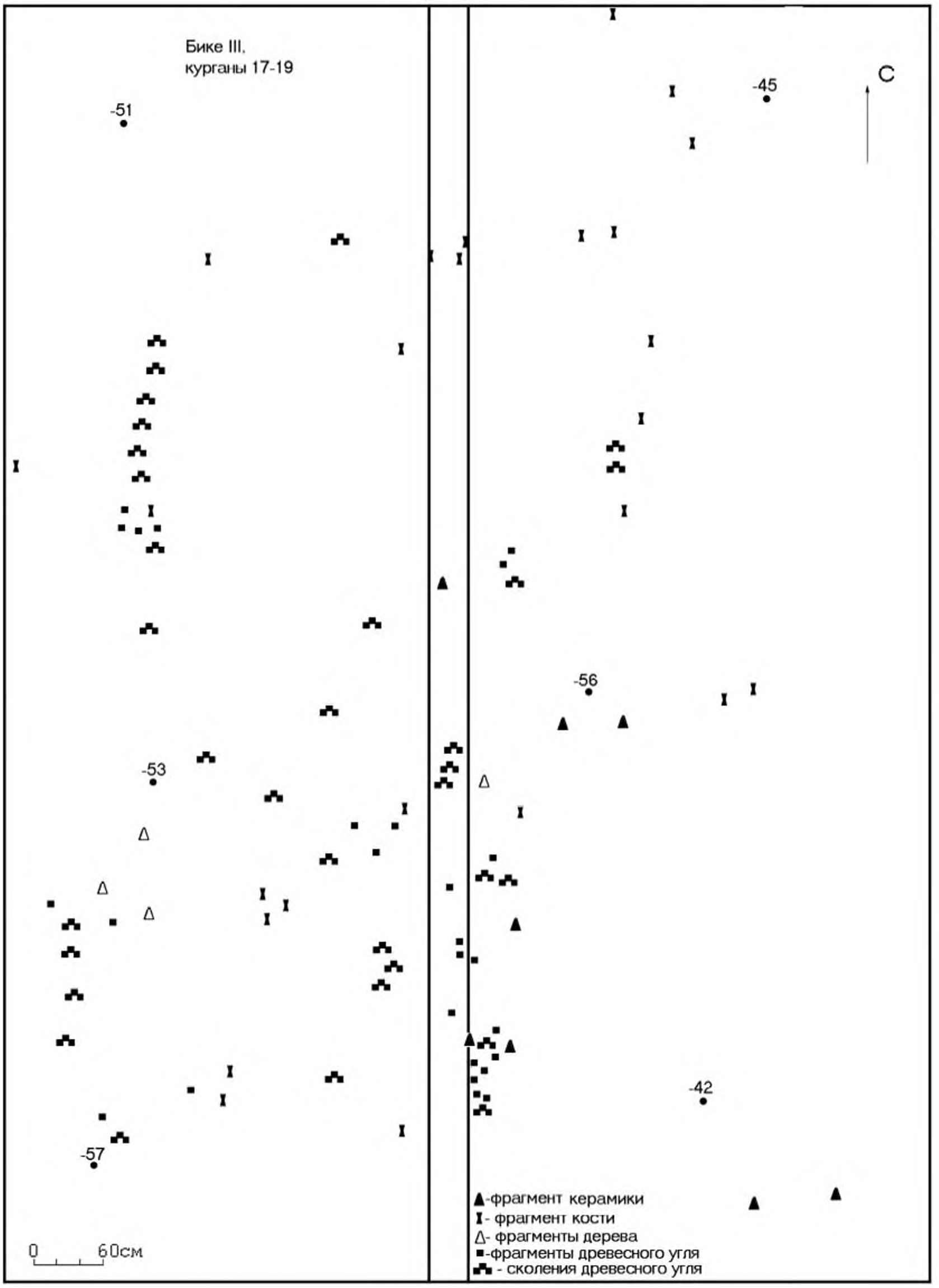

Рис.16 План размещения находок. Курганы 17-19. Бике III

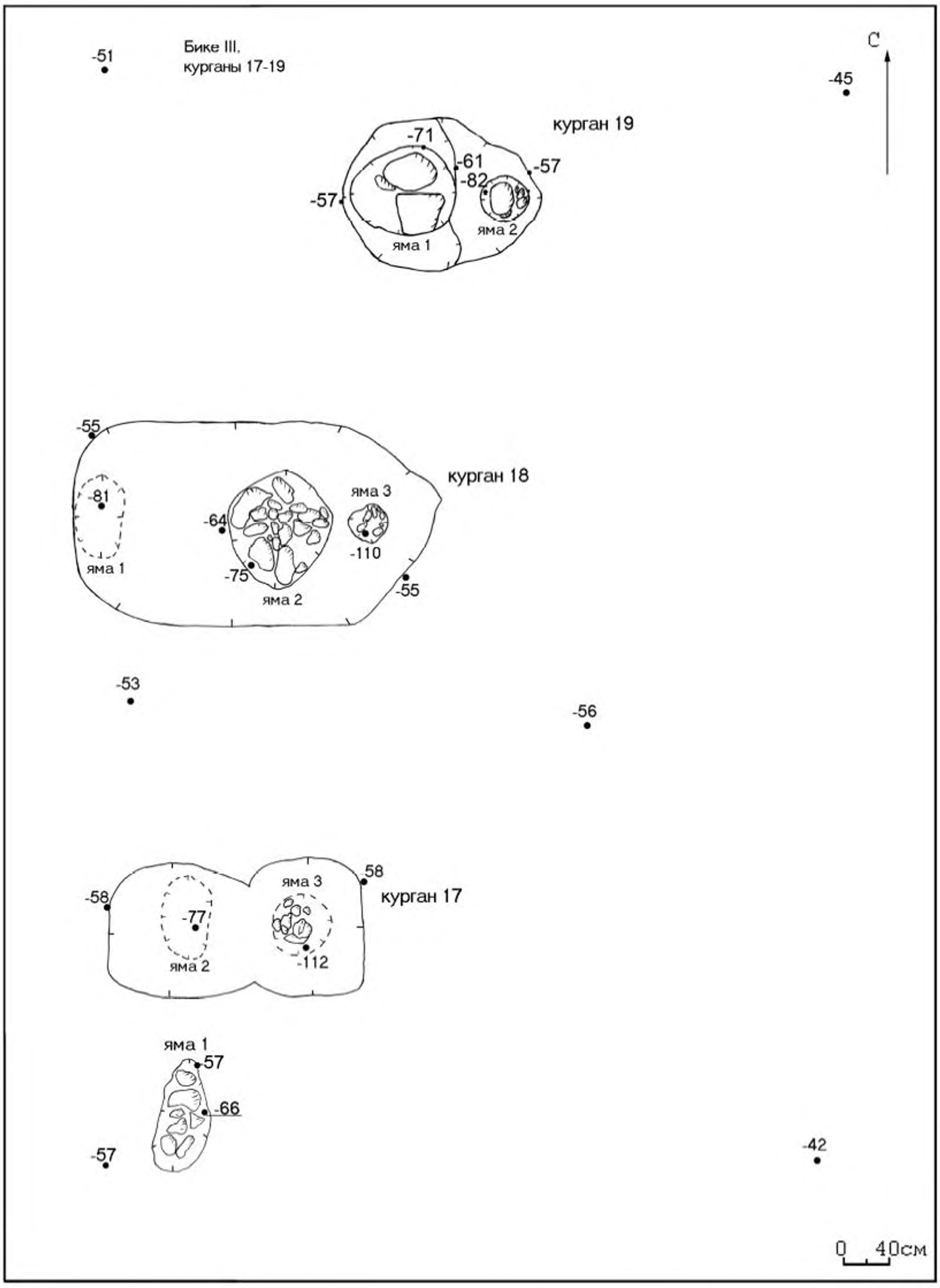

Рис.17 План расположения ям. Курганы 17-19. Бике III

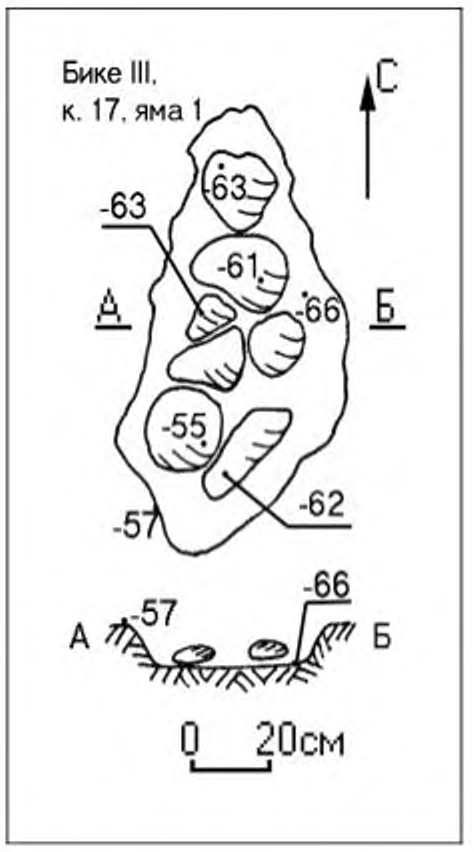

Рис.18 План и разрез ямы 1.
Курган 17. Бике III

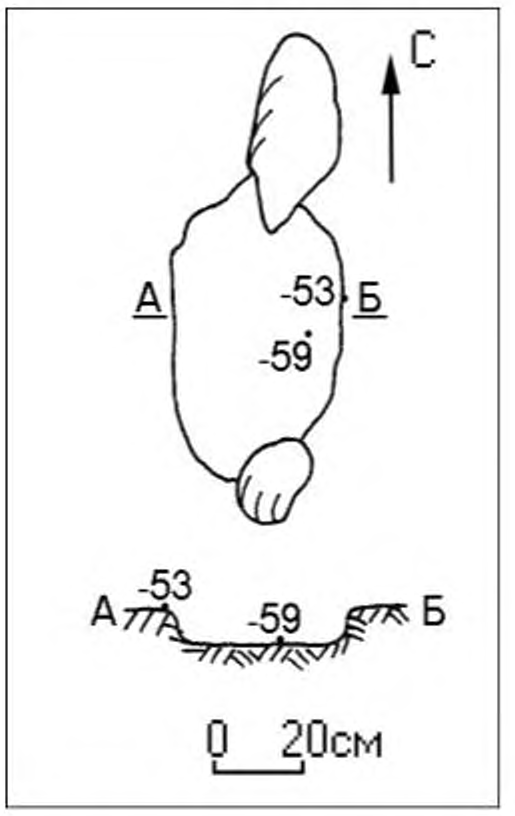

Рис.19 План и разрез ямы 2.
Курган 17. Бике III

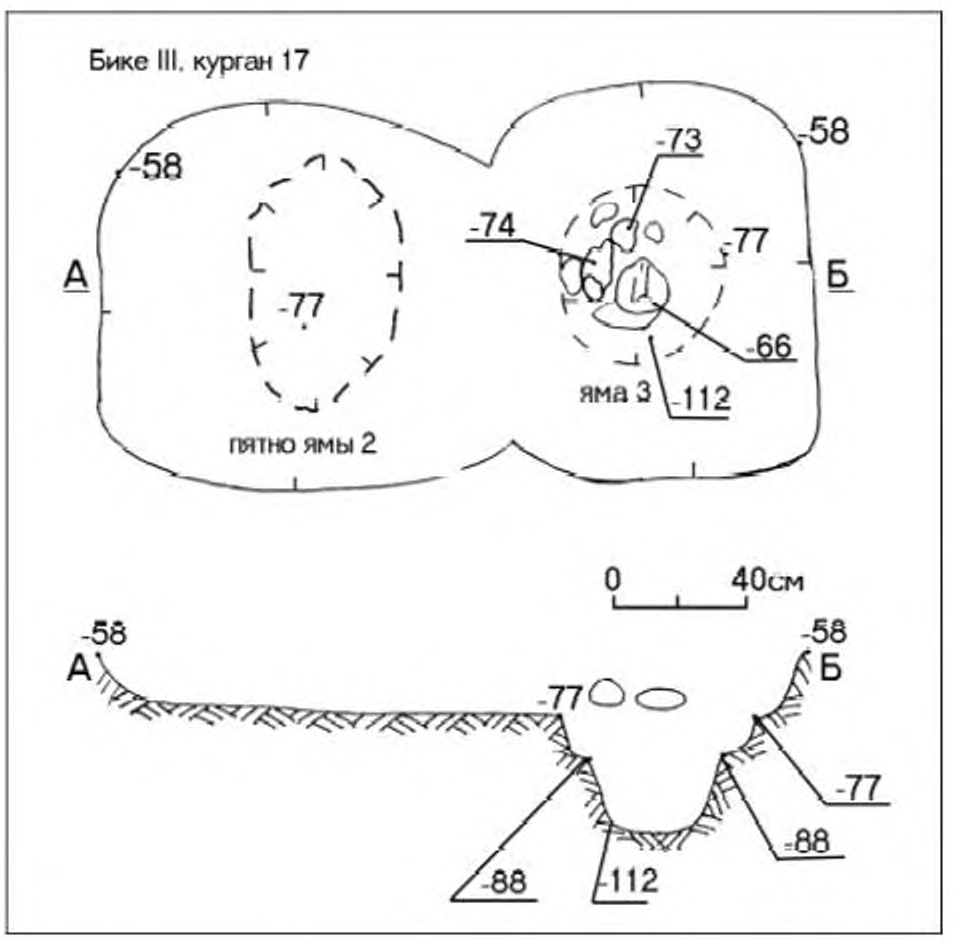

Рис.20 План и разрез ямы 3. Курган 17. Бике III

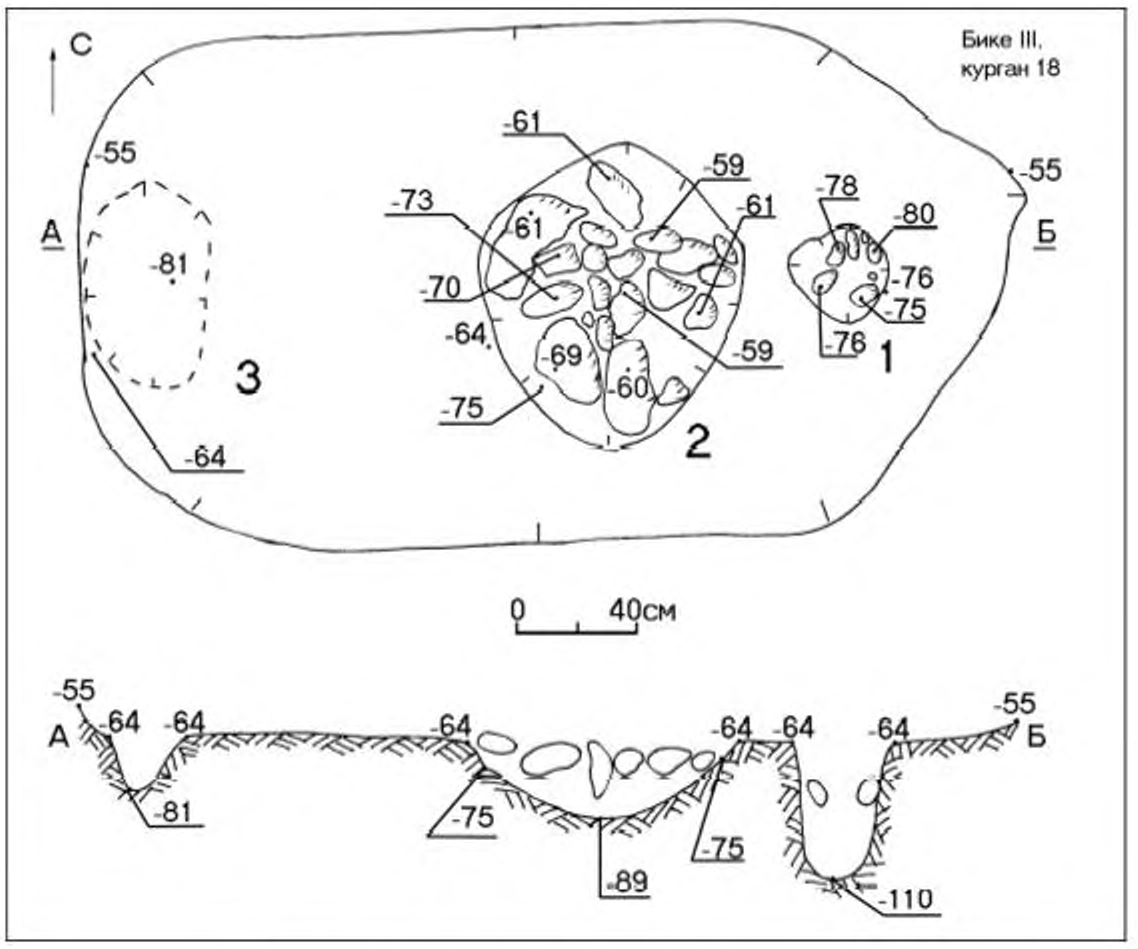

Рис.21 План и разрез ямы 1.
Курган 18. Бике III

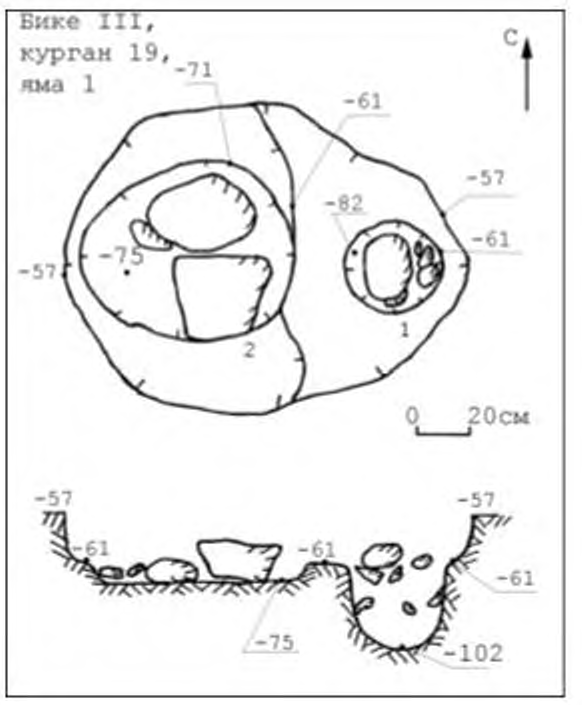

Рис.22 План и разрез ямы 1.
Курган 19. Бике III

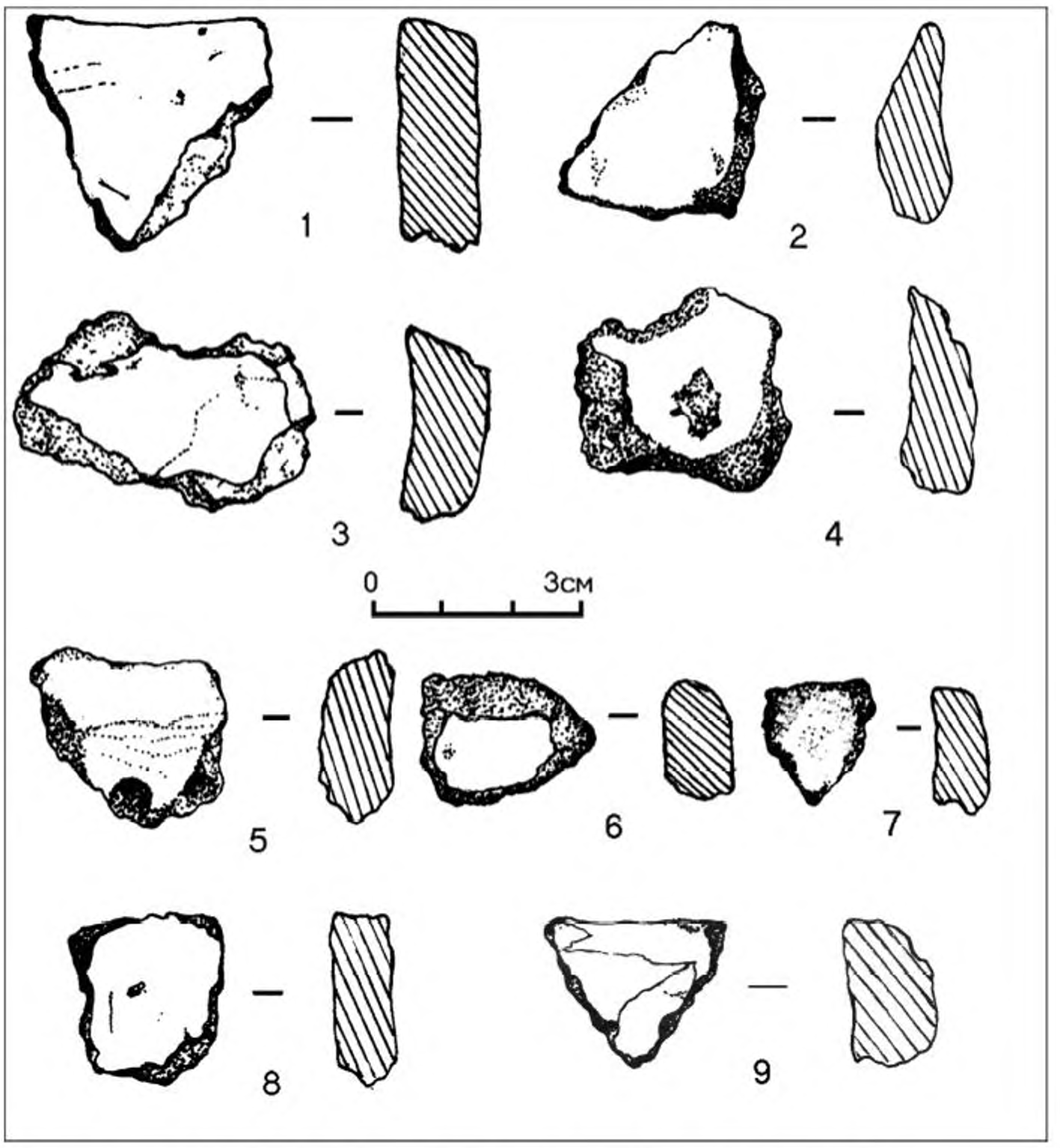

Рис.23 Фрагменты керамики. Курганы 17-19. Бике III.
1-3, 6 – курган 18; 4, 5, 8 – курган 17; 7, 9 – курган 19

10. Кубарев, В.Д. Древнетюркский кенотаф из Бике 3 // Археология Горного Алтая / В.Д. Кубарев. – Барнаул: АлтГУ, 1994. – С.82-86.
11. Кубарев, В.Д. Бике I, III: погребальные сооружения скифской эпохи Средней Катуни // Древности Алтая / В.Д. Кубарев. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – №7. – С.120-145.
12. Кубарев, В.Д. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни / В.Д. Кубарев, С.М. Киреев, Д.В. Черемисин. – Новосибирск: Наука, 1990. – С.43-95.
13. Кубарев, В.Д. Расписные сосуды из курганов урочища Бике // Археологические исследования на Катуни / В.Д. Кубарев, И.Ю. Слюсаренко. – Новосибирск: Наука, 1990. – С.185-192.
14. Кубарев, В.Д. Охранные работы на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии / В.Д. Кубарев, Д.В. Черемисин, И.Ю. Слюсаренко. – Горно-Алтайск, 1992. – С.40-41.
15. Кубарев, В.Д. Бике I,II: погребальные памятники афанасьевской культуры на Средней Катуни // Древности Алтая / В.Д. Кубарев, Д.В. Черемисин, И.Ю. Слюсаренко. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – №6. – С.32-54.
16. Кубарев, Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников) / Г.В. Кубарев. – Новосибирск: Наука, 2005. – 400 с.
17. Кызласов, И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. / И.Л. Кызласов. – М.: Наука, 1983. – 128 с.
18. Мамадаков, Ю.Т. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии / Ю.Т. Мамадаков, В.В. Горбунов. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – №2. – С. 115-129.
19. Матренин, С.С. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / С.С. Матренин, Д.Е. Сарафанов. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – №3-4. – С.203-218.
20. Матренин, С.С. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинская культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / С.С. Матренин, Е.В. Шелепова. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007. – С.84-90.
21. Могильников, В.А. Отчет за 1975 г. / В.А. Могильников. – М.: ИА РАН, 1975.
22. Могильников, В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья / В.А. Могильников. – М.: Наука, 1981. – С.29-43.
23. Могильников, В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая / В.А. Могильников. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – С.137-185.
24. Могильников, В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 94-116, 256-280.
25. Могильников, В.А. К проблеме происхождения древних тюрок Алтая // Алтай и тюрко-монгольский мир (тезисы и статьи) / В.А. Могильников. – Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1995. – С. 142-145.
26. Неверов, С.В. Удила второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла / С.В. Неверов. – Барнаул: БГПИ, 1992. – С.141-154, 234-238.
27. Неверов, С.В. Стремена Верховного Приобья в VII-XII вв. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / С.В. Неверов. – Барнаул: АлтГУ, 1998. – С. 129-151.
28. Неверов, С.В. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории / С.В. Неверов, Ю.Т. Мамадаков. – Барнаул, 1991. – С.121-135.
29. Савинов, Д.Г. Культовый комплекс Бертек-3-4 // Древние культуры Бертекской котловины / Д.Г. Савинов. – Новосибирск: Наука, 1994. – С.144-146.

30. Кирюшин, Ю.Ф. Исследования погребальных и поминальных комплексов в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. / Ю.Ф. Кирюшин, В.П. Семибратов, С.С. Матренин, С.П. Грушин, К.Ю. Кирюшин, А.В. Шмидт. – Новосибирск: Наука, 2007. – Т.XIII. – С.273-277.

31. Семибратов, В.П. Отчет за 2008 г. / В.П. Семибратов. – Барнаул: АлтГУ, 2008.

32. Семибратов, В.П. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований / В.П. Семибратов, С.С. Матренин. – Барнаул: АлтГУ, 2008. – Выпуск 4. – С. 54-66.

33. Соёнов, В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / В.И. Соёнов. – Барнаул: АлтГУ, 1998. – С.93-98.

34. Соёнов, В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ) / В.И. Соёнов. – Горно-Алтайск, 2003. – 160 с.

35. Соёнов, В.И. Отчет об археологических раскопках на могильнике Бике III в Чемальском районе и разведках на территории Кош-Агачского и Усть-Канского районов Республики Алтай в 2008 году / В.И. Соёнов. – Горно-Алтайск: АКИН, 2009. – 131 с.

36. Соёнов, В.И. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири / В.И. Соёнов, А.В. Эбель. – 1996. – №3. – С.115-118.

37. Соёнов, В.И. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон I // Известия лаборатории археологии / В.И. Соёнов, А.В. Эбель. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – №2. – С.103-115.

38. Степанова, Н.Ф. Отчет за 1980 г. / Н.Ф. Степанова. – Барнаул: АлтГУ, 1980.

39. Степанова, Н.Ф. Археологические памятники и объекты Чемальского района / Н.Ф. Степанова, В.И. Соёнов. – Горно-Алтайск: АКИН, 2009. – 212 с.

40. Тишкин, А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая / А.А. Тишкин. – Барнаул: АлтГУ, 2007. – 356 с.

41. Тишкин, А.А. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. – №10. – С.107-117.

42. Худяков, Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии / Ю.С. Худяков. – Новосибирск, 1986. – 266 с.

Кызласов И.Л.
(г. Москва, Россия)

НОВЫЕ ПОИСКИ В АЛТАИСТИКЕ.
II. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Эта статья продолжает первую часть, разбиравшую новейшие разработки наших лингвистов-тюркологов и изданную в 7-м сборнике «Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири» (Горно-Алтайск, 2008, с. 88-101). Мы видели, что в своих поисках языковеды фактически лишены самостоятельных источников столь глубокой древности и, в силу этого, во многом зависимы от исторических построений. В итоге лингвисты возводят к центральноазиатским гуннам, как ранние тюркские языки, так

и основы культуры тюркоязычных народов, географически увязывая эти начала с большой излучиной Хуанхэ – Ордосом.

Теперь следует рассмотреть проблему происхождения народов алтайской языковой семьи, исходя из существующих данных археологической науки. Понятно, что речь пойдет не о лингво- и этногенезе, а об основах культурогенеза, которые, однако, не могут быть отделены от исторических процессов такого рода. Независимость археологических материалов от лингвистических и письменных источников общеизвестна. Но особенности развития нашего источниковедения таковы, что обоснованно поставить задачу научного соотнесения археологии и алтаистики сегодня, пожалуй, приходится впервые[1].

Рассмотрение материальных древностей, по моему мнению, приводит к принципиально иному пониманию сущности алтайской проблемы. Изложение фактов и проистекающих из их рассмотрения выводов подчинено в статье следующему порядку:

3. Традиционные особенности жилищ тюркоязычных народов
4. Жилища центральноазиатских гуннов
5. Жилища с канами у монголоязычных народов
6. Жилища с канами в Приамурье
7. Жилища с канами на Нижнем Амуре, в Приморье,прилегающей Корее и Маньчжурии

ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СИБИРИ И ИХ ЗАПАДНЫЕ АНАЛОГИИ.....51
Общие замечания. Систематика.....79
1. Морфология таштыкской фурнитуры.....81
Язычковые пряжки и даты.....81
Шпеньковые пряжки с Т-образным просветом рамки.....81
Пряжки с волютами и т.н. «корейские аналогии».....83
а) Западные волюты язычковых пряжек.....83
б) Волюты и длиннорамчатые пряжки.....84
в) Таштыкские волюты.....84
г) Дальневосточные волюты.....86
д) Выводы о волютах.....86
2. Композиции поясов.....87
Корейские и таштыкские пояса.....87
Таштыкская композиция поясных наборов.....87
а) Принцип композитности.....87
б) Таштыкские и «круглобляшечные» пояса.....88
Заключение.....89
ПЕТРОГЛИФЫ КАЛТАКА.....111
4. Жилища центральноазиатских гуннов.....153
5. Жилища с канами у монголоязычных народов.....156
6. Жилища с канами в Приамурье.....159
7. Жилища с канами на Нижнем Амуре, в Приморье, ...161
прилегающей Корее и Маньчжурии.....161
8. Отопительные дымоходы, не относящиеся к канам.....166
9. Новый вид алтайской проблемы.....170
При составлении данного указателя мы руководствовались опытом работы Ю.И. Смирнова, представленного в указателе сюжетов и версий восточнославянских баллад

---

[1] В раннюю пору урало-алтаистики археологический поиск поначалу зависел от лингвистики. Побуждаемые историко-лингвистическими изысканиями М.А. Кастрена, лично произведшего на Енисее раскопки древних памятников в 1847 г., финские археологи, и прежде всего Й.Р. Аспелин, долго стремились подтвердить языковую гипотезу о происхождении финно-угорских народов с Алтая, проводя исследования как в Европейской, так и в Азиатской России. Однако именно археологический анализ (А.О. Хайкель, А.М. Тальгрен) доказал непродуктивность этих миграционных взглядов (Salminen T., 2003, s. 271).

(Смирнов Ю.И., 1988). Принципы систематизации сюжетов, разработанные им, были применены Н.К. Козловой при систематизации сюжетов мифологической прозы (Козлова Н.К., 2000; 2006) и В.Л. Кляусом при систематизации сюжетов заговорных текстов восточных и южных славян (Кляус В.Л., 1997). Главные показатели этих работ: открытость системы, который позволяет каждый раз вводить новый материал, и рассмотрение сюжетов и версий фольклорных текстов в эволюционной последовательности.....231
В указателе сюжетов и версий римскими цифрами отмечены темы: I. Встреча охотника с алмысом; II. Встреча охотника-музыканта (кайчы / комусчы / шоорчы) с духами-хозяевами. Внутри тем первой арабской цифрой обозначены сюжеты (1), второй арабской цифрой – их версии (1.1.). После знака сюжета и версии буквами отмечены варианты текстов (1.1а). Некоторые варианты показаны с отсылками на соответствующие источники. Контаминации сюжетов обозначены нулем (0) и помещаются в зависимости от их отношения к конкретной версии. Например, индекс I.1.0.4.0. означает, что текст, представленный версией № 4 сюжета (1) «Охотник выдает вместо себя пень», относящийся к теме (I) – «Встреча охотника с алмысом», находится между двумя сюжетными частями, не имеющими отношения к этому сюжету.....231
2.1а. Жена-алмыс варит «вкусный чай».....237
2.1в. Девушка-алмыс «не даёт дотронуться до спины».....237
1.5.2а. Дух-хозяйка озера «без штанов», садится на нос кайчы.....241
1.5.3. Чуурчы на охоте играет на чууре.....242
1.5.4. Если бы ясновидящий не засмеялся, охота была бы удачной.....242
(г. Горно-Алтайск, Россия).....243

3. Традиционные особенности жилищ тюркоязычных народов

Учитывая разную степень изменчивости областей народной культуры, для археологического рассмотрения алтайской проблемы наиболее оправданно обратиться к конструктивным и пространственным особенностям жилищ. Редко что иное в сфере материального быта и культа обладает такой же устойчивостью и консерватизмом.

Наиболее ранние древности, достоверно принадлежавшие тюркоязычному населению, ныне известны только на Саяно-Алтайском нагорье в Южной Сибири. Будучи пришлыми, эти древности появляются там во II-I вв. до н.э. и затем служат основой сложения отдельных археологических культур (таштыкской на Среднем и шурмакской на Верхнем Енисее) (Кызласов Л.Р., 1953; 1958, с. 89-98; 1960а; 1979, с. 79-120). Эти культуры, в свою очередь, становятся корнем всего местного средневекового развития, выраженного рядом преемственно связанных археологических культур (таковы древнехакасские культуры чаатас (VI – середина IX вв.), тюхтятская (середина IX –X вв.) и аскизская (конец X – XVII вв.) (Кызласов Л.Р., 1975а; 1981а; 1981б; Кызласов И.Л., 1981; 1983), а также культуры тюркских народов Тувы (Кызласов Л.Р., 1969, с. 18-87): чиков и тюрок)[1]. Тюркоязычность носителей названных культур доказана их связью с памятниками енисейского рунического письма (Кызласов Л.Р., 1960б). Именно на этих средневековых культурах сложились традиционные культуры современных коренных тюркоязычных народов Южной Сибири, изучаемые этнографической наукой. Таким образом, начиная со II-I вв. до н.э. преемственное развитие тюркоязычного населения на Саяно-Алтайском нагорье уже никогда не прерывалось.

Названные обстоятельства культурной и этнической истории региона использованы мною для поисков изначальных признаков древнетюркских жилищ и реконструкции особенностей пратюркских обиталищ (Кызласов И.Л., 2005; 2008а). Результаты специально проделанного исследования приводят к следующим заключениям[2].

---

[1] Археологическая изученность преемственности культур Алтая не позволяет сегодня причислить его памятники этого времени к нашему перечню. Однако тюркоязычность раннесредневекового населения горного края незыблемо установлена распространением рунических памятников, начиная с VIII в.

[2] Изложенные в этом разделе материалы и выводы повлияли на восприятие истории жилища лингвистами-тюркологами благодаря их общению с археологом при общей работе в 2004 г. Ср.

В традиционной культуре коренных народов Саяно-Алтая выделяются три класса стационарных наземных построек. Наиболее полно они представлены в культуре современных хакасов, поэтому далее для обозначения каждого из этих классов мною используются соответствующие хакасские названия: *тура*, *алачик*, *иб* (*агас иб*). По археологическим материалам можно проследить, какие классы жилищ характеризовали местные культуры раннего железного века до прихода тюркоязычного населения, а какие могли быть принесены тюркоязычными пришельцами и, следовательно, характеризуют их культуру. Отсутствие изученных поселений заставляет обратиться к погребальным конструкциям. При этом учитывается стадиальность присущего им символизма: в раннем железном веке жилище воспроизводится в конструкции могил, а надмогильные (курганные) постройки воссоздают облик Вселенной, в то время как в средневековье облик жилищ имеют уже сами надмогильные сооружения.

Тура – прямоугольные и квадратные бревенчатые дома, имевшие прямую крышу. Их отличает также глинобитный очаг каминного типа (с трубою), размещавшийся в жилище сбоку от входа, и полати вдоль стен. *Тура* бывали срубные (рис. 1 – 1) и столбовые (рис. 1 – 2). Внутримогильные конструкции всех археологических культур раннего железного века Саяно-Алтая воспроизводят жилища типа *тура*. Надо думать, что бревенчатые дома широко бытовали в то время на Алтае (*пазырыкская* культура), в Хакасии (*тагарская* культура), Туве и Северо-Западной Монголии (*уюкская* культура). Следовательно, этот тип жилищ принадлежит еще дотюркским местным культурам (вероятно, созданным народами уральской языковой семьи: самоедо- и угроязычными). С приходом тюркоязычных народов и языковой тюркизацией автохтонов, жилища-*тура* сохранились в южносибирской культуре наравне с другими субстратными чертами. В Хакасии существование этих жилищ, вероятно, отражено в особенностях Ташебинского поселения I в. до н.э. – I в.н.э., где срубные (?) жилища не оставили повреждений материка, кроме ям-погребов, а также в облике погребальных конструкций *таштыкской* культуры (I в. до н.э. – V в. н.э.) и культуры *чаатас*.

Алачик – коническая жердевая постройка с очагом в центре, наиболее типичная для таежников (рис. 1 – 3). Следы таких жилищ обнаружены на поселениях III-I вв. до н.э. Вероятно, *алачик* изображен на Боярской писанице в Хакасии (II-I вв. до н.э.). Учитывая широкий этнографический ареал таких жилищ в горно-таежной полосе Южной Сибири, а также их особую роль в свадебном обряде таежников (хакасов и алтайцев), я также отношу эту форму жилищ к дотюркским.

Иб – квадратное, круглое, многоугольное (наиболее часто 6-ти- и 8-миугольное, но также и 10-14-тиугольное) жилище. Обычно оно крыто корой (рис.1, *4, 5*) или берестой, сложено из бревен (*агас иб*) – столбовое (рис. 1 – 7) или срубное (рис. 1 – 4, 5, 8). Ему свойственна высокая шатрово-купольная кровля, коническая или многоугольная. Очаг расположен в центре. Известно всем тюркоязычным народам Южной Сибири. У западных бурят (монголизированных тюрков) и тувинцев жилище-*иб* сохранило четыре центральных столба.

Жилища-*иб* изображены на Боярских писаницах в Хакасии. Одному из рисунков (нередко принимаемому за юрту) есть бревенчатые аналогии у якутов. Квадратные и многоугольные жилища известны на *таштыкских* поселениях, их воссоздают в камне курганы древних и средневековых хакасов: *чаатас*, *тюхтятской* и *аскизской* культур. Столбовые многоугольные жилища-*иб* зафиксированы также на поминальных памятников тюрков VI-VIII вв. в Туве (Сарыг-Булун). О них в отношении тюркских народов Южной Сибири повествуют и раннесредневековые китайские источники.

(Добродомов И.Г., 2006, с. 451, 452; 2008, с. 213-215; Дыбо А.В., 2006, с. 458, 472, 473; 2008а, с. 236, 238, 239, 243) с предыдущей публикацией (Левицкая Л.С., 1997, с. 485-500), а также глухие отсылки (иногда не к месту – Дыбо А.В., 2006, с. 472, 473) на разноплановую монографию Л.Р. Кызласова 1969 г. (Дыбо А.В., 2006, с. 471, 473, прим. 181, 184; 2008а, с. 262, 263. прим. 25, 27), не включенную в библиографию статьи (Дыбо А.В., 2008а), но называвшуюся мною в беседах в связи с комплексом в Сарыг-Булуне. Эти консультации упомянуты по отдельному случаю (Дыбо А.В., 2006, с. 471; 2008а, с. 261). Тогда же подготовленный иллюстрированный текст по истории жилища (Кызласов И.Л., 2008а) был расширен до брошюры (Кызласов И.Л., 2005, с. 77, прим. 1).

Сравнение письменных и археологических данных приводит к выводу, что в глубокой древности тюркоязычные народы считали мир круглым, а в раннем средневековье восприняли представления о квадратном мироздании (но, насколько известно, лишь некоторые тюркские народы Алтая, включая и народ *тюрк*, делал свои поминальные памятниками квадратными). Нет свидетельств изначальной и неизменной устремленности главного направления всего «тюркского мира» на восток.

Таким образом, многоугольные в плане постройки с шатрово-купольной крышей и центральным размещением очага – единственная форма традиционного саяно-алтайского жилища, которая отличает тюркские народы и может быть увязана с тюркоязычными пришельцами рубежа н.э. Именно такие жилища-*иб* (рис. 2 – 4, 5) в свое время послужили основой для создания переносной войлочной юрты (рис. 2 – 6) (обратное утверждение этнографов ошибочно).

Точнее говоря, общим предком стационарных и переносных жилищ явились, судя по всему, каркасные турлучные жилища с многоугольными или круглыми плетеными стенами: однорядными, обмазанными глиной (рис. 2 – 2), или двойными, засыпными (рис. 2 – 3). В свою очередь эти формы, наиболее вероятно, восходят к круглому глинобитному дому (рис. 2 – 1). Формы жилищ 2-6 на рис. 2 засвидетельствованы и раннесредневековой археологией, и этнографией тюркских народов, образ дома 1 – умозрительная реконструкция. Для ее обоснования привлечены как первичные представления о форме мира, так и этимологический анализ поселенческой и строительной лексики памятников рунической письменности: *balïq* «город», *balïqdaqï* «горожанин» – от *bal* «вязкая глина» (*balïq* означает «глина» еще в XI в.); *toj* и *toñ* «город, резиденция, лагерь» – от слова *toj / toñ* «глина»; глагол *toqï-* «устанавливать, воздвигать (стену)», первоначально означал «бить, ударять», т.е., вероятно, связывался с глинобитным строительством. Возможно, общая этимологическая основа «лепить (глину)» была у глагола *jap-* «строить, делать, творить» и *jap-* «прикладывать, приклеивать». Слово *quryan*, обозначая регулярное архитектурное сооружение, семантически соотносимо как со значением глагола *qur-* «приводить в порядок», так и с глаголом *qur-* «строить, сооружать». Рисуемой картине домостроительной культуры соответствует часть древней военной лексики: по отношению к войску применялись образы оазисной ирригации (*sü bük-* «собрать войско» и *sü aq-* «двигаться войском»). Точное содержание глагола *bük-* «запруживать, перекрывать», а основы *aq-* «течь, истекать» (Кызласов И.Л., 2005, с. 5, 6). Этимология военной лексики рунических надписей реконструирует прототюркское войско не как конных лучников, а как пеших копейщиков (Кызласов И.Л., 1996).

Глинобитное строительство и отражающая его лексика могли сложиться только в безлесных открытых землях (рис. 2 – 1). Следующая стадия турлучного домостроительства (рис. 2 – 2, 3) соотносима с лесостепной зоной, а последняя, бревенчатая (рис. 2 – 4, 5) – с лесостепным и горно-таежным ландшафтом. Выходит, реконструируемая эволюция жилищ отражает историю передвижения тюркоязычных народов через разные географические зоны с юга на север. По археологическим данным весь процесс таких миграций должен был завершиться уже к III-II вв. до н.э.

4. Жилища центральноазиатских гуннов

Археология – наука медленная. Несмотря на осознанные и многолетние усилия советских и российских, монгольских и китайских археологов, поныне не только актуальны, но и точны слова С.И. Руденко сорокапятилетней давности: «Мы почти ничего не знаем о хуннах до рубежа третьего и второго веков до н.э. До настоящего времени не открыто и, естественно, не исследовано ни одного хуннского археологического памятника более ранней поры. Поэтому мы не сможем проследить ни сложения, ни генезиса хуннской культуры в период ее становления. Археологически крайне слабо освещен и последующий период, после II в. н.э., эпохи гуннов, без чего не может быть показана эволюция хуннской культуры» (1962, с. 114). Единичные памятники Северного Китая (Миняев С.С., 1979; 1986; Могильников В.А., 1992, с. 273; Воробьев М.В., 1994, с. 200-206) не меняют картины в целом.

И все же говорить о главных особенностях гуннской культуры наука сегодня в состоянии. Как и в состоянии показать несходство этой культуры с бытовыми отличиями одновременных гуннам тюркоязычных народов Южной Сибири.

Вопреки предвзятым повествованиям древней и зависящей от нее современной исторической литературы лишь о подвижном хозяйстве и быте гуннов, в самих китайских источниках имеются упоминания не только о легких сводчатых юртах-*цюнлу*, плетеных из ивы и крытых войлоком (Крюков М.В., 1979, с. 125, 126; Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н., 1983, с. 59), но и о гуннских городах (Таскин В.С., 1989, с. 26, 27). По имеющимся переводам эти данные были собраны Л.Р. Кызласовым (1998; 1999; 2006, с. 142-159; ср.: Кычанов Е.И., 1997, с. 34), поскольку археологическую культуру центральноазиатских гуннов ныне характеризуют именно города и поселения со стационарными углубленными в землю жилищами. Основной ряд подобных памятников изучен в Бурятии.

Для нашей темы показательно, что форма и устройство гуннских домов стандартны и не зависят от характера и планировки самих поселений. Они выдерживались как в пределах правильно спроектированной крепости Большого Иволгинского городища на Селенге, так и в неукрепленных поселках, свободно протянувшихся близ современного с. Дурёны вдоль изгибов Чикоя на 5, а то и 8-10 км. Котлованы углубленной части жилищ (которых только на Иволгинском городище раскопано 54) имели прямоугольную или близкую к квадрату форму (от 2,8 х 3,2 до 6, 85 х 6,65, в основном – 5, х 4, 5,5 х 4,5 м при глубине от 0,55 до 1,1 м), ориентированную сторонами по странам света (рис. 3, 4). Существовали и наземные дома. Основу интерьера тех и других составляла Г-образная в плане лежанка-кан, обрамлявшая помещение по северной и западной стенам, внутри которой проходил канал обогревавшего ее дымохода. Он начинался у сложенной из каменных плит печи, стоявшей в северо-восточном углу комнаты, а завершался на юго-западе установленной снаружи деревянной трубою. Единственный жаровой канал обычно образовывали подогнанные друг к другу плоские камни, в два ряда поставленные на уровне пола жилища на ребро. Ими же дымоход и перекрывался. Иногда одной стороной дымохода служила земляная стена котлована жилища. В ряде случаев вдоль кана прослежены деревянные нары. Гуннские дома смотрели на юг – вход располагался в полуденной стене, ближе к юго-восточному углу постройки (Давыдова А.В., 1956, с. 263-273, рис. 2-6; 1985, с. 14, 15; 1995, с. 14-18, рис. 3, 4, 8, табл. 18-22, 24 сл.; Давыдова А.В., Миняев С.С., 2003, с. 10, 13-17, 41, рис. 4, 5, табл. 2, 19, 66, 77, 83, 84, 86, 89, 91, 92, 98). Главенство южной ориентации в гуннской культуре не относится к ханьскому влиянию, оно вполне самобытно (Кызласов И.Л., 2008б).

Жилища принадлежали к каркасно-столбовым конструкциям: вдоль стен котлована, в его центре и по обеим сторонам входа прослежены ямки от вертикальных опор, нередко поставленных на каменные плитки (рис. 4) (Давыдова А.В., 1995, с. 15, рис. III). Все дома имели вертикальные глинобитные или сырцовые стены, поэтому первоначально предложенная реконструкция гуннского дома как примитивной постройки, лишенной стен над котлованами (Davydova A.V., 1968, p. 213, fig. 5) неверна[1], несмотря на ее широкое распространение в специальной литературе (Давыдова А.В., 1995, с. 15, 16, табл. 86, ср. табл. 52; Могильников А.В., 1992, табл. 109, 1; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, карта-вклейка за с. 144) и даже в вузовских учебниках (Канторович А.Р., 2006, с. 358, рис. 1). Иные примеры использования этой реконструкции и ее критику см.: (Кызласов Л.Р., 2006, с. 154, прим. 51).

Открытый археологами облик гуннских жилищ помогает понять высказывания китайских комментаторов лаконичных ханьских описаний пограничных поселений-оуто: «делают земляные дома, чтобы наблюдать за китайцами», «оуто – земляные ямы». Ни

---

[1] Будем помнить, однако, что А.В. Давыдова совершенно точно оценила ситуацию уже при раскопках в 1949 и 1950 гг.: «Небольшая глубина котлована … вызывает вопрос о том, каким образом и из какого материала воздвигались стены этих жилищ. С самого начала напрашивалось предположение, что стенки делались из сырца. Но бесспорных остатков сырцовых стен при раскопках малых жилищ не обнаружено. При этом необходимо учесть неоднократную распашку городища» (1956, с. 262). Тогда же остатки сырцовых стен были все же прослежены у жилищ 7 и 9.

для китайцев, ни для захваченных гуннами северных земель Саяно-Алтая не были свойственны жилища-полуземлянки.

Данные, собранные В.С. Таскиным для характеристики гуннских оуто как в письменных источниках («Ши цзи» и «Хань шу»), так и в противоречиво трактующей термин китаеведческой литературе привели синолога к заключению, что так именовались «не пограничные заставы или наблюдательные пункты[1], а вооруженный лагерь значительных размеров, который был в состоянии отразить нападение нескольких тысяч человек» (1968, с. 131, 132)[2]. Это мнение разделяет Е.И. Кычанов (1997, с. 20-22). Было ли одним из северных оуто Большое Иволгинское городище, сказать трудно. Крепость на Селенге вместе с другими памятниками Забайкалья и Саяно-Алтая давно расценивается как остатки специализированных поселений гуннских колонистов II-I вв. до н.э. (Кызласов Л.Р., 1979, с. 79-84; 1984, с. 10, 11; 2006, с. 143, 144).

Хотя поселения предшествующего времени пока неизвестны в Бурятии, основной историко-культурный вывод для археолога очевиден: «Жилища земляночного типа, обогреваемые через отопительные каналы-дымоходы, появились на данной территории вместе с сюнну» (Давыдова А.В., 1995, с. 18). Насколько мне известно, время и место появления канов у центральноазиатских гуннов, пока остаются вне рассмотрения археологов, изучающих их памятники: основное внимание привлекает предметный и погребальный культурный комплекс, жилища берутся как данность и их генезис остается вне анализа (см.: Миняев С.С., 2001).

Согласно японским авторам, о кане у гуннов говорит уже «Цянь Хань шу» (Стариков В.С., 1967, с. 64).

Итак, как видим, археологические данные, отражающие основы домостроительства и устроения интерьера жилища, *отторгают культурогенез центральноазиатских гуннов от тюркских народов древности*. Углубленные дома гуннов противостоят наземным постройкам тюркоязычных народов, примыкающие к стенам обогреваемые лежанки (прообразом которых, вероятно, явились земляные нары) – расположенным в центре очагам, а печи с дымоходами и вытяжной трубой – открытому огню с естественной вытяжкой через отверстие в центре дарбазной крыши.

Ныне не может быть сомнения в том, что *часть ранних тюркоязычных народов оказалась на покоренных гуннами землях и была подвластна гуннской державе*. По крайней мере, по этой причине произошло, как это понимается ныне, переселение на север, в долины Верхнего и Среднего Енисея, прежде тюркских языков не слышавших, ранних кыргызов-гяньгуней и пока безымянных для нас тюркоязычных носителей шурмакской культуры. Степень этой зависимости от гуннов не может быть ныне определена в полной мере, показательна, однако, правящая роль кыргызов-гяньгуней на новой родине, восходящая по их собственному мнению, зафиксированному в «Таншу», именно к гуннской эпохе (Бичурин, 1950а, с. 334, 351).

Однако южносибирские древности этих народов, как и ашина, указывают на иные истоки культуры, подтверждая сказанное: *сами гунны и начала их культуры не принадлежали к тюркоязычному миру древности*.

***

Отыскать в иных землях интерьеры с земляной лежанкой по периметру несложно, но история оснащения их канами остается туманной[3].

---

[1] Н.Я. Бичурин и Р.В. Вяткин (или его соавторы по VIII тому) видели в оуто именно «караульные посты», «пограничный караул» (1950а, с. 47, 78) и «приграничные посты или заставы сюнну» (Сыма Цянь, 2002, с. 497).

[2] Не привлекая археологических данных, В.С. Таскин, однако, сомневался в том, что оуто – это земляные дома (1968, с. 131, 132; Е Лун-ли, 1979, с. 515, 516).

[3] Именуя каном только отапливаемую через внутренние дымоходные каналы возвышающуюся над полом лежанку, я, естественно, отделяю историю этой отопительной системы от иных форм обогрева жилища, снабженных жаровыми каналами (см. раздел 8).

В выяснении этого вопроса, сопрягаясь с языковой принадлежностью народов, вновь полезно пойти от поздних данных к ранним. Этнографическая наука отмечает жилища с канами как характерную особенность приамурских народов и маньчжуров. Следовательно, для нового и новейшего времени тунгусо-маньчжурская принадлежность этой системы отопления не может вызывать сомнений. Однако могут ли каны быть признаком тунгусо-маньчжурских народов средневековья и древности?

При анализе письменных источников расселение раннесредневековых тунгусо-маньчжурских народов обычно определяется по Амуру ниже Сунгари и в бассейне Уссури. Выше по правому берегу Амура вплоть до устья Аргуни Северную Маньчжурию в VI-IX вв. занимали племена шивэй, юго-западнее которых до бассейна р. Шара-Мурен помещают си и киданей. Все три этнических группы ныне принято считать монголоязычными (Кычанов Е.И., 1980, с. 139; Воробьев М.В., 1994, с. 27-33, табл. 2).

5. Жилища с канами у монголоязычных народов

Каны знают монгольские народы нового и новейшего времени: дауры (дагуры) и монголы Внутренней Монголии. Жилища с канами в культуре дауров – дорусского монголоязычного населения Верхнего Амура (вплоть до устья Зеи), в 1654 г. переселенного в Маньчжурию цинской властью, обнаружены археологами (Болотин Д.П., 2005, с. 618). Культура дауров восходит к середине XIII в. Судя по описаниям современного быта, не приходится думать, что свою систему одноколенного (Г-образного) отопления дауры могли заимствовать в позднее время от маньчжуров, устраивавших П-образные лежанки. Следует учитывать, что сами дауры в глазах одних ученых – монгольский народ, подвергшийся сильному тунгусо-маньчжурскому влиянию, в глазах других – тунгусо-маньчжурское племя, усвоившее монгольскую речь лишь в XIII-XIV вв. (Тодаева Б.Х., 1997, с. 51, 59).

Прочные археологические материалы указывают, что в XIII-XIV вв. каны были характерны для культуры монголоязычных народов. Специалист отличает монгольский город по типу жилищ, единому для всей империи – от Забайкалья до Молдавии. И это не войлочные юрты, а квадратные дома с каркасными, столбовыми стенами, поставленные без фундаментов. Вдоль трех стен П-образно устроены сплошные глиняные лежанки с внутренним двухканальным обогревом (Киселев С.В., 1965, рис. 2; Киселев С.В., Мерперт Н.Я., 1965, рис. 100, 103, 104; Кызласов Л.Р., 1965, рис. 29, 33, 41, 62, 74, 75; 1969, рис. 54; 1975б, с. 179, 183, 190, рис. 1, 7; 1975в, с. 173-175; 1992, с. 149, 152-156) (рис. 5).

В Восточной Европе каны устраивались и в наземных домах и в землянках. Эти каны разнообразны, нередко занимают лишь одну или две стороны по-прежнему П-образной лежанки, а также бывают Г-образны или прямы, иногда снабжены лишь одним дымоходным каналом (Егоров В.Л., 1970, с. 173-175, 178, 179, 185, 186, 188, рис. 1-4, 7, *1*, 8, 9, 13; Егоров В.Л., Жуковская Н.Л., 1979, с. 211-213; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 45, 46, 48, 56, рис. 2, *1, 7, 8*) (рис. 6). Развитие городской застройки выразилось здесь в размещении выводной трубы кана не снаружи, а внутри угла здания. Вероятно, это влияние среднеазиатской (точнее сказать, сырдарьинской) традиции (см. раздел 8), кроме этого обнаруживаемой также в различных типах домов, применявшихся строительных материалах и технике, во многих деталях интерьера, включая особенности отопления. Важно, что в Старом Сарае (ныне Селитренное городище) продолжали сохраняться и П-образные каны классического монгольского облика (Егоров В.Л., 1970, с. 186; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 48). Весьма архаичны земляные каны Поволжья.

Археологи полагают, что в целом тип квадратного домостроительства и отопления в виде канов восходит к древней оседлой культуре монголоязычных народов (Кызласов Л.Р., 1975в, с. 173; 1992, с. 152, 153). Этому соответствует и отказ лингвистки В.И. Цинциус от привлекательного поначалу сравнения общемонгольского *гэр* «жилище» с тюркским *кер-* «растягивать, натягивать» как лексических показателей сходства якобы изначального кочевого быта (1972, с. 12-14)[1].

---

[1] Однако эти противоречащие истории культуры позиции сохраняются у московских алтаистов (Дыбо А.В., 2008б, с. 79).

Многочисленность домов с канами показывает, что в Европу монголов пришло немало, и среди них были строители. На это указывает и сохранение центральноазиатского формата кирпича в некоторых ордынских городах (Егоров В.Л., 1970, с. 184, 185). Степной быт не отучил монголов от древнего домостроительства и изначальной оседлой жизни – они принесли с собой каны в саму Монголию, переселившись туда с Верхнего Амура в течение конца X – начала XII в. Традиционный интерьер сохранялся даже при радикальной смене типа жилища: согласно источнику, еще в XII в. деревянные лежанки в форме кана сооружались монголами в заимствованных от тюркских народов переносных войлочных юртах, отапливаемых центральным открытым очагом (Егоров В.Л., 1970, с. 186; Кызласов Л.Р., 1975в, с. 175; 1992, с. 150-152, 156).

Опуская заимствованные монгольскими народами фанзы (Народы КНР, 1965, с. 656, 661, 665, 668), следует сказать, что каны в круглых или по-прежнему квадратных стационарных постройках с конической крышей[1] встречаются во Внутренней Монголии поныне. Судя по публикациям, они представляют собой одноколенные каны большой ширины. Неслучайно и существующее сегодня подпольное отопление неперевозных, стационарных войлочных юрт (осуществляемое от расположенной снаружи специальной топки, в то время как очаг занимает центр жилья) сохраняет не только П-образную планировку, но и раздваивающийся канал дымохода (Вяткина К.В., Стариков В.С., Чебоксаров Н.Н., 1979, с. 190-192).

Языковая принадлежность южной группы раннесредневековых народов, все настойчивее относимых историками и лингвистами к монголоязычной группе, по-прежнему остается дискуссионной. Распространенное в литературе отождествление тройного китайского деления северных и восточных соседей Поднебесной на потомков сюнну, дунху и сушень с современным членением алтайской семьи на тюрок, монголов и тунгусо-маньчжур не является строгим построением. Оставляя в стороне критикуемое мною в этой статье отнесение самих гуннов-сюнну к тюркоязычным народам, здесь следует указать на шаткость первых звеньев выводимой источниками преемственной этнической цепочки дунху – сяньби – кидани, увязываемой с шивэй, а через них – с монголами. Следует знать, что ряд востоковедов возводит к этнониму шивэй тунгусо-маньчжурский народ сибэ (сибинцев) (библиографию см.: Пан Т.А., 2008, с. 217).

Изданная у нас в академической сводке языковая характеристика сяньби (относимых к протомонголам – Кормушин И.В., Пюрбеев Г.Ц., 1997, с. 7) фактически лишена лингвистических данных, сводит вопрос к тоба-вэй и полна натяжек историко-культурного свойства, ряд которых (как рефрен о пользовании орхонским алфавитом) не имеет оснований (Лувсандэндэв А., 1997). Наука о древностях здесь помогает мало: независимый от лингвистики археологический анализ культуры III в. до н.э. – III в. н.э., в угоду терминологии письменных источников связываемой с ранними сяньби, показал, что к ней восходят как традиционные «типично мохэские сосуды» – т.е. один из наиболее надежных материальных признаков раннесредневекового тунгусо-маньчжурского (или даже только маньчжурского) населения Дальнего Востока, так и глиняная посуда бурхотуйской культуры Забайкалья, обычно приписываемой ранним монголоязычным племенам. Прототипы же киданьской посуды догосударственной поры, принадлежащей к иной линии развития керамики, специалисты указывают в культуре шэгень, обычно относимой к сяньби восточным (Дьякова О.В., 1993, с. 15, 276-278, 290-293, 296, 297, 314-317, 337-339; 2008а, с. 64). Следует помнить, что этноним сяньби (сяньбэй), возникший в раннеханьскую эпоху, с III в. до н.э. имел обобщающее значение, именуя народы Западной Маньчжурии в противовес населению Восточной, столь же обобщенно называвшемуся илоу.

Вдумчивые сторонники монголоязычности киданей так или иначе считаются с выдвинутыми в науке двумя другими определениями: кидани – тунгусоязычны и родственны чжурчжэням, и кидани – народ смешанного монголо-тунгусского происхождения (Рудов Л.Н., 1961, с. 159, 169; Е Лун-ли, 1979, с. 24). Дело осложняется тем, что ранние исторические построения противоречивы: одни летописи Китая выводят

---

[1] Такие жилища описаны путешественниками и для монголов XVII-XVIII вв. (Егоров В.Л., Жуковская Н.Л., 1979, с. 212).

киданей из дунху, другие – из сюнну. Киданьские слова, доступные ныне по китайским текстам, с одной стороны принадлежат к языку монгольской группы (близкому современному даурскому), с другой не могут быть истолкованы на монгольской языковой почве (Кузьменков Е.А., 1997, с. 88). Будем помнить, что на протяжении всей истории и в материальной культуре киданей было очень много контактного, привнесенного со стороны и усвоенного. Окончательное решение вопроса о языковой принадлежности откладывается до дешифровки все еще непонятных киданьских письмен и прочтения составленных ими текстов.

Сегодня археология не может помочь прояснению картины в интересующем нас жилищном вопросе. Хотя имя и политическая история киданей известны в источниках с IV в., их догосударственная культура (протяженностью более 5 веков) остается для археологии по существу неведомой. По «Ляо ши» строить укрепленные поселения впервые начал лишь каган Шулань (Сулань) на рубеже IX и X вв. (Воробьев М.В., 1994, с. 279, 294). В маньчжурском изложении, в «Истории Великой Железной империи» (2007, с. 43), начало строительства городов и домов приписывается ему и его старшему брату Салади (отцу Абаоцзи). В работе над темой неоднократно приходилось встречать в литературе общие высказывания о существовании у киданей X-XII вв. жилищ с лежанками-канами. Однако конкретных материалов не приводилось: городища и поселения киданей остаются не раскопанными. Л.Л. Викторовой названо городище Дээд-Улаан-Эрэг, стоящее на р. Керулен в Монголии, на котором «нашли и отопительную систему в виде канов» (1980, с. 146). Но на этом же памятнике обнаружена гончарная печь, подобная горнам Северной Кореи периода Когурё, следовательно, на лицо влияние культуры, первоначально соседней киданям, а затем включенной в их империю. В письменных же источниках, хотя и называются города, но кроме описания переносных кошомных юрт и крытых войлоком повозок-фургонов, речь идет лишь о домах срубных («Ляоши»: Викторова Л.Л., 1980, с. 58, со ссылкой на Г.К. фон Габеленца) или дощатых (Е Лун-ли, 1979, с. 322). В династийных историях юрта выступает как жилищем простонародья, так и императоров и императриц, а ориентация юрт выражает социальное устройство (Е Лун-ли, 1979, с. 225, 232, 235, 238, 241, 254, 267, 326, 461, 471, 497, 514, 530, 532 и др.). В юртах вершатся даже храмовые церемонии (История, 2007, с. 47-49, 57, 64, 70 и др.).

При рассмотрении интересующего нас вопроса не следует учитывать приобретенные черты культуры киданей – с покорением ими в 926 г. государства Бохай в состав новой огромной державы вошли и земли с исконным применением в домах лежанок-канов. Конечно, можно думать, что после этого интересующее нас обогревательное устройство было воспринято самими киданями (Егоров В.Л., Жуковская Н.Л., 1979, с. 213) и от них перешло к монголам или даже, как это допускается этнографами относительно современной культуры уйгуров и саларов Восточного Туркестана, было распространено далеко на запад переселенными в пределах Ляо бохайцами (Бернова А.А., Чебоксаров Н.Н., Чеснов Я.В., 1979, с. 259)[1]. Вполне вероятно, что именно бохайцы (мохэ и когурёсцы) в этих условиях познакомили с канами и северных китайцев (Стариков В.С., 1967, с. 65). Однако умозрительные построения ничем не помогут нашему поиску.

О глубине традиции в монголоязычной среде ныне, пожалуй, косвенно свидетельствуют только приведенные данные об устойчивости искомого типа интерьера в культуре собственно монголов конца XII-XIV вв. (Кызласов Л.Р., 1975, с. 172-175). «Круглые войлочные юрты, заимствованные монголами у степняков, здесь ни при чем. От них, во всяком случае, никак не вывести ни отопительных печей с лежанками типа П-образных канов, ни высоких для тяги труб, которые размещались обычно снаружи каркасных жилищ» (Кызласов Л.Р., 1992, с. 155).

В поисках протомонгольского кана, очевидно, следует в дальнейшем проследить исторические корни не любых аналогичных устройств, а именно П-образных лежанок,

---

[1] Кан уйгуров и саларов Восточного Туркестана имеет две разновидности: он «тянется вдоль стен или располагается у западной стены» (Захарова И.В., Тенишев Э.Р., 1979, с. 187, 189). Тем самым его план здесь отличается от прямолинейного расположения таких лежанок в китайском доме (см. раздел 6).

отапливаемых через двойные дымоходные каналы. Материалы для этого содержит раздел 7.

6. Жилища с канами в Приамурье

Культуры Приамурья, включая Маньчжурию, отличаются от археологически прослеживаемых форм развития народов Нижнего Амура, Приморья, Кореи и Южной Маньчжурии. Вполне понятно, что материалы любого из этих районов Дальнего Востока не следует рассматривать обобщенно, ведь в отношении Южной Сибири подобная работа с жилищами велась в более сжатых ареалах, четко определенных в историко-культурном отношении (Кызласов И.Л., 2005; 2008). Однако в данном случае состояние археологической изученности края не дает пока не только детальной, но и цельной картины.

Четырехугольные полуземлянки с канами и выходом на юг изучены на поселениях тунгусоязычных дючеров, археологически выделяемых со второй половины XIII в., живших от устья Зеи до устья Уссури и выселенных со Среднего Амура маньчжурскими властями в 1654 г. (Болотин Д.П., 2005, с. 621, 622). История материальной культуры этого народа преемственно связана с чжурчжэньской. Сам этноним *дючеры* возводят к искаженному *нюйчжэнь* (Воробьев М.В., 1983, с. 270) – наименованию чжурчжэней в китайских источниках.

Обзор канов, характерных для жилищ чжурчжэней, дается мною ниже в разделе 7, посвященном приморским древностям.

Маньчжуры, как и их язык (Суник О.П., 1997, с. 162, 164) – также прямые потомки чжурчжэней, результат новой (произошедшей на рубеже XVI-XVII вв.) этнической консолидации их групп, разрозненных после завоеваний Чингисхана (Воробьев М.В., 1983, с. 268-273). Традиционные маньчжурские каны, прослеженные этнографами, имеют П-образную в плане форму (Стариков В.С., 1967, с. 65). Этим они отличаются от прямых китайских лежанок. Однако эта П-образная маньчжурская фигура на деле бывает образована сочетанием двух независимых канов, протянувшихся от двух печей и соединяющихся лишь вне дома в единой дымовыводящей трубе, – прямого (вдоль южной стены) и Г-образного, по-гуннски занимающего северную и северо-западную стену. Это типологическое сходство с ранними жилищами формально усиливается южной ориентацией входа в маньчжурский дом, что здесь, однако, как и размещение комнат, вызвано влиянием китайского домостроительства (Стариков В.С., 1965, с. 675-677; 1979, с. 195).

О системе канального устройства маньчжурских канов, описания которой мне не встретилось, можно, вероятно, судить по канам, воспринятым северо-восточными китайцами: 4-х- и 5-тиканальным, но прямым, параллельно расположенным только вдоль двух длинных стен комнаты и обогреваемым двумя печами. Если дом имел две жилых комнаты, интерьер второй мог состоять из одного или двух таких канов. Взятый в целом данный тип отапливаемого жилища «сложился в результате значительных разновременных влияний соседних тунгусо-маньчжурских народов и более поздних маньчжуроязычных насельников Маньчжурии» (Стариков В.С., 1967, с. 23, 38, 39, 62, рис. 13).

Озирая далее древности, учтем некоторые особенности динамично развивающейся археологии российского Дальнего Востока. Несмотря на добротные разработки, в ней пока не создано единой картины культур и их датировок, а археологическое источниковедение осложняется традицией именовать культуры этнически (мохэ, чжурчжэни и пр.) и политически (Бохай, Ляо, Цзинь, Восточное Ся). Дело не в том, что этническая и политическая принадлежность различных групп памятников огромного края дискутируется. Важно видеть, что традиция возникла вне археологии, воспринята от исторической науки (восходящей к концепциям китайской старины). Поскольку все этнические и политические понятия письменных источников региона обобщающие, они в археологии точного смысла иметь не могут[1]. Часто, разумеется, неизвестен и язык

[1] Эти чуждые нашей науке источниковедческие оковы, ясно осознаются некоторыми археологами, но, из уважения к научной традиции, снимаются, увы, медленно и непоследовательно (Дьякова

раннего населения. Несомненна пришлость алтайских народов на этих землях, издревле палеоазиатских, а то и заселенных неведомыми разнородными по языку жителями (вспомним об айнах, языку которых близких аналогий не найдено) (Сидоренко Е.В., 2008; Рудникова Е.В., 2008). Однако время, место, этапы исхода алтайских народов не установлены, а исконное их родство не находит пока археологического подтверждения. Взгляды лингвистов на эти процессы см.: (Гирфанова А.Х., 2008).

Так, полагают, что наиболее раннее тунгусоязычное население проникло на Дальний Восток из Байкальской Сибири в позднем неолите, формирование же тунгусо-маньчжурской общности наступает лишь в начале I тыс. н.э. с наложением на тунгусские культуры пришлой из Внутренней Монголии и Западной Маньчжурии мохэской (маньчжуроязычной) общности[1], выделившейся там с распадом единого этнического ядра в III в. до н.э. Вторая ветвь выглядит монгольской, ушедшей на северо-запад и отложившейся в бурхотуйской культуре Забайкалья (Дьякова О.В., 2008а, с. 64-66). В рамках этой концепции средневековое тунгусо-маньчжурское единство объясняется не единством происхождения, а результатом контакта (Дьякова О.В., 2008б).

Однако этноязыковое определение дальневосточных древностей остается делом сложным. Археологический анализ выделил 5 вариантов «мохэской» культуры: благословенинскую, найфельдскую, троицкую, гладковскую и михайловскую (Дьякова О.В., 1984; 1993, с. 12-15), в целом прослеживаемой на протяжении IV-VIII вв. Но источники (исключая «Самгук саги», составленную в сер. XII в.) для IV в. говорят о народности уцзи, что, обнажая зависимость от письменности, вынуждает археологов вводить в обозначение культуры и этот этноним (указывая «мохэ (уцзи)»: Дьякова О.В., 1993, с. 10-16; Воробьев М.В., 1994, с. 108-114). В письменных памятниках сами мохэ не упоминаются с XII в., но в археологии Дальнего Востока применяется понятие «мохэской общности», относимой к III-XIII вв. (Дьякова О.В., 2008а, с. 62-64), – еще более широкое этнически, территориально и хронологически.

Этнолингвистическая неопределенность, стоящая за понятием «мохэская культура», яснее ясного проступает в том, что ныне «михайловская группа выделена в самостоятельную культуру и этнически выведена из тунгусо-маньчжурского ареала» и введена в монгольский, а прототипом лепных «типично мохэских сосудов» являются глиняные котлы «ранних сяньби» III в. до н.э. – III в.н.э. из Внутренней Монголии и Западной Маньчжурии (Дьякова О.В., 2008а, с. 63-65). Для меня очевидно, что здесь этническая терминология лишь вносит невнятицу в строгий и весьма перспективно производимый археологический анализ культурогенеза региона. Восприятие материала сразу меняется, когда узнаешь, что те же котлы стали основой керамики бурхотуйской культуры, условно-археологическое наименование которой позволяет до поры не интересоваться ее далеко неясным пока (монгольским ли?) этнолингвистическим содержанием. Дополню картину принадлежностью троицких мохэ к весьма архаичному одонтологическому типу, «свойственному азиатскому населению до его дифференциации на локальные антропологические типы второго и третьего порядка» с тяготением еще к палеоиндейскому населению Северной Америки (Казакова Е.А., 2008).

Как видим, разрешение задач физического, культурного и языкового происхождения народов рисует картину смены разных по устойчивости признаков, из которых язык относится к наиболее изменчивым историческим характеристикам популяции.

В раннем средневековье отопление каном в Приамурье свойственно лишь пришлым формам культуры: одному из двух местных домостроительных типов, археологически засвидетельствованных в локальных вариантах так называемой культуры мохэ (а именно местной для Нижнего Приамурья найфельдской группы IV-IX вв. и пришедшей из Маньчжурии троицкой VII-XII/XIII вв.), также как и одному из двух типов жилищ соседствующей с найфельдской группой культуры амурских чжурчжэней[2]. Характеристика

О.В., 1993, с. 26-29; 2008а, с. 62, 63).

[1] Лингвистическая систематика, вслед за Г.М. Василевич, также отмечает близость языков Нижнего Амура к собственно тунгусским, отделяя речь маньчжуров и сибинцев (Гирфанова А.Х., 2008, с. 323).

[2] Такое этническое определение отвергалось Ю.М. Васильевым (2006). О различии амурской и приморской культур чжурчжэней см. (Дьякова О.В., 2008а, с. 63).

последней изменяется в зависимости от географического размещения древностей, а общая археологическая дата также весьма протяженна – VII-XIII вв. (разделение на 4 этапа, включая мохэский, см.: Васильев Ю.М., 2005, с. 602, 603). Некоторые археологи считают троицкие и амурско-чжурчжэньские памятники единой археологической культурой (Дьякова О.В., 1987; 1988; 1993). Ретроспективно составленные письменные источники для населения Среднего Амура и Маньчжурии того времени отмечают землянки, а с появлением наземных жилищ, вероятно, упоминают нары (Воробьев М.В., 1983, с. 25).

Показательны для нашей темы материалы польцевской (ольгинской) культуры, занимавшей обширные территории и потому иногда именуемой польцевской общностью. В VIII-III вв. до н.э. она была распространена на Среднем, но в III-I вв. до н.э. смещается вниз по Амуру, проникает в северную часть Приморья, а с I-III вв. и по V-VI вв. ее памятники представлены и в Южном Приморье (Коломиец С.А., 2005, табл. 93; Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008, с. 15). Именно в этих землях, неподалеку от г. Находка, в дельте р. Партизанской на сопке Булочка обнаружены П-образные каны, относимые к первой половине I тыс. н.э. (Медведев В.Е., 2007; Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008, с. 14, 15, 25, 27, 32, рис. 10, *А, В, Г*, 13, 14). К этим материалам предстоит вернуться в разделе 7. Здесь, в интересах дальнейшего изложения, следует заметить, что польцевскую культуру, сложившуюся на Среднем Амуре, на основе предшествующей урильской культуры относят к палеоазатам (Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008, с. 15).

Согласно имеющимся археологическим данным, ранний железный век Верхнего и прилегающей части Среднего Амура в целом не знает канов, хотя в наземных домах (бытующих рядом с землянками), вероятно, уже в гуннскую эпоху иногда применяются деревянные нары, идущие вдоль длинных стен (Мыльникова Л.Н., Нестеров С.П., 2005, с. 360, рис. 86, *5*). Однако этот компонент интерьера выглядит пришлым.

Первую сводку археологических данных, позволивших проследить основы развития жилищ Приамурья от неолита до позднего средневековья составила Е.И. Деревянко (1981, с. 75-110, 112-113). Углубленные в землю жилища существовали на протяжении всего этого периода, возникнув, вероятно, еще раньше – с позднего мезолита. Для всех них характерно отсутствие канов.

Тем самым археологические памятники в целом свидетельствуют о том, что древние и последующие раннесредневековые культуры Приамурья в целом не знали и не сохранили отопления типа канов.

7. Жилища с канами на Нижнем Амуре, в Приморье, прилегающей Корее и Маньчжурии

Каны характерны для изучаемой этнографами традиционной культуры народов этих земель: ороков, ульчей, нанайцев, удыгэйцев, негидальцев, как и для маньчжуров – к югу от среднего течения Амура (Воробьев М.В., 1983, с. 84). Поскольку в летних жилищах амурские народы пользовались открытыми очагами (Попов А.А., 1961, с. 137, 139), в этнографической литературе распространение канов в зимних домах увязывается с многовековым влиянием домостроительства маньчжур и китайцев (Народы Сибири, 1956, с. 784, 798, 821, 835; Долгих Б.О., Левин М.Г., 1960, с. 340, 341; Попов А.А., 1961, с. 139, 140).

Отрицать этого нельзя, как нельзя не заметить и нередко существующих отличий, ибо в тех краях широко «распространилась так называемая ”фанза”, однако, существенно отличная от китайского типа» (Токарев С.А., 1958, с. 509) именно по облику канов. Сходство с маньчжурской конструкцией также, по-видимому, лишь в планировке: по большей части это П-, но реже и Г-образные, лежанки с тремя или двумя жаровыми каналами; на чертежах Л.И. Шренка указан даже один канал (Попов А.А., 1961, с. 139, табл. V, *4, 6, 9*) (ср. схему: Константинова О.А., 1972, рис. 2). У нанайцев и ульчей кан П-образный, иногда проходит и вдоль четвертой стены (Лопатин И.А., 1922, с. 81; Стариков В.С., 1965, с. 685; 1967, с. 65), что вполне самобытно. Обычно утверждается, что в доме ульчей и удэгейцев каны отапливались по-маньчжурски двумя очагами. В последнем случае лежанки-каны могут быть первоначально связаны не столько с китайской, сколько с местной традицией прямых нар, устроенных по боковым стенам жилища – зимнего и летнего (те же устройства были у орочей при открытом очаге) (Народы Сибири, 1956, с. 821, 835, 848; Артемьева Н.Г., 1998, с.

77, 78). В XIX в. именно у ульчей зафиксированы одноочажные П- и Г-образные каны (Попов А.А., 1961, табл. V, *4, 6, 9*). Существенно также былое использование нанайцами Маньчжурии П-образного кана в жилищах-полуземлянках (Бернова А.А., Чебоксаров Н.Н., Чеснов Я.В., 1979, с. 257). Устройство нанайского дощатого кана и особенности его действия см. (Лопатин И.А., 1922, с. 81, 82, рис. 15, 16).

О древнем и всеобщем знакомстве с каном тунгусо-маньчжурских народов Амура свидетельствует и единство терминологии, связанной с этим устройством, – *нагань*, *накань*, *нахань*, *накан, наган* (маньчжуры, негидальцы), *накан, нака, наха* (нанайцы, ульчи, орочи), – и развитая лексика его частей. К этому примыкает нивхское *нах*, *накн*, южномонгольское *лаха* и китайское *кан*, указывающие на тунгусо-маньчжурский источник заимствования обогреваемых лежанок (Стариков В.С., 1965, с. 676, 685; 1967, с. 66; Константинова О.А., 1972, С. 245, 246). В интересах дальнейшего изложения сразу обращу здесь внимание на две историко-культурные особенности лексики. Во-первых, этимология тунгусо-маньчжурского наименования кана *на-кан* «земляная лежанка» указывает на исходную форму этого устройства, не связанную с наземным домостроительством, но имеющую отношение к землянкам. Во-вторых, в Приморье названия частей кана еще древнее – они дотунгусские (Бродянский Д.Л., 2001, с. 345: мнение В.И. Цинциус).

Как полагают, чжурчжэни сложились к первой четверти XI в. в бассейне Сунгари (земли Маньчжурии и бассейна Среднего Амура) на основе племен хэйшуй мохэ (т.е. амурских мохэ), имя которых с этих пор в источниках уже не употребляется (Воробьев М.В., 1975, с. 19-31, 360, 361, карта 1). Состояние изученности чжурчжэньского языка см.: (Певнов А.М., 1997). Объединив огромные разноязыкие земли, чжурчжэньская империя Цзинь (1115-1234 гг.) и выделившееся из нее на короткое время в годы монгольского разгрома государство Восточное Ся (относимое к 1215-1233 или 1217-1234 гг.) хорошо изучены в археологическом отношении на землях российского Приморья[1].

Согласно письменным источникам, вход чжурчжэньского дома раннего периода (X в.) был направлен на восток (Кычанов Е.И., 1997, с. 159), но иногда указывалось и южное направление (Кычанов Е.И., 1966, с. 273, прим.; Воробьев М.В., 1983, с. 26, 73). В городах Приморья, изученных раскопками, ориентация домов соответствовала внутренней планировке поселения, все жилища были наземными, каркасно-столбовыми и кан был обязательной внутренней частью их устройства.

Чжурчжэньские лежанки-каны китайские авторы считали местной достопримечательностью (Воробьев М.В., 1983, с. 83, 263, 264). Они упомянуты в целом ряде китайских сочинений, например, кратко описаны в «Цзинь чжи» («Сведения о Цзинь», последняя треть XII в.): «На полу сбивался из земли род печи, нагреваемой [огнем] снизу; на ней спали, ели и жили». Другой южносунский источник XII в., охватывая период 1116-1161 гг., дополняет картину, указывая на П-образную форму кана и языковую принадлежность самого применяемого нами термина: «Вокруг помещения [внутри] устраивается земляная постель. Под ней разводят огонь. На этой постели спят, едят, занимаются повседневными делами. Называется она [по-чжурчжэньски] кан. Используется ради тепла» (Воробьев М.В., 1983, с. 25, 26)[2].

Хотя одновременно с Г-образными прямые отапливаемые лежанки, снабженные одним каналом, реконструированы в Северной Корее уже для периода IV-VII вв. (Джарылгасинова Р.Ш., 1972, с. 126), кан, проходящий вдоль одной или двух противоположных стен некоторые востоковеды считают поздней разновидностью (Воробьев М.В., 1983, с. 83). Вероятно, датирующим подтверждением этого наблюдения, будет и распространение подобных форм в городах Золотой Орды, упомянутых выше. Несмотря на то, что такие лежанки изредка встречаются в городах

---

[1] Литературу последних лет по археологической медиевистике российского Дальнего Востока я получал во многом благодаря вниманию, оказываемому мне А.Р. и Н.Г. Артемьевыми.

[2] Другой вариант перевода: «Вокруг комнаты устраивается земляная постель, под которой разводят огонь. На этой постели спят, едят и живут. Называется она (по-чжурчжэньски) кан» (Кычанов Е.И., 1966, с. 273).

самого государства Цзинь (Артемьева Н.Г., 1998, класс V), в целом в раннем средневековье каны Приамурья и Маньчжурии были иными[1].

Судя по археологическим материалам, именно с распространением государственной культуры чжурчжэней в эпоху Цзинь каны становятся повсеместной системой отопления на северо-востоке Дальнего Востока, включая застенный Китай (пятью столетиями позже традиция такого отопления была поддержана культурой маньчжурского государства Цин, 1644-1911 гг.). К XII – началу XIII вв. каны от Г-образной формы в большинстве своем преобразовались в П-образные, охватывающие весь периметр однокамерного жилища (рис. 7), появляются даже пятисекционные каны, двумя коленами протянувшиеся по передней стене к двери. Два дымоходных канала, свойственные ранним конструкциям, нередко заменяются тремя и более, выросла ширина отапливаемой лежанки, число топок, а нередко – и дымовыводящих труб. Вместе с тем, изредка продолжают встречаться и архаичные одноканальные каны (Хореев В.А., 1983; Шавкунов Э.В, 1990, с. 73-80; Артемьева Н.Г., 1998, с. 61-78, рис. 4-41, 47-57, 58-66, 69-88, 90-92, 95-97, 99-104, 106-113, 122, 128, 129, 131, 136-149).

Отвлекаясь от разнообразия конструкций, следует сказать, что обычный чжурчжэньский кан XII-XIII вв. – это искусственно созданная над перекрытыми камнем или кирпичом жаропроводящими каналами земляная подушка высотой 20-50 см, шириной 70-150 см и длиною от 1 до 4 м. Сохранение в городах другой, архаичной формы отапливаемой лежанки, в виде земляной ступени, полученной при углублении пола жилища (Артемьева Н.Г., 1998, с. 62), имеет большое значение для осознания нами исходных условий такого отопления и его первоначальной связи с землянками.

Неоднократно высказанное мнение, что распространение кана вызвало в Приморье и Приамурье переход к наземным каркасным жилищам, не кажется мне доказательным. Выше показано, что в монголоязычной среде к старому интерьеру с каном было приспособлено даже такое новое и своеобразное переносное жилище как войлочная юрта, со сменой среды обитания заимствованная монголами у степных тюркоязычных народов.

Созданные из плитняка Г-образные двухканальные каны, нехарактерные для средневекового Приморья, встречены в серии раскопанных жилищ верхнего слоя Ауровского городища, изучаемого в бассейне р. Арсеньевки (Даубихэ) к северо-востоку от Владивостока. Материалы относятся ко второй половине X – началу XI в.[2], содержат многие черты поздней бохайской культуры, однако, не могут быть отнесены к ней из-за местной специфики (Шавкунов В.Э., 2001; Шавкунов В.Э., Гельман, 2002). Эти данные свидетельствует, что картина распространения канов на рубеже I тыс. н.э. была довольно многообразной.

В предшествующее время государство Бохай (698-926 гг.) объединило народы Северной Кореи, Маньчжурии, Приамурья и Приморья. Основными в стране были два типа жилищ: полуземлянки и наземные дома. По-прежнему господствовали полуземлянки без канов, что связано с преемственностью домостроительства от культуры мохэ. На раннем этапе (VIII в.) оба типа жилищ отапливались лишь очагом, размещенном ближе к выходу, на позднем – в наземных жилищах применялись каны, составленные из камня и пришедшие, как полагают, с распространением самих наземных зданий под влиянием когурёсцев, у которых они и были заимствованы бохайцами (Шавкунов Э.В., 2001, с. 14).

Действительно, каны отмечаются как обычное отопительное устройство городских жителей IV-VII вв. древнекорейского государства Когурё (37 г. до н.э. – 668 г. н.э.) – и знати, и простолюдинов. Об этом свидетельствуют раскопки на городищах и указания «Тан шу»: «Простолюдины в середине зимы делают длинные нары, отапливаемые для теплоты» (Бичурин Н.Я., 1950б, с. 100; Воробьев М.В., 1961, с. 93; 1983, с. 26; Джарылгасинова Р.Ш., 1972, с. 124-126). Как и в прилегающих районах Маньчжурии, в

[1] Привлекать сведения о прямых одноканальных канах в польцевской (ольгинской) культуре Приморья (Андреева Ж.В., 1977, с. 149-153; Бродянский Д.Л., 2001, с. 346) я воздерживаюсь из-за неясной для меня сохранности и состояния материала.

[2] Взгляды специалистов на датировку слоя менялись с ходом раскопок и обработки керамики: границы, полученные на предшествующем раскопе, по вещам были определены концом IX-X вв., а по особенностям домостроительства и в целом – серединой X в. (Шавкунов В.Э., 2001, с. 174, 177).

Северной Корее отапливаемая лежанка располагалась вдоль одной из стен или, как это было у гуннов, вдоль двух, Г-образно. Одновременно с наземными жилищами рядовым жильем служила полуземлянка, бытующая на Корейском полуострове с неолита до XVIII в. (Джарылгасинова Р.Ш., 1972, с. 126; Воробьев М.В., 1961, с. 11-18, 36, 37, 39, 46).

Конструкция жаровых каналов бохайских канов знает две разновидности: прорытых в земле и выстроенных из плоских камней (Шавкунов Э.В., 2001, с. 13, 14). Обогреваемые лежанки отмечаются трех видов: П- и Г-образные и прямые, снабженные одним или двумя, а прямые иногда и тремя дымоходными каналами (Бохай, 1994, с. 75-78, 80, рис. 6, *6, 7*; Артемьева Н.Г., 1998, рис. 134). Работы последних лет среди бохайских жилищ выделяют и полуземлянки с Г-образным одноканальным каном. Намечается относительная хронология жилищ с канами разных типов (Шавкунов В.Э., 2001, с. 174). В целом создается впечатление, что в этом обществе, взятом обобщенно, распространились и развивались все разновидности дымоходного отопления, сложившиеся к тому времени к востоку от Большого Хингана. Чжурчжэни в дальнейшем, как мы видели, обогатили бохайское наследство.

Археология Дальнего Востока предоставляет возможность существенно углубить во времени истоки отапливаемых лежанок. Средний слой Ауровского городища, в керамическом материале отразивший сосуществование трех раннесредневековых археологических культур, сохранил наземные дома середины I тыс. н.э. с весьма архаичным обогревательным устройством – одноканальным Г-образным каном. Принципиально сопоставимая с гуннскими канами, эта конструкция восходит к еще более ранней местной традиции (Шавкунов В.Э., 2001; Шавкунов В.Э., Гельман Е.И., 2002, с. 76, 77, 95, 106, рис. 2), занимавшей Южное Приморье и северо-восток Кореи (Коломиец С.А., 2005, рис. 93). Корни ее в Приморье непрерывной цепью культур уходят в древность. Так, Г-образные каны с выложенным камнями жаровым каналом применялись на заре средневековья носителями польцевской (ольгинской) культуры IV-VII вв. н.э. На ее памятниках известны и земляные (глиняные) каны (Артемьева Н.Г., 1998, с. 85, 87; Медведев В.Е., 2007, с. 492; Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008, с. 25).

Вполне сформировавшиеся Г-образные одноканальные каны были обнаружены на поселениях кроуновской культуры Приморья, в целом одновременной известной культуре центральноазиатских гуннов и относимой по аналогиям в гуннских памятниках и в материалах Маньчжурии к III в. до н.э. – I в. н.э.[1] Каналы этих канов бывали перекрыты плоско уложенными и обрамлялись поставленными на ребро камнями (рис. 8), но иногда одной стенкой им служил земляной борт жилых котлованов, а второй формовался из глины. Ориентация входов кроуновских жилищ различна: они направлены на север (Окладников А.П., Бродянский Д.Л., 1979, с. 6-12, рис. 3, 4, 6), юг или восток (Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008, с. 21, 22). Учитывая конструкцию отопительных печей, имевших вид прямоугольных каменных ящиков, Д.Л. Бродянский связал само происхождение канов с этой археологической культурой и, следовательно, с дальневосточной традицией отопления (1975, с. 184; 1985, с. 48, 49; 2001, с. 341; Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008, рис. 5).

Высказывалось и другое мнение: каны были уже в готовом виде заимствованы со стороны (Шавкунов Э.В., 1990, с. 87). При этом справедливо отмечалось, что для кроуновской культуры типичны полуземлянки с очагами и каны не были распространенной системой отопления: они встречались не на каждом поселении, а на тех, где известны, – не в каждом доме. В углубленных жилищах (известны и наземные) прослежены нары, земляные полки-уступы и земляные нары (Бродянский Д.Л., 2001, с. 341). При всем том, число раскопанных кроуновских жилищ с канами постепенно растает (в Приморье из 40 раскопанных жилищ они найдены в 12), обнаружены не только одноканальные, но и двух- и даже трехканальные дымоходы (Бродянский Д.Л., 1985, с. 47; 2001, с. 341; Артемьева Н.Г., 1998, с. 85)[2]. Датировка же культуры под влиянием радиоуглеродной хронологии

---

[1] Предлагалась и иная дата: I в. до н.э. – III в. н.э. (Бохай, 1994, с. 79).

[2] Столь раннее существование двойных и тройных дымоходов на о. Петрова оспаривается на основании изданной стратиграфической документации (Шавкунов В.Э., 2001, с. 174, 175). Доказательством же служит отсутствие на поселении поздних вещей и найденная в жилище 4

удревнилась (от конца V в. н.э. до II в. н.э.). Само поселение Кроуновка ныне относят к IV-III вв. до н.э., а жилища на сопке Булочка – к началу III – первой половине I в. до н.э.

Среди новых материалов (пос. Корсаковка 2) оказалась отапливаемая одним каналом лежанка П-образной формы (Бродянский Д.Л., 2001, с. 341), которых не встречено на известных гуннских поселениях. И хотя датировка самого раннего в Приморье П-образного кана оспаривается, раскопки множат факты существования в кроуновской культуре одноканальных П-образных канов (жилища 15б и 19б на поселении Булочка: Медведев В.Е., 2007, с. 491; Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008, с. 20-22, 25, рис. 4) (Пьяный ключ: Сидоренко Е.В., 2007, с. 20, 21). К тому же выяснено, что такие каны были свойственны и последующей польцевской культуре (1-я половина I тыс. н.э.), пришедшей со Среднего Амура без канов и воспринявшей их уже на новых для себя землях (Андреева Ж.В., 1977, с. 147-153). Существенно, что в ряде мест польцевская культура сменила кроуновскую на тех же поселениях (Бродянский Д.Л., 2001, с. 340, 346; Медведев В.Е., 2007; Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008).

Выходит, появление П-образных канов в Приамурье и Северной Маньчжурии – результат влияния приморских культур, знавших такие лежанки уже в начале III – первой половине I в. до н.э. В наибольшей степени это влияние было оказано позднее, в бохайское время, что привело к широкому распространению П-образных канов на указанных землях. Видимо, наблюдаемое главенство П-образных канов у монгольских народов, первоначальных обитателей Верхнего Амура, есть следствие тех же процессов. На то указывает и число их каналов, возрастающее со временем в связи с общей тенденцией эпохального развития отапливаемых лежанок.

Что же касается Г-образных одноканальных канов, то они редко, но применялись в культуре гуньтулин. Например, такие обогреваемые лежанки присущи жилищам городища Фэнлинь. Обнаруженные в бассейне Нижней Сунгари, они датируются раскопщиками III-IV вв. н.э. и считаются аналогичными кроуновским. У археологов возникает подозрение о заселении этих мест выходцами из Приморья (Коломиец С.А., 2005, с. 387, рис. 93; Деревянко А.П., Медведев В.Е., 2008, с. 14).

Таким образом, можно заметить, что ныне археологической наукой отмечается два разных культурных региона, использовавших в гуннскую эпоху отопление жилищ этого типа: культура центральноазиатских гуннов, исследованная в Бурятии, и первоначально кроуновская, а затем и воспринявшая от нее польцевская культуры, бывшие в Приморье. Письменные источники эпохи позволяют дополнить полученную картину лежащей между этими районами Маньчжурией. К ее населению относится упоминание кана в «Хань шу»: «Копают в земле ровик и пускают отопительный огонь» (Воробьев М.В., 1983, с. 26). Форма кана здесь не оговорена, но одноканальный его характер ясен.

В предшествующей культуре раннего железного века Приморья, янковской, вдоль стен иногда прослеживаются нары, но канов, насколько известно, не встречено, как нет их и на изученных памятниках бронзовой и неолитической эпох (Сидоренко Е.В., 2007, с. 20, 25, 32, 34, 131; Батаршев С.В., Попов А.Н., 2008).

Д.Л. Бродянский (1985, с. 47, 49) связывает возникновение канов не только с кроуновской культурой побережья Японского моря, но и с одновременными культурами тхэсонри в Корее и верхних слоев сяцзядянь в Маньчжурии[1]. Мне думается, что при такой географии вопрос о местном изобретении или заимствовании канов в Приморье не принципиален.

Прослеживая земли ранних канов и соотнося их с теми или иными этно-лингвистическими общностями, следует учитывать, что до III-II вв. до н.э. сами когурёсцы обитали вдалеке от моря, в Маньчжурии, к северу и северо-западу от современной Кореи – в верховьях рр. Хуньхэ и Ялу (Амноккан) (современные пров. Ляонин и Гирин, КНР).

кроуновская керамика (Бродянский Д.Л., 2001, с. 341).

[1] Допускаемая при этом возможность продвижения устройств типа канов с запада, с территории Казахстана, основана на смешении двух разных типов отопления: напольного (дальневосточного, о котором идет речь) и подпольного (западноазиатского и казахстано-сибирского, известного для шумерской и алакульской культур эпохи бронзы). Это различие специально разобрано Л.Р. Кызласовым при выявлении влияния разных культур на архитектуру гуннского дворца, раскопанного под г. Абаканом (1992, с. 47-49; 2001, с. 84-87).

Продвижение их вглубь полуострова происходит в первой половине I тыс. н.э. (Воробьев М.В., 1994, с. 166, 167, карты 1, 3, 4).

8. Отопительные дымоходы, не относящиеся к канам

Необходимо сказать, что на Нижнем Амуре отопительные дымоходы обнаруживаются в глубокой древности: деревянные обмазанные глиной конструкции, отводящие тепло очага («нечто похожее на вытянутые ящики или трубы» или «ящикообразные трубы») были открыты при раскопках жилища 84 на острове Сучу. Округлая в плане большая землянка (13,2 х 15 м, глубиною 2 м) принадлежит к поздненеолитической вознесеновской культуре (сер. III – сер. II тыс. до н.э.) и по радиоуглероду датируется второй четвертью II тыс. до н.э. (Медведев В.Е., 2006, с. 193, 194; Деревянко А.П., Молодин В.И., Шуньков М.В., 2007, рис. 7, 8). Углубленные жилища (от 0,6 до 1,5 м) были свойственны не всем неолитическим культурам Приамурья, но уже с VI тыс. до н.э. они обычны для низовьев реки, по преимуществу круглы и, не смотря на различия в устройстве крыши, отличаются значимой для нашей темы общей устойчивой традицией интерьера – земляными уступами-лежанками вдоль стен (Медведев В.Е., 2005, с. 237, 244, 245, 250, 251, 254, 255, рис. 61, *1*; 2006, с. 191, 193, рис. 1, 2)[1].

Мне думается, что, ради классификационной и терминологической точности, не следует считать и называть канами такие ранние теплоотводы, как на Сучу, поскольку перед нами еще не отапливаемая лежанка и основой обогрева жилья остается очаг – он размещен в центре дома в стороне от грунтовых нар. Но идея жарового канала, повышающего теплоотдачу очага, здесь уже налицо и, судя по всему, приамурской культурой она достигнута самостоятельно.

В неолитических землянках прибрежных районов северо-востока Кореи (пров. Хамгён-пукто), культурно близких Приморью, впервые обнаруживаются не только очаги в виде простых ям, но и «впоследствии в виде примитивного кана», дымоход которого выложен из нескольких рядов каменных плиток (Сонпхён) (Воробьев М.В., 1961, с. 12, 18, 23, 29, 30).

Говорить о непрерывной истории обогревательных каналов в обоих регионах со столь раннего времени, пожалуй, преждевременно, поскольку в отношении эпохи бронзы и раннего железного века этих мест в доступной литературе не удалось отыскать даже таких общих упоминаний интересующего нас вида отопления[2].

Следует заметить, что самостоятельное изобретение обогревательных каналов, отводящих тепло от очага, прослежено для древностей и других регионов Евразии (Кызласов Л.Р., 2001, с. 84-87).

Полезно рассмотреть здесь известную ныне общую картину таких изобретений ради того, чтобы в нашем поиске, вопреки довольно распространенной в литературе традиции, отчленить системы, не принадлежащие к канам, т.е. не служившие обогреву лежанок, возвышавшихся над полом.

Таковы, прежде всего, рано сложившиеся и широко распространившиеся дымоходы *подпольного* отопления. Возникновение дымовых каналов Л.Р. Кызласовым связывалось с опытом металлургов бронзового века, и для раннего появления подпольного отопления выделялось два самобытных центра: в северных широтах – Центральный Казахстан, в южных – Двуречье. Именно последняя, западноазиатская по происхождению форма в I в. до н.э. на Западе достигла римских, а на Востоке гуннских владений и была применена при строительстве Ташебинского дворца на Енисее (Кызласов Л.Р., 2001, с. 78-87).

Типологически наиболее близкий казахстанскому центру древнейший принцип единственного короткого канала, идущего от очага-тандыра под полом небольшого помещения, характерен для жилищ Отрара по крайней мере от монгольского времени до этнографической современности (рис. 9), захватывая сельские жилища всего среднего

---

[1] Неолитические землянки в соседнем ареале палеоазиатских племен лишены земляных лежанок (например, у палеоительменов: Пономаренко А.К., 2005) (как их нет и в кондонской культуре Нижнего Амура: Медведев В.Е., 2006, с. 191, 192), но позднее они отмечены в канчаланской и древнекорякской культурах (Орехов А.А., 2005, с. 347).

[2] Говоря о раннем железном веке Северо-Восточного Китая, М.В. Воробьев (1994, с. 94) предположительно указывает на остатки отопительного дымоходного канала, вскрытого на поселении Ляньхуабао (пров. Ляонин).

течения Сырдарьи (Ерзакович Л.Б., 1983; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1987, рис. 19, 20, 32-35, 45, 47, 54, 56, 82).

Такой обогрев не только отличается от канов Поволжья, Хорезма (Федоров-Давыдов Г.А., 1983, с. 220; 1994, с. 75) или собственно монгольских XIII-XIV вв., но и не связан с ними, как и с канами вообще. Поэтому именовать южноказахстанский тип каном незачем[1].

Его явной отличительной особенностью служит и дымоотводная труба, проходящая внутри стены помещения (часто в его углу). Эта конструкция с большой вероятностью указывает на возникновение тандырных калориферов в однокамерных жилищах (которые, с хозяйственными пристройками, сохранились до современности – Ерзакович Л.Б., 1983, рис. 4), т.е. много раньше временного рубежа, прослеженного ныне археологами. С учетом скрытого расположения трубы внутри жилища (что выявляет наследие каминов), тандырное канальное отопление южноказахстанского типа следует, пожалуй, характеризовать не как подпольное, а как подпольно-внутристенное. Характер его не меняется со временем, поскольку с углублением при входе малой части пола (несущей водослив-ташнау), лежанкой-суфою по сути становится пол, приподнятый на всей прочей площади комнаты (рис. 10). О том же говорят факты XVI-XVII вв., когда суфа отсутствует, а тандыр с коротким дымоходом находится в глинобитной вымостке. Подпольная суть отопления ясна археологам Казахстана, нередко оговаривающим: «суфа занимает всю поверхность помещения», «в этом случае поверхность суфы и есть уровень пола», «жилое помещение с суфой на всю площадь» и т.п. (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1987, с. 20, 31).

По публикациям сложно понять, для какого времени исследователи считают тандырный тип канального обогрева пола («суфы») новшеством: если первоначально такие ранние конструкции в Отраре относили к VII-VIII вв. (Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с. 65) и X-XI в. (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с. 69, 72, 73) (отмечая канал внутри суфы: Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с. 65), то в конце 80-х гг. обобщенно называли уже только XIII-XV вв., имея, очевидно, в виду широкое распространение этих устройств в жилищах IV горизонта (последняя треть XIV – вторая половина XV вв.: Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1987, с. 30, 220; ср. здесь рис. 15 и 19). До этого для них, однако, указывались только вторая половина XIII – первая половина XIV в. (Ерзакович Л.Б., 1983, с. 82-84) и сообщалось об обнаружении в слоях первой половины XII в. единичного, но подобного устройства в руинах ближайшего к Отрару городища Кайруктобе (Байпаков К.М., 1981, с. 431), а аналогии конструкции находились в присырдарьинских и семиречинских областях с VI в. (Ерзакович Л.Б., 1983, с. 90)[2]. Для городища Баба-Ата Е.И. Агеева и Т.Н. Сенигова описывают тандыры с подпольным дымоходом в помещениях 4 и 6 цитадели X-XII вв. и комнатах 10 и 13 в шахристане конца XII – XIII в. Исследовательницы указывают и одновременные аналогии («того же типа каны») (1962, с. 148-149, 158, 161). Однако позднее, обобщающая картину учебная литература вновь отмечает тандыры с дымоходами лишь среди новых городских черт второй половины XIII – первой половины XIV вв. Вопросы происхождения такой отопительной системы не поднимаются (Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К., Жумаганбетов Т., 1993, с. 267). И все же они могут быть поставлены.

Судя по описанию жилищ предшествующего времени, интересующее нас устройство не имеет подобий не только в долинах Сырдарьи, но и в большинстве смежных районов

---

[1] Ср.: расширительное определение: «Каны – система отопления с очагом и дымоходными каналами, проложенными под полом или в суфе» (Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с. 65). Здесь нельзя также следовать и народной речи, согласно Л.Б. Ерзаковичу, применяющей в этом случае слово *кан*, а место у очага зовущей *кан басы* «началом кана» (1983, с. 89, прим. 8). У народа своя систематика (см. натяжки в определении кана, допускаемые в угоду ей автором). Сам термин *кан* в казахском языке явно заимствованный и его история, принуждая искать прототипы на востоке, на деле не соответствует истории изучаемого подпольного отопления долины Сырдарьи.

[2] Авторы (см. также: Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с. 65) ссылаются на статью Е.Е. Неразик, из контекста которой, однако, ясно, что речь идет о материалах, близких к VIII в. (1968, с. 204). Связывать их с канами уйгуров Турфана (Ерзакович Л.Б., 1983, с. 90) нет оснований, поскольку в Приаралье, как и на Средней Сырдарье, отопительные каналы, «проведены не в суфах, а просто под полом».

Средней Азии – повсюду в VI – начале XIII в. господствовали открытые очаги и камины (Неразик Е.Е., 1976, с. 174, 186, рис. 107, 108). Насколько известно, сами тандыры распространяются в Южном Казахстане лишь во второй половине X в. (Байпаков К.М., 1986, с. 83-88, 148-159), хотя их подобия отмечены в Хорезме в VII-VIII вв. (Неразик Е.Е., 1976, с. 174, 175). Только в бассейне р. Чу, в Юго-Западном Семиречье, на городище Актобе Степнинское дома уже в X-XI вв. отапливались «тандыровидными очагами» (Неразик Е.Е., 1976, с. 189), а то и «специальными тандырами с короткими дымоходами, проложенными в суфе и выведенными наружу при помощи вертикального колодца в стене» (Байпаков К.М., 1986, с. 154, рис. 22, *2*)[1]. Таким образом, не приходится сомневаться в появлении здесь связанного с тандырами подпольного отопления задолго до монгольского нашествия. Однако отыскивать его прототип на применявшем каны Востоке (Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с. 66), исходя из конструктивных различий, нет оснований.

В монгольское время тандырное канальное отопление распространяется на Хорезм и бытует в нем в позднее средневековье. Однако каны здесь отсутствуют (Неразик Е.Е., 1976, с. 190, 192).

Третья известная самобытная традиция отопительных каналов-дымоходов, проходящих не внутри лежанок, а под полом наземных помещений, характерна для Кореи. Она называется *ондоль* и имеет горизонтальные многократно ветвящиеся жаровые каналы, сходящиеся в горизонтальный дымоотвод, соединяющийся в высокую вертикальную трубу за стенами жилища[2] (Джарилгасинова Р.Ш., 1979, с. 220, 224). Время появления этой системы отопления пока не установлено. Указание В.С. Старикова (1967, с. 66, 67) на прототип ондоля, встреченный в неолите Кореи, вероятно, вызвано неясностью описания в использованном им тексте М.В. Воробьева (возможно, и его корейского источника) и не соответствует мнению самого М.В. Воробьева, пишущего лишь о канах (1961, с. 12, 23). О ранних (неолит – бронзовый век) прототипах ондоля, упоминает и Р.Ш. Джарилгасинова, однако, относящая археологические свидетельства этого ко II-I тыс. до н.э. (1979, с. 217, 220, 221). По данным исследовательницы на Корейском полуострове ондоль становится преобладающей формой отопления, только начиная с XII-XIII вв. При династии Цин ондоль продвинулся в Маньчжурию и Северный Китай, где использовался в домах знати (Стариков В.С., 1967, с. 67).

Для нашей темы важно, что в северной части Кореи в раннем средневековье и в древности отмечается не ондоль, а каны[3], происхождение которых, несомненно, связано с углубленными жилищами: землянками и полуземлянками (Джарилгасинова Р.Ш., 1979, с. 221).

***

Возвращаясь к собственно канам и отыскивая показательные основы связанного с ним жилого интерьера, нам, видимо, следует постоянно помнить, что его начальная основа – землянка четырехугольного плана со скругленными углами – на Нижнем Амуре и в Приморье не может служить признаком лишь тунгусо-маньчжурской культурной среды, поскольку восходит к древней палеоазиатской форме дома, сохранившейся на Сахалине до середины XIX в. у нивхов (гиляков). Для этого палеоазиатского народа характерны и П-образные нары, занимавшие три стены жилища против входа. Именно эти дома с очагами были к приходу русских вытеснены на Амуре фанзами с канами по всем четырем стенам (Народы Сибири, 1956, с. 868; Токарев С.А., 1958, с. 514 (рис.), 517, 518; Попов А.А., 1961, с. 139, 153, табл. IV, *9, 10,* XXIII, *4, 5*), заимствованными от маньчжуров (Стариков В.С.,

---

[1] Указание на городище Красная речка, где такая отопительная система отмечена в помещении IX-X вв., видимо, надо снять: в базовой для автора публикации П.Н. Кожемяко нет упоминания о коротких дымоходах, описаны очаги-камины (1967, с. 85, 86), тот же тип тандыра-камина, представляет, судя по всему, и приводимая фотография (Байпаков К.М., 1986. Рис. 22, *2*).

[2] Для полноты картины отмечу, что расположение выводной трубы вне дома характерно не только для жилищ с каном или ондолем, но было еще недавно известно, например, для землянок Южной Европы – Придунайской Болгарии (Гунчев Г.С., 1934, обр. 11-13, 15, 21, 35, 37). Благодарю профессора Эмиля Боева (София) приславшего мне в дар редкое издание Г.С. Гунчева.

[3] Подобно смешению канов с иными видами подпольного отопления, объединение кана и ондоля и даже возведение ондоля к кану встречается среди археологов (Артемьева Н.Г., 2008, с. 12, 13).

1967, с. 66). Однако, как видим, и в этом случае появление кана принципиально не изменило консервативной внутренней планировки жилищ.

Столь поздний пример, по моему мнению, позволяет понять, что распространение обогреваемых лежанок происходило прежде всего в тех культурах, которые издревле имели жилища с земляными или деревянными нарами. Землянки с нарами вдоль стен были характерны не только для палеоазиатских народов и их предков, но и для уникальных по языку айнов (Арутюнов С.А., 1965, с. 944).

В целом на примере дальневосточных древностей России заметно, что устройство внутреннего пространства жилища (отмеченного здесь лежанками по периметру) – весьма консервативная и потому основная отличительная бытовая особенность, сохраняющаяся веками даже при изменении геометрической формы самого дома и его отношения к земной поверхности. Возникнув в землянках как простые грунтовые уступы, лежанки видоизменяются в нары разной конструкции с кардинальным изменением типа домостроительства – с возобладанием наземных построек. Эволюция же отопительной системы проходит уже внутри давно сложившегося интерьера[1]. Следуя логике развития лежанок, особенностью наземного домостроительства приходится считать только каны, снабженные дымоходными каналами сложенными из камня. Тогда появление этой разновидности в землянках будет актом обратного влияния новой формы домов на старую.

Этнографами уже высказывалась мысль, о том, что прототипом наземного жилища с каном (как и с ондолем) послужили углубленные каркасные жилища: землянки или полуземлянки. Уже 30 лет назад появление кана было отнесено к протокорейско-маньчжурской среде рубежа н.э. (Бернова А.А., Чебоксаров Н.Н., Чеснов Я.В., 1979, с. 257, 260). Произведенный выше обзор дальневосточных древностей позволяет думать, что система отопления, вслед за чжурчжэнями именуемая канами, складывается в довольно обширной, но вполне определенной культурной зоне, протянувшейся от Корейского полуострова и Восточной Маньчжурии на юге и юго-западе до нижнего течения Амура на севере. С моей точки зрения, известные ныне археологические материалы подкрепляют выделение этой зоны в родину кана, однако, понимаемую не этнически и лингвистически (в ту эпоху отнюдь не всюду занятой носителями тунгусо-маньчжурских или даже вообще алтайских языков), а культурно-географически. Создавшие кан племена обладали континентальными традициями хозяйства. И время появления отапливаемых лежанок следует удревнить – к прославившему гуннов III веку до н.э. этот тип отопления в названных землях уже должен был существовать.

Изложенное создает впечатление, что интерьер с каном не изначален для тунгусо-маньчжурских жилищ. Возможно, он в виде Г-образной лежанки с одним дымоходным каналом пришел в Приморье и Приамурье в гуннскую эпоху с палеоазиатского Юго-Востока. В материальный комплекс, характеризующий сложение и развитие тунгусо-маньчжурской общности с III в. до н.э., археологи Дальнего Востока не вводят жилища с канами (Дьякова О.В., 2008а, с. 63, 64, 67, 68), дотунгусские названия частей кана сохранились, как помним, у нанайцев (Бродянский Д.Л., 2001, с. 345: мнение В.И. Цинциус). Широкое же распространение дымоходного отопления лежанок, археологически надежно наблюдаемого на обширных пространствах Восточной и Центральной Азии начиная с последних веков до н.э., можно думать, является уже исторической заслугой тунгусо-маньчжурских народов раннего средневековья.

Сказанное, прежде всего, распространяется на Г-образные каны, но, насколько удается проследить, первоначальная историческая судьба П-образных форм также во многом зависит от той же культурно-лингвистической среды, передавшей эстафету монголоязычным народам Амура. Когда и при каких условиях это произошло, предстоит установить при будущих изысканиях.

---

[1] Любой тип очага в истории человечества, разумеется, в конце концов, восходит к открытому костру, расположенному в центре однокамерной постройки. Однако этот этап культурогенеза лежит вне пределов нашей темы.

9. Новый вид алтайской проблемы

Следует признать, что культура гуннов, доступная нашему изучению по своим поселенческим памятникам, в целом принадлежит не к центральноазиатскому, а к крайнему дальневосточному культурному кругу. В нашей литературе давно уже именуют эту самобытную историко-культурную общность приморско-маньчжурской или приамурско-маньчжурско-корейской археологической провинцией (А.П. Окладников) (Бродянский Д.Л., 1975). Однако привлеченные к нашей теме материалы позволяют в свою очередь разделить очерченный ареал на две разные культурные части. Верхнее Приамурье не связано с ранней историей канов. К другой части, маньчжуро-корейско-приморской, и принадлежит гуннская культура. Принадлежит как по системе домостроительства и отопления, так и по особенностям хозяйства, на Иволгинском городище среди прочих отраслей знавшего свиноводство и мясное собаководство (Давыдова А.В., 1956, с. 299; 1995, с. 47; Бродянский Д.Л., 1975, с. 184, 185; 1985; 2001, с. 344).

Если это так, *к востоку и юго-востоку от гребней Большого Хинганского хребта, по-видимому, следует искать и прародину самих гуннов*.

Как бы то ни было, *археологические данные отторгают культурогенез центральноазиатских гуннов от тюркских народов древности,* по облику и обогреву жилищ *сближая его с последующим тунгусо-маньчжурским (и, быть может, с культурно близким ему в древности монголоязычным), а также и более всего – предшествующим и одновременным, вероятно, палеоазиатским миром*.

Представленный археологический материал, по моему мнению, позволяет сделать и более значимый вывод, поскольку он не может быть соотнесен с основным положением алтайской гипотезы. Напротив, он выглядит серьезным антиалтаистским свидетельством в той сфере, которая касается изначального единства и родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и их носителей.

Археология встает на сторону тех языковедов, которые улавливают в близости языков процессы давнего и длительного воздействия изначально разнородных культур, в итоге приведшего к сложению «специфической тюркско-монгольской языковой общности контакционного типа», по своему содержанию не имеющей ничего общего со связями генетическими (Щербак А.М., 1994, с. 184; 2005, с. 157)[1]. Уводя от поздней культурной близости тюркских и монгольских народов, этнографами и историками наших дней относимой к одному хозяйственно-культурному типу, археологические разработки показывают, как с углублением в века убывают черты современного сходства. Тем самым результат изучения древностей вторит алтаистам, отрицающим генетическое родство языков: «В настоящее время тюркский и монгольский языковые типы весьма схожи; однако, в более ранние периоды эти языки обнаруживают очень различные системы» (Дёрфер Г., 1972, с. 62).

Поскольку «влияние тюркских языков на монгольские было во много раз сильнее, чем обратное» (Щербак А.М., 1994, с. 149), такое нельзя отнести за счет окраинного контакта двух языковых ареалов. Недостаточным для сложения такой ситуации кажется и неоднократно отмеченное в раннесредневековых источниках политическое господство тюркоязычной среды над монголоязычной (скажем, зависимость шивэй или киданей от тюрок, отмеченная в «Таншу»). Правдоподобным объяснением представляется только длительное двуязычие народов монгольской группы, сложившееся в условиях ассимиляции предшествующего им тюркоязычного населения – раннесредневековых аборигенов нынешней Монголии и смежных с нею земель. Такое наслаивание языков, происходившее с расселением прежде лесных верхнеамурских монголоязычных племен в новых для них природных условиях степей Центральной Азии, в наибольшей мере проясняет социальную природу лексических параллелей, прослеженных во всех тематических разделах и, прежде всего, массовые заимствования природно-географических и хозяйственных тюркских терминов в монгольские языки (Clauson G., 1973; Кызласов Л.Р., 1975в; 1992, с. 147-162; Щербак А.М., 1997). Сознательная политическая преемственность средневековых монголоязычных государств от каганатов тюркоязычных народов привела к восприятию

---

[1] Тунгусо-маньчжурские языки стоят дальше от тюркских, чем монгольские.

соответствующей лексики, включая титулатуру. Именно «такое смешение неродственных языков, когда не остается непроницаемых сфер и когда практически трудно разграничить свое и чужое» (Щербак А.М., 1994, с. 169) возникает при языковой ассимиляции населения. Обратное воздействие – из монгольских языков в тюркские – приобрело значительные масштабы лишь вслед за событиями XIII в. (Щербак А.М., 1994, с. 165-168, 185).

Археологические данные в изученной сфере домостроительства и устроения жилого пространства указывают на значительно большее культурное родство монгольских и тунгусо-маньчжурских народов средневековья, как и на культурную преемственную их связь с корневыми особенностями, присущими памятникам центральноазиатских гуннов, начиная со II до н.э. Природа этого родства и этих связей нуждается в дальнейшей разработке.

Первоначально едино воспринимавшая урало-алтайская языковая общность была затем обоснованно расчленена на две самостоятельных языковых семьи: уральскую и алтайскую. По-видимому, ныне назревает подобное типологическое разделениях культурно-генетических корней носителей алтайской языковой семьи на две самостоятельные части. Следовательно, гипотетического общего алтайского праязыка, видимо, никогда не существовало. Во всяком случае, первичная обособленность тюркской группы от монголо-тунгусской подтверждается не только историко-лингвистическими, но и, как мы видели, историко-культурными, археологическими данными.

Согласно такой системе взглядов, алтайская теория обогащается новым подходом к объяснению единства рассматриваемых ею языков через исторические связи народов, обладавшими этими языками, а алтайская гипотеза их генетического родства, опиравшаяся лишь на лингвистические явления, не только в глазах ряда языковедов, но уже и в глазах археолога утрачивает общенаучную познавательную ценность.

В том и состояла цель этой статьи. Следовало показать принципиальную новизну ситуации, ибо сегодня алтайская проблема вышла за пределы языкознания и распространилась на область археологии. Средствами этой науки надлежит теперь проверить и пополнить наиболее глубокую хронологическую часть изложенных мною данных. От правильно поставленной разработки древностей мы вправе получить не только хронологические, но и географические определения, а с ними обоими и наиболее ценное – поэтапно и пространственно определенное историческое развитие и взаимодействие предковых культур алтайских народов. Алтайская проблема в археологии не может найти быстрого решения, но это решение может быть найдено.

Тюркские языки и культуры, длительная история которых ныне может быть освобождена от гипотезы алтайского прародства, заслуживают самостоятельного сравнения с иными языковыми семьями, они приобретают право на сопоставление независимое от монголо-тунгусо-маньчжурских соответствий.

Напомню, что такие исследования известны старой тюркологии: «Я считаю, – писал, например, Ю. Немет, – что в отношении урало-тюркского языкового родства мы располагаем… явными доказательствами» (1963, с. 127).

Ради постижения изначальной истории и отыскания прародины тюркскую языковую семью, как мы видели, следует отчленить от алтайской и, рассматривая самостоятельно, детально заняться лингвистически и археологически той длительной и сложной историей, которая была пройдена наиболее ранними тюркскими народами и их по-настоящему древними и раннесредневековыми потомками. Не выпуская из внимания следов тех реальных процессов, которые на разных этапах сближали их с индоевропейскими, финно-угорскими, древнекитайскими, древнемонгольскими и иными по языку народами.

Понятно, что такой подход меняет взгляд на начальные этапы истории тюркских народов, размещение их прародины и ее этнокультурное окружение. Однако смена ориентиров научных поисков позволяет свести воедино многие весьма существенные, но поныне разрозненные факты лексико-этимологического, археологического, руно-палеографического и историко-культурного свойства. Изложенные мною ранее некоторые аргументы такого рода указывают на западноазиатское происхождение тюркоязычных народов (Кызласов И.Л., 1994; 1996; 1998; 2000, с. 14; 2005; 2007, с. 86-88). Вряд ли случайно это вновь сближает мои позиции со сформировавшимся на иной основе мнением Ю. Немета (1963, с. 127, 128), опубликованном еще в 1934 г.

Как выясняется, проблема тюркской прародины прямо не связана не только с алтайской гипотезой, но и с алтайской теорией. И рассматривать ее в дальнейшем следует отдельно.

Библиографический список

1. Агеева, Е.И. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-ата) // Археологические исследования на северных склонах Каратау (Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 14) / Е.И. Агеева, Т.Н. Сенигова. – Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1962. – С. 117-219.
2. Акишев, К.А. Древний Отрар / К.А. Акишев, К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 215 с.
3. Акишев, К.А. Отрар в XIII-XV веках / К.А. Акишев, К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 255 с.
4. Андреева, Ж.В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век (I тысячелетие до н.э. – VIII в.н.э.) Ж.В. Андреева. – М.: Наука, 1977. – 240 с.
5. Арутюнов, С.А. Айны // Народы Мира. Народы Восточной Азии / С.А. Арутюнов. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 942-954.
6. Артемьева, Н.Г. Домостроительство чжурчжэней Приморья (XII-XIII вв.) / Н.Г. Артемьева. – Владивосток: Дальпресс, 1998. – 302 с.
7. Артемьева, Н.Г. Происхождение чжурчжэньской отопительной системы кан и ее эволюция в Поволжье // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов IV Международной археологической конференции / Н.Г. Артемьева. – Самара: Самарский обл. историко-краеведческий музей, 2008. – С. 10-13.
8. Ахинжанов, С.М. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // Известия АН КазССР. Серия общественная / С.М. Ахинжанов, Л.Б. Ерзакович. – Алма-Ата, 1972. – № 2. – С. 64-69.
9. Байпаков, К.М. Раскопки городища Куйруктобе // АО-1980 / К.М. Байпаков. – М.: Наука, 1981. – С. 431-432.
10. Байпаков, К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья / К.М. Байпаков. – Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1986. – 255 с.
11. Байпаков, К.М. Археология Казахстана / К.М. Байпаков, Ж.К. Таймагамбетов, Т. Жумаганбетов. – Алматы: Республиканский издательский кабинет, 1993. – 362 с.
12. Батаршев, С.В. Памятник Сергеевка-1 на Приханкайской равнине и проблемы культурной типологии среднего неолита Приморья // АЭАЕ / С.В. Батаршев, А.Н. Попов. – 2008, № 3. – С. 2-13.
13. Бернова, А.А. Заключение // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / А.А. Бернова, Н.Н. Чебоксаров, Я.В. Чеснов. – М.: Наука, 1979. – С. 249-266.
14. Бичурин, Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н.Я. Бичурин. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950а. – Т. I. – 381 с.
15. Бичурин, Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н.Я. Бичурин. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950б. – Т. II. – 335 с.
16. Болотин, Д.П. Народы и культуры Приамурья в позднем средневековье // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы / Д.П. Болотин. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 615-635.
17. Бохай – Государство Бохай (698-926 гг.) и племена Дальнего Востока России. – М.: Наука, 1994. – 219 с.
18. Бродянский Д.Л. Приамурско-маньчжурская археологическая провинция в IV-I тысячелетиях до н.э. // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий / Д.Л. Бродянский. – Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1975. – С. 179-185.
19. Бродянский Д.Л. Кроуновско-хуннские параллели // Древнее Забайкалье и его культурные связи / Д.Л. Бродянский. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 46-50.

20. Бродянский Д.Л. Палеометалл Приморья: итоги и проблемы // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай / Д.Л. Бродянский. – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2001. – С. 332-351.
21. Васильев, Ю.М. Покровская культура Приамурья (IX-XIII вв.) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы / Ю.М. Васильев. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 592-614.
22. Васильев, Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX-XIII вв. н.э.) / Ю.М. Васильев. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 371 с.
23. Викторова, Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры / Л.Л. Вяткина. – М.: Наука, 1980. – 224 с.
24. Воробьев, М.В. Древняя Корея. Историко-археологический очерк / М.В. Воробьев. – М.: Изд. восточной литературы, 1961. – 190 с.
25. Воробьев, М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк / М.В. Воробьев. – М.: Наука, 1975. – 447 с.
26. Воробьев, М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.) / М.В. Воробьев. – М.: Наука, 1983. – 367 с.
27. Воробьев, М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно) / М.В. Воробьев. – Владивосток: Дальнаука, 1994. – 409 с.
28. Вяткина, К.В.Жилище народов Китая. Жилища народов монголоязычной группы // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / К.В. Вяткина, В.С. Стариков, Н.Н. Чебоксаров. – М.: Наука, 1979. – С. 190-193.
29. Гирфанова, А.Х. Ареальная и хронологическая статификация тунгусо-маньчжурского языкового континуума // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения) / А.Х. Гирфанова. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 317-326.
30. Гунчев, Гунчо Ст. Уземните къщи в Дунавска България / Г.С. Гунчев. – София, 1934 – 76 с. (Отд. отт. из Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. Кн. XXX. 14).
31. Давыдова, А.В. Иволгинское городище (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // СА / А.В. Давыдова. – 1956. – Т. XXV. – С. 261-300.
32. Давыдова, А.В. Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье / А.В. Давыдова. – Л.: Изд. ЛГУ, 1985. – 111 с.
33. Давыдова, А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище / А.В. Давыдова. – СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1995. – 287 с.
34. Давыдова, А.В. Комплекс археологических памятников у села Дурёны / А.В. Давыдова, С.С. Миняев. – СПб.: Фонд «АзиатИКА», 2003. – 164 с.
35. Деревянко, А.П. К проблеме преобразования культур поздней фазы древности на юге Приморья // АЭАЕ / А.П. Деревянко, В.Е. Медведев. – Новосибирск, 2008. – № 3. – С. 14-35.
36. Деревянко А.П. Институт археологии и этнографии СО РАН: основные результаты научной деятельности в области археологии // АЭАЕ / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, М.В. Шуньков. – 2007. – № 2. – С. 2-23.
37. Деревянко, Е.И. Племена Приамурья I тысячелетие нашей эры. Очерки этнической истории и культуры / Е.И. Деревянко. – Новосибирск: Наука, 1981. – 333 с.
38. Дёрфер Г. Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики? // Вопросы языкознания / Г. Дёрфер. – 1972, № 3. – С. 50-66.
39. Джарылгасинова, Р.Ш. Древние когурёсцы. К этнической истории корейцев / Р.Ш. Джарилгасинова. – М.: Наука, 1972. – 202 с.
40. Джарылгасинова Р.Ш. Жилище корейцев // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / Р.Ш. Джарилгасинова. – М.: Наука, 1979. – С. 216-227.
41. Добродомов, И.Г. Типы поселений. Историческая эволюция // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / И.Г. Добродомов. – М.: Наука, 2006. – С. 438-454.

42. Добродомов, И.Г. Типы поселений ранних тюрок. Историческая эволюция // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / И.Г. Добродомов. – М.: Наука, 2008. – С. 195-218.
43. Долгих, Б.О. Народы Сибири // Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР / Б.О. Долгих, М.Г. Левин. – М.: Изд. АН СССР, 1960. – С. 275-358.
44. Дыбо, А.В. Материальный быт. Жилище // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – С. 455-476.
45. Дыбо, А.В. Материальный быт ранних тюрок. Жилище // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2008а. – С. 219-272.
46. Дыбо, А.В. Заимствования в словаре Махмуда Кашгарского из языков Синьцзяна // Вопросы алтайской филологии. Памяти Э.Р. Тенишева / А.В. Дыбо. – М.: Тезаурус, 2008б. – Вып. III. – С. 69-82.
47. Дьякова, О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник (4-10 вв.) / О.В. Дьякова. – М.: Наука, 1984. – 203 с.
48. Дьякова, О.В. Раннесредневековые жилища Дальнего Востока СССР (источники, реконструкции, интерпретации) // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР / О.В. Дьякова. – Владивосток: Дальневосточное отд. АН СССР, 1987. – С. 51-66.
49. Дьякова, О.В. О корреляции раннесредневековых культур Приамурья // Материальная культура Востока / О.В. Дьякова. – М., 1988. – Ч. II.
50. Дьякова, О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока (по материалам керамического производства) / О.В. Дьякова. – Владивосток, 1993. – Ч. I-III. – 290 с.
51. Дьякова, О.В. Тунгусо-маньчжуры: этническая история и этногенез в археологических и этнографических ретроспекциях // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения) / О.В. Дьякова. – Владивосток: Дальнаука, 2008а. – С. 61-70.
52. Дьякова, О.В. Происхождение тунгусо-маньчжуров как результат миграционных процессов в Азии // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов IV Международной археологической конференции / О.В. Дьякова. – Самара: Самарский обл. историко-краеведческий музей, 2008б. – С. 36-38.
53. Захарова, И.В. Жилище некитайских народов Северного Китая. Жилище народов тюркоязычной группы // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / И.В. Захарова, Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1979. – С. 186-190.
54. Егоров, В.Л. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959-1965 гг.) // Поволжье в средние века / В.Л. Егоров. – М.: Наука, 1970. – С. 172-193.
55. Егоров, В.Л. Жилища населения Монгольской Народной Республики // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / В.Л. Егоровой, Н.Л. Жуковская. – М.: Наука, 1979. – С. 198-215.
56. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения В.С. Таскина / Е Лун-ли. – М.: Наука, 1979. – 607 с.
57. Ерзакович Л.Б. Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии / Л.Б. Ерзакович. – Алма-Ата: Наука, 1983. – С. 81-93.
58. История – История Железной империи. Пер. и коммент. Л.В. Тюрюминой / История Железной империи. – Новосибирск: Изд. ИАЭт СО РАН, 2007. – 355 с.
59. Казакова, Е.А. Антропологическое исследование населения мохэской культуры по материалам Троицкого могильника (одонтологический аспект) // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения) / Е.А. Казакова. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 175-181.
60. Канторович, А.Р. Ранний железный век // Археология. Учебное издание. Под ред. акад. В.Л. Янина / А.Р. Канторович. – М.: Изд. Московского университета, 2006. – С. 271-397.
61. Киселев, С.В. Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города / С.В. Киселев. – М.: Наука, 1965. – С. 23-58.

62. Киселев, С.В. Ремесленно-торговые кварталы Кара-Корума // Древнемонгольские города / С.В. Киселев, Н.Я. Мерперт. – М.: Наука, 1965. – С. 173-182.
63. Кляшторный, С.Г. Степные империи древней Евразии / С..Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.
64. Кожемяко, П.Н. Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана / П.Н. Кожемяко. – Фрунзе: Илим, 1967. – С. 53-90.
65. Коломиец, С.А. Памятники польцевской культурной общности юга Дальнего Востока России // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы / С.А. Коломиец. – Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 381-393.
66. Константинова, О.А. Тунгусо-маньчжурская лексика, связанная с жилищем // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков / О.А. Константинова. – Л.: Наука, 1972. – С. 224-256.
67. Кормушин, И.В. Предисловие // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / И.В. Кормушин, Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Изд. Индрик, 1997. – С. 5-9.
68. Крюков, М.В. Древнее жилище народов Китая // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / М.В. Крюков. – М.: Наука, 1979. – С. 123-136.
69. Крюков, М.В. Древние китайцы в эпоху централизованных империй / М.В. Крюков, Л.С. Переломов, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров. – М.: Наука, 1983. – 415 с.
70. Кузьменков, Е.А. Киданьский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / Е.А. Кузьменков. – М.: Изд. Индрик, 1997. – С. 87-90.
71. Кызласов, И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X-XIV вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / И.Л. Кызласов. – М.: Наука, 1981.
72. Кызласов, И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X-XIV вв. (САИ, вып. Е3-18) / И.Л. Кызласов. – М.: Наука, 1983. – 128 с.
73. Кызласов, И.Л. Рунические письменности евразийских степей / И.Л. Кызласов. – М.: Наука, 1994. – 327 с.
74. Кызласов, И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // РА / И.Л. Кызласов. – М.: Наука, 1996. – № 3. – С. 73-88.
75. Кызласов, И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. II и III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА / И.Л. Кызласов. – 1998. – № 1, 2. – С. 71-83, 68-84.
76. Кызласов, И.Л. Руническая эпиграфика древних болгар. I. Кубанские надписи на двух сосудах // Татарская археология / И.Л. Кызласов. – Казань, 2000. – № 1-2. – С. 5-18.
77. Кызласов, И.Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей / И.Л. Кызласов. – М. – Самара: Изд. Института археологии РАН, 2005. – 94 с.
78. Кызласов, И.Л. Тюркские каганаты // Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан / И.Л. Кызласов. – М. – Уфа, 2007. – С. 86-93.
79. Кызласов, И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. Древнетюркские обиталища // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / И.Л. Кызласов. – М.: Восточная литература РАН, 2008а. – С. 273-341.
80. Кызласов, И.Л. К уяснению самобытности гуннского общества: исторические и археологические особенности // Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история / И.Л. Кызласов. – Владивосток: Дальнаука, 2008б. – С. 39-71.
81. Кызласов, Л.Р. Таштыкская эпоха (I в. до н. э. — V в. н. э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Л.Р. Кызласов. – М.: Изд. Московского университета, 1953 – 16 с.
82. Кызласов, Л.Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // ВМУ, историко-филологическая серия. – 1958. – № 4. – С. 71-99.
83. Кызласов, Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины / Л.Р. Кызласов. – М.: Изд. Московского университета, 1960а. – 197 с.

84. Кызласов, Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА / Л.Р. Кызласов. – 1960б. – № 3. – С. 93-120.
85. Кызласов, Л.Р. Городище Дён-Терек // Древнемонгольские города / Л.Р. Кызласов. – М.: Наука, 1965. – С. 59-122.
86. Кызласов, Л.Р. История Тувы в средние века / Л.Р. Кызласов. – М.: Изд. Московского университета,1969. – 211 с.
87. Кызласов, Л.Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири / Л.Р. Кызласов. – Л.: Наука, 1975а. – С. 193-211.
88. Кызласов, Л.Р. Городище Оймак на Улуг-Хеме // Археология Северной и Центральной Азии / Л.Р. Кызласов. – Новосибирск: Наука, 1975б. – С. 178-191.
89. Кызласов, Л.Р. Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры) // История и культура востока Азии / Л.Р. Кызласов. – Новосибирск, 1975в. – Т. III. – С. 170-177.
90. Кызласов, Л.Р. Древняя Тува. От палеолита до IX в. / Л.Р. Кызласов. – М.: Изд. Московского университета, 1979. – 207 с.
91. Кызласов, Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI-IX вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / Л.Р. Кызласов. – М.: Наука, 1981а. – С. 46-52, 136-139.
92. Кызласов, Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX-X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / Л.Р. Кызласов. – М.: Наука, 1981б. – С. 54-59, 143-146.
93. Кызласов, Л.Р. История Южной Сибири в средние века / Л.Р. Кызласов. – М.: Высшая школа, 1984. – 167 с.
94. Кызласов, Л.Р. Очерки по истории Южной Сибири и Центральной Азии / Л.Р. Кызласов. – Красноярск: Изд. Красноярского госуниверситета, 1992. – 224 с.
95. Кызласов, Л.Р. Города гуннов // Татарская археология / Л.Р. Кызласов. – Казань: Изд. АН РТ, 1998. – № 2 (3). – С. 47-64.
96. Кызласов, Л.Р. Города гуннов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Л.Р. Кызласов. – М.: Изд. ИА РАН, 1999. – С. 195-205.
97. Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири / Л.Р. Кызласов. – М.: РАН, Восточная литература, 2001. – 176 с.
98. Кызласов, Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования / Л.Р. Кызласов. – М.: Восточная литература РАН, 2006. – 360 с.
99. Кычанов Е.И. Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования) // Сибирский археологический сборник / Е.И. Кычанов. – Новосибирск: Наука, 1966. – С. 269-281.
100. Кычанов, Е.И. Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века (История и культура востока Азии, [т. 7]) / Е.И. Кычанов. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 136-148.
101. Кычанов, Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров / Е.И. Кычанов. – М.: Наука, 1997. – 320 с.
102. Левицкая, Л.С. Жилище, дом, поселение // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Л.С. Левицкая. – М.: Наука, 1997. – С. 485-500.
103. Лопатин, И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования / Лопатин И.А. – Владивосток, 1922. – 370 с.
104. Лувсандэндэв, А. Сяньбийский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / А. Лувсандэндэв. – М.: Изд. Индрик, 1997. – С. 144-147.
105. Медведев, В.Е. Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы / В.Е. Медведев. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 234-268.
106. Медведев, В.Е. О трансформации жилищ позднего неолита и их причинах (Нижнее Приамурье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / В.Е. Медведев. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 191-196.

107. Медведев, В.Е. Третий год исследований на поселении Булочка // Археологические исследования 2005 года / В.Е. Медведев. – М.: Наука, 2007. – С. 491-492.
108. Миняев, С.С. Культуры скифского времени Центральной Азии и сложение племенного союза сюнну // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства / С.С. Миняев. – Кемерово, 1979. – С. 74-76.
109. Миняев, С.С. Исчезнувшие народы. Сюнну // Природа / С.С. Миняев. – 1986. – № 4. – С. 42-53.
110. Миняев, С.С. Сюннуский культурный комплекс: время и пространство // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай / С.С. Миняев. – Владивосток: Изд. ИИАЭНДВ ДВО РАН, 2001. – С. 295-303.
111. Могильников, В.А. Хунну Забайкалья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / В.А. Могильников. – М.: Наука, 1992. – С. 254-273, 455-464.
112. Мыльникова, Л.Н. Талаканская культура раннего железного века в Западном Приамурье // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы / Л.Н. Мыльникова, С.П. Нестеров. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 356-380.
113. Народы КНР // Народы Мира. Этнографические очерки. Народы Восточной Азии / Народы КНР. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 131-696.
114. Народы Сибири – Народы Мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. – М.-Л., 1956.
115. Немет, Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания / Ю. Немет. – 1963. – № 6. – С. 126-136.
116. Неразик, Е.Е. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья в IV-VIII вв. // История, археология и этнография Средней Азии / Е.Е. Неразик. – М.: Наука, 1968. – С. 197-207.
117. Неразик, Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IX) / Е.Е. Неразик. – М.: Наука, 1976. – 256 с.
118. Окладников, А.П. Древние поселения на острове Петрова // Археология Южной Сибири / А.П. Окладников, А.П. Деревянко. – Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1979. – С. 3-13.
119. Орехов, А.А. Модели приморской адаптации Беринговоморья и Охотоморья (канчаланская и древнекорякская культуры) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы / А.А. Орехов. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 319-356.
120. Пан, Т.А. Похоронный обряд у сибинцев // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения) / Т.А. Пан. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 216-226.
121. Певнов, А.М. Чжурчжэньский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / А.М. Певнов. – М.: Изд. Индрик, 1997. – С. 260-267.
122. Пономаренко, А.К. Неолит Камчатки: периодизация и основные особенности эволюции древних культур // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы / А.К. Пономаренко. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 268-291.
123. Попов, А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири / А.А. Попов. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1961. – С. 131-226.
124. Руденко, С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы / С.И. Руденко. – М.-Л.: Наука, 1962. – 205 с.
125. Рудникова, Е.В. «Дотунгусская проблема» в этнолингвистических исследованиях // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения) Е.В. Рудникова. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 283-296.
126. Рудов, Л.Н. Кидани // Дальний Восток / Л.Н. Рудов. – М.: Изд. восточной литературы, 1961. – С. 158-172.

127. Сидоренко, Е.В. Северо-Восточное Приморье в эпоху палеометалла / Е.В. Сидоронко. – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 270 с.
128. Сидоренко, Е.В. К вопросу о культурогенезе палеоазиатов (по материалам лидовской культуры) // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения) / Е.В. Сидоренко. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 165-174
129. Стариков, В.С. Тунгусо-маньчжурские народы // Народы Мира. Народы Восточной Азии / В.С. Стариков. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 672-690.
130. Стариков, В.С. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР / В.С. Стариков. – М.: Наука, 1967. – 255 с.
131. Стариков, В.С. Жилище народов Китая. Жилища народов тунгусо-маньчжурской группы // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / В.С. Стариков. – М.: Наука, 1979. – С. 193-197.
132. Суник, О.П. Маньчжурский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / О.П. Суник. – М.: Изд. Индрик, 1997. – С. 162-173.
133. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. Перевод с китайского Р.В. Вяткина и А.М. Карапетьянца, комментарий Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина и А.М. Карапетьянца / Сыма Цянь. – М.: Восточная литература РАН, 2002. – 510 с.
134. Таскин, В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / В.С. Таскин. – М.: Наука, 1968. – 177 с.

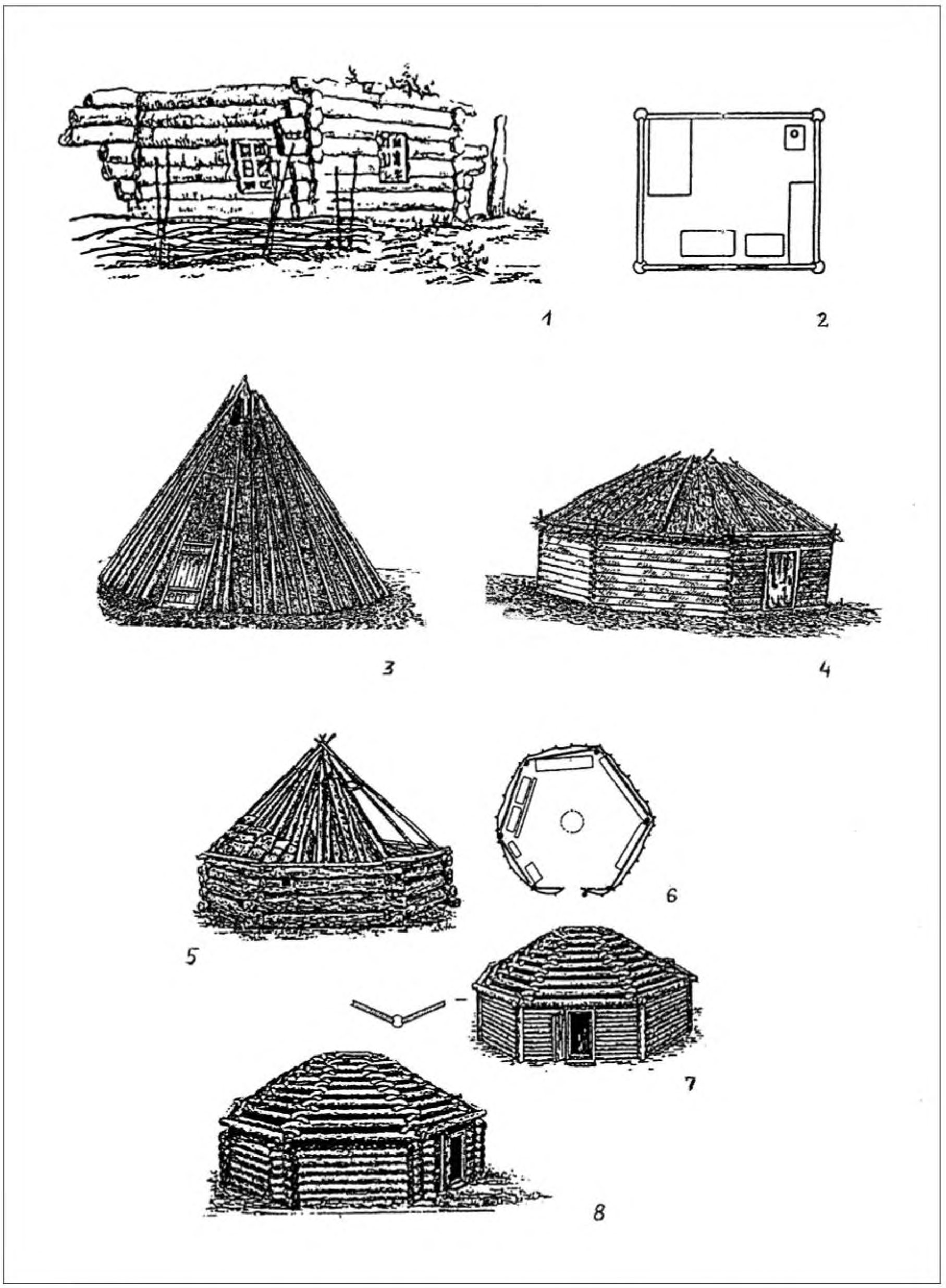

Рис.1 Основные классы жилищ коренных народов Саяно-Алтайского нагорья. *1, 2* – тура (общий вид срубной и план столбовой постройки); *3* – алачик; *4-8* – иб (*4, 5, 8* – срубные, *6, 7* - столбовые). *1-2, 4, 6-8* – хакасы, *3, 5* – алтайцы. По Ю.А. Шибаевой (*1, 2*), Л.П. Потапову (*3*) и А.А. Попову (*4-8*).

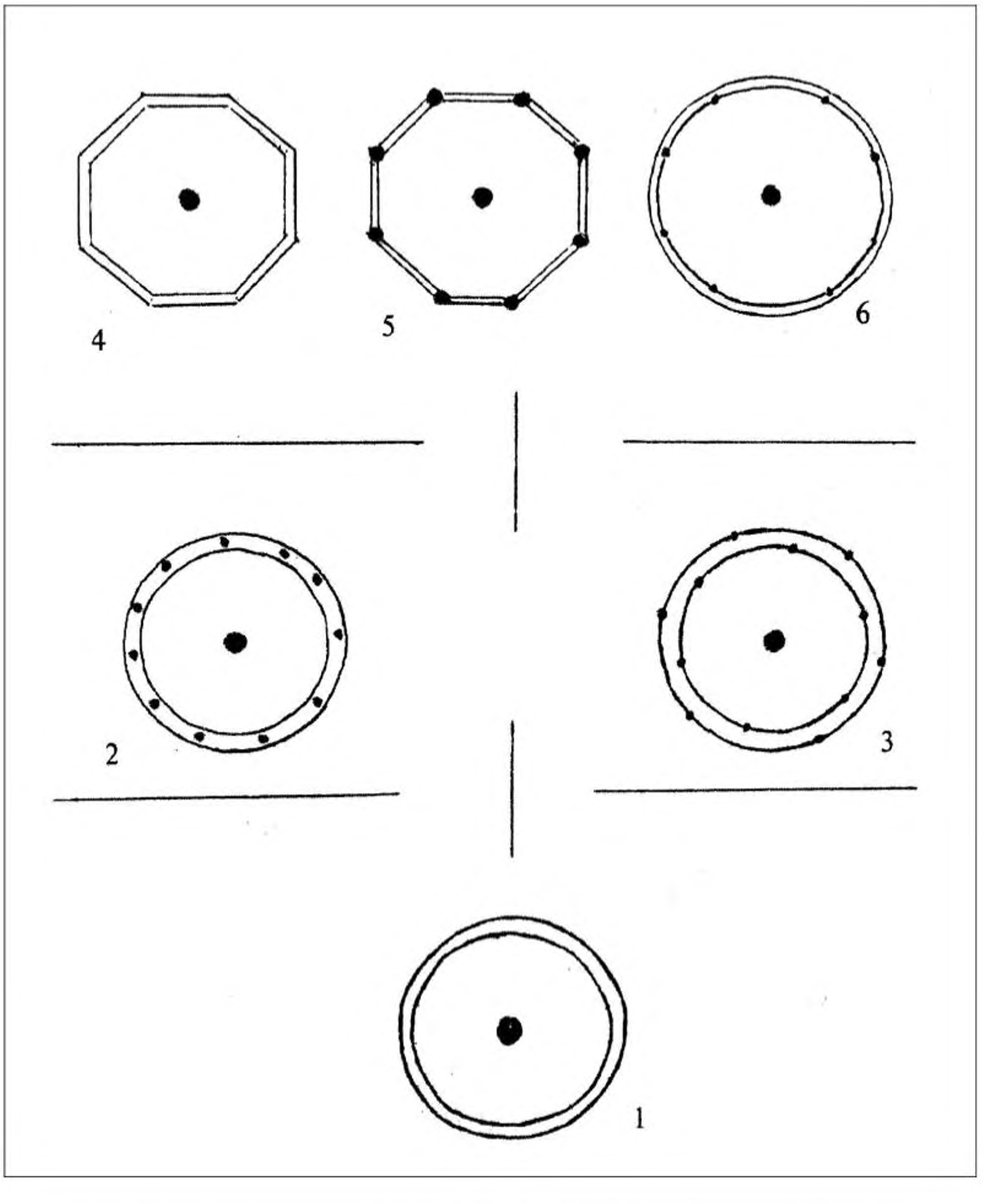

Рис.2 Предполагаемое развитие основных форм наземных жилищ прототюркских и древнетюркских народов. Перекрытие шатрово-купольное (дарбазное). В центре открытый очаг. Раннее направление входа неизвестно. *1* – круглый глиняный дом; *2* – плетневой дом-мазанка, *3* – засыпной двухплетневой дом, *4* – срубный дом, *5* – бревенчатый столбовой дом, *6* – переносной дом (юрта). *1* – умозрительная реконструкция, *2-6* – этнографическая реальность.

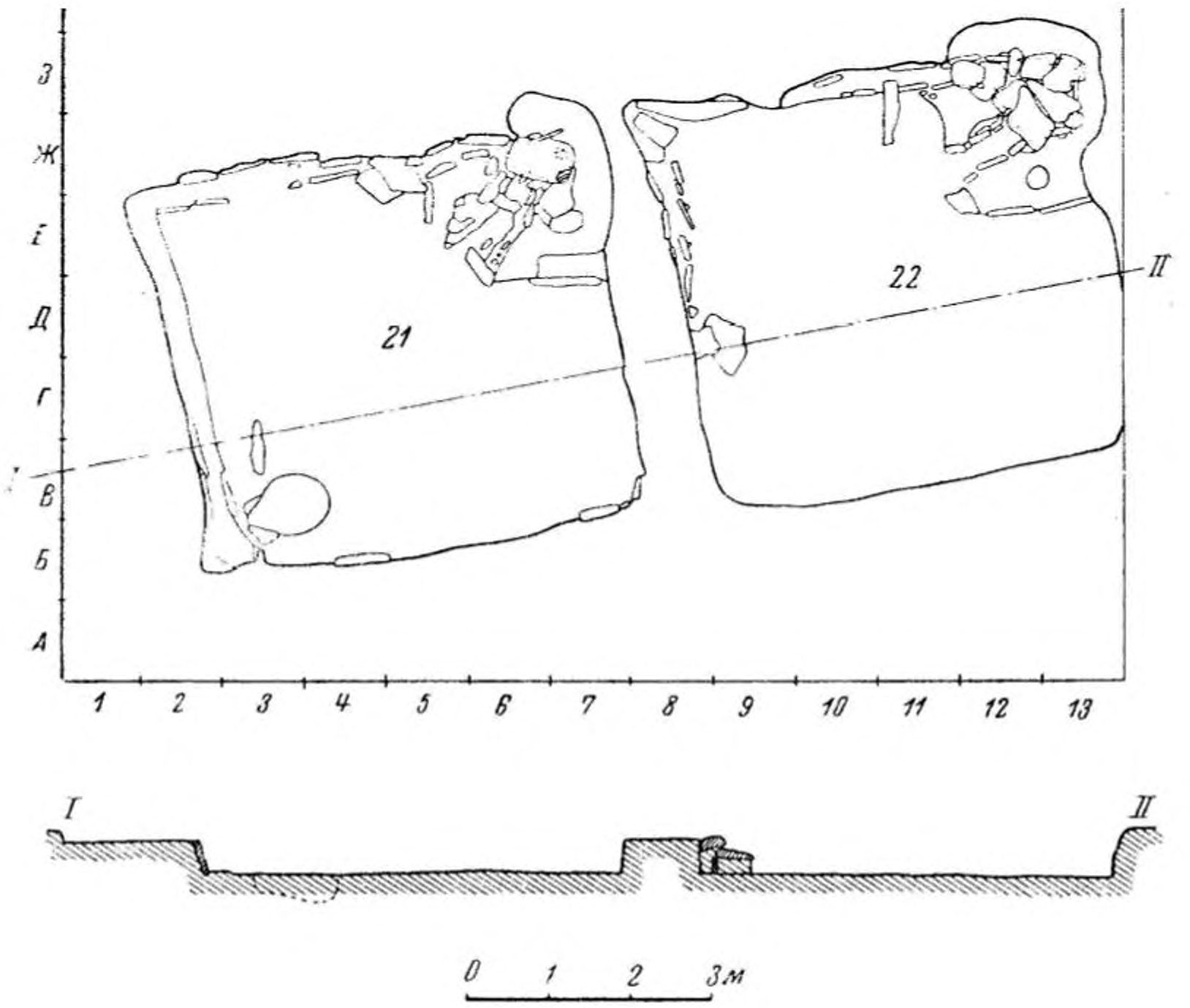

Рис.3 Культура гуннов. Иволгинское городище.
Планы и разрез жилищ 21 и 22 с Г-образными канами. По А.В. Давыдовой.

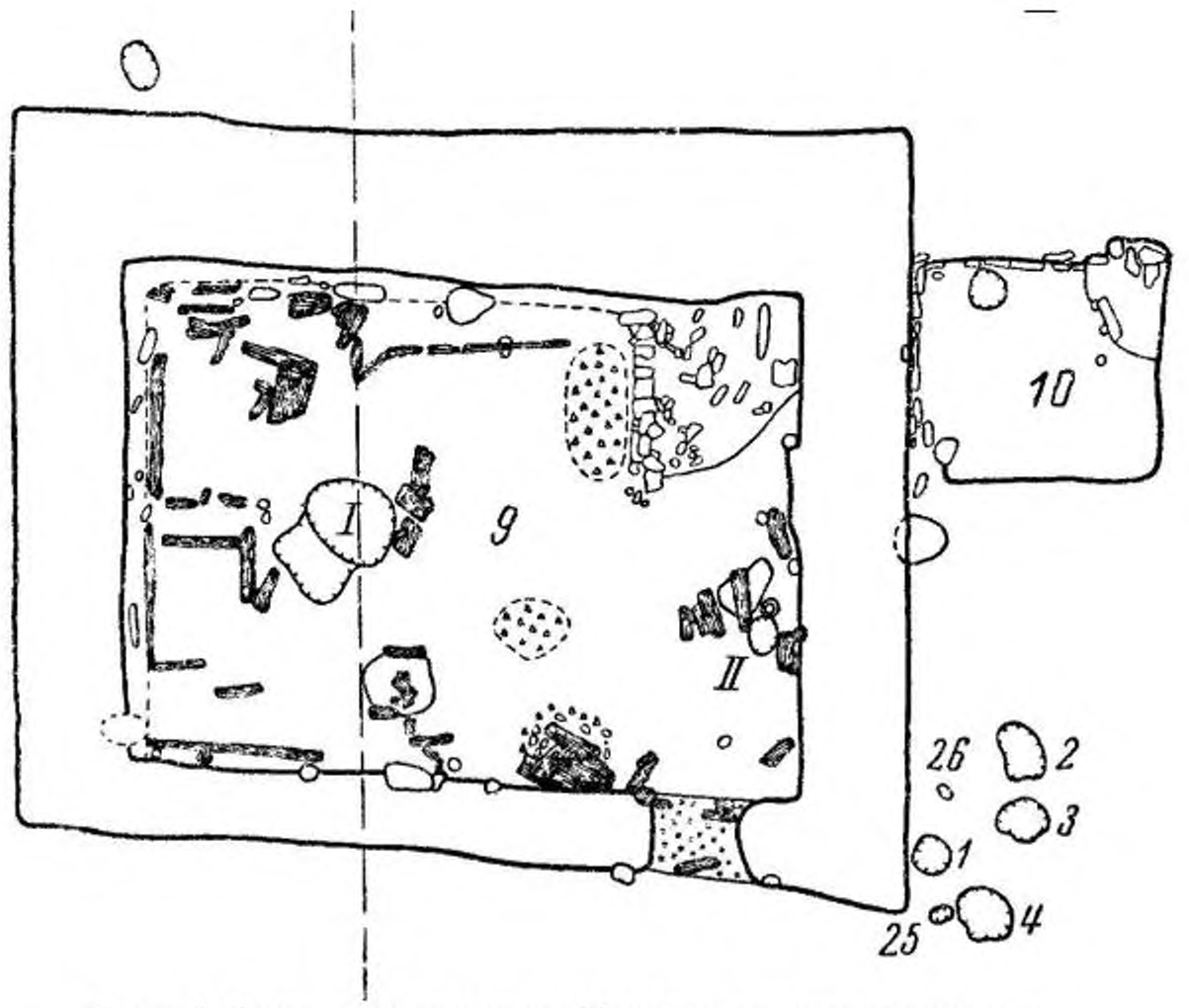

Рис.4 Культура гуннов. Иволгинское городище.
Планы жилища 9 и помещения 10.
Остатки кана и деревянных конструкций. По А.В. Давыдовой.

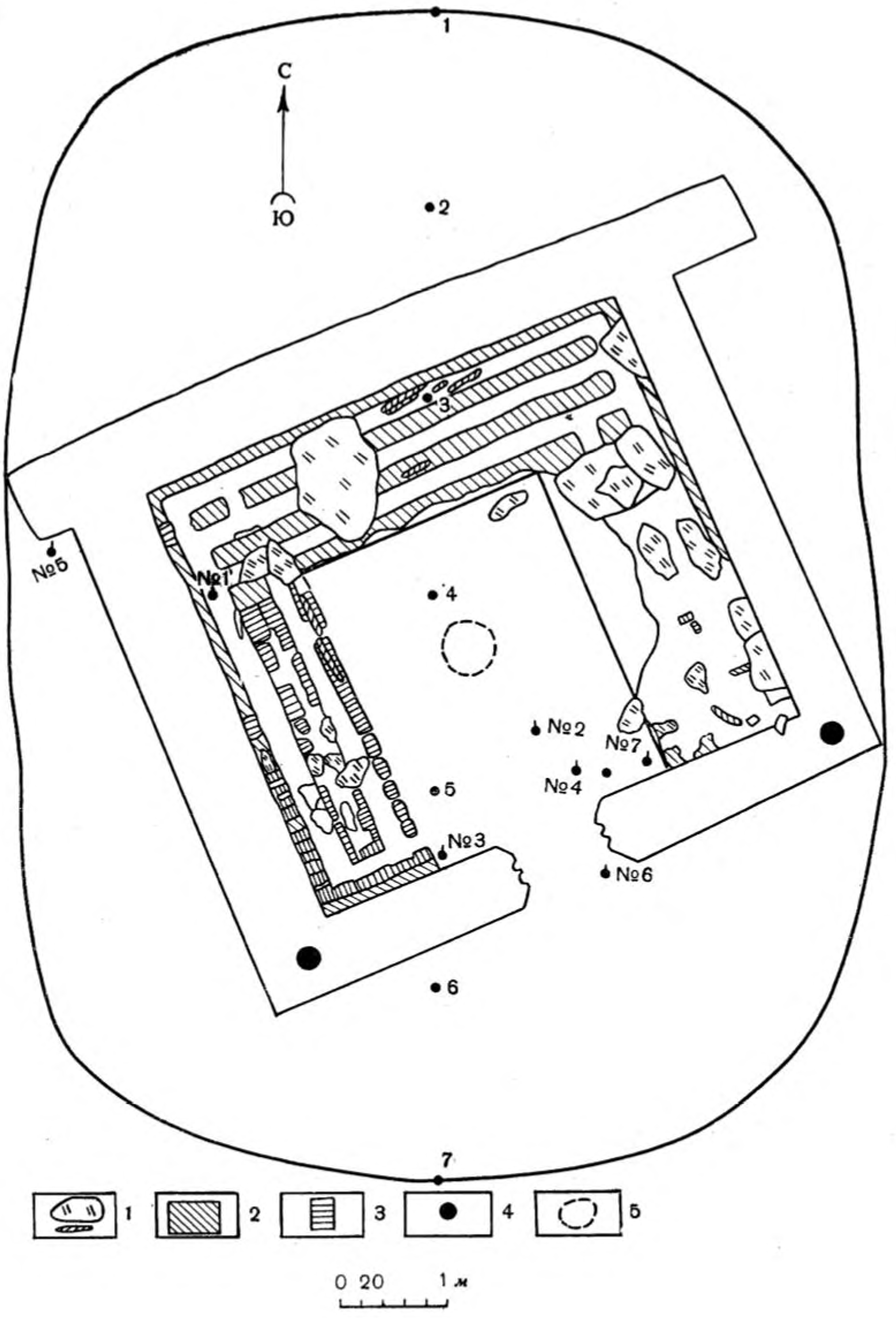

Рис.5 Монгольское городище Эртине-Булак (Тува).
План жилого дома с П-образной лежанкой-каном. XIII-XIV в.
1 – плиты, *2* – глина, *3* – кирпичи, *4* – деревянный столб, *5* –место жаровни,
№ 1-7 – индивидуальные находки. По Л.Р. Кызласову.

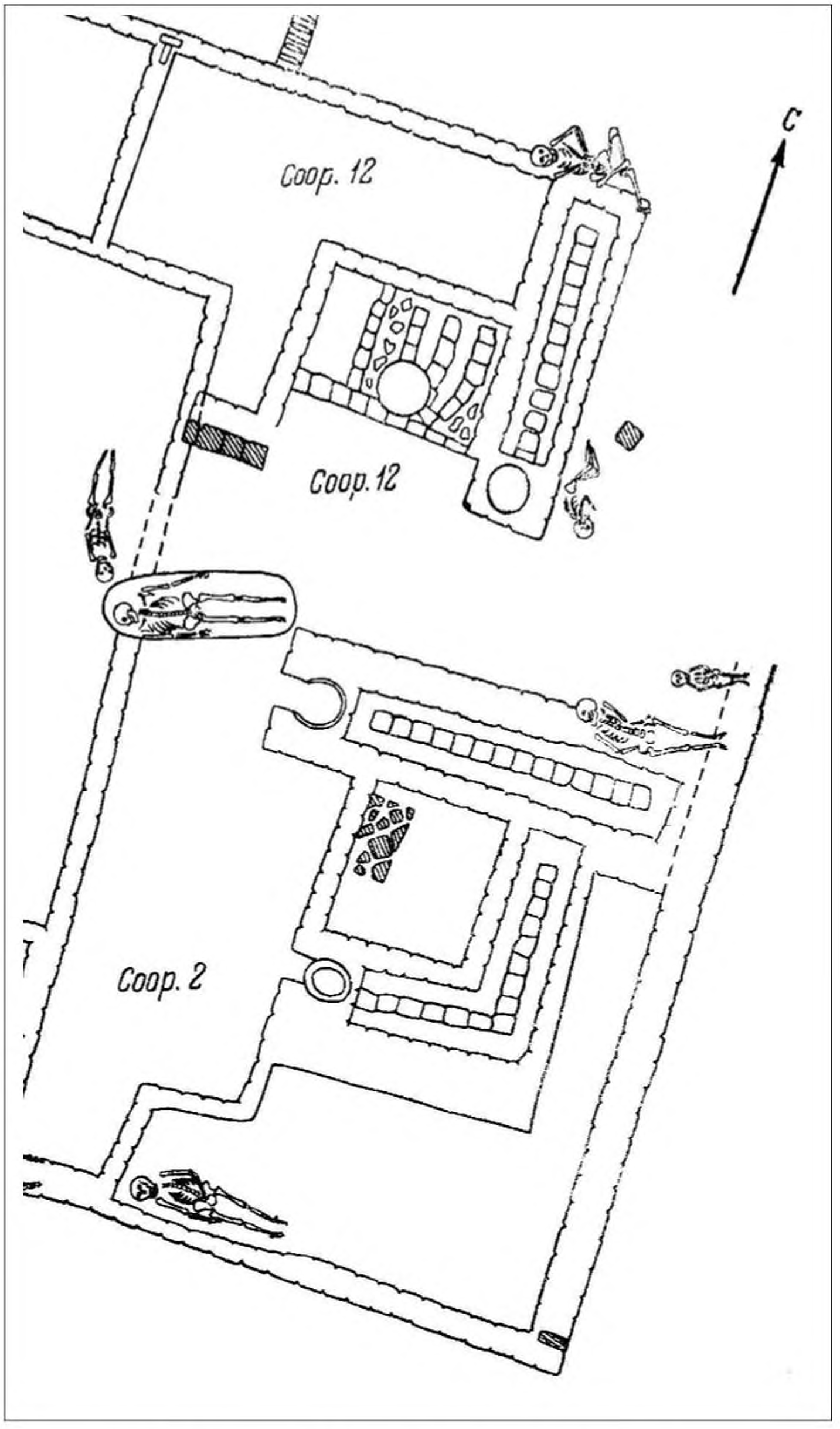

Рис.6 Золотая Орда. Селитренное городища.
Часть здания с канами на раскопе V 1965 г. По В.Л. Егорову.

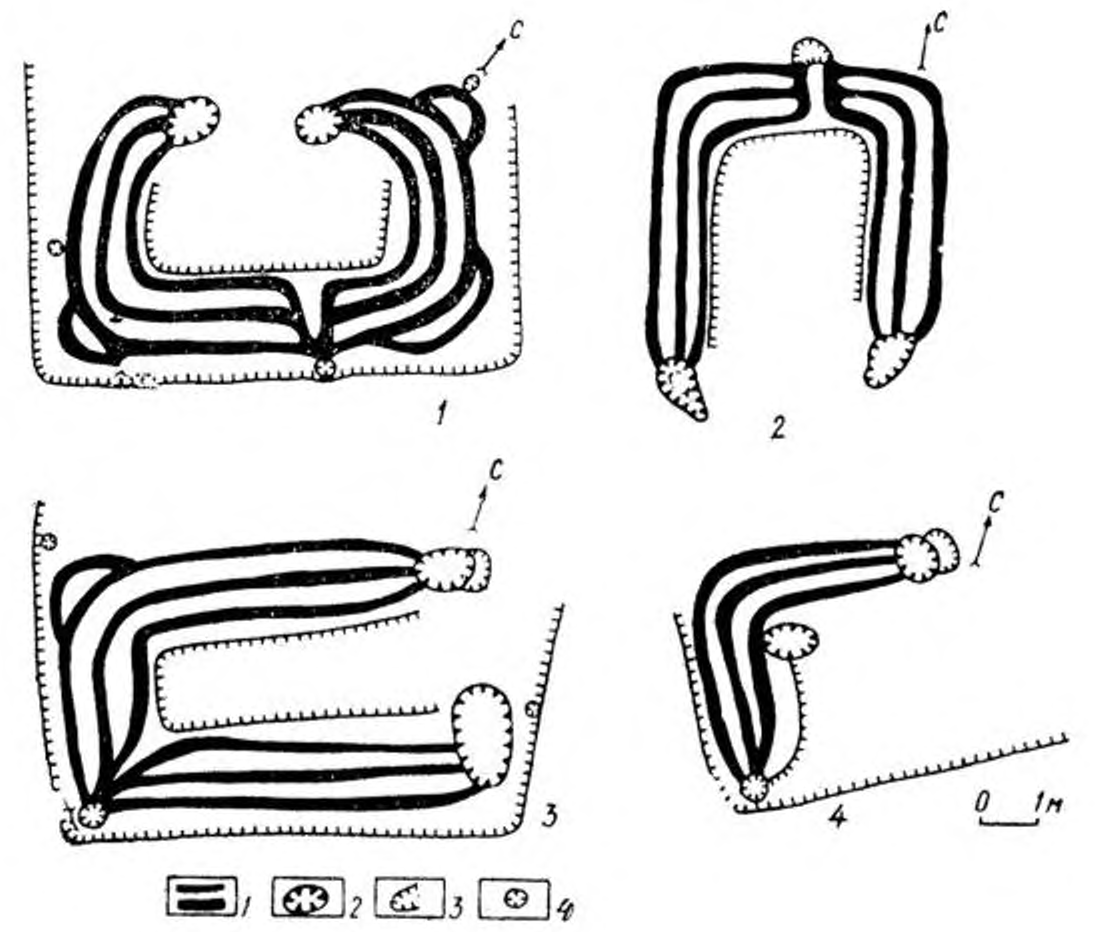

Рис.7 Чжурчжэни. Ананьевское городище.
Типы жилищ с канами. По В.А. Хореву.

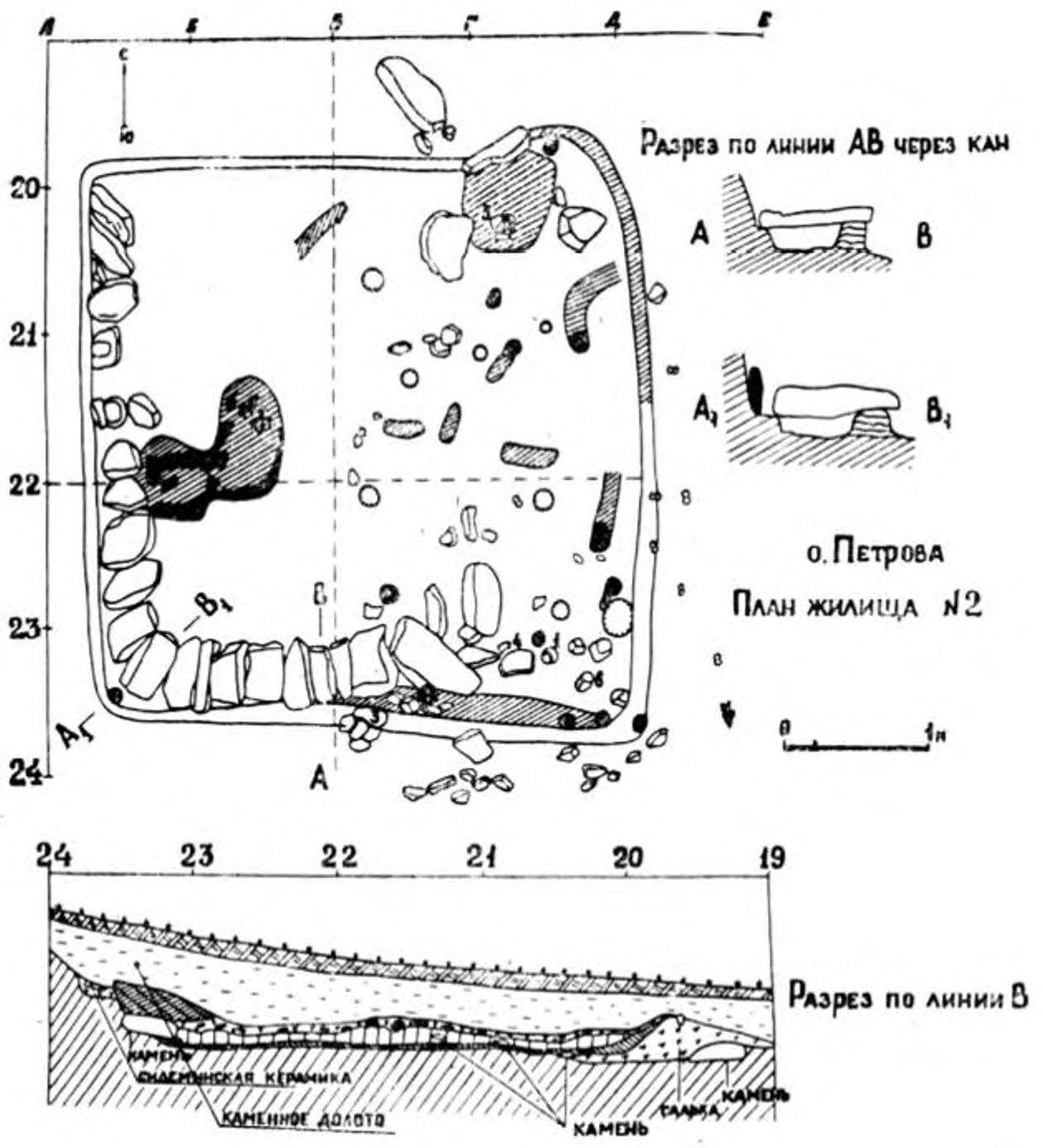

Рис.8 Кроуновская культура. Остров Петрова.
Жилище № 2 с Г-образным каном.
По А.П. Окладникову и В.Д. Бродянскому.

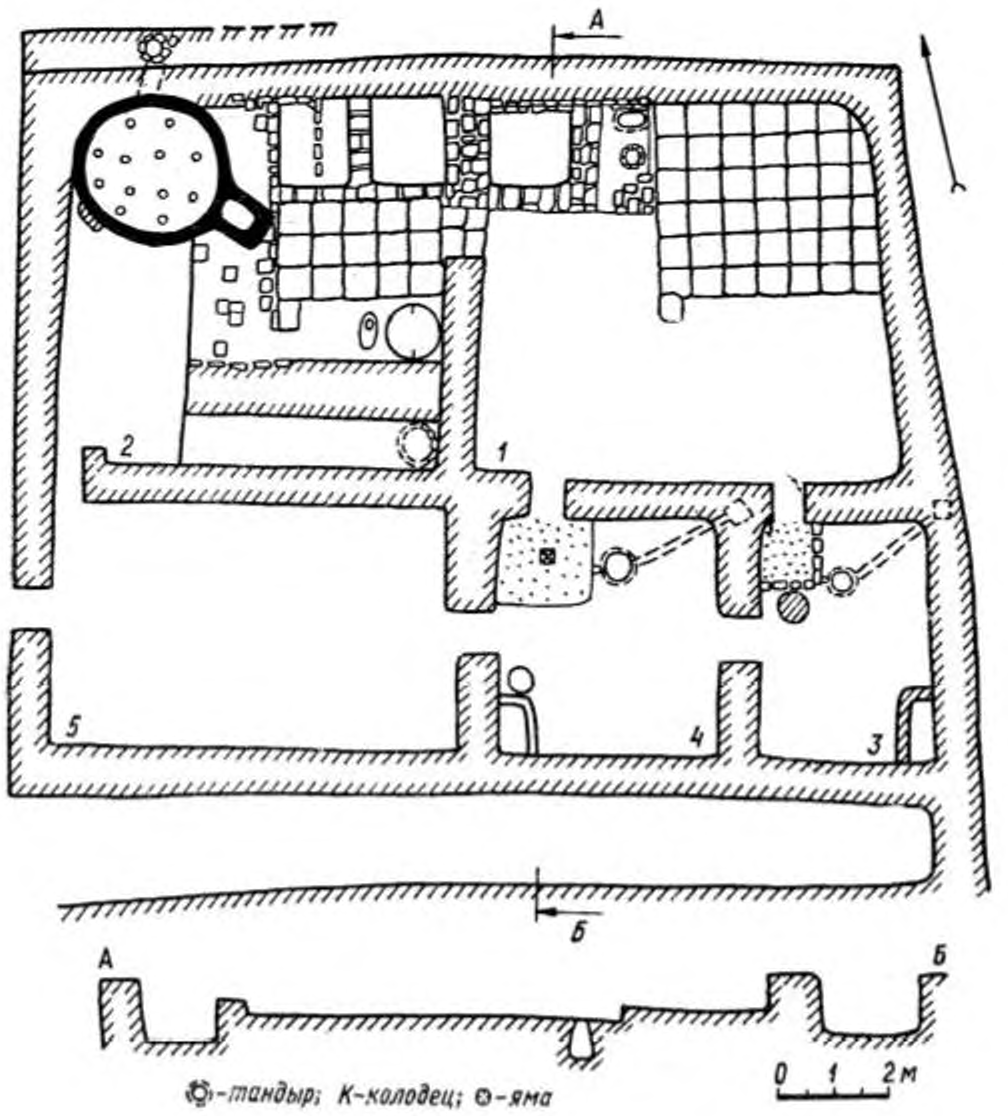

Рис.9 Отрар. Мастерская 1. Вторая половина XIII – первая половина XIV в. Помещения 3 и 4 – пример тандырного подпольного отопления. По К.А. Акишеву, К.М. Байпакову, Л.Б. Ерзаковичу.

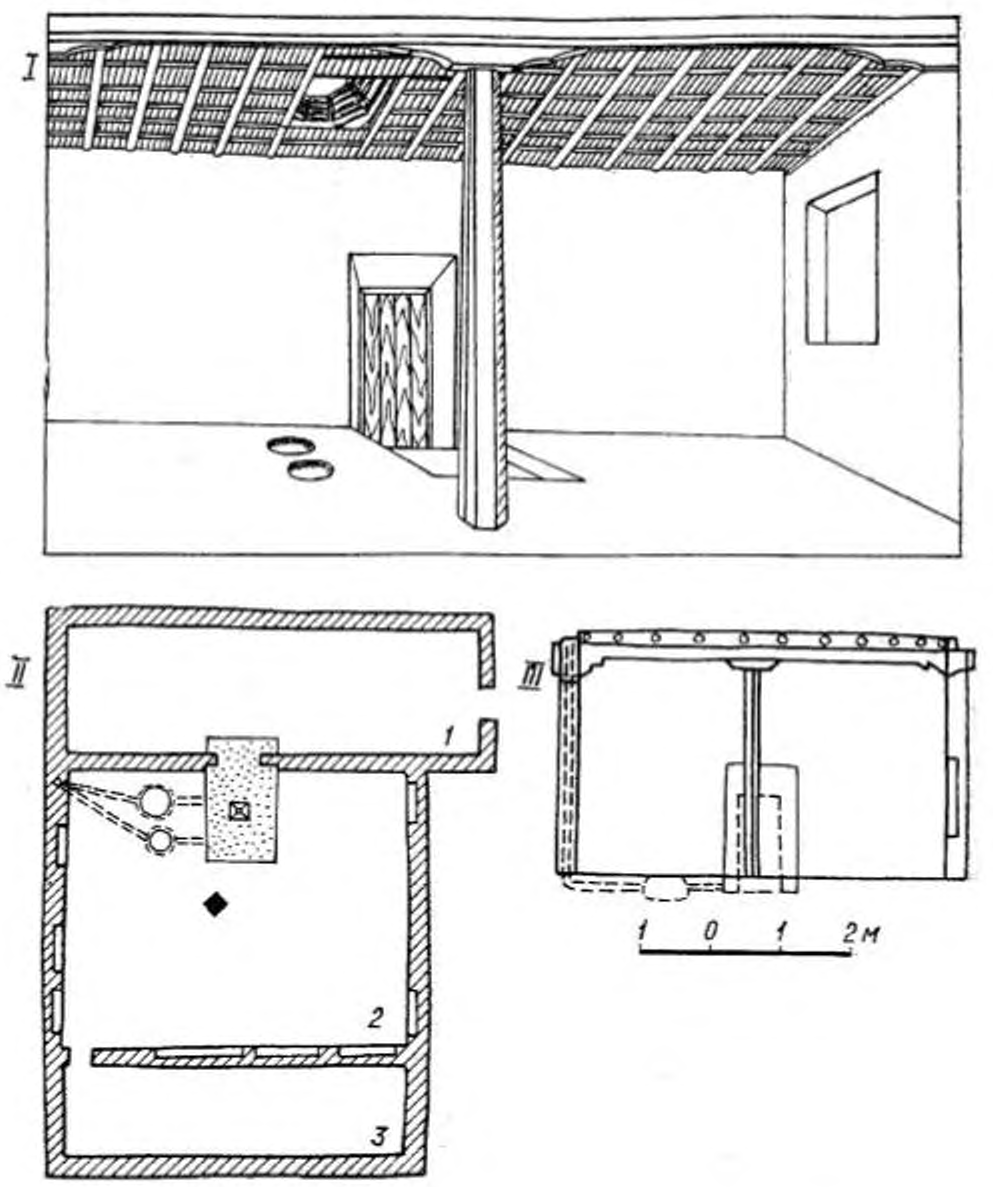

Рис.10 Традиционное жилище присырдарьинских казахов. XIX в. Интерьер (I) и разрез (III) жилой комнаты, общий план дома (II: *1* – помещение для скота, *2* – жилая комната, *3* – кладовая). По Л.Б. Ерзаковичу.

135. Таскин, В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. 2. Цзе / В.С. Таскин. – М.: Наука, 1990. – 255 с.
136. Тодаева, Б.Х. Дагурский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / Б.Х. Тодаева. – М.: Изд. «Индрик», 1997. – С. 51-60.
137. Токарев, С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры / С.А. Токарев. – М.: Изд. Московского университета, 1958. – 615 с.
138. Федоров-Давыдов, Г.А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII-XIV // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии / Г.А. Федоров-Давыдов. – Алма-Ата: Наука, 1983. – С. 215-220.
139. Федоров-Давыдов, Г.А. Золотоордынские города Поволжья / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Изд. Московского университета, 1994. – 228 с.
140. Хореев, В.А. О некоторых конструктивных особенностях жилищ Ананьевского городища // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий / В.А. Хореев. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. – С. 87-91.
141. Цинциус, В.И. Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков / В.И. Цинциус. – Л.: Наука, 1972. – С. 3-14.
142. Шавкунов, В.Э. Раскопки Ауровского городища // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай / В.Э. Шавкунов. – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2001. – С. 173-183.
143. Шавкунов, В.Э. Многослойный памятник Ауровское городище // Актуальные проблемы дальневосточной археологии (Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Т. XI) / В.Э. Шавкунов, Е.И. Гельман. – Владивосток: Дальнаука, 2002. – С. 75-108.
144. Шавкунов, Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII-XIII ввю и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока / Э.В. Шавкунов. – М.: Наука, 1990. – 282 с.
145. Шавкунов, Э.В. О слогаемых этноса и культуры Бохая // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай / Э.В. Шавкунов. – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2001. – С. 11-16.
146. Щербак, А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков / А.М. Щербак. – СПб.: Наука, 1994. – 192 с.
147. Щербак, А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.) / А.М. Щербак. – СПб.: Наука, 1997. – 291 с.
148. Щербак, А.М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков / А.М. Щербак. – СПб.: Наука, 2005. – 195 с.
149. Clauson, G. Philology and archaeology // Antiquity / G. Clauson. – 1973. – V. 47. – P. 37-42.
150. Salminen, T. Suomen tieteelliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870-1935 / T. Salminen. – Helsinki, 2003. – 278 s.

Швецов М.Л.
(г. Донецк, Украина)

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСАХ ТЮРКСКОЙ ЭПОХИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ

В 1992 году в Донецке была проведена совместно с Национальным Комитетом ЮНЕСКО «Великий Шелковый Путь» международная конференция «Степи Восточной

Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье» (Степи, 1992). История и развитие в VI-XII веках на просторах евразийской степи государств тюркоязычных этнических групп, несомненно, была одной из главных тем конференции. И не удивительно. Более столетия данная тема неоднократно рассматривалась медиевистами: Бартольд В.В, 1968; Берштам А.Н., 1952; Артамонов, 1962; Плетнева С.А., 1967, 1981, 1999; Кызласов Л.Р., 1984; Савинов Д.Г., 1984; Федоров Я.А., Федоров Г.С., 1978; Масон В.М., 1989; Ермоленко Л.Н., 1990; Гумилев Л.Н., 1993; Пріцак О.Й., 1997; Кляшторный С.Г., 2000, Приходнюк О.М., 2001, Комар А.В., 2005, и др. И все же, несмотря на большую проделанную работу, многие вопросы данной тематики еще остаются дискуссионными. Полученные за эти годы новые археологические, лингвистические и антропологические материалы указывают, что решение проблем далеко до завершения. Сложность и неясность вопросов связана не только с нестабильной исторической ситуацией рассматриваемого периода, фиксируемой письменными источниками, но и порой с их интерпретацией. Одним из таких проблемных вопросов является территория распространения населения и памятников, связываемых с древностями эпохи Тюркских каганатов в Восточноевропейской степи. Если присутствие самих тюрок почти не у кого из исследователей не вызывает сомнений, то территория их распространения и наличие памятников, отражающих тюркскую культурную традицию, часто вызывает дискуссии.

Характеризуя историческую ситуацию в Восточноевропейской степи в третьей четверти VIII ст., М.И. Артамонов, ссылаясь на Менандра, пишет: «…очевидно, к этому времени тюркюты перешли Волгу и подчинили народы Северного Кавказа и степей Азово-Каспийского междуморья. Турксанф двинул свои многочисленные войска под начальством Бохана на завоевание Боспора (Артамонов М.И., 1962, с. 137-138). И тут же (с. 160): «…но вместе с тем не известно, чтобы тюркюты распространили свою власть западнее Дона, на Поднепровье». Есть полностью противоположные мнения, ограничивающие распространение культуры до Северного Кавказа и Крыма.

Мы считаем, что распространение тюркской культурной традиции в Восточной Европе, а возможно, и представителями самого этноса хорошо иллюстрируется в памятниках археологии Восточноевропейской степи. Важно то, что древности представлены не только погребальными комплексами (оградки или захоронения по обряду трупосожжения)[1], но и культовыми комплексами, вызывающими многолетние дискуссии (Гринченко В.А., 1950, с. 61-63; Артамонов М.И., 1962; Амброз А.К., 1981, с. 10-22; Он же, 1982, с. 217; Плетнева С.А., 1967, 1981, с. 72; Она же, 1999; Ольховский В.С., 1993, с. 210-222; Приходнюк О.М., 2001, с. 7,13-18; Швецов М.Л., 1992, с. 96; Он же, 2000, с. 39-40). Подробно и обстоятельно широко известные памятники рассматривал О.М. Приходнюк, назвавший также «тюркскими погребениями» захоронения так называемого «сивашевского типа» (Приходнюк О.М., 2001, с. 25-32, 34-41).

Интересно, что почти все исследователи, рассматривая эти древности, приводя свои аргументы к интерпретационной характеристике инвентаря, оружия или украшений, не только используют термин «тюркский»[2], но и указывают на основные параллели в памятниках Алтая, Южной Сибири и даже Средней Азии. Особенно с так называемыми определениями погребальных каменных конструкций («оградок тюркского типа») или культовых строений – святилищ. Несомненно, такие святилища и являются воплощением элементов тюркского мировоззрения, выраженного материально. К сожалению, материалы исследованных древностей в степной зоне Восточной Европы далеко не всегда опубликованы. Примером могут быть: курган II с каменными конструкциями, исследованный в Провальской степи на Луганщине, урочище Майка; оградка в ур. «Грушевая балка», с. Провалье (Гладких М.И., 1975, с. 268). Частично опубликованы: оградка со стелой у с. Нагольная Тарасовка (Гераськова Л.С., 1980, с.261). Это памятники

---

[1]Не ставя целью в данном случае разбор всех аспектов столь интересной и сложной проблемы, считаем необходимым обратить внимание на полные параллели и аналогии в составе и типологии погребального инвентаря тюркских трупосожжений в памятниках Южной Сибири, Алтая с аналогичным набором инвентаря в погребениях и могильниках, относимых к «памятникам то салтово-маяцкой культуры, то к славянским или древностям угров».

[2] К сожалению, не всегда авторы конкретизируют, что они видят при упоминании данного термина: этнос, элементы культурной или мировоззренческой традиции или древности тюркоязычного населения.

с изваяниями и захоронениями в Приазовье, Грузское и Петровское (Привалов А.И., Привалова О.Я., 1988, с. 42, 94, 96, рис. 21–1,20). К изваяниям этой же эпохи, по-видимому, необходимо отнести и изваяние лошади (пос. Железный) и льва (пос. Луганское). Возможно к этой группе памятников относится и комплекс с изваянием и трупосожжением в кургане 8 у с. Большая Белозерка, исследованный В.В. Отрощенко в 1975 г.?

В.С. Ольховский одним из первых поставил столь важный вопрос, опубликовав некоторые материалы из степной части Крыма и Нижнего Поднепровья (Ольховский В.С., 1993, с. 210-222) и определив публикуемые изваяния как тюркские. В последние годы было выявлено и исследовано еще несколько уникальных новых комплексов и отдельных изваяний, расширяющих территорию местонахождения и данные, приведенные В.С. Ольховским. Поэтому основной целью нашей статьи является публикация одного из приведенных В.С. Ольховским комплексов.[1]

В качестве одного из таких ярких памятников можно назвать уже упоминавшийся в литературе (Отрощенко В.В., 1987, с. 106; Ольховский В.С., 1993, с. 212-213; Швецов М.Л., 2000, с. 39-40; Швецов М.Л., 2005, с. 166), но не опубликованный культовый комплекс в кургане 1, у с. Черноземное в Приазовье. Рассмотрим его подробно.

Одиночный курган (h – 0,95 м, d – 36 м), расположенный на водоразделе небольшого плато, в 1 км к востоку от с. Черноземное Запорожской области, насыпанный в эпоху бронзы (7 погребений срубной культуры) и использовавшийся в эпоху Средневековья (рис. I). Создание первичной насыпи, досыпки и сооружение прерывистого ровика связано со строительной деятельностью носителей срубной культуры. В эпоху Средневековья ровик был, вероятно, углублен и расширен. Он имел кольцеобразную форму (внешний диаметр – 19,5 м, ширина в материке – 0,6 м) в плане и усеченно-коническую – в разрезе. Глубина от погребенного чернозема – 0,9 м. Четыре перемычки различной ширины разделяли ровик на неравные отрезки. Две перемычки находились в северо-восточном секторе, третья – в юго-восточном и четвертая – в юго-западном. В заполнении северо-восточного и восточного отрезков ровика находились 9 каменных изваяний (рис. I – а, в). На дне ровика, в южном и северном отрезках, были найдены фрагменты средневековой амфоры, черепа и кости лошадей. Фрагмент срубной керамики в северо-восточном отрезке ровика у перемычки (рис. I – а-2). Так как поверженные изваяния покоились в заполнении ровика цепочкой, то можно предположить, что примерно в таком же порядке они были первоначально установлены у края ровика, образуя своеобразный алтарь (рис. I – в; VI – 2). Расположение изваяний с севера на юг представляется нам следующим: медведь с раскрытой пастью, волк (?), всадник на верблюде (?), всадник, антропоморфная стела, еще два всадника, хвост к хвосту, медведь в спокойной позе, дикий кабан с полураскрытой пастью (рис. I – а-10). Рядом с диким кабаном обнаружены две половинки нижней челюсти лошади. Приведем описание изваяний в той последовательности, как они находились во рву по отношению к центральной фигуре комплекса – антропоморфному изваянию (рис. IV – 1) и зафиксированы in situ, начиная с севера к центру, а затем с юга.

1. Верблюд со всадником вырезан из плиты ракушечника (рис. II – 1). Одна сторона изваяния вертикально обтесана, другая немного подправлена. Следы резца прослеживаются слабо. Фигура имеет асимметричные очертания: кособокая фигура животного с массивной шеей, укороченным туловищем и неотесанным широким крупом. Часть головы животного утрачена в результате продольного скола. У всадника отбита голова и правая сторона туловища, а левая стесана ножом бульдозера. Морда животного поднята вверх, на темени имеется выступ. Детали головы не проработаны, грива отсутствует, но выделен хвост с отбитым концом. Основание статуи имеет вид слабоизогнутой дуги и, вероятно, вкапывалось в землю. Длина фигуры от носа до хвоста – 71 см, длина основания – 35 см, ширина: впереди – 15 см, сзади – 22 см; длина головы – 22 см, высота – 14,5 см, ширина затылка – 14 см, длина от затылочной части головы до хвоста – 43 см, высота в холке – 23 см, высота крупа – 29 см, ширина – 22 см, длина хвоста – 6 см, а ширина – 7 см. От фигуры всадника сохранилось погрудье. Согнутая в

---

[1] Объем предложенной статьи из-за количества рисунков не позволяет нам дать не только полную интерпретацию комплекса, но и включить в публикацию еще несколько аналогичных памятников.

локте правая рука держит у живота ритуальный сосуд. Сохранившаяся высота всадника – 15 см, ширина – ок. 13,5 см, ширина правой руки у плеча – 6 см.

2. Волк (рис. II – 2). Поджарая фигура животного, вытянутого, с изогнутой линией спины, была вырезана из куска светлого ракушечника. Передняя часть головы отколота в древности, четко выражены уши треугольной формы и нос, заметен поворот головы вправо. Спина животного от головы плавно понижается к хвосту, вырезанному в виде шишечки (длина – 4,5 см). Длина изваяния – 60,5 см, высота от основания до конца уха – 30,5 см, до хвоста – 14,5 см, в плечах – 18 см, длина основания – 43,5 см.

3. Медведь с запрокинутой мордой, присевший на задние лапы (рис. III – 1), был вырезан из толстой плиты ракушечника. Туловище хищника оконтурено, выпуклым рельефом переданы морда, скулы, нос, язык и овальные уши. Глаза и ноздри выделены двумя углублениями. Пасть приоткрыта, язык высунут, подбородок округлен. За массивной головой намечен выпуклый загривок. В подпрямоугольном основании фигуры имеется широкая выемка. Длина изваяния – 80 см, высота – 51 см, длина головы – 30 см, высота ее – 21 см, ширина носа – 9 см, ширина груди – 20 см, длина ушей – 9 см, а ширина – 7 см.

4. Всадник восседает на животном (рис. III – 2). Вырезан из плоской плиты ракушечника. У животного проработана голова, шея, спина и хвост. Голова небольшая, округлой в сечении формы, с короткой шеей. Уши переданы продолговатыми продольными выступами. От них к носу проходит невысокий валик, надбровные дуги едва намечены, нос отбит. Широкая и короткая голова завершается спереди горизонтально прорезанной пастью. Сзади от ушей опускается по крутой, почти вертикальной шее грива в виде треугольного в сечении валика, заканчивающаяся при переходе шеи в туловище. Спина немного вогнута, а возле хвоста плоская. Хвост сделан в виде выступа, но почти полностью отбит. На спине, с заходом на шею, выступом подчеркнуто седло. На нем восседает всадник, Фигура человека, непропорционально маленькая по сравнению с телом животного, вследствие этого голова всадника оказывается ниже головы животного. Она маленькая, продолговатая, отделена от шеи желобком. Макушка головы отбита. Лицо человека широкоскулое, глаза намечены двумя углублениями неправильной формы, как и рот. Углубления глаз и рта как бы образуют нос. Грудь человека выдается вперед, она плоская, уже головы. Плечи прямые, руки в виде валиков согнуты в локтях и держат перед животом сосуд прямоугольной формы. Изображение человека поясное. По обе стороны от слегка прогнутого седла свисают короткие плоские валики, обрубленные горизонтально внизу, имитирующие подпружные ремни. Длина изваяния от носа до хвоста – 60 см при высоте – 55 см. Голова от носа до ушей – 15 см, ширина возле ушей – 12,5 см, высота от подбородка до лба – 12 см, а до ушей – 13,5 см, ширина – 2,5 см. Длина шеи – 12 см, высота в спине – 30 см, ширина груди – 14 см. Высота всадника – 14 см, ширина в плечах – 13 см при диаметре головы – 8 см, высота лица – 5 см. Ширина сосуда – 4 см. Размеры седла:18 х15 см, высота – 4 см.

5. Антропоморфная стела (рис. IV – 1) сделана из тонкой (9 см) плиты ракушечника подпрямоугольной формы. В верхнем торце выделена голова и прилегающие к ней прямые плечи. Отделенная от туловища глубокой канавкой, голова наклонена к левому плечу, намечена овальная личина, увенчанная треугольным головным убором с шишечкой (?) на макушке. Слабо намечены раскосые глаза, подчеркнут небольшой плоский нос. Туловище слегка расширяется к основанию, углы закруглены. На левой половине груди есть валик, отходящий от предполагаемого локтя левой руки к валику нагрудному и заканчивающийся небольшим выпуклым расширением. На спине, между лопаток, углубленной замкнутой линией намечен предмет овальной формы. Нижняя часть изваяния, по-видимому, вкапывалась в землю на 15 см, так как верхняя часть выделялась более светлым тоном. Высота изваяния – 58 см, ширина в плечах – 33 см, в основании – 37 см. Высота головы – 18 см, ширина – 19 см. Высота личины с шапкой – 16,5 см, шапки – 5,5 см, а ширина лица – 10 см.

6. Всадник (рис. IV – 2) на животном также вырезан из плиты ракушечника, но с помощью долота с узким рабочим краем. Обработанная поверхность впоследствии заглажена. Четко выделены голова, шея, уши и надбровные дуги морды животного. Передняя часть морды животного обломана. Фигура всадника смоделирована в виде

гладкого столба. У основания фигуры выдолблено углубление. Длина изваяния от морды до хвоста – 49 см, высота от основания до края уха животного – 40,5 см, высота в холке – 30,5 см, ширина изваяния – 15,5 см. Фигура всадника имеет круглую в сечении форму: высота – 9 см от крупа, диаметр – 12 см. Сохранившаяся часть всадника – 37,5 см, высота до крупа животного – 29,5 см. Глубина выемки в основании фигуры всадника – 5 см.

7. Медведь умиротворенный (рис. V – 1), по контрасту с фигурой 3 (рис. III – 1), вытесан из глыбы ракушечника. У животного четко выделена голова с широкими скулами, приоткрытая пасть, ноздри в виде углублений, уши в виде круглых выпуклостей. С темени на спину идет загривок в виде валика, спина дугообразно изогнута. Левый бок медведя закруглен, а на правом имеется небольшой скол. Длина изваяния от носа до задней части – 79 см, высота от основания до загривка – 35,5 см, длина морды – 28 см при ширине – 19 см. Ширина в холке – 20 см. Размеры плоского основания: 65 х 19 см.

8. Всадник на лошади (рис. V – 2) вытесан из плиты ракушечника с помощью долотовидного инструмента с узким лезвием. Следы орудия в верхней части фигуры тщательно заглажены. Четко выделены голова, рот, ноздри, глаза, уши, грива и хвост лошади, выдержаны общие пропорции животного. Бока лошади подтесаны до уровня закапывания фигуры. Погрудное изображение всадника на спине лошади непропорционально мало. Фигура всадника с отбитой головой, представляет собой вертикальный столбик, на котором справа и слева высечены руки, согнутые в локтях и поддерживающие перед животом прямоугольный сосуд. Седло под всадником выделено широким овалом со спускающимися по обе стороны подпружными (?) ремнями. Длина изваяния от носа до кончика хвоста – 75 см, высота от основания до кончика ушей – 42,5 см, высота в холке – 30 см, по крупу – 32 см, длина головы лошади – 19 см, расстояние между головой и крупом – 40 см, длина крупа – 12 см, хвоста – 5 см, ширина хвоста – 6,5 см, кончик хвоста отбит. Не исключено, что хвост изображался подвязанным. Размеры основания лошади: 43 х 23 см, ширина морды – 12,5 см, крупа – 18 см. Сохранившаяся высота всадника – 7,5 см, ширина – 10,5 см, ширина руки – 1,8 см. Размеры седла: 16 х 14,5 см, толщина – 2 см. Длина подпружного ремня – 9 см, ширина – 4 см.

9. Кабан (рис. VI –1), присевший на задние ноги, вытесан из плоской плиты ракушечника. Наиболее четко проработана голова: в технике плоского рельефа проработаны нос и уши животного. Уши переданы в виде полукруглых выступов, а ноздри – углубленными выемками, так же как и два близко посаженные один от другого глаза на плоском лбу. Основание фигуры внизу имеет широкую выемку. Запрокинутая вверх голова кабана придает фигуре агрессивность, что сближает ее с фигурой 3 (медведь с оскаленной пастью). Высота изваяния кабана – 49 см, длина – 62 см. Толщина изваяния – 11 см. Длина головы – 30 см, высота носовой части – 10 см, диаметр «пятачка» – 10 см.

В центральной части курганной насыпи, кроме погребений эпохи бронзы, было выявлено и исследовано одно полностью уничтоженное поздним перекопом захоронение, относящееся к эпохе Средневековья. Были обнаружены лишь разрозненные кости скелета человека, осколки железа и обломки гробовища. Данная ситуация, к сожалению, не позволяет рассмотреть вопрос о стратиграфической и хронологической связи этих двух объектов. Возможно, они и не взаимосвязаны. Однако выше мы отмечали пример (Елизаветовка, к. 1, п. 2), где в погребении есть изваяние животного, установленное в изголовье умершего.

Приведенные нами материалы дают представление о существовании в Восточно-европейской степи культовых сооружений, относящихся к периоду раннего Средневековья. Композиционно и семантически данное сооружение воспроизводит в миниатюре божественный пантеон тюркского населения степи раннего Средневековья, возможно, оно связано с богиней Умай. Полной аналогии комплексу изваяний из кургана у с. Черноземное нам неизвестно. Мы уже отмечали, что есть святилища и захоронения с двумя, тремя изваяниями, и границы локализации были впервые очерчены (Ольховский В.С., 1993, с. 210-222). Представленные нами материалы дают возможность на сегодня продлить их восточнее по северному Приазовью к Подонью.

Каменные и деревянные изваяния животных и всадников хорошо известны в памятниках тюркской эпохи: Монголии (Потанин Г.Н., 1981, с. 73-74; Кисилев С.В., 1949;

Войтов В.Е., 1987), Центральной Азии, Южной Сибири (Могильников В.А., 1981, с.29-43), Тувы (Евтюхова Л.А., 1952, с 89, рис. 29; Кызласов Л.Р., 1975, с.129-130), Алтая (Кызласов Л.Р.1981) и распространение их в Восточноевропейской степи, несомненно, связано с тюркским этносом и древностями тюрок.

Не решенным до конца остается вопрос хронологии существования этого интересного обычая. Существует ли связь рассмотренных нами изваяний животных с подобными (близкими стилистически) изваяниями более поздней, половецкой эпохи? (Швецов М.Л., 1979, с. 205, рис. 3). Вариант ли это трансформации существующего на протяжении нескольких сотен лет мировоззренческого представления или заимствование в культуре других народов?

Библиографический список

1. Амброз, А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи в V – первой половине VIII в. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху Средневековья / А.К. Амброз. – М.: Наука, 1981. – С. 10-23.
2. Амброз, А.К. О вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. / А.К. Амброз. – М.: Наука, 1982. – С. 204-222.
3. Артамонов, М.И. История Хазар / М.И. Артамонов – Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. – 523 с.
4. Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Под ред. В.М. Массона, Р.Б. Сулейменова и др. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 463 с.
5. Гладких, М.И. Исследования на Луганщине // АО 1974 года / М.И. Гладких, И.А. Писларий, А.А. Кротова, и др. – М., 1975. – С. 266-268.
6. Грінченко, В.А. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенка на Запоріжжі // Археологія / В.А. Грінченко. – К.: Видавництво АН УРСР, 1950. – Т. III. – С. 37-63.
7. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев — М.: Гидрометеоиздат, 1993. – 526 с.
8. Евтюхова, Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА / Л.А. Евтюхова. – М.: Изд. Академии наук, 1952. – № 24. – С. 72-121.
9. Кляшторный, С.Г. Государства и народы евразийских степей / С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. – СПб., 2000.
10. Кызласов, Л.Р. Древняя Тува / Л.Р. Кызласов.– М.: МГУ, 1979. – 205 с.
11. Кызласов, Л.Р. История Южной Сибири в средние века / Л.Р. Кызласов.– М.: Высшая школа, 1984. – 165 с.
12. Могильников, В.А. Сибирские Древности VI – X вв, Тюрки // Археология СССР. Степи Еразии в эпоху Средневековья / В.А. Могильников. – М.: Наука,1981. – С.29-43.
13. Ольховский, В.С. Зооморфные изваяния из западного Крыма (о раннетюркских святилищах Причерноморья) // Вестник Шелкового пути. Археологические источники / В.С. Ольховский. – М., 1993. – Вып. I. – С. 210-222.
14. Отрощенко, В.В. Отчет Запорожской экспедиции за 1980 г. // НА ИА НАН Украины / В.В. Отрощенко, Н.В. Ковалев, С.Ж. Пустовалов, и др. – 1980/5. – С. 49-57.
15. Отрощенко, В.В. Охранные раскопки в басейне р. Молочной (особенности топографии курганов) // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тезисы докладов обласного научно-практического семинара / В.В. Отрощенко. – Донецк, 1987. – С. 104-106.
16. Плетнева, С.А. От кочевий к городам // МИА / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1967. – № 142. – 195 с.
17. Плетнева, С.А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху Средневековья / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1981. – С. 62-75.
18. Плетнева, С.А. Очерки Хазарской археологии / С.А. Плетнева. – Москва – Иерусалим: Мосты культуры, 1999. – 380 с.

19. Привалов, А.И. Список памятников археологии Украины. Донецкая область / А.И. Привалов, О.Я. Привалова. – К.: Изд. УООП, 1988. – 109 с.

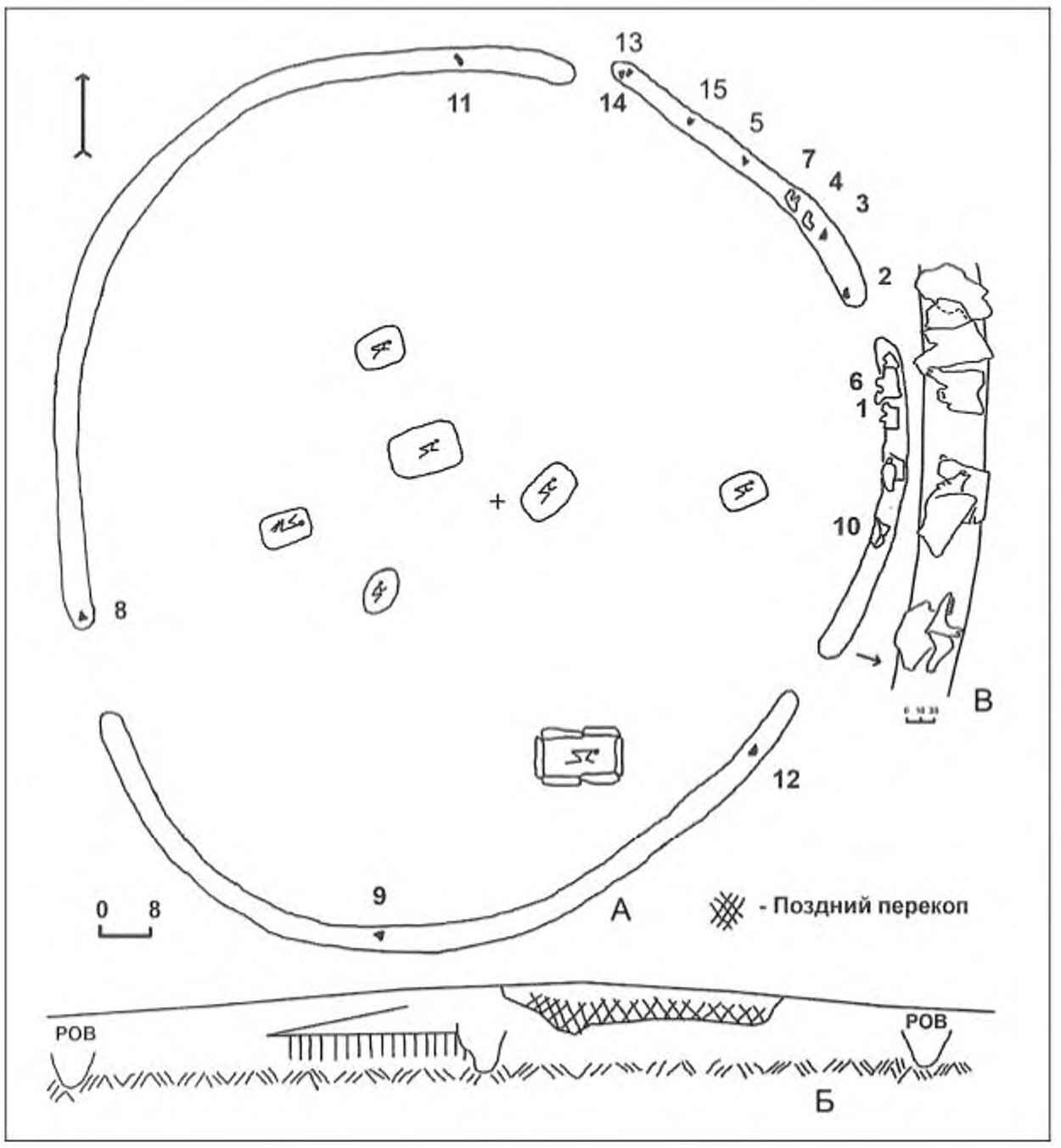

Рис.I План размещения погребений и изваяний в кургане 1 у с. Черноземное: а – план кургана; б – разрез профиля насыпи; в – план размещения основной части изваяний во рву; 1, 3, 4, 6, 7, 10 – изваяния; 9, 11-15 – фрагменты амфоры, черепа и костей лошадей; 2 – фрагменты керамики эпохи бронзы.

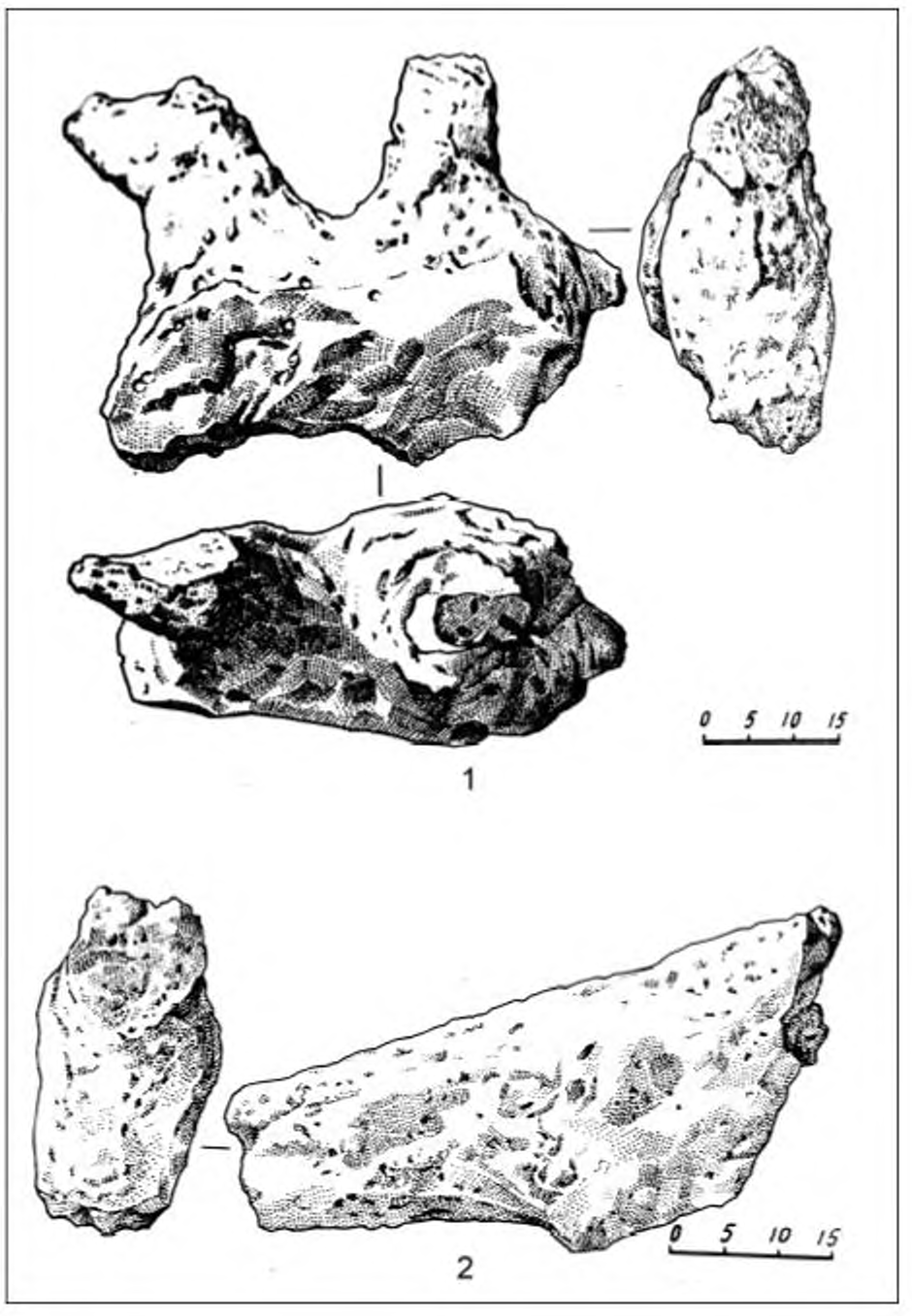

Рис.II Изваяния из северо-восточного сектора рва. 1 – верблюд с всадником; 2 – волк (?).

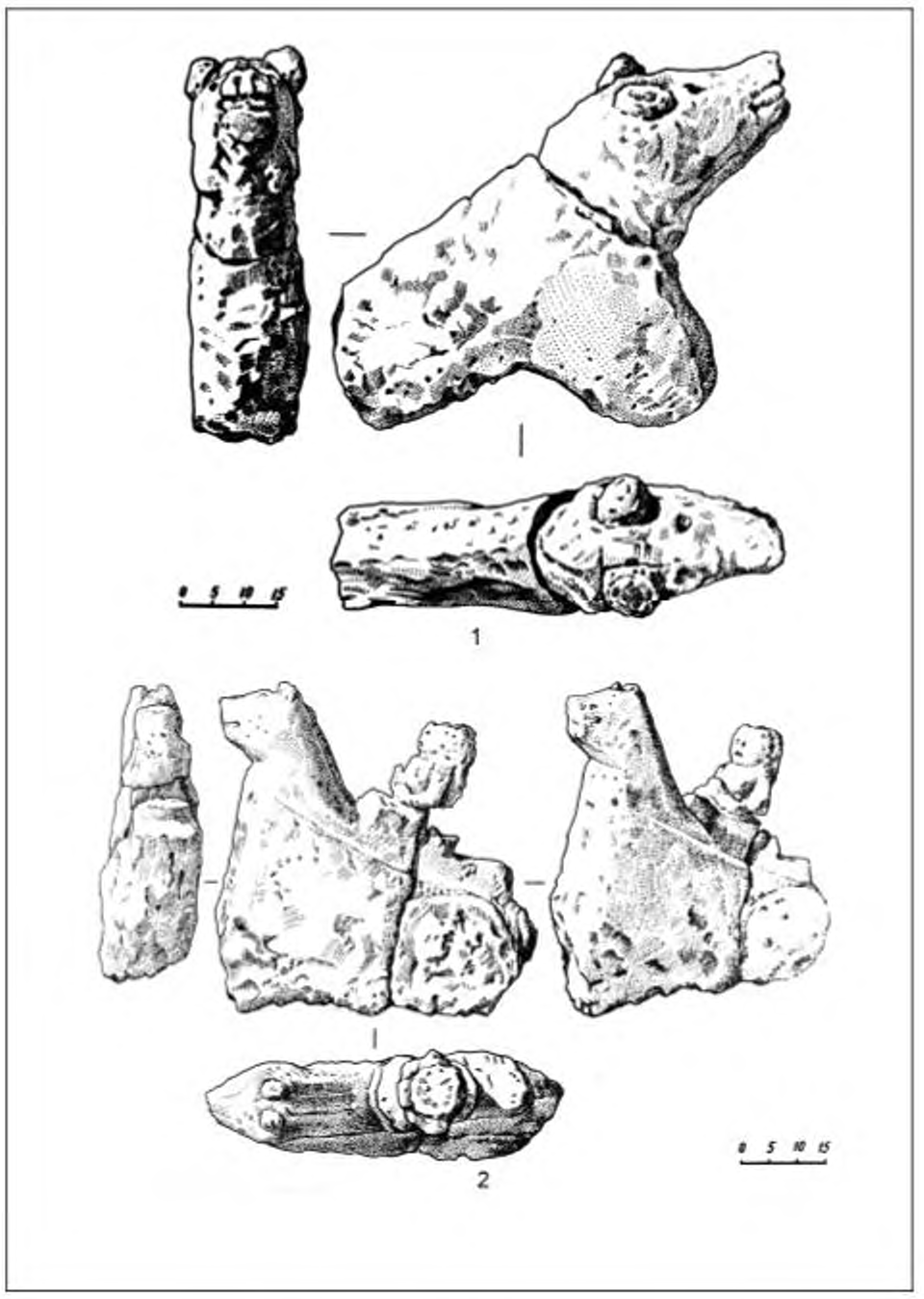

Рис.III Изваяния:
1 – медведь, 2 – всадник.

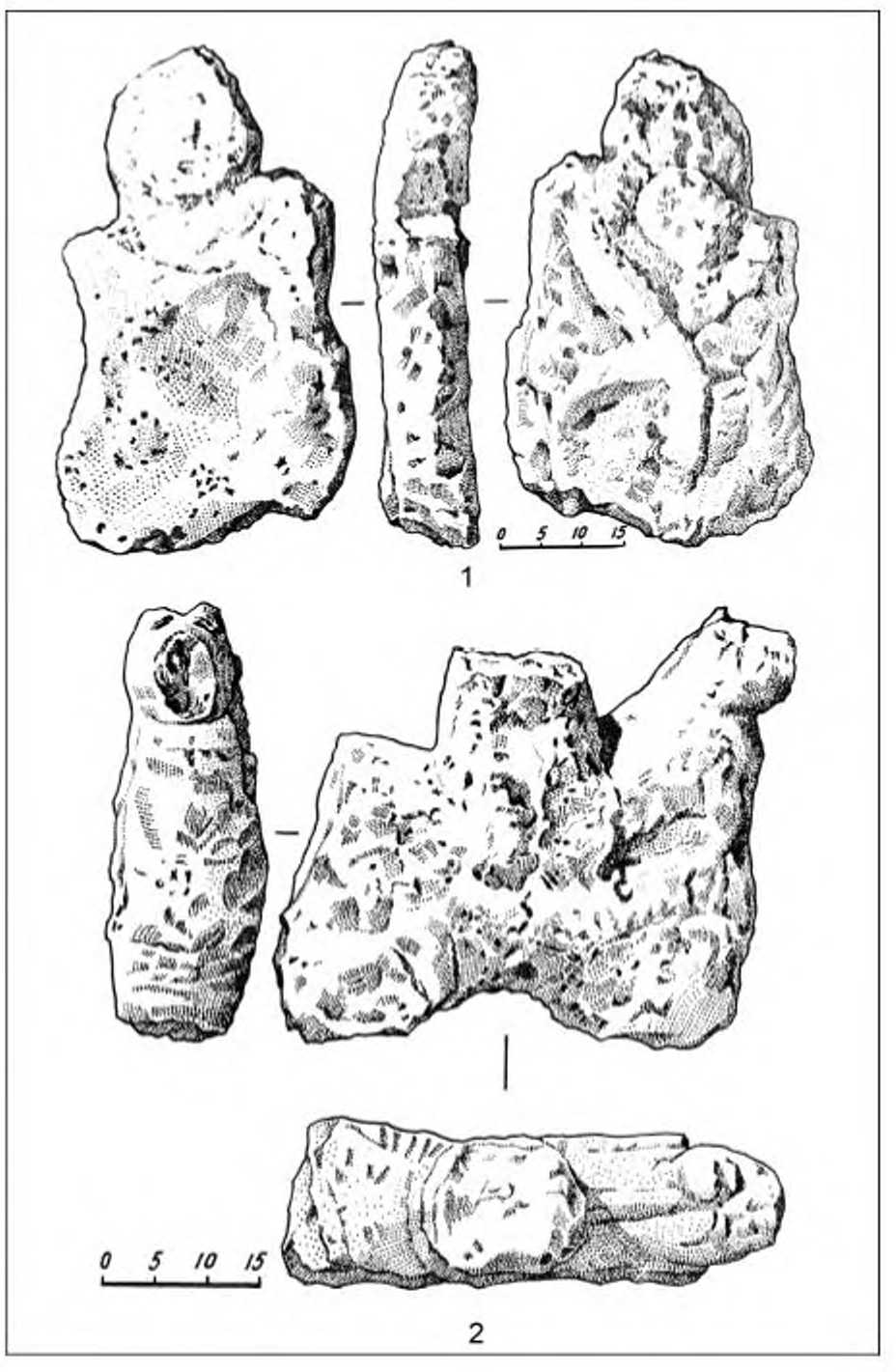

Рис.IV Изваяния
из центральной части святилища.
1 – антропоморфное изваяние;
2 – всадник.

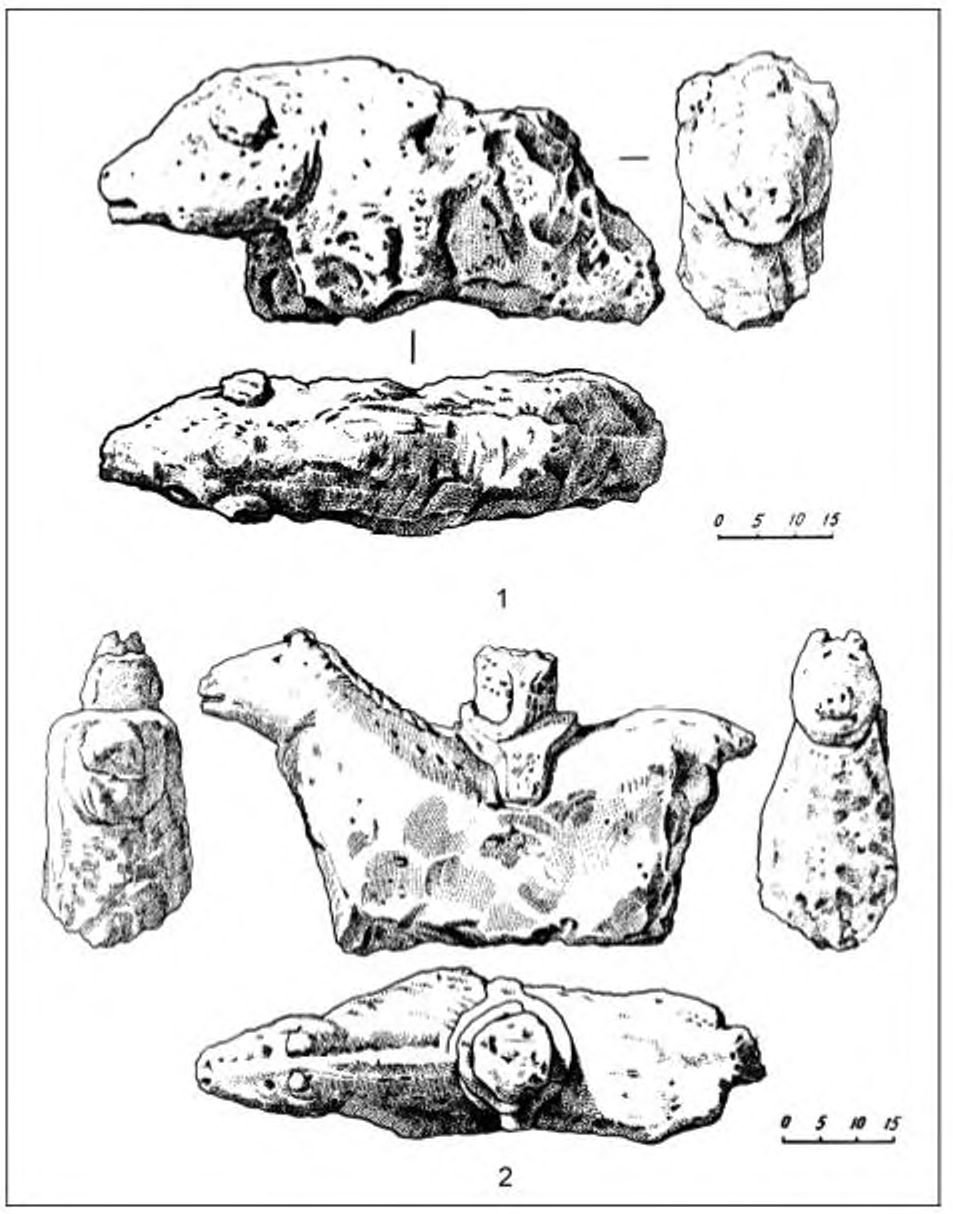
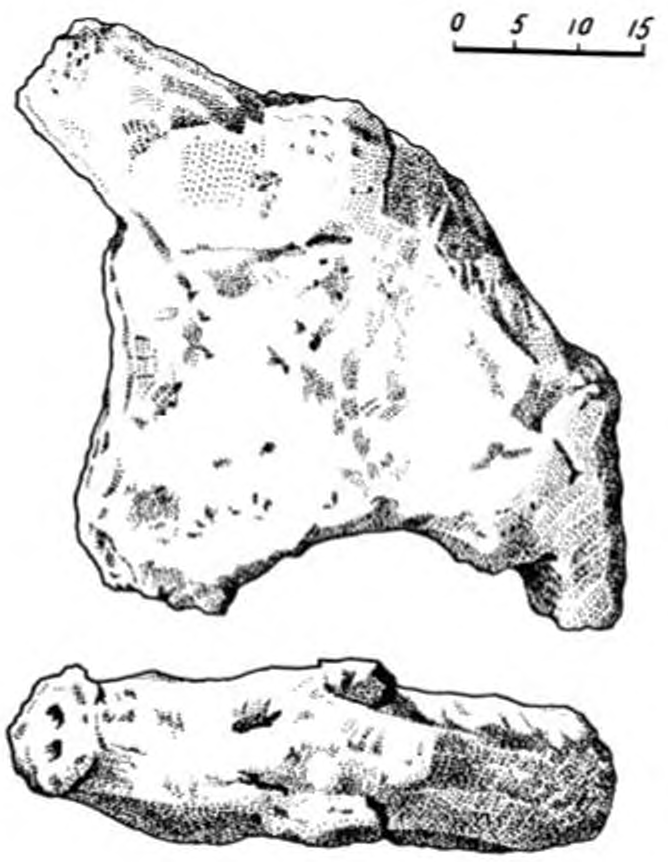

Рис.V Изваяния
из восточного сектора рва:
1 – медведь; 2 – всадник на лошади.

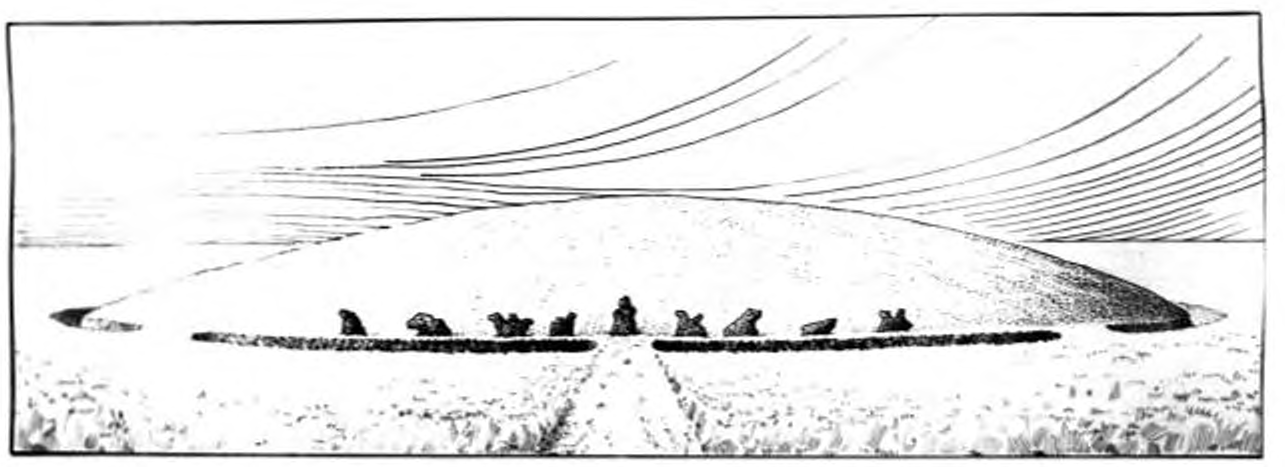

Рис.VI 1 – изваяние кабана; 2 – реконструкция святилища (по В.В. Отрощенко).

20. Пріцак, О.Й. Походження Русі / О.Й. Пріцак. – К., 1971. – Т. 1.
21. Приходнюк, О.М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н.е) / О.М. Приходнюк. – Київ – Чернівці: Прут, 2001. – 284 с.
22. Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье: Тезисы докладов международной конференции. – Донецк: Ашина, 1992. – 101 с.
23. Савинов, Д.Г. Народы южной Сибири в древнетюркскую эпоху / Д.Г. Савинов. – Л.: Изд. ЛГУ, 1984. – 175 с.
24. Сміленко, А.Т. Слов'яни та іх сусіди в степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.) / А.Т. Сміленко. – К.: Наукова думка, 1975. – 210 с.
25. Федоров, Я.А. Ранние тюрки на Северном Кавказе / Я.А. Федоров, Г.С. Федоров. – М.: Изд. МГУ, 1978. – 295 с.
26. Ходжайов, Т.К. Археолого-антропологические исследования Маяк XIII-XIV вв. // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье: Тезисы докладов международной конференции / Т.К. Ходжайов, М.Л. Швецов. – Донецк: Ашина, 1992. – С. 74-78.
27. Швецов, М.Л. Бедин Л.В. и исследование культовых сооружений восточных народов эпохи средневекоья в Донбассе // Матеріали наукової конференції археологів і краєзнавців, присвяченої 75-річчю від дня народження Л.В. Бедіна / М.Л. Швецов. – Луганск, 2005. – С. 161-168.
28. Швецов, М.Л. Святилища степного населения восточно-европейских степей эпохи средневековья // Проблемы древней архитектуры. Сб. статей / М.Л. Швецов. – Донецк: Донеччина, 2000. – С. 39-40.
29. Швецов, М.Л. Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье: Тезисы докладов международной конференции / М.Л. Швецов. – Донецк: Ашина, 1992. – С. 93-98.
30. Швецов, М.Л. Половецкие святилища // СА / М.Л. Швецов. – 1979. – № 2. – С. 202-207.

Список сокращений

АО – Археологические открытия
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии
НА ИА НАН – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
СА – Советская археология
УООП – Украинское общество охраны памятников истории и культуры

Чевалков Л.М.
(г. Горно-Алтайск, Россия)

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРНОГО АЛТАЯ В 20 – 30 ГГ. XX ВЕКА (материалы к «Истории Республики Алтай, Т. 3, 1917 – 1993 гг»)

Революция 1917 года коренным образом изменила общественное устройство России, в том числе открыла новую эпоху в истории отечественной науки.

Советская власть понимала громадное значение роли науки в строительстве государства нового типа, поэтому сразу же после революции возник важный вопрос развития науки, создания единой государственной сети исследовательских учреждений. Основные принципы новой государственной организации научной деятельности были разработаны в трудах В.И. Ленина, где особое внимание уделялось роли Академии наук.

Весной 1918 г. В.И. Ленин в «Наброске плана научно-технических работ» (Ленин В.И., с. 228-231) выдвинул ряд важнейших народно-хозяйственных проблем, для решения которых требовалось привлечение научных сил Академии наук. В частности от Высшего совета народного хозяйства требовалось дать поручение АН создать ряд комиссий из специалистов для составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России. План должен был предусмотреть рациональное размещение промышленности так, чтобы перерабатывающие предприятия были максимально приближены к сырьевой базе с целью минимальной потери труда. Этот принцип был блестяще осуществлен в широко известном плане ГОЭЛРО, созданном к 1920 году. Его разрабатывали видные ученые того времени: И.Г. Александров, Г.О. Графтио, А.Г. Коган, К.А. Круг, Б.И. Угримов, М.А. Шателен и др.

В Сибири инициатива по новой организации науки исходила от самой научной общественности. Свержение царизма сделало возможным осуществление прогрессивных начинаний ученых. В течение всего 1917 г. шла подготовка общесибирского научного съезда, который открылся в Иркутске 29 октября 1917 г. Основной целью форума было объединение всех исследователей Сибири (Газета «Иркутская жизнь»,1917 г., 29 октября).

Для этого предполагалось создать «Ведомство исследования Сибири». Председатель съезда, физик Б.П. Вейнберг, внес реальное для того времени предложение – учредить Институт исследования Сибири (ИИС), который должен был иметь «широкую общественную подкладку»: финансироваться органами земского управления и городскими думами, управляться Советом, составленном из представителей различных научных учреждений. Задача ИИС состояла в учете проведенных исследований и в организации и координации собственных изысканий. Съезд одобрил идею создания ИИС.

Это были первые шаги по новой организации науки. Но на практике преобразования шли не так быстро. Гражданская война и интервенция, разруха экономики не позволяли Советской власти выделить необходимых науке материальных и финансовых ресурсов, слабая организация не позволяла широко развернуть исследования по изучению природных ресурсов, производительных сил, человеческих ресурсов и пр. в стране в целом и в Сибири в частности. Сюда же следует добавить трудности, связанные со становлением и формированием новой идеологии в научной среде. Поэтому науке понадобилось 7-8 лет (1917-1926 гг.) для кардинальной перестройки своей деятельности. Показателен пример, когда в 1918 г. на запрос народного комиссара просвещения А.В. Луначарского Академия наук ответила согласием работать «как прежде», т.е. автономно, вне политики, со старым укладом. В целом научная работа не прерывалась, но шла по инерции. Во многих случаях продолжалась реализация ряда научных начинаний прежних лет.

Таким образом, в первое послереволюционное десятилетие в развитии Российской науки наблюдаются две тенденции: первая – коренная перестройка деятельности, связанная с революционными преобразованиями жизни всего общества, и вторая – инерционное движение, основанное на дореволюционной базе. Это было характерно для всей Российской науки в целом.

Большое внимание научные учреждения Росси в первые десятилетия после революции уделяли изучению природных ресурсов и населения Сибири, в частности Горного Алтая.

Естественно-научное изучение Горного Алтая с 1917 по 1940 гг. научно-исследовательскими организациями Сибири и центра

После революционных событий 1917 г. начался период глубокого всестороннего изучения природы и производительных сил Горного Алтая. В это время на Алтае создаются стационарные научно-исследовательские станции и организации. В его пределах ежегодно работают экспедиции сибирских и центральных научных учреждений. Здесь ведут работы многочисленные геологические партии. Для наблюдений за климатом организована сеть гидрометеорологических и гидрометрических постов и станций. Изучение Горного Алтая в Советское время ведется в плановом порядке, исследовательские работы получили комплексный характер и четкую народнохозяйственную направленность.

Большую роль в изучении территории и населения Горного Алтая и Сибири в целом сыграли две научно-исследовательских организации: Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) и Комиссия по изучению

племенного состава населения (КИПС). КЕПС была учреждена Академией наук еще в 1915 г. по инициативе академика В.И. Вернадского. В 1918 г. при поддержке Наркомпроса и ВСНХ РСФСР работа и задачи комиссии были расширены, и она превратилась в крупное исследовательское учреждение.

В круг исследований КЕПС включались вопросы, имевшие важное значение в использовании потенциальных возможностей страны для развития народного хозяйства и по тем или иным причинам не затронутые другими научными учреждениями. К 1924 г. КЕПС выполнила большую программу работ по изучению природных ресурсов страны. Ею осуществлено обобщение сведений и описание природных ресурсов по отдельным видам и экономическим районам. Особо следует выделить составление почвенных карт Западной и Восточной Сибири, в том числе и карт степной и горной части Алтая. Они сыграли важную роль в землеустроительных преобразованиях и явились существенным материалом для экономического и географического районирования. В начале 30-х гг. КЕПС была реорганизована.

Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран была организована в самом начале 1917 г. и носила ярко выраженный этнографический характер. Работа комиссии началась только после Октябрьской революции. Главной своей задачей Комиссия считала издание этнографических карт. В составе КИПС работал Сибирский отдел, главной задачей которого было составление племенной карты народов Сибири.

В 1919 г. КИПС преобразуется в постоянную комиссию Академии. Поставленные перед ней задачи имели огромное значение для изучения трудовых ресурсов страны и возможностей их вовлечения в хозяйственную деятельность. За 10 лет Комиссия проделала огромную работу. В частности она составила этнографическую карту Сибири, имевшую большое значение для учета трудовых ресурсов региона, определения ареалов расселения народов и этнографических групп, выявления возможностей и перспектив их вовлечения в хозяйственную деятельность.

КЕПС, КИПС и другие учреждения Академии наук проводили широкие экспедиционные исследования. Особое внимание уделялось малообследованным районам. Одним из таких районов был Горный Алтай. Здесь в 20-30-е гг. прошлого столетия работали ученые Томска, Москвы, Ленинграда, изучавшие природу, население, историю, культуру.

Большая исследовательская работа общегеографического характера была проведена на востоке Алтая при организации Алтайского государственного заповедника, а также в период его существования. Он был образован в восточной части Горного Алтая на стыке с Западным Саяном в горно-таежной местности с разными типами тайги высокогорной тундрой и своеобразными степями по долине р. Чулышмана. В изучении фауны и растительности заповедника принимал участие большой коллектив исследователей. Общим географическим изучением территории заповедника занималась Л.И. Семихатова. В 1934 г. она опубликовала подробное физико-географическое описание района заповедника.

Современные представления о геологии Горного Алтая заложил еще в дореволюционный период известный геолог В.А. Обручев. После Октябрьской революции геологические исследования приняли на Алтае громадный размах. В течение 20 – 30-х гг. прошлого века усилиями советских геологов в пределах Горного Алтая было открыто много новых месторождений россыпного золота и продолжена разработка ранее известных россыпей. Кроме того, в пределах Горного Алтая в 1934 г. геолог В.А. Кузнецов открывает Акташское коренное месторождение ртути, в это же время, на р. Кумир, левого притока Чарыша, находят рудное золото. Начались геолого-съемочные работы с целью составления геологических карт. В деле изучения стратиграфии, петрографии, тектоники, полезных ископаемых и металлогении Горного Алтая принимали участие очень многие геологи. Значительный вклад в изучение геологии и полезных ископаемых Алтая внес крупнейший его знаток В.П. Нехорошев, который начал свои работы с 1919 г. Ему принадлежат несколько десятков работ по геологии Алтая. Обширные сведения по истории геологической изученности Алтая даны в многотомном сочинении В.А. Обручева «История геологического изучения Сибири», выходившей в свет в течение ряда лет.

В рассматриваемый период в регионе широко развернулись геоморфологические и гидрогеологические исследования. Большое внимание ученых было уделено изучению древнего и современного оледенения Алтая, проблемам формирования современного рельефа, неотектонике, происхождению подземных вод, термальных источников и пр. Значительный вклад в исследовании этих вопросов в то время внесли такие ученые как В.П. Нехорошев, В.А. Обручев, М.В. Тронов, Р.С. Ильин и др.

До революции сеть гидрометеорологических станций на Алтае была ничтожно мала, только в конце 20-х, в 30-е гг. она начинает расширяться. Началось планомерное изучение климата горной страны. В 30-е гг. вышло несколько климатических очерков, посвященных Горному Алтаю, составленные Е.П. Березовским, А.В. Молочниковым, Н.Г. Николаевым и другими. Изучением гидроресурсов Горного Алтая занимались экспедиции Комиссии по изучению производительных сил Сибири. В 1929 г. П.П. Пиварелис опубликовал обзор водомерной сети Алтая. В 1930 г. подсчет водной энергии р. Катуни и ее притоков дали Б.В. и М.В. Троновы. В 1937 г. результаты экспедиционных исследований того времени в сводке материалов по гидроресурсам Горного Алтая обобщил Н.А. Задубин. В ней дается схема использования рек Горного Алтая и приводятся основные технико-экономические показатели намечаемых гидростанций на р. Бии, р. Катуни и ее притоках.

Большое значение в изучении почв Горного Алтая имели исследования В.П. Смирнова, проведенные им до 1926 г. Он установил большое разнообразие почв и вертикальную зональность почвенного покрова, которая нарушается в Центральном Алтае. В период с 1924 по 1928 гг. почвы Алтая изучали Б. Борнеман, К.П. Горшенин, В.А. Шелудякова. Они дали описание почв восточной части Алтая, вдоль Чуйского тракта, Уймонской степи и Катанды. В 1931 г. в составе Ойротской комплексной экспедиции Академии наук почвенный покров ряда речных долин бассейна р. Бии и некоторых правых притоков р. Катуни изучал Н.А. Колосов. К напечатанной им в 1936 г. работе приложено 15 почвенных карт района долины р. Бии от Тулоя до Кебезени, долины реки Лебедь, ниже устья реки Атлы, ряда долин притоков р. Лебеди, долины р. Пыжи и р. Саракокша с притоками, а также долин рек Маймы, Б. и М. Иши и др.

Продолжались исследования алтайской флоры. В 20-е гг. развернулись работы по изучению растительности высокогорной зоны Алтая. Здесь значительный вклад в изучение вопроса внесли В.В. Ревердатто, Б.С. Семенов, Е.В. Никитина. В 1937 г. Б.К. Шишкин на основании своих многолетних наблюдений, а также исследований других ботаников, дает общий обзор растительности Алтая и описание растительного покрова по отдельным ботанико-географическим округам, выделенным на основании геоморфологических, флористических и отчасти почвенных и климатических признаков. Растительность Чуйской степи изучала в 1936-1937 гг. А.В. Калинина, которая дала подробное геоботаническое описание этой части Алтая. Она доказала единство степной растительности Чуйской депрессии с редкотравными степями Монголии. Леса Алтая в 20-30-е гг. изучали Н.А. Аврорин, Н.Е. Гнедко, А.И. Тверской и др. Проблему комплексного использования кедрачей изучал М.В. Хржевский. Целый ряд научных исследований был посвящен вопросам практического использования алтайской флоры. Так в 1927 г. экспедиция под руководством Б.К. Шишкина занималась изучением зарослей бадана и его распространения на Алтае. В 30-е гг. ботанические экспедиции изучали душистые растения, исследовали витаминозность культурной и дикой флоры Алтая. Изучением естественных лугов и кормовых ресурсов Алтая занимались многие ботаники.

Значительное внимание в 20-30-е гг. прошлого столетия было уделено изучению фауны Горного Алтая. В 1938 г. была издана работа А.М. Колосова, в которой подведены итоги изучения фауны позвоночных Алтая, начиная с 1771 по 1935 гг. большое значение в деле изучения фауны Алтая имела организация Алтайского государственного заповедника. В изучении фауны заповедника и прилегающих районов значительную роль сыграла Алтайская экспедиция Зоологического музея Московского университета, работавшая в 1934 – 1935 гг. под руководством профессоров С.С. Турова и В.Г. Гептнера.

Гуманитарные исследования в Горном Алтае силами ученых сибирских и центральных научных учреждений в период с 1917 по 1940 гг.

С середины 20-х гг. началось изучение археологии, этнографии, языка и фольклора населения Горного Алтая силами центральных научных учреждений Москвы и Ленинграда. Алтайцев начинает изучать ряд институтов и учреждений Академии наук СССР, Государственный университет (этнографическое отделение), Академия истории материальной культуры, крупнейший музей этнографии – бывший Этнографический отдел Русского музея в Ленинграде. Музей народов СССР, Государственный исторический музей, Московское отделение Академии истории материальной культуры и пр. научные организации Москвы.

Больших успехов в 20-30-е гг. добились археологи. В 1924-1925 гг. известный антрополог, профессор Ленинградского университета С.И. Руденко произвел археологические разведки в степной и горной части Алтая. В Горном Алтае его заинтересовали большие «царские» курганы в районе с. Туэкта и в долине р. Каракол, были осмотрены курганы в урочище Пазырык. В составе его отряда работал научный сотрудник Института археологической технологии М.П. Грязнов – будущий исследователь Первого пазырыкского кургана. В 1927 г. М.П. Грязнов исследует большой Шибинский курган в долине р, Урсул. В 1929 году начались исследования курганов в урочище Пазырык долины реки Большой Улаган Улаганского аймака. После раскопок В.В. Радловым больших Берельского и Катандинского курганов, полевые исследования дали значительные результаты. Была обнаружена подкурганная мерзлота, благодаря которой великолепно сохранились предметы из органики: бальзамированные погребенные, трупы лошадей, предметы из войлока, украшенные богатой аппликацией, предметы из дерева и пр. Работами руководили М.П. Грязнов и С.И. Руденко, сотрудники Института материальной культуры г. Ленинграда. Кроме этого в 30-е годы прошлого века археологи под руководством Г.И. Сосновского производили исследования стоянок каменного века в районе села Сростки и г. Бийска. Результаты их исследований были опубликованы перед войной. Они дали основания сравнить палеолит Алтая с уже известными стоянками Афонтовой горы под г. Красноярском.

В 1935 и 1937 гг. в Горном Алтае работала Саяно-Алтайская археологическая экспедиция, возглавляемой известными археологами С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой. Экспедиция работала в зоне строительства Чуйского тракта, в Курайской степи Кош-Агачского аймака. Исследовались памятники раннего бронзового века и раннетюркского времени. Были раскопаны археологические памятники у сёл Курота, Каракол, Туэкта Онгудайского аймака, села Курай Кош-Агачского аймака. Результаты этих исследований обобщены в фундаментальном труде «Древняя история Южной Сибири», вышедшем в 1949 г. За эту работу С.В. Киселёв в 1950 г. был удостоен Государственной премией СССР.

В целом, за период 20-30-х гг. археологами были открыты новые и изучены памятники эпохи раннего железного века, тюркского времени, афанасьевской культуры раннего бронзового века, эпохи позднего палеолита. Древняя история Горного Алтая обогатилась новыми материалами.

В области этнографического изучения алтайцев также были достигнуты значительные успехи. Совместными усилиями ученые изучили этнографию всех тюркоязычных племен Алтая в ее главных разделах, собрав при этом большое количество нового материала. Появились отдельные и обобщающие работы по материальной культуре алтайцев. Здесь следует упомянуть работу Л.П. Потапова «Разложение родового строя у племён северного Алтая. Материальное производство», которая вышла в свет в 1935 г. Большое внимание в 20-30-е гг. прошлого века этнографы центральных научных учреждений уделили изучению духовной культуры алтайцев. Связано это было с политическими и идеологическими моментами, существовавшими в то время в стране, когда утверждалась новая, социалистическая идеология, шла борьба с религией во всех её проявлениях. В этот период были изучены неизвестные ранее науке религиозные культы, обряды и поверья алтайцев: культ медведя, культ гор. Обряд оживления бубна шамана, охотничьи поверья и пр. Тщательному изучению подверглась новая религиозная форма – бурханизм. Наибольший вклад в изучение бурханизма внёс А.Г. Данилин.

В целом, большой вклад в изучение материальной и духовной культуры алтайцев в то время внесли такие ученые как Л.П. Потапов, С.А. Токарев, Н.П. Дыренкова, А.Г. Данилин, Л.Е Каруновская и др.

После образования Ойротской автономной области появились широкие возможности развития национальной культуры и языка алтайского народа: были открыты национальные школы с обучением на родном языке, стали издаваться газеты, учебники, переводы общественно-политической литературы, появились также произведения поэтов и писателей-алтайцев. Данные явления потребовали дальнейшего изучения алтайского языка, пересмотра диалектной основы литературного языка и старой письменности. Эта работа длилась на протяжении 20-х – 30-х гг. прошлого века. В ней участвовали учёные научных учреждений Москвы, Ленинграда (Данилин А.Г., Дыренкова Н.П., Баскаков Н.А. и др.) и местные лингвисты-алтайцы (Тощакова Т.М., Тырмак В.М., Чевалков П.И., Куранаков Н.Г., Шабураков А.Г. и др.).

Письменный язык, созданный миссионерами в XIX в. на основе телеутского наречия не отвечал потребностям коренного населения автономной области в её новых границах, т.к. на нём говорило абсолютное меньшинство алтайцев. В 1922 г. был выбран собственно-алтайский диалект, на котором говорили жители Онгудайского, Усть-Канского, Эликманарского и Шебалинского аймаков – центральных, экономически наиболее развитых районов, где было сосредоточено большинство населения области (Баскаков Н.А., 1958, с. 13-14). В связи с этим возникла необходимость пересмотра алфавита, создания норм орфографии и терминологии. Старый алфавит изменяется, в него вводится ряд дополнительных знаков. В 1928-1931 гг., под влиянием перехода письменности некоторых тюркских народов на латинизированный алфавит, разрабатывается таковой и для алтайского языка. В этой работе участвовали учёные центральных научных учреждений (Данилин А.Г. Дыренкова Н.П., Н.А. Баскаков и др.), но основная тяжесть легла на местных лингвистов (Тощакова Т.М., Чевалков П.И., Шабураков А.Г., и пр.). Но латинизированный алфавит не прижился и в 1938 г. вновь был совершён переход на русскую основу алфавита. Параллельно ведётся работа по новой алтайской орфографии. В 1938 г. был утверждён свод правил алтайской орфографии, составленный по проекту Т.М. Тощаковой, который действует и в настоящее время. В том же году создается Областная комиссия языка и литературы в целях объединения всех специалистов-филологов и писателей Горного Алтая. В 1941 г. выходит в свет первый орфографический словарь алтайского литературного языка, составленный В.М. Тырмаком.

Одновременно с изучением алтайского языка, ведётся работа по созданию словарей и учебных пособий. В 20-е гг. вышли в свет первые словари, составленные А.С. Кумандиным и П.П. Тыдыковым. В 1928 г. вышла в свет алтайская грамматика. Составленная М.С. Канаевым. В 1929 г.издаются два учебника для средней школы «Морфология алтайского языка» А.Г. Шабуракова и «Синтаксис алтайского языка» Т.М. Тощаковой. Ею же в 1939 г. выпущена «Краткая грамматика алтайского языка». Полная и подробная научная «Грамматика ойротского языка» была составлена в 1940 г. Н.П. Дыренковой. В 1940 г. выходит работа Н.А. Баскакова «Методика преподавания родного языка».

Одновременно с изучением алтайского языка ведутся исследования и накопление материала в области алтайского фольклора. Здесь большую роль сыграли алтайские писатели и сказители П.В. Кучияк, Ч.И. Енчинов, Ч. Чунижеков, Мундус-Эдоков, А. Шабураков и др., сказитель Н.У. Улагашев, сибирский писатель А.Л. Коптелов.

Ценные работы, содержащие интересные фольклорные тексты, опубликовали учёные Л.П. Потапов, Л.Э. Каруновская, Н.П. Дыренкова.

В начале 30-х гг. появились исследования по истории Горного Алтая. Здесь следует упомянуть работы Л.П. Мамета «Ойротия» и П.Я. Гордиенко «Ойротия», в которых в виде очерков дается история алтайского народа, включая недавние события гражданской войны.

Таким образом, в течение 20-30-х гг. прошлого века совместными усилиями ученых центральных научных учреждений, научных учреждений Сибири и краеведов, был собран, проанализирован и обобщен огромный материал по природе, археологии, этнографии, языку и истории народов Горного Алтая. Собранные научные данные легли в основу для экономического развития Ойротской автономной области.

Библиографический список

1. Баскаков, Н.А. Алтайский язык / Н.А. Баскаков. – Москва, 1958.
2. Газета «Иркутская жизнь». – 1917. – 29 октября.
3. Исследователи Горного Алтая (XVII – середина XX в.). Биобиблиографический справочник. – Горно-Алтайск. 2003.
4. Кунгуров, А.Л. Сергей Михайлович Сергеев // Алтайский сборник / А.Л. Кунгуров. – Барнаул, 1992. – Вып. XV.
5. Ленин, В.И. Наброски плана научно-технических работ // ПСС, изд. 5 / В.И. Ленин. – М., 1962. – Т. 36.
6. Потапов, Л.П. Очерки по истории алтайцев / Л.П. Потапов. – М.-Л., 1953.
7. Розен, М.Ф. История исследования природы Горного Алтая / М.Ф. Розен. – Горно-Алтайск, 1961.

Торушев Э.Г.
(г. Горно-Алтайск, Россия)

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ГОРНОГО АЛТАЯ В КОНЦЕ 1929 – ПЕРВОЙ ТРЕТИ 1930 ГГ.

Коллективизация сельского хозяйства в Горном Алтае достаточно широко изучены в публикациях советского периода Л.П. Потапова, В.А. Демидова, И.П. Эдокова и т.д. Но особенно проблемные вопросы по ряду причин были недостаточно глубоко проработаны (Потапов Л.П., 1953; Демидов В.А., 1963; 1970; Эдоков И.П., 1974; 1987).

В постсоветский период в изданиях «История Горного Алтая. В трех томах» и «Горный Алтай: история социального развития первой половины XX века» были освещены некоторые негативные факторы, связанные с коллективизацией, которые умалчивались авторами в советский период (История Горного Алтая, 2000; Горный Алтай: история социального развития первой половины XX века, 2007).

Социалистическая перестройка аграрного сектора Ойротии (Горного Алтая) начатая в 1928 г. требовала своеобразного подхода определенными многими особенностями региона. В данной работе будет сделана попытка глубже рассмотреть процессы переустройства сельского хозяйства Ойротии периода конца 1929 и первой трети 1930 гг. События, связанные с коллективизацией в это время, автор считает одни из самых динамичных и трагичных в первом этапе социализации сельского хозяйства региона (первый этап связан с первой пятилеткой 1928-1932 гг.), которые в будущем будут иметь большой резонанс. В качестве источников будут использованы архивные материалы Комитета по делам архива Республики Алтай (КПДА РА): Фонд № 1. Ойротского областного комитета РКП(б).

В 20-е годы XX в. политическое руководство Советского Союза принимает курс индустриализации страны. Быстрый рост центров индустрии увеличил численность городского населения, вызвал огромную потребность в продовольствии, а промышленность в техническом сельскохозяйственном сырье. И правительством была взята установка на коллективизацию сельского хозяйства. Партийное руководство считало, что старая мелкотоварная экономика, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве является преградой в построении социализма в стране. С другой стороны, индустриализация, которая также должна была начаться и в сельском хозяйстве (внедрение машин и механизмов) могла быть эффективна лишь в масштабах крупных хозяйств.

В Ойротии политика коллективизации в 1928 г. начинается с всесторонней поддержки коллективных и бедняцких хозяйств (Демидов В.А., 1970, с.142; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 448. Л. 1,2,3; Эдоков И.П., 1987, с.71, 75). В результате усиления организаторской и массово-политической работы произошли заметные сдвиги в развитии социализации сельскохозяйственного сектора в регионе (Демидов В.А., 1970, с.142; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1.

Д. 448. Л. 1,2,3; Эдоков И.П., 1987, с.73). Если от общего числа крестьянских хозяйств колхозы в 1927 г. объединяли 1,8% хозяйств Горного Алтая, то к октябрю 1928 г. уже было 2,54 % (Екеев Н.В., 1988, с.126; Демидов В.А., 1970, с.145).

Для проведения дальнейшей своей политики коллективизации сельского хозяйства в Ойротии партийное руководство с помощью жестко контролируемых выборов 1929 г. вводит в сельские Советы ту часть крестьянства, которая всегда будет поддерживать все начинания советской власти. Предварительно до выборов были выявлены кулаки и баи, которых затем лишили избирательного права. Данное способствовало тому, что традиционно влиятельная в экономической, политической и общественной сферах жизни у населения аграрного сектора области, особенно у коренного и казахского этноса, зажиточная часть, утрачивает свои позиции и оказалась в изоляции (Политика раскулачивания в Сибири, 2000, с.11; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 481. Л. 89-98; Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области, 1973, с.181, 196; Эдоков И.П., 1987, с.76).

Поспешность колхозного строительства в области стала допускаться с осени 1929 г. Хотя колхозы в основном создавались на добровольной основе, но их организационно-хозяйственному укреплению не уделялось должного внимания. Не хватало специалистов агрономов и зоотехников, счетоводство находилось в запущенном состоянии. Некоторые руководители аймаков начинали форсировать коллективизацию, создавая карликовые колхозы (Демидов В.А., 1970, с.152).

В начале декабря 1929 г. на бюро обкома ВКП(б) рассматривался вопрос о темпе коллективизации в Горном Алтае. В постановлении отмечалось, что колхозное движение набирает высокие обороты даже в кочевых районах области. Переоценка действительного положения на местах создавала у руководящих партийных и советских работников области настроение в пользу ускорения темпов коллективизации. В результате было принято решение вовлечь в колхозы к весне 1930 г. не менее 25% крестьянских хозяйств. Решением бюро обкома партии от 25 октября 1929 г. совершено необоснованно Усть-Канский, Онгудайский и Уймонский аймаки были объявлены районами сплошной коллективизации. Хотя к этому времени было коллективизировано в Усть-Канском аймаке 35,8%, в Онгудайском – 17,6%, Уймонском – 9%. Не были учтены социально-экономическое развитие различных районов и степень подготовленности крестьян-скотоводов к вступлению в колхозы (Эдоков И.П., 1987, с.83).

В январе 1930 г. количество колхозов достигло 171 и объединяли 18% крестьянских хозяйств. На первых порах советским и партийным органам только администрирование давала видимый успех в социализации сельского хозяйства, так как при отсутствии необходимых предпосылок коллективизацию иным путем не возможно было выполнить. За январь и февраль 1930 г. Западно-Сибирский краевой комитет взял курс на создание преимущественно коммун. Соответственно в Горном Алтае число коммун увеличилось с 3 в 1928 г. до 23 в 1930 году. Начали создавать крупные коммуны, объединяющие несколько колхозов. Руководящим работникам казалось, что обобществление всего продуктивного скота поможет сохранить его от уничтожения. При этом забывался ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1929 г., который указывал, что национальные районы, где «сильны были пережитки патриархально-феодальных отношений» не были готовы к таким переменам. Поэтому в этих районах основными формами колхозного строительства на первых парах должны быть простейшие производственные товарищества по совместной обработке земли или совместному содержанию скота (Эдоков И.П., 1987, с.87-88).

В коллективных хозяйствах обобществлялась вся находившаяся в наличии крестьян продуктовая живность, в чем не было нужды. Так к 25 февраля 1930 г. за время «сплошной коллективизации», кроме лошадей, КРС (крупнорогатый скот), МЛС (мелкорогатый скот), свиней и маралов в колхозах области было обобществлено птиц – 28997, кроликов – 4135 (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 98).

Ошибкой в коллективизации было и то, что в некоторых местах начали создаваться колхозы-гиганты, без учета того, что объективных для этого условий не было. В некоторых районах создавались хозяйства с пастбищами и сенокосами в 70 тыс. га. Созданные при отсутствии кадров и материально-технической базы колхозы-гиганты вызывали только недовольство крестьян (Эдоков И.П., 1987, с.88).

Особенно широкие размеры спешка и администрирование приняли в Усть-Канском аймаке. Секретарь Усть-Канского райкома Давидович, инструктируя 9 января 1930 г. работников по коллективизации требовал, чтобы они убыстрили темп работы «нажать на коллективизацию, так как нас догоняют Онгудайский, Шебалинский и другие аймаки. Мы имеем 60% коллективизации, а Онгудай – 57, Шебалино – 50». В аймаке начались случаи насилия над теми, кто не хотели вступать в колхозы. Так уполномоченный «Усть-Канского АИКа» (аймачный исполнительный комитет) в с. Белый-Ануй угрожал женщинам винтовкой «… за отказ пойти в колхозы»». В Талицкую коммуну Усть-Канского аймака вступила семья бедняка С. «имеющий жену и 5 человек маленьких детей». Когда жена бедняка С. подала заявление об уходе с коммуны, ее исключили и потребовали от мужа, чтоб он с ней разошелся. Но муж не дал развода, и его также исключили «а имущество не возвратили». При попытке жены забрать свою корову, она была избита коммунаром (Эдоков И.П., 1987, с.88; Демидов В.А., 1970, с.152; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 10, 13].

Увлеченные первыми успехами колхозного строительства в Горном Алтае, пленум обкома партии, состоявшийся в начале февраля 1930 г., принял ошибочное решение об осуществлении сплошной коллективизации весной текущего года: «Широкое развитие колхозного движения в области, охватившее к 1 февраля 47% всего населения, поставила перед партийной организацией задачу – закончить коллективизацию всей обжитой части области в текущую сельскохозяйственную компанию» (Демидов В.А., 1970, с.153; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 9). В некоторых случаях коллективизации проводились в течение нескольких суток. «Сплошную коллективизацию того, или иного села, урочища, объявляли в 24 часа, а в лучшем случае в «пятидневку». Для достижения положительных результатов использовали различные методы. «Беднячке Н. у которой после родов прошла только одна неделя, была больная, за отказ вступить в коммуну, – предложили немедленно выселится из дому» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 11-12). Так по Чемальскому аймаку на 25 января 1930 г. было коллективизировано 43%, через 5 дней – 67%, а на 20 февраля – 96%. В Лебедском аймаке в течение нескольких дней процент социализированных хозяйств возрос с 5 до 85%. В Кош-Агачском аймаке, где население вело кочевой и полукочевой образ жизни, было коллективизировано 80% хозяйств скотоводов. Всего на 20 февраля 1930 г. в колхозах области было объединено 18586 хозяйств или 81,4%. Но высокий процент коллективизации к началу 1930 г. не отражал действительного положения. Значительная часть крестьянских хозяйств Горного Алтая, особенно кочевых и полукочевых районов, не была еще готова к вступлению в колхозы (Эдоков И.П., 1987, с.87). Тех единоличников, которые не хотели вступать в колхозы, запугивали: «Если будете оспаривать, не пойдете в колхозы, будем садить на камни», «Кто не вступит в коммуну, произведем опись имущества, т.к. есть такой закон. Советов не будет и некому Вас будет защищать», «У нас в аймаке (Усть-Кан) коллективизировано 96%, а с 4% и говорить не будем, кто не пойдет тех немедленно выселим», «Кто не пойдет в коммуну тот помощник Чемберлена» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л.10, 11).

Наряду с политикой сплошной коллективизации сельского хозяйства сталинским правительством ставилась задача **уничтожения кулачества как класс**, так как оно считалось основным препятствием в социализации сельского хозяйства (История Коммунистической партии Советского Союза, 1971, с.53; КПДА РА. Ф. 1. Д. 581. Л. 13). Но была и другая причина уничтожения кулачества, несмотря на все меры, предпринимаемые советским правительством, многие колхозы в 1929 г. оставались маломощными, испытывали острейшую нужду в сельскохозяйственном инвентаре и тягловой силе. Так как абсолютное большинство их сложилось на базе бедных хозяйств. К октябрю 1929 г. бедняцких хозяйств в колхозах было 70,5%, середняцких – 26,2% и служащих – 3,3%. Преобладали в основном мелкие колхозы. В среднем на один колхоз приходилось 17 хозяйств, 8 рабочих лошадей, 27 голов КРС и 40 овец (Эдоков И.П., 1987, с.83, 99-100). Поэтому еще 25 декабря 1929 г. бюро Ойротского обкома ВКП(б) отметило, что колхозы области из-за своей низкой обеспеченности скотом долгое время будут оставаться полупотребительскими. А для поднятия товарного животноводства потребуются значительные капиталовложения в порядке кредита. Только за 1930 и 1931 г. для существующих колхозов нужно будить закупить: коров – 12000 голов, овец 60 тыс. голов. Весь этот скот бюро предлагало приобрести у байства. Для этого предлагалось

экономически изолировать байство от остального алтайского и казахского населения, чтобы подорвать ее влияния на эти слои и провести конфискацию средств производств «кулацко-байской верхушки», разделив по аймакам в зависимости от количества скота: а) в чисто скотоводческих аймаках (Улаган и Кош-Агач) раскулачить хозяйства с 75 и выше голов скота «в переводе на крупный»; б) в скотоводческо-земледельческих аймаках (Онгудай, Усть-Кан) раскулачить хозяйства с 50 голов скота «в переводе на крупный»; в) в смешанных аймаках раскулачить с 35 голов скота (все остальные аймаки области) «в переводе на крупный». У русских кулаков провести экспроприацию «имеющие имущества и средства производства на сумму от 2 тыс. руб. и выше». Далее бюро обкома предлагало «Все конфискованное имущество и средства производства передать существующим и вновь организованным колхозам, как алтайским, так и русским». На все эти мероприятия бюро обкома просила разрешения у Краевого комитета ВКП (б) (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 1-2).

Областные власти с начала 1930 г. в полный оборот развернули работы по давлению на кулачество. Так в январе в резолюции Ойротского комитета ВКП(б) отмечалось, что в Онгудайском районе аймачным партийным комитетом не на должном уровне ведутся работы по дальнейшей изоляции байства и кулачества от другой части сельского населения: «для борьбы с кулацко-байскими элементами не были достаточно организованы батрацко-бедняцкие массы», «не могли по большевистски организовать батрацко-бедняцкие массы и в союзе со середняками повести их в наступление на капиталистические элементы». Далее в резолюции отмечалось «Благодаря низкому политическому уровню и идеологической неустойчивости партийной организации, имели место как «левые» так и, особенно, «правые» колебания. Особенно проявлялся правый уклон в практической работе: кредитование кулаков-баев, недообложение кулацко-байской верхушки, слабый темп коллективизации и т.д.». Так же Областной комитет отметил, что в работе Онгудайского АПК (аймачный партийный комитет) имеются следующие недоработки: «Значительное недовыявление кулацко-байских хозяйств для привлечения их к индивидуальному обложению», «совершенно незначительное привлечение кулаков, не сдавших в срок хлебных излишков к административно-судебной ответственности». Так же предписывалось очистить колхозы от кулаков и баев. До 15 января выявить оставшуюся байско-кулацкую часть населения аймака и обложить ее индивидуальным налогом (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 6-8).

Бюро обком считало, что в аймаках области ведется слабая работа по выявлению кулацких и байских хозяйств. Поэтому начали наказывать некоторых партийных работников, которые, по мнению бюро, были недостаточно жесткие. Так был объявлен выговор «уполномоченному ОблИК – по учету объектов обложения в Онгудайском аймаке» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 8). Бюро считало недостаточно жесткими меры по отношению к кулакам в Усть-Канском аймаке, где партийным работникам инкременировалось следующее: «а) недоучет хлебных излишков у кулаков…», «б) неиспользование в полном объеме, как мер нажима и репрессии в отношении кулаков, ст. 61 УК», так же «в) ограничения участия на торгах низкие оценки имущества кулаков, не обеспечивающих покрытие штрафов (пятикратки и др. долговых обязательств кулаков государству), поставить на вид Усть-Канскому АПК и областному уполномоченному по хлебозаготовкам т. С.». Некоторых работников сняли с занимаемой должности «Согласиться с постановлением Усть-Канского АПК о выводе из состава бюро т. Б.», который допустил «мягкотелость и нерешительность» в определении хлебных излишек у «талицких кулаков». Также были сняты с занимаемой должности участковый помощник прокурора и областной прокурор, которые «в деле талицких кулаков допустили политическую близорукость, непонимание обстановки классовой борьбы и допустили формально-бюрократическое, поверхностное расследование этого дела» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 5).

В данной работе выше уже отмечалось, что еще в декабре 1929 г. бюро Ойротского обкома ВКП(б) просит разрешение на проведение конфискации имущества у баев и кулаков области. Крайком ВКП(б) от 2 февраля 1930 г. официально дает разрешение на проведение раскулачивания. В постановлении отмечено, что «ускорение темпов строительства новых коллективных хозяйств, вовлечение в движение миллионных масс бедноты и середняков, – создали необходимые условия для коренного поворота от

политики ограничения и вытеснения кулачества к политике его (кулачества) ликвидации, как класса. Таким образом, проведение раскулачивания является основной частью и результатом развития колхозного движения». При проведении раскулачивания в сельской местности крайком предписывал и в дальнейшем упор делать на бедноту, поэтому предлагалось организовать эти слои и уделить особое внимание на эти мероприятия (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л.15).

Также Крайком постановил «на усиление темпов коллективизации и проведение в связи с этим мер экспроприации кулачества» мобилизовать не менее 6 тыс. городских коммунистов для работы в сельской местности Западно-Сибирского Края. Далее предписывалось сформировать и послать «в деревню рабочих бригад из лучших наиболее классово выдержанных, не подверженных крестьянским настроям беспартийных рабочих. Утвердить решение секретариата о мобилизации для колхозов 800 счетных работников. Обязать фракцию Крайсовпрофа всемерно ускорить проведение этой мобилизации». У советской власти были опасения, что при проведении коллективизации и насильственного раскулачивания могут возникнуть беспорядки, которые могут поддержать промышленные рабочие. Поэтому Крайком ВКП(б) в городах и промышленных районах среди рабочих обязал «немедленно развернуть» митинги и собрания, где наряду с другими проблемами должны были обсудить вопросы о коллективизации и «ликвидации кулачества, как класса. К обслуживанию митингов и рабочих собрании систематически привлекать наиболее сильных и подготовленных товарищей окружного актива». А в сельской местности при проведении раскулачивания особо осторожный подход должен быть к кулакам «члены семей, которых длительное время работают на фабриках и заводах, должен быть особо осторожный подход с выяснением положения соответствующих лиц не только в деревне, но и соответствующих заводских организаций» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 16,18).

Также Крайком постановил во время проведения экспроприации раскулаченных разделить на 3 категории:

а) первая категория — контрреволюционный кулацкий актив, который должен быть немедленно ликвидирован путем заключения в концлагеря, в эту же категорию включили организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций «перед применением высшей меры репрессии»;

б) вторую категорию должны составлять остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые подлежат выселке в отдельные местности СССР, а в пределах данного края в отдельные районы;

в) в третью категорию входят остальные кулаки, которые подлежат расселению на отведенные им за пределами колхозных хозяйств участках.

Далее в постановлении бюро крайкома ВКП(б) отмечалось, что всё конфискованное имущество должно быть передано колхозам. А выселяемым кулацко-байским семьям оставить «самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером работы на новом месте, и необходимые на первое время продовольственных запасов» и до 500 руб. деньгами на семью «необходимой для проезда и устройства на месте» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 17).

Данное решение Крайкома ВКП(б) было принято Ойротским обкомом как программа действия в дальнейшем. В постановлении заседания бюро Обкома за 6 февраля 1930 г. отмечалось «Исходя из этого, бюро ОК считает, что решение Крайкома ВКП(б) от 2 /II-30 г. целиком и полностью применимо в условиях Ойротской области и постановляет:

1. Предложить всем АПК, руководствуясь решением Крайкома от 2/II-30 г., еще энергичнее развернуть массовую работу среди батраков и бедняцко-середняцких масс для выполнения задачи сплошной коллективизации и на этой основе ликвидацию кулачества и байства

2. При практическом осуществлении политики раскулачивания целиком и полностью руководствоваться методами, указанными решениями Крайкома» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 9).

Областные партийные органы считали, что надо учитывать специфику коренного и казахского населения Горного Алтая, у которых зажиточная часть «баи еще сохраняли значительное экономическое и политическое влияние на окружающую бедноту и

середняков» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 581. Л. 12, 14), и обком выносит решение: «Для окончательной ликвидации влияния на отдельные прослойки бедняцко-середняцких масс алтайцев и казаков со стороны байской верхушки и противодействия с их стороны мероприятиям, проводимым партией и советской властью, считать необходимым включение всех баев алтайцев и казаков в 1 и 2 категорию» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л.9).

По подсчету советских органов только в наиболее обеспеченных «байско-кулацких хозяйствах» области, которые от общего числа к 1930 г., составляли 2.7%, сконцентрировалось – 10.2% всего поголовья крупного скота. Предполагалась у них экспроприировать «не менее чем в 20 тыс. голов, что при средней головы крупскота в 35 рублей даст 700.000 рублей» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 581. Л. 15-20).

Одним из самых распространенных способов борьбы с кулачеством и байством стало обложение их хозяйства индивидуальным непосильным налогом или нереальным заданием, при невыполнении которых отбирали все имущество в колхоз. ««Наложить на кулака задание, чтоб с него пух летел»». В некоторых случаях имущество кулаков подвергалось распродаже с аукциона. Раскулаченных выгоняли с мест проживания им «давали волчьи билеты, с правом проживания в селе не более 3-х суток. Народ, будучи запуганным, этих раскулаченных не пускал. Последние уезжали неизвестно куда, возможно, что и в банды» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 9, 12).

Многие местные партийные органы области допускали избиение и террор во время раскулачивания: «Когда мужики спрашивали местных коммунистов, допустимо ли при раскулачивании избиение, то они им отвечали: «тогда, когда это нужно»». Так секретарь Усть-Канского айкома ВКП(б) Д. с некоторыми аймачными работниками допрашивал раскулаченных, применяя метод избиения, даже детей 12 и 14 лет. «Когда производили избиение, то в это время в другой комнате за стенкой заставляли комсомольца Ч. играть на гармошке и петь песни, чтобы заглушить крики избиваемых». Этот же секретарь «с группой своих головорезов, ночами выводил кулаков на реку Коксу и ставил их там под расстрел». Было не мало случаев в области, когда выгоняли на мороз жен и детей кулаков без верхней одежды и босиком, или раздетых кулацких детей садили в холодный подвал. В Улаганскам аймаке за два дня было арестовано 22 человека «из 60 намеченных к раскулачиванию». В этом же районе был создан отряд «в 150 человек (аймак исключительно национальный), который рыскал по аймаку и наводил панику среди населения, в результате, покончили жизнь самоубийством (задавились) семь алтайцев, из которых один кулак- бай, остальные бедняки и середняки. Были случаи самоубийства и в других аймаках» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 12-14).

С экспроприации имущества кулаков, участились случаи мародерства и хищения. «Нарследователь К. предложил Нач. Милиции Н. снять с кулаков хорошие шубы, из которых дать одну – ему К.». Когда начальник милиции не согласился, то К. по этому вопросу обратился находящемуся в данном районе областному прокурору и председателю областного суда, «которые и разрешили раздеть кулаков. Однако и после этого Нач. милиции не согласился, тогда председатель АИК … дал официальное предписание раздеть кулаков и последние были раздеты. К. получил для себя шубу». Были и другие случаи, когда у кулаков отбирали шубы (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 14).

Председатель «Красноярского сельсовета Уймонском аймака, М. – чл. партии, взял от раскулаченного О. тушу свинины и унес домой: пред. Уймонской Кредитки – партиец, Г. забрал себе ведро меду, брали мед и другие работники». В с. Теректа у кулака П. забрали золотое обручальное кольцо, а у его жены «помимо вещей личного обихода спринцевальную кружку». В с. Усть-Кокса комиссия, которая проводила раскулачивание «самые лучшие вещи забрала себе». «В Карасукском сельсовете был факт, когда комиссия при раскулачивании кулака Л. обнаружила варенье, то бросила опись имущества взяли ложки и набросились есть варенье». В с. Сайдыс по распоряжению секретаря ячейки Ч., было отобрано и растащено имущество у батрачки Б., якобы как у жены кулака, а также с ее руки сняли серебряное кольцо. «Аймачные работники Усть-Кана забрали для личного пользования вещи: секретарь АПК Д. – доху, Л. Зав. АЗО – доху, Т. – лошадь с упряжью, пиджак, одеяло и др. вещи», а кандидатка в партию Ч. – три шали и т.д. Некоторые секретари АИК «считали положительным фактом» когда бедняки и батраки раздевали

кулаков и забирали их вещи «едет бай в хорошей шапке или шубе, его останавливают, снимают с него шапку или шубу одевают на себя, а ему отдают свое барахло» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 14-16).

В Кош-Агачском аймаке «Кроме основных средств производства, скота у баев брали предметы домашнего обихода: чашки, ложки, зеркальца, полотенца, казаны, чайники, не говоря уже о ценных меховых шубах, коврах, кочемных юртах» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 15).

Все эти действия поощрялись представителями советской власти. «Контрольная Комиссия в лице Преда Р. эти безобразия поощряла … одна из ячеек своему члену вынесла парт взыскание за присвоение чужого имущества, КК это отменила» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 15-16).

К 15 марту 1930 г. было раскулачено 1166 хозяйств. Из них «было подвергнуто аресту кулаков – 303». Всего арестовано и выслано за пределы области «с общим количеством членов семей – 1256 чел». Из общего числа раскулаченных половину составляли «камы, ярлыкчи, середняки, даже бедняки не платящие налога батрака» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 19).

Перегибы были и в антирелигиозной кампании, так в докладной Обкома посланной в Крайком ВКП(б) отмечалось: «Была дана твердая директива ликвидировать, как класс всех служителей религиозного культа, не взирая на их ранги и социально-имущественное положение. Эта директива выполнена в точности и полностью по всей Области. Но дело не в этом. Сам этот факт по себе бледнеет перед тем, что творили в части «антирелигиозной» пропаганды». Далее в документе отмечалось «В селе Майма-Чергачак комсомольцы залезли на кресты и иконы иконостаса и кричали толпе верующих – «молитесь на нас», причем один из коммунистов стрелял из револьвера в кресты стоящие на церкви». В с. Тюдрала после закрытия церкви «зашли в последнюю и всем «богам», – «боженятам», выкололи глаза. Всю церковную утварь забрали, церковные ризы, рясы и разные халаты продаются через общества потребителей, – член партии Р. сшил себе из ризы френч, а другой коммунист Б. сшил брюки». Во время экспроприации у кулаков «ломали кресты, жгли иконы, рвали церковные книги и т.д., произведя это на глазах верующих». Особенно этим отличился упомянутый выше секретарь Усть-Канского аймачного парт комитета Д. (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 16).

В некоторых случаях доходило «до такой глупости, что отбираемые иконы, религиозные книги, сдавали Госторгу, а сидящие дураки в последнем принимали (село Татарка)». Начатая «антирелигиозная» компания в области посеяла такой «страх и панику на служителей культов», что «последние в частности муллы и камы сами начали сдавать костюмы, бубны и др. принадлежности» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 16-17).

Вся эта антирелигиозная деятельность вызвало недовольство среди крестьянского населения «В селе Майма-Чергачак, один из граждан пришел на общее собрание, принес с собой ранее отобранную поповскую ризу, которую стал показывать собранию и говорит: «Вот смотрите граждане, как они обращаются с нашим церковным имуществом»» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 17).

Коренное население была не довольна допущенными во время сплошной коллективизации грубейшими и бестактными действиями по отношению к их традициям и обычаям: «обобществляли женское седло, считавшимся для мужчин неприкасаемым, насмехались над шаманскими бубнами, заставляли обрезать косы, снимать чегедек, надсмехались над обычаем пить чай с солью, нарушали традиционное право на женскую половину в жилищах, насильно выселяли из юрт т.д. т.п.» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 579. Л. 23).

Из-за перегибов в политике сплошной коллективизации, администрирования и связанные с этим извращения, как в хозяйственной деятельности, так и в раскулачивании, бестактного отношение к устоявшим обычаям, традициям и религии все это вызвало недовольство крестьян. В результате всего этого начались противодействия коллективизации.

Некоторые, в том числе бедняки и середняки, стали уезжать с мест жительства, бросая свое имущество (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л.13; Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 16). Участился массовый забой скота, распродажа и уничтожение имущества: «выдвинули

провокационный лозунги «Режь скот, оставляй одну корову, коммуна прокормит», «Сначала обедниться, а потом объединиться». Так середняк А. на предложение вступить в колхоз ответил: ««Я в колхоз не пойду до тех пор, пока не распродам свое хозяйство, ведь в коллективе собрались все лодыри, лентяи и ничего не делают, а занимаются самосъеданием»». В Лебедском аймаке в с. Байгол кулак Л. «имел хорошую пасеку. Собираясь бежать с Ойротии всех пчел убил» уничтожил 30 рамочных ульев (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 4-5). Некоторые недовольные крестьяне почти насильно загнанные в колхозы начали заниматься вредительством во время производственной деятельности «… проводить явный саботаж, не выход на работу хозяйственное вредительство, изнурение, замаривание скота, замораживание телят, ягнят, факты поджога имущества и т.д. Все это, несомненно, влияло в сторону стихийного развала колхозов» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 24).

С 1 января по 20 февраля 1930 г. в 6 аймаках (Уймонском, Усть-Канском, Онгудайском, Лебедском, Чемальском, Мйминском) за контрреволюцию осудили 153 человек, из них 9 приговорили к расстрелу, а остальным дали сроки от 5 до 10 лет. Осужденным инкриминировалась в основном агитация за уничтожение скота (112 проговорены к различным срокам лишения свободы, 6 – к расстрелу), и агитация против коллективизации (30 приговорены к различным срокам лишения свободы, 3 – к расстрелу), 1 человека осудили за агитацию против мероприятии советской власти, и 1 за вредительство в коммуне. А за предыдущий 1929 г. «до поворота политики и ликвидации кулака-бая, как класса» в области за контрреволюцию было осуждено всего 15 человек из них: дали условный срок – 1, до 3 лет лишили свободы – 3 человек, до 5 лет – 6, и свыше 5 лет – 3, к расстрелу приговорили – 2 осужденных (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 32, 34).

Ведущей отрасли хозяйства области животноводству из-за политики сплошной коллективизации был нанесен тяжелый урон. По приблизительному подсчету Статотдела «по 8 аймакам (за исключением Улаганского и Кош-Агачского)» на 15 марта 1930 г, в области резко сократился скот, по сравнению с 1929 г. Если КРС в 1929 г было 186598, то к 15 марта 1930 г. стало 105993, убыло 43.2%, поголовье лошадей с 102342 уменьшилось до 73099, убыло 28.58%, овец с 197666 до 120734, убыло 35.50% (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 590. Л. 12; Демидов В.А., 1970, с.154-155). По всей области в процентном соотношении к концу марта 1930 г. поголовье лошадей сократился на 22%, КРС – на 33,1%, овец – на 31,5%. Гибель молодняка составила более 60% (Эдоков И.П., 1987, с.89).

Начались и вооруженные выступления крестьян. В начале февраля 1930 г. в районе с. Купчегень появились отряды Бочкаревых и Т. Ташкинова. В ущельях р. Аргут (Уймонский аймак) окопался отряд Атамановых. Мелкие группы появились в Усть-Канском, Шебалинском аймаках. «В Улаганском аймаке – Чолушмане – баи стреляли в пред. юрт. совета Ч., сплачивающего бедноту и середняков» (Демидов В.А., 1970, с.155-156; Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области 1973, 201; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 6).

В области сложилась опасная ситуация, некоторые доведенные до отчаяния крестьяне готовы были поддержать вооруженные выступления. Среди населения поползли слухи «о большой банде в Бийском округе, Семипалатинске и т.д.». По этому поводу начались угрозы крестьян: ««Пусть лучше не говорят о колхозе, я слышал, что сюда придет сильная банда, которая всех коллективистов будет расстреливать» (середняк Ковалев)»… «Все равно всем колхозникам головы поотшибаем, только до весны, а там отъездят на наших лошадях. Сейчас уже есть банды, а весной их больше будет и они придут сюда, тогда мы им покажем, как отбирать наше имущество в колхозы (кулак Калинин)»… «Вы насильно население гоните в колхоз, обманываете крестьян, живете за счет чужого имущества, но это вам не пройдет, обождем до весны»» (середняк Волегов),… «В1919 году Колчак и тот меньше арестовывал и гонял, а теперь «наши товарищи» что делают: Видимо всех переарестуют и сошлют. Вот смотри сейчас гонят пешком, но придет время наши поедут на конях. Надо всем убегать, а то ведь всех заберут. Весной будет нападение со всех сторон, и разгонят этих правителей» (середняк Соколов)». В Лебедском аймаке были расклеены лозунги, написанные химическим карандашом «Здравствуй Советская Власть, долой коммуны, долой коммунизм!»» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 20, 21).

Получив тревожные сигналы, Сибкрайком ВКП(б) 11 февраля 1930 г. направил в Горный Алтай специальную комиссию во главе с Л.А. Папердэ для расследования фактов

извращений в колхозном строительстве. Комиссия крайкома вскрыла в Горном Алтае грубейшие нарушения принципов колхозного строительства, широкое применение методов администрирования, игнорирования национальных особенностей хозяйства и быта алтайского населения, создания коммун с обобществлением имущества вплоть до предметов личного обихода и т.д.

По материалам комиссии 20 февраля 1930 г. бюро обкома предложило аймачным парткомам тщательно проверить список раскулаченных и восстановить имущество пострадавших середняков и бедняков. Пострадавшим во время экспроприации середнякам и беднякам было возвращено отобранное имущество и восстановлены избирательные права. В заседании бюро Ойротского Обкома ВКП(б) от 28 февраля 1930 г. отмечалось, «преступное, невнимательное и нерешительное отношение к исправлению перегибов к середняку при раскулачивании со стороны Шебалинского АПК, объявить выговор членам бюро АПК». Начались работы по устранению перегибов «в Лебедском аймаке из 146 раскулаченных хозяйств – 29 уже восстановлены, как неправильно раскулаченные и 13 хозяйств требуют тщательной проверки». В Усть-Канском аймаке из 237 раскулаченных хозяйств (или 9 % от всех хозяйств аймака) восстановили после проверки 109 (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 10-14; Ф. 1. Оп. 1. Д. 581. Л. 2).

Крайком партии считал необходимым решительно и твердо покончить с администрированием в колхозном движении и предоставить крестьянству действительную возможность выбора форм коллективизации. В телеграмме секретаря крайком Р.И. Эйхе от 26 февраля отмечалось, что должны быть распущены те колхозы, в которых население не хочет оставаться, и наказаны те, кто допустил перегибы в области (Демидов В.А., 1970, с.155-156).

Важнейшее значение в исправлении перегибов имело постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с исправлениями партийной линии в колхозном движении». ЦК обязал партийные организации прекратить практику принудительного вовлечения крестьян в колхозы, не допускать принудительного обобществления жилых построек, мелкого скота, птицы, нетоварного молочного скота. А также попытки перескочить через сельскохозяйственную артель к коммуне (Эдоков И.П., 1987, с.92).

Состоявшийся 16 марта 1930 г. пленум Ойротского обкома, признал, что допущенные извращения при социализации сельского хозяйства привели к ухудшению политического и экономического состояния в области. За перегибы в колхозном строительстве были исключены из партии члены бюро обкома 5 человек, члены областной контрольной комиссии 3 человека. Были распущены бюро Усть-Канского, Улаганского аймачных партийных комитетов. Привлечено к партийной ответственности 53 человека (Эдоков И.П., 1987, с.91-92; Очерки истории Горно-Алтайской областной организации КПСС, 1971, с.115).

Ликвидация партийными органами извращений в колхозном строительстве сопровождался массовым уходом крестьян с этих хозяйств. Искусственно созданный социалистический сектор в деревне, особенно стал распадаться с появления статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов». Она была опубликована 2 марта 1930 г., в ней говорилось о недопустимости применения к середняку мер насилия и принуждения, обязательно должно соблюдаться принцип добровольности, в качестве основной формы хозяйства рекомендовалась сельскохозяйственная артель. Одновременно был опубликован Примерный Устав сельскохозяйственной артели, в котором давался ясный ответ, что должно обобществляться при вступлении крестьян в колхоз. Устав предоставлял колхозникам право иметь приусадебный участок, корову и мелкий продуктивный скот (История Коммунистической партии Советского Союза, 1971, с.65).

Уровень коллективизации в области понизился с 90% в период «сплошной коллективизации» до 10% к началу апреля 1930 г (Демидов В.А., 1970, с.156-157). «Мужики узнав о том, что в колхоз силой загонять нельзя, в беспорядочном состоянии повалили из колхозов, при этом местами работникам говоря: «Вы нам устанавливали срок 24 часа, или пять дней, теперь мы вам предъявляем пятидневку – не мешайте нам». При развале некоторых колхозов крестьяне начали расхищать имущества «дело доходило буквально до драки». В отдельных селах выхода с колхоза отмечали как праздник «девки, мужики, бабы одеваются в праздничные наряды, гуляют целыми

толпами, ездят на лошадях по улице с гармошкой, песнями, гостят друг у друга, пьянство устраивают и т.д.» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 22-23).

Во многих случаях сами советские органы на местах не были готовы к переустройству на новый лад, что и содействовало распаду спешно организованных коллективных хозяйств. Так середняк с села Иня на собрании выступил: «… всех погнали в коммуны, стали скот сгонять, лошади ревут, коровы мычат, собаки лают, женщины воют, дети плачут, ужас настал и в один аил поселили по четыре семьи и М. говорит, кто не вступит в три дня отберем имущество и весь скот. Испугавшись этого записались, а что получилось? Сейчас скот везде шляется, бесхозяйственность, скот голодом, поэтому я тоже выйду, лучше жить одному или вступлю в сель-хоз артель» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 23-24).

Статья И.В. Сталина способствовала замешательству и в самих партийных органах «на местах, а так же и в областных организациях буквально замерло, все ждали какого-то «страшного суда», а стихия между тем разыгралась. Многие коммунисты, в целом ячейки, впали в панику, растерялись, начали проявлять трусость, боязнь идти в массы». В некоторых случаях партийные ячейки на местах становились «если не инициатором стихийного развала колхозов, то, во всяком случае, соучастниками». Отдельные партработники начинали уверять крестьян, «что статья Сталина это обман, ложь и вообще, что пишут в газетах не верить, ибо в печати обманывают и ряд других разновидностей оппортунизма» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 24).

Областная партийная организация, не медля, активно включилась в работу по исправлению допущенных ошибок и извращений. Для оказания помощи местным партячейкам была мобилизована большая часть областного и аймачного партийного, советского и комсомольского актива. Из областного центра было направлено 66 ответственных работников и слушателей совпартшколы. Во всех аймаках были проведены пленумы партийных комитетов, инструктивные совещания с партийным, советским и комсомольским активом. Коммуны переводились на Устав сельхозартели, колхозникам был возвращен мелкий скот. Деятельную помощь в пропаганде и организации колхозного движения оказали посланцы партии – ленинградские рабочие 25-тысячники. В Горный Алтай их прибыло 14 человек. Так на руководящих постах в партийном, советском аппарате и колхозах были поставлены 10 рабочих, прибывших в область на временную работу из г. Иваново-Вознесенска. Приезд новых работников имел положительный результат «поднимается авторитет Соввласти, партии, вообще, верят приезжим работникам, а местные парт. орган. еще не восстановили своего авторитета» (Эдоков И.П., 1987, с. 92, 97-99; Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области 1973: 203; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 581. Л. 8).

В апреле 1930 г. повсеместно прошли перевыборные собрания в оставшихся колхозах, на которых обсуждались вопросы колхозного строительства, вскрывались ошибки и извращения, намечались меры по их устранению. Эти же вопросы были в центре внимания VII партконференции и III сессии облисполкома в мае 1930 г. (Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области, 1973, с.202).

Значимую роль в закреплении успехов в колхозном движении сыграли и экономические меры, изложенные в постановлении ЦК ВКП (б) от 2 апреля 1930 г. «О льготах для колхозников». По льготам скот, птица освобождались от налога на два года, находящиеся как в коллективном, так и в индивидуальном пользовании. На половину сокращалась сумма налога на обобществленные огороды. Покрывалась вся просроченная задолженность по кредитам, снималась задолженность по землеустройству, а также все штрафы и судебные взыскания, наложенные до 1 апреля 1930 г.

Государство увеличило завоз сельскохозяйственных орудий и машин для социалистического преобразования сельского хозяйства в Горный Алтай, было ввезено конных плугов – 868, борон – 949, молотилок – 34 и т.д. Благодаря этим мерам была успешна проведена посевная кампания. Увеличилась по сравнению с 1929 г. и финансовая помощь государства особенно животноводству. Об увеличении суммы кредита и характер его распределения по отраслям колхозного производства можно судить по следующим данным. Если на развитие полеводства в Горном Алтае в 1929 г. государством было направлено 75 тыс. руб. а в животноводство – 98,4 тыс. руб., то в 1930 г. соответственно – 32.2 тыс. и 307.5 тыс. рублей.

В мае 1930 г. состоялась VII областная партийная конференция, на которой были подведены итоги по исправлению перегибов в колхозном движении. В резолюции по отчетному докладу обкома партии отмечалось, что работа по исправлению ошибок дала положительный результат. Восстанавливается доверие алтайского населения к мероприятиям партий, намечается перелом в настроении бедняцко-середняцких масс в сторону колхозов (Эдоков И.П., 1987, с.99-100, 101).

Благодаря большой организаторской и политической работе, финансовой и материальной поддержке с весны 1930 г. в Горном Алтае начинается медленный, но неуклонный рост коллективных хозяйств. К началу мая в колхозах состояло 20.4% крестьянских хозяйств, а на 10 июня – 22.2%. Большое внимание партийными органами уделялось организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Внедрялась сдельная оплата труда, организовывались полеводческие бригады. Весной 1930 г. были проведены курсы руководителей колхозов, на которых обучалось 90 человек, из них половина алтайцы. Летом по всем аймакам были организованы краткосрочные курсы бригадиров по вопросам силосования и организации труда (Эдоков И.П., 1987, с.100; Демидов В.А., 1970, с.158).

В дальнейшем на развитие коллективизации в СССР огромную роль сыграл XVI съезд ВКП(б), состоявшийся в июне-июле 1930 г. В решении съезда была определена конкретная программа развития колхозного строительства как в стране в целом, так и в национальных районах, ориентированную на сельскохозяйственную артель как основную форму колхоза. Наряду с артелью в некоторых районах не зернового характера, а также в национальных районах Востока, на первое время может распространение товариществ по общественной обработке земли как переходной формы к артели (Эдоков И.П., 1987, с.102).

Решение съезда повлияло на ситуацию в области так до 1 октября 1930 г. крестьяне уходили со сложных колхозов «коммун с.х. артелей – Чемальской, Лебедской и Онгудайской». Но многие вступали в простейшие объединения «а прилив идет в менее сложные коллективы ТОЗ-ы и ТОЖ-ы – Уймонский, Кош-Агачский, Онгудайский, Успенский и Лебедской». Продолжался «отлив из колхозов» в четырех аймаках: Майминском, Усть-Канском, Уймонском и Кош-Агачском. Рост коллективизации продолжился в трех аймаках: Успенском, Лебедском и Онгудайском (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 611. Л. 2).

Но еще до XVI съезда ВКП(б), в докладной записки от 18 марта 1930 г. уполномоченный областного комитета по Кош-Агачскому аймаку отмечал, что в аймаке «в части выправления ошибок по коллективизации нужно будет провести перевод» от животноводческих колхозов в животноводческие товарищества (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 17). В другой докладной, отправленный Ойротским обкомом в Крайком ВКП(б) от 30 марта 1930 г., также было отмечено: «Нужно сказать, что в ряде мест население, в частности середняки, к простейшим и менее сложным формам колхозов (ТОЗ, артель) относятся одобрительно» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 24-25).

В письме бюро обкома Ойротии, посланным всем АПК, в январе 1931 г. рассматривалось состояние области «по вопросу развертывания работ в области коллективизации», где отмечались причины переходов от сложных колхозов в простейшие объединения: «а) бесхозяйственность в колхозах, внутри-колхозная «неразбериха» – отсутствие внутреннего распорядка и организации труда; б) легкое отношение руководителей АПК и ячеек, руководителей колхозов к выходам, отсутствие какой бы то ни было работы за колхозные ряды, не налаженность систематической работы с беднотой и батрачеством» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 611. Л. 2).

К концу 1930 г. коллективизация алтайского населения значительно отставала от русского. «Алтайское население коллективизировано на 14%, а русское на 20%». От всего населения области удельный вес алтайцев в коллективных хозяйствах составлял – 31%. В коллективизации коренного населения особенно неблагополучными были аймаки Майминский, Шебалинский, Успенский и Лебедской. Снижение удельного веса алтайцев в колхозах продолжался и в национальных аймаках, так в Онгудайском на 1 июля было 67% а на 1 октября стало 64%. В Усть-Канском районе в докладной записке Областному Комитету ВКП(б) от 8 апреля 1930 г. отмечалось: «… факты, имеющие место в ряде сельсоветов (Кырлык, Ябоган, Сугаш, Соузар и др.) когда алтайцы не хотят разговаривать о коллективизации, – гробовое молчание на собраниях, выходя на

улицу, договариваются не вступать в прения и не выносить постановлений» (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 611. Л. 2; КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 581. Л. 8).

Процессы, происходившие в области в конце 1929 г. и первого квартала 1930 г. имели большой резонанс в дальнейшем, которые отразились в последующие годы на экономике региона. Из-за перегибов в политике сплошной коллективизации главной отрасли области животноводству был нанесен тяжелый урон. Если поголовье скота в области после гражданской войны с 1924 года увеличивалось, то с конца 1929 г. по март 1930 г. резко сократилось, отбрасывая область на 4-5 лет назад (КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 590. Л. 11). Общее условное поголовье скота в Ойротии за 1929 г. была превзойдена только 1970-х годах, а численность КРС 1929 г. так и не была достигнута за весь советский период (Макошев А.П., Макошева А.А., 2006, с.22; Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области, 1973, с.219).

Таким образом, самые динамичные процессы первого этапа коллективизации в области начались с конца 1929 г. и особого пика достигают в первом квартале 1930 г. Это чрезмерное форсирование процесса коллективизации и начала политики уничтожения кулачества как класса с вытекающими отсюда последствиями. На всё это крестьянство ответило резким противодействием. Из-за допущенных извращений в политике сплошной коллективизации ведущей отрасли хозяйства региона животноводству был нанесен сильный урон. Вскрылись многие недоучеты партийных органов, связанные с частнособственнической ментальностью крестьян и национальными особенностями коренного населения. В последующем невыполнение первого пятилетнего плана по многим основным показателям областью тесно связано с событиями, происходившими в рассматриваемый период.

Библиографический список

Архивные документы

1. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 448. Л. 1,2,3.
2. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 481. Л. 89-98
3. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л.1,2,9,10,14,15-18.
4. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 9,11,12-15,19,22-24.
5. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578. Л. 4-5,6,15,16,32,34,98.
6. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 579. Л. 23.
7. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 581. Л. 2,8.
8. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 590. Л. 11,12.
9. КПДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 611. Л. 2.

Литература

1. Горный Алтай: история социального развития первой половины XX века / Отв. ред. О.А. Гончарова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 346 с.
2. Демидов, В.А. Боевая молодость / В.А. Демидов. – Горно-Алтайск, 1963.– 126 с.
3. Демидов, В.А. К социализму, минуя капитализм / В.А. Демидов. – Новосибирск: Наука, 1970. – 224 с.
4. Екеев, Н.В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая в 1920-х годах / Н.В. Екеев. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1988. – 208 с.
5. История Горного Алтая. В трех томах. Том II. 1900-1945 гг. / Под ред. Н.М. Екеевой, Н.Ф. Иванцовой. – Бийск, 2000. – 223 с.
6. История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. / Главн. редакция: П.Н. Поспелов, т. 4, кн. 2. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР (1921-1937 гг.). Книга вторая (1929–1937 гг.). – М.: Политиздат, 1971. – 607 с.
7. Макошев, А.П. Сопряженный анализ динамики численности населения и развития сельского хозяйства Республики Алтай (конец XIX – XXI вв.) // Алтай – Россия: через века в будущее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной

250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства. (16 – 19 мая 2006) / А.П. Макошев, А.А. Макошева. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – Т. II. – С. 19-25.
8. Очерки истории Горно-Алтайской областной организации КПСС / Гл. ред. Н.С. Лазебный. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1971. – 394 с.
9. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / Л.П. Потапов. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1973. – 540 с.
10. Потапов, Л.П. Очерки по истории алтайцев / Л.П. Потапов. – М-Л., 1953. – 442 с.
11. Потапов, Л.П. Очерк социалистического строительства у алтайцев в период коллективизации / Л.П. Потапов. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1961. – 84 с.
12. Эдоков, И.П. Работа партийных организаций области по коллективизации крестьянских хозяйств и укреплению колхозного строя (1927-1937 гг.) // Ученые записки / И.П. Эдоков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1974. – № 11. – С. 11-18.
13. Эдоков, И.П. Коллективизация в Горном Алтае / И.П. Эдоков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1987. – 244 с.

Конунов А.А.
(г. Горно-Алтайск, Россия)

СТИЛЕВОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ Н. УЛАГАШЕВА И В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ГОРНОЙ ШОРИИ И ХАКАСИИ

Известно, что героические сказания алтайцев сходны с эпосом тюркоязычных народов Южной Сибири (тувинцев, хакасов, шорцев). Сходные и различающиеся их черты уже отмечали в своих исследованиях фольклористы В.М. Жирмунский, Е.М. Мелетинский, И.В. Пухов, С.С. Суразаков, В.М. Гацак, А.В. Кудияров и др.

Для анализа взяты тексты героических сказаний одного из талантливейших алтайских сказителей-кайчы Николая Улагашевича Улагашева (1861-1946), опубликованных Н.А. Баскаковым в двуязычном научном издании «Диалект черневых татар (туба кижи)». Тексты хакасских героических сказаний «Алтын-Арыг» и «Ай-Хуучин». А также тексты шорских героических сказаний «Алтын-Сырык» и «Кан-Перген». При анализе так же привлекались рукописные тексты сказаний Н. Улагашева, хранящиеся в архивном фонде НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова.

Зафиксированный эпический репертуар сказителя Н. Улагашева состоит из тридцати одного героического сказания. Он по праву считается выдающимся хранителем устного народного творчества алтайского народа. Наиболее характерным стилевым признаком сказаний Н. Улагашева, как и в целом всей южно-сибирской эпической поэтики, можно считать *вариационный параллелизм*.

Термин «вариация» появился в начале XX века. Один из первых, кто применил это слово – немецкий ученый Хайнц Вернер (Heinz Werner, 1924). В дальнейшем эту стилевую категорию рассматривали ряд ученых, как Н.Н. Попе, Е.М. Мелетинский, М.И. Стеблин-Каменский, Д.С. Лихачев, Р. Якобсон, М.П. Хомонов, А.И. Чудояков и др. В наши дни на основе текстов монголоязычных и тюркоязычных народов вариацию глубоко и подробно осветил А.В. Кудияров (Кудияров А.В., 2002). Он осуществил глубокую теоретическую и сравнительную разработку этого вопроса.

Рассмотрим несколько тем стилевой вариации: *характеристика эпического персонажа, психологическое состояние эпического персонажа, реакция природы на*

появление и действия эпического персонажа, богатырь в пути, *богатырский поединок* и др.

По своей выразительности и поэтической форме в эпосе тюркоязычных народов Южной Сибири особо выделяются вариационные параллелизмы характеристики эпического персонажа.

Вариативное описание бессмертия эпического персонажа.

В сказаниях Н. Улагашева вариативное описание неуязвимости эпического персонажа по структуре имеют незначительные расхождения, например, в сказании «Кан-Кюлер, ездящий на коне Кара-Кюрен»:

Кыйылып өлөр тыны јок, Оборвавшись умереть – души нет.
Кызарып агар каны јок. Краснея пролиться – крови нет.
(Баскаков Н.А., 1965, с.190)

Подобная вариативная фигура неуязвимости богатыря является общим для всей алтайской эпики и относится как положительному, так и отрицательному эпическому персонажу.

Аналогичное вариативное описание с небольшой модификацией встречается и в шорском героическом сказании «Алтын Сырык»:

Үзүлерде тыны чоқ, Дыхание его не прервется,
Төғүлерде каны чоқ. Кровь его не прольется.
(ШГС, 1998, ст. 365-366)

По своей выразительности и поэтической форме в эпосе тюркоязычных народов Южной Сибири особо выделяются вариационные параллелизмы характеристики эпических персонажей. Например, красота эпического персонажа.

Идеальный облик, красота эпической героини в сказаниях Н. Улагашева как и в шорских и хакасских сказаниях в большинстве случаях выражается посредством уподобления с солнцем и луной. Например, в сказании «Эрзамыр»:

Ары көрзө, ай кептү, Если туда посмотрит, луне подобна,
Бери көрзө, күн кептү. Если сюда посмотрит, солнцу подобна.
(Баскаков Н.А., 1965, с. 241)

В шорском сказании «Кан Перген»:

Алдына, ай сузу шалча, Спереди будто луна светит,
Кестиннең, күн сузу шалча, ол!. Сзади словно солнце сияет.
(ШГС, 1998, ст. 50-51)

В хакасском сказании «Алтын-Арыг»:

Сығар кєннең сыныхча, Она прекрасна как восходящее солнце,
Падар айдаң соғлығча осхас. Она чиста как убывающая луна.
(ХГС, 1988, с. 149)

Если посмотреть на алтайскую и шорскую цитаты, то в обоих вариативных описаниях при определенных опорных словах варьируются антонимичные наречия места *ары* – «туда», *бери* – «сюда» в алтайской цитате и *алдынаң* – «спереди», *кестиннең* – «сзади» в шорской цитате, а также существительные *ай* – «луна», *күн* – «солнце» в обоих цитатах. В хакасской цитате также присутствуют «луна» и «солнце» и максимум варьирующихся слов, где демонстрируется построение вариативной фигуры с помощью антонимичных по значению слов.

По словам С.М. Орус-оол «Подобное уподобление небесным светилам несет во всех сказаниях описательно-изобразительную функцию. Отождествление объектов с небесными светилами в разных традициях обнаруживает тенденцию к тому, чтобы превратиться в клише» (Орус-оол С.М., 2001, с. 324).

В цитате из шорского сказания «Канн Перген» идеальный облик и красота эпической героини выражается ее лучезарным взглядом, который затмевает сияние даже небесных светил:

Оң қарағының сузу
Ай сузун пазып одурғаны.
Сол қарағының сузу
Күн сузун шавып одурғаны.

Лучи ее правого глаза
Свет лунных лучей превосходят.
Лучи ее левого глаза
Свет солнечных лучей затмевает.

(ШГС, 1998, ст. 27-30)

В сказаниях Н. Улагашева аналогичных или близких по структуре и значению описаний не выявлено, но в общеалтайской эпике, конечно же, встречаются. Например, цитата из сказания «Алтай-Буучай» в записи А. Калачева, где в описании идеального облика богатыря, небесным светилам сравнивается глаза Алтай-Буучая:

Один его глаз ярок, как утренний восход,
Другой как луна горит.

(Калачев А., 1896, с. 493)

В поэтике рассматриваемых эпических традиций наличествуют вариационные параллелизмы, описывающие различное психологическое состояние эпического персонажа – гнев, радость, пдлач и т.д. Рассмотрим несколько примеров.

Радость эпического персонажа.

Некоторые описания выражения радости эпических персонажей, как в алтайских, так и в шорских сказаниях построены по принципу «не бывалого прежде» состояния, проявляемых как бы впервые.

В сказании «Бойдоң-Кökшин»:

Каткырбас бойы каткырды,
Сүгүнбес бойы сүгүнди:
«Өлгön бисти тиргистиң дейт.
Өчкön отты камыстың дейт».

Не смеющийся, он засмеялся,
Не радовавшийся, он обрадовался.
«Умерших ты нас воскресил,
Потухший огонь ты снова зажег».

(Баскаков Н.А., 1965, с. 147)

В сказании «Алтын Сырык»:

Үрғүнмес постары үргүндүлер.
Үрүкпес постары үрүктүлер.

Не радовавшиеся – обрадовались,
Не веселившиеся – развеселились.

(ШГС, ст. 341-397)

Перед нами – эпические стихи, вариативно описывающие радость и счастье эпических персонажей близких соседей, в которых совпадают содержание, стиль и ритмико-синтаксическая структура и даже словесное оформление.

В алтайской цитате мы видим слова автора и прямую речь. Если в первом случае при этом оттеняется многообразные аспекты варьируемой темы, то во-втором – особый драматизм в монологах персонажей, острота и напряженность их переживаний.

Плач эпического персонажа.

Вариативные фигуры, описывающие плач эпического персонажа у Н. Улагашева достаточно разнообразны. Приведем одну из них:

Көзиниң јажы көл болды,
Мырының суу мыс болды.

Слезы из глаз – озером стали,
Вода из носа – льдиной стала.

(ФМ, № 129, с. 7)

Этот вариант встречается и в хакасском эпосе Алтын-Арыг:

Харах чазы Алтын Арығтың
Хан полып килеедір,
Пурун суу Алтын Арығтың
Пус полып читкен.
(ХГС, 1988, с. 216)

Слезы из глаз Алтын Арыг
Кровью становились,
Вода из носа Алтын Арыг
В лед превращались.

По словам Л.Н. Арбачаковой «в поэтике шорского эпоса выражения, описывающие плач, слезы богатырей достаточно специфичны» (Арбачакова Л..Н., 2001, с. 85). Она в

своей работе «Текстология шорского героического эпоса» приводит близкую к алтайской и аналогичную к хакасской цитате вариативную фигуру из сказания «Кумуш Кан»:

Қарақ чажын қан эдип улғады. Слезы глаз [своих] в кровь превращая, плачет.
Мурду суғун мусс эдип улғады. Воду из носа в лед превращая, плачет.
(Арбачакова Л..Н., 2001, с. 86)

Л.Н. Арбачакова пишет «Сопоставления слез с потоками озер и крови, а «воды из носа» с градом и льдом говорят не просто о плаче – как свидетельстве отчаяния и бессилия. За этим следует ожидать, например, гнева богатырей, их порыва к сражению» (Арбачакова Л.Н., 2001, с. 86).

В хакасском эпосе выявлены и другие варианты вариативно описанного плача эпических персонажей. Например:

Сыын пуғазы Чили Как марал-бык,
Хыс чахсы сылалып, чобал турадыр, Достойная дева трубно ревела, страдая,
Пулан пуғазы чили, Подобно лосю-быку,
Хыс кізі пустап инелібіскен. Дева ревела стеная.
(ХГС, 1997, с. 191)

Здесь описание плача эпической героини, дано более развернуто, где для демонстрации горя Ай-Хуучин в высшей степени сказитель прибегает к сравнению с действиями животных, точнее с ревом быков марала и лося. В сказаниях «Эрзамыр» и «Кан-Кюлер, ездящий на коне Кара-Кюрен» Н. Улагашева встречается вариативная фигура, которая выражает наоборот приподнятое психологическое состояние эпического героя, где так же идет сравнение с самцом и самкой марала:

Сырлу сыгын немедий Как марал-самец
Сыгыр-сырлап кожоңдойт. Свистя трелью, поет,
Коо мыйгак немедий Словно стройная самка марала,
Коолодо кожоңдойт. Протяжно поет.
(Баскаков Н.А., 1965, с. 221)

Мука эпического персонажа.

Здесь описания, как в алтайском, так и в хакасском сказаниях построены по принципу «не бывалого прежде» состояния, проявляемых как бы впервые.

Например, мука эпического персонажа:

Канн-Кɛлер чыралабас бойы Канн-Кюлер, никогда не страдавший,
Чыралап ɸатты, Стал страдать.
Кыйналбас бойы Никогда не мучавшийся,
Кыйнал ɸатты. Мучиться он стал.
(Баскаков Н.А., 1965, с. 176)

Почти аналогичное по содержанию и ритмико-синтаксической структуре вариативное описание встречается и в рассматриваемых хакасских сказаниях.

Чобалбастағ Чибетей Не знавший страданий, Чибетей
Чобалып пастабысхан, [Тут] начал страдать,
Инелбестег ир чахсызы Не знавший мучений, лучший из мужей
Инелип, чобалыбысхан. [Тут] стал мучится и страдать.
(ХГС, 1997, с. 94)

Подобные вариативные фигуры в рассматриваемых хакасских сказаниях сказителем используются применительно к финальной сцене богатырского поединка. Надо сказать, что здесь речь идет не только о физическом страдании, но так же данная цитата несет в себе и эмоциональную нагрузку. В сказании «Алтын-Арыг» выявлено собственно психологическое описание:

Чобағлығ чахсыны көрзе, Увидит доброго [человека] страдающим –
Чүрегі ағыр чөредір, Сердце его болью отзовется,

Инегліг кізіні көрзе,
Иді ағарып чöредір.

Увидит мучающегося человека –
Душа у него заболит.
(ХГС, 1988, с. 27)

В рассматриваемых сказаниях вариативные фигуры, описывающие реакцию природы на появление или действия эпического персонажа употребляются применительно не только к одному эпическому герою, но и к ряду других персонажей. По словам Ю.И. Смирнова, сказители данные вариативные фигуры «активно используют во всех случаях изображения героя или его действия с тем, чтобы подчеркнуть исключительность изображаемого» (Смирнов Ю.И., 1971, с. 104).

Например, цитата из сказания Н. Улагашева «Эр-Самыр»:

Айдың-күнниң алдына
Ачал туман түшти.
Тууның-сууның бажына
Бос бороон түшти.
Кара јер силкиништи
Көк теңери күркүреп келди.

Под луной-солнцем
Холодный туман опустился.
На верховья горы-реки
Серая мгла опустилась.
Черная земля затряслась
Синее небо загремело.
(ФМ, № 130, с. 36)

Цитата из сказания «Алтын Арыг»:

Ах Хум сын үстүне
Ачылбас ах тубан түскен.
Маңан Сайынның чуртында
Көк тубан пүргелібіскен.
Хараа ойлаан ай харағы
Хаара нөөлип чіткен,
Хызарып ойлаан күн харағы
Хызарып сығып чідібіскен.

На вершину хребта Ах-Хум
Сплошной белый туман опустился.
Во владении Манган-Сайына,
Синий туман [все] окутал.
Диск луны, который [по небу] ночью бежал,
Покрылся мраком, исчез.
Диск солнца, который [по небу] бежал,
Сделался красным и скрылся.
(ХГС, 1988, с. 160)

В обеих цитатах вариативные фигуры выступают предвестниками появления богатыря, символом угрозы и ожидания чего-то опасного.

Если обратить внимание на четверостишия, выделенные курсивом, то перед нами представлены эпические стихи близких соседей, в которых совпадают содержание, стиль и ритмико-синтаксическая структура и даже словесное оформление.

В сказаниях Н. Улагашева во всех вариативных фигурах реакции природы на появление и действия эпических персонажей сквозной, устойчивой формулой идет выделенная нами курсивом вариативная фигура с вариантами глаголов и существительных, которые не меняют смысловой сути вариативной фигуры. Данная вариативная фигура являясь собственно-индивидуальным в репертуаре Н. Улагашева, встречается почти во всех сказаниях сказителя.

Также, в рассматриваемых сказаниях почти идентичны вариативные фигуры изменения природы во время борьбы богатырей:

Тайга турбаган јерде тайга турды,
Суу акпаган јерде суу акты.
Балдарлу аңдар балдарын таштап качты,
Уйалу куштар уйазын таштап качты.

Там, где не было горы, образовалась гора,
Там, где река не протекала, стала течь река.
Звери, у которых были детеныши, убегали бросив детенышей,
Птицы с насиженных гнезд улетали.
(Баскаков Н.А., 1965 с. 257)

Тағ öстурвес чердең — Там, где горы не было,

Тағ östур пардылар,
Суғ ағышпас чердең
Суғ ағыстыр турдулар.

Гора выросла.
Там, где воды не было,
Вода потекла.
(ШГС, 1997, ст. 1049-1052])

Уйалығ куш уйадаң часты,
Палалығ аң паладаң часты.

Птицы, гнезда имеющие, гнезда свои бросают,
Звери, детенышей имеющие, детенышей своих бросают.
(ШГС, 1997, ст. 117-118)

В вариативных описаниях езды эпического героя в рассматриваемых сказаниях встречаются сходные, почти аналогичные вариативные фигуры. Например:

Стремительный отъезд.

Турган *изи* бар болды,
Барган изи јок болды.

Следы, где он стоял, остались,
Следов, где он проехал, не было.
(Баскаков Н.А., с. 138)

Пасқан чери пар полду,
Парған чере чоқ полду.

Там, где стоял конь – след остался,
Куда ускакал – следа не видно.
(ШГС, 1997, ст. 3-4)

Или:

Турган *јери* бар болды,
Барган изи јок болды.

Место, где стоял – есть,
Следов, куда уехал – нет.
(ФМ, № 123, с. 26-27)

Пасқан азығы пар полду,
Парған чери чоқ полду.

Там где стоял, следы остались,
Куда ускакал – следов не было.
(ШГС, 1997, ст. 1913-1914)

Здесь мы видим варьирование слова «ис» (след) со словом «јер» (место, земля) в первых строках и алтайских и шорских цитат.

Подобное вариативное описание стремительного отъезда является «общим местом» не только в алтайских героических сказаниях, но и в эпосе народов Южной Сибири.

Вариативное описание богатырского поединка.

По словам С.М. Орус-оол «Богатырский поединок <…> в эпосе необходим для показа масштаба изображения, его характера и природы в эпическом контексте, а также яркого выделения богатырских качеств героя через его поступки, способствующие созданию эпических образов» (Орус-оол С.М., 2001, с. 339). Для данного вариативного описания характерно обстоятельное изображение хода борьбы, состоящее из нескольких этапов. Причем, богатырский поединок носит фантастический, гиперболический оттенок.

В некоторых сказаниях Н. Улагашева, как и в других алтайских сказаниях, богатырский поединок начинается с диалога или словесных угроз, например в сказании «Байбалчыкай» выявлена перекрестная вариация, когда слова обретают свое соответствие через строку:

– *Талкан-кўлўңди* мен чачарым!
– *Тарыска-јуртуң* мен бузарым!
– *Öскön кўлўңди* мен чачарым!
– *Өргööңди мен* бузарым!

– *Талкан-золу* твою я развею!
– *Убогое стойбище* твоё я разрушу!
– *Накопившуюся золу* твою я развею!
– *Дворец-юрту* твою я разрушу!
(ФМ, № 123, с. 9)

В шорском эпосе:

Таш очуғун талаарға,
Талай кўлўңнў шачарға келдим.

Твои очаги каменные разбить,
Твою морю-золу развеять я прибыл.
(ШГС, ст. 104-105)

Близкое по значению описание так же выявлено и в хакасском сказании «Ай-Хуучин»:

Хаара-пуруннаң халын чурты
Талалбаан тееннер,

С древнейших времен богатый ее чурт
Не разрушался, говорят,

Чон чуртааннаң пеер
Чурты талалбаан, чон чоохтасчадыр.
Тас очығын талап, килерге,
Талғанныг күлін тоолат килерге.

С тех пор как народ живет,
Чурт ее не рушился, народ говорит.
Каменный ее очаг хотим сломать,
Ее золу-талкан, развеять.
(ХГС, 1997, с. 121)

Словами «*талкан-зола (талкан-күл)* (здесь зола уподобляется с «талканом» – мелко измельченными жареными зёрнами ячменя), *убогое стойбище (тарыска-јурт), накопившаяся зола (öскön күл), дворец (öргöö)*» образно передается наследное, древнее стойбище эпического персонажа.

В хакасской цитате слова *«талкан-зола» (талғанныг күл)* и *«очаг» (очых)* и в шорской цитате слова *«море-зола» (талай күл)* и *«очаг» (очуқ)* также являются традиционным образом домашнего очага, символом долгой мирной жизни в родном краю.

По словам З.С. Казагачевой «Не исключено, что это – одна из важнейших вариативных фигур, в которой закодирована первопричина основных конфликтов, составляющих содержание эпоса: уничтожение следов обживания, более того, уничтожение следов наследования ее с древности. А потому в противоборстве противники в первую очередь намереваются стереть с лица земли следы наследования с момента первозаселения» (Казагачева З.С., 2002, с. 146).

Еще одна вариативная фигура, описывающая приветствие перед поединком:

Экүдиң эзен-мендизи мындый болды:
«*Үлди бажы амыр ба*?
Јыда бажы эзен бе»? – деп,

Оноң ары тудушты.

У двоих приветствие было таким:
«*Острие меча в мире ли*?
Наконечник пики в спокойствии ли»?
– говоря,
Далее схватились.
(ФМ, № 128, с. 15)

В хакасском сказании «Алтын-Арыг» подобное приветствие так же присутствует:

Чыда пазынаң изеннескеннер,
Молат хылыс пізінче
Минділес турыбысханнар.

Поздоровались [с ним] концами копий,
Остриями стальных мечей
Его приветствовали.
(ХГС, 1988, с. 146)

В алтайской цитате мы видим слова автора и прямую речь, в которой оттеняется особый драматизм в монологах персонажей, острота и напряженность их переживаний.

Словесное оформление вариативных фигур описывающих продолжительность поединка, в алтайском и в хакасском эпических традициях несколько различаются:

Јети күнге тудуш турды
Јерге неме түшпеди.
Тогус күн тудушты
Тобуракка неме түшпеди.

Семь дней боролись
Никто не упал на землю.
Девять дней боролись
Никто на рыхлую землю не упал.
(Баскаков Н.А., 1965, с. 162)

Алты чылды азыра
Алызып, толгазып парғаннар.
Чити чылны иртіре,
Ирезіп,толғас турадылар.

Больше шести лет [богатыри]
Схватывались, бились,
Больше семи лет
Сражаются, бьются.
(ХГС, 1988, с. 171)

Но, общим в обоих приведенных описаниях является то, что числительные употребляются применительно для начальной аллитерации, они не указывают конкретное количество, а дают обобщающее числовое понятие длительности. В первом случае мы видим действо близкое к реальности, а во втором гиперболизированное течение эпического времени.

Вариативные описания, связанные с женитьбой эпического героя.

В этой группе можно выделить устойчивую формулу, используемую сказителями применительно к церемонии сватовства. Например, в сказании «Бойдоң-Кökшин»:

«Кызыл элик туштаза,
Эт аларга.
Кыс бала туштаза,
Эш эдерге».

«Если красная косуля встретится,
Мясо хотел взять.
Если девушка встретится,
Женой хотел сделать».

(ФМ, № 132, с. 20)

Аналогичная фигура в сказании «Кан Перген»:

Кызыл кийик тоғашса,
Оқ пазынға қызарға.
Кыз палазы тоғашса,
Тил бажына қызарға парчам.

Если красная косуля встретится –
Стрела моя ее догонит.
Если юная девушка встретится,
Словами уговорить я еду.

(ШГС, 1998, ст. 23-26)

Если первые и третьи строки данных цитат буквально совпадают, то вторые и четвертые строки варьируются.

В сказании «Алтын-Арыг» так же выявлено своеобразная формула:

«Чаға марха хазанғанда,
Чарас, чахсы тілеп парчадым,
Холтых марха хазанғанда,
Хоос, чахсы көрерге парчадым.
[девушку]».

«Раз уж пуговицу к вороту пришил,
[То] еду искать пригожую, добрую [девушку],
Раз уж пуговицу к подмышке пришил,
[То] еду присмотреть красивую, добрую

(ХГС, № 1988, с. 186)

В алтайской цитате, скорее, психологический параллелизм, чем вариационный. В тюрко-монголоязычной поэзии различные формы психологического параллелизма представлены достаточно полно. По сравнению с песенным фольклором алтайцев, где построение народного стиха идет по принципу параллели природы с человеком, в эпических произведениях вариативные фигуры параллели природы с человеком очень редки. Исключение не составляют и сказания Н. Улагашева.

В данных цитатах в качестве особой разновидности следует отметить перекрестную вариацию, когда слова обретают свое соответствие через строку.

Таким образом, рассмотренные в эпическом творчестве алтайского, хакасского и шорского народа стилевые вариации позволяют установить типологические сходные явления и специфические отличия. В разных по сюжету, по размеру, языку национальных текстах устойчивым остаются набор опорных, или ключевых слов, последовательность построения формулы и близость на лексико-грамматическом, стилистическом уровнях. Опорные слова, сохраняя несущую в себе смысл, могут варьироваться в разных сказаниях и в пределах одного сказания. Устойчивость вариационных параллелизмов в разных эпических традициях достигается как раз благодаря опорным и ключевым словам и словосочетаниям. Вместе с тем сходные вариативные фигуры обладают высокой вариативностью, хотя традиционный стилевой фон сохраняется. Это можно объяснить тем, что у разных народов в эпической поэзии своя форма выражения и художественная образная система, свои функциональные особенности. В целом алтайский эпос, как и эпос хакасского народа самостоятелен и самобытен.

Библиографический список

1. Арбачакова, Л.Н. Текстология шорского героического эпоса / Л.Н. Арбачакова. – Новосибирск: Наука, 2001. – 160 с.
2. Баскаков, Н.А. Диалект черневых татар (туба кижи) / Н.А. Баскаков. – М.: Наука, 1965. – 340 с.
3. Казагачева, З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Аспекты текстологии и перевода / З.С. Казагачева. – Горно-Алтайск, 2002. – 350 с.
4. Калачев, А. Былина об Алтай-Бучае // Живая старина / А. Калачев. – СПб., 1896. – Вып 3-4. – С. 492-499.

5. Кудияров, А.В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири / А.В. Кудияров. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 327 с.
6. Орус-оол, С.М. Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль) / С.М. Орус-оол. – М.: Наука, 2001. – 422 с.
7. Смирнов, Ю.И. Сходные описания в славянских эпических песнях и их значение // Славянский и балканский фольклор / Ю.И. Смирнов. – М.: Наука, 1971. – 356 с.
8. Фольклорные материалы, папка № 123, архив ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова» (сказ. «Байбалчыкай»).
9. Фольклорные материалы, папка № 128, архив ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». (сказ. «Шокшыл-Мерген»).
10. Фольклорные материалы, папка № 129, архив ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова» (сказ. «Кан-Тутай»).
11. Фольклорные материалы, папка № 130, архив ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова» (сказ. «Эр-Самыр»).
12. Фольклорные материалы, папка № 132, архив ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова» (сказ. «Бойдоң-Көкшин»).
13. Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин». Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1997. – Т. 16. – 456 с.
14. Хакасский героический эпос. Алтын-Арыг. Эпос народов СССР. – М.: Наука, 1988. – 589 с.
15. Шорские героические сказания. Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1998. – Т. 17. – 463 с.
16. Werner Heinz. Die Ursprünge der Lyrik: Eine entwiklungspsychologische Untersuchung. – Münhen, Reinhardt, 1924. – 243 S.

Список сокращений

ФМ – Фольклорные материалы.
ХГС – Хакасский героический эпос.
ШГС – Шорские героические сказания.

Укачина К.Е.
(г. Горно-Алтайск, Россия)

ЗАГАДКА, КАК ОДНО ИЗ ЗНАЧИМЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В АЛТАЙСКИХ СКАЗКАХ, ЛЕГЕНДАХ И ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ

Жанры алтайского фольклора тесно взаимосвязаны. Загадки, пословицы, поговорки, песни очень емко и образно дополняют тексты сказок, легенд, героических сказаний алтайского народа. В этой статье мы попытались обратить внимание на значимую роль загадки в развитии и обогащении сюжета алтайской сказки, легенды и героических сказаний, как на основе уже изученных, так и на основе новых фольклорных материалов.

Как известно, возникновение загадок ученые связывают с верованиями первобытных людей, которые одухотворяли живую и неживую природу. Они в определенных случаях говорили о зверях и других явлениях природы иносказательно, давая им абсолютно другие имена, т. е. подвергали эвфемизации, тем самым полагая, что вводят в заблуждение злых духов и отвращают от себя различные беды и несчастья.

Одним из основоположников теории о происхождении табу является английский ученый Джеймс Фрэзер. Он считает табу одним из принципов магии. По его мнению — это система представлений и действий первобытного человека, основанная на убежденности

его в своей способности заставить силы, управляющие миром, поступать по его воле. Совокупность тех действий, которые должны совершаться для достижения магическим путем той или иной цели, Дж. Фрэзер называет колдовством или чародейством, а те действия, от которых древний человек считает необходимым воздержаться, во избежание вредных результатов — табу, т. е. запретами (Фрэзер Дж., 1986, с. 45).

Табу — явление многообразное, оно обусловлено у разных народов особенностями социальных предпосылок. Из всего многообразия табу-запретов большую подгруппу составляют языковые запреты на: 1) имена людей; 2) названия животных, растений; 3) названия больших болезней (эпидемии и эпизоотии); 4) имена естественных природных явлений, предметов и т. п.

Российский ученый-фольклорист и этнограф Д. К. Зеленин в специальной работе осветил вопросы словесных, охотничьих и бытовых запретах. Например, он писал: «Давно уже известно, что слово представляется первобытному человеку чем-то материальным, вещественным... Если слово произносят шепотом, то коми сравнивают слово со стрелой, якутское представление несколько иное: «сказанное слово превращается в вещую птицу» (Зеленин Д.К., 1930, с. 8-9).

У алтайцев действие слова зависит от местонахождения: если в лесу, то слово пойдет по верхушкам деревьев, если в степи, то земля донесет (земля имеет уши).

Словесный запрет у алтайцев сохранился пережиточно в виде «бай сöс», т. е. употребление одних слов вместо других.

Этот пережиток в формах общения между родственниками сохранился до наших дней, как один из разновидностей запрета. Среди женщин старшего поколения невестка не может не только называть свекра по имени, но даже произносить его имя и называть предметы, по названию напоминающие имя свекра (Яимова Н.А., 1990, с. 41).

Факты свидетельствуют, например, что женщина, вышедшая замуж за мужчину из соока (рода) «тодош», не имела права произносить название, скажем, растения «кандык», «кандык ай» — месяц апрель, если собственное имя ее деверя было созвучно названию этого растения или месяца апреля, т. е. звучало также — Кандык. Эти названия она могла произносить только иносказательно или условно, например — «кадышкын» (корень солодки).

До сих пор у алтайцев бытует легенда о «Неразговорчивой невесте». Она называла реку — текущей, дерево — всходящим, волка — воющим, овцу — блеющей: Агаачынын ол јанында, чыгаачынын тöзинде улуучы мараачынын балазын јип туру ' по ту сторону текущего (реки), у основания всходящего(дерева) воющий(волк) ест ребенка блеющей (овцы) ' (Самойлович А.Н., 1929, с. 29). Такая же легенда была известна у казахов, киргизов, где женщина также рассказывает о событиях, заменяя многие названия подставными словами, поскольку эти названия были запретными, они входили в состав имен родственников мужа (Колесницкая И.М., 1941, с.121).

Можно привести целый ряд примеров, касающихся женского и охотничье-промыслового лексиконов, которые подвергались эвфемизации и вызывали появление многих загадок о них. Вместо «шÿлÿзин» (рысь) — «чокондой» (собирающий), «чоокыр ан», «јеерен» (пестрый зверь, рыжий). Загадка о рыси звучит так: «Арказы ала чоокыр, ортозы öлö чоокыр» — Спина пестра черными точками, середина пестра продолговатыми линиями. «Тийин» (белка) называется «чырбык» (волосатый). Например, загадка: «Тöрбöт — тöртÿ, чырбык — јаныс (а т т ы н тöрт с а н ы, к у й р у г ы) — Четыре тöрбöта[1], один чырбык (четыре ноги и хвост лошади). «Јылан» (змея) заменяется словами «узун курт», «курт-коныс» (длинный червь или червь-жук), «камчы» (плеть), «јеткер» (зло), «кайыш» (сыромятный ремень), загадка про змею: «Кырда ÿстÿ кайыш јадыры» — На скале лежит жиром смазанный ремень и т. д.

В период охоты называют условными именами не только зверей, но и предметы, связанные с охотой, чаще всего описательно. Например, «мылтык» (ружье) иносказательно называли «көндöй темир» (полое железо), малта (топор) — «керткиш» (рубящий), «бычак» (нож) — «кескиш» (режущий) и т. д. Условное имя диких зверей: бöрÿ»

---

[1] Тöрбöт – родовое название или имя.

(волк) — «узун куйрук» (длиннохвостый), «коокой» (опасный), в сказках волка именуют «кӧк тайгыл» (синей собакой).

«Тайным» языком чаще всего пользовались охотники в обращениях к хозяину гор и тайги. При этом они осуществляли различные обряды: окропляли молоком, черным чаем и пр. гору, реку или просто лес и обращались с благопожеланиями к хозяевам гор, тайги, реки и т. д. или к самому всевышнему, просили удачи в охоте, рыбалке и других промыслах. К их желаниям и требованиям охотники относились весьма предусмотрительно. Горный хозяин любит покой и не выносит в тайге шума, крика, ругани и песен. Если случится, что кто-то нарушит покой духов гор, то охота, обычно, заканчивается неудачно. Поэтому своеобразной страховкой от неудачи, от невезения на охоте у алтайцев, как отмечает Л. П. Потапов, существует: «обычай — рассказывания сказок на промысле, имеющий целью повлиять благотворно на «ээзи» и в результате способствовать добыче. «Ээзи» очень любит слушать сказки» (Потапов Л.П., 1929, с. 125).

Обычай рассказывать сказки и сказания перед охотой существовали у многих народностей Сибири: шорцев, тувинцев, хакасов, нанайцев и др. У барабинских татар перед охотой принято коллективно загадывать и отгадывать загадки (Махмутов Х.Ш., 1969, с.16).

Приведенные эвфемизмы в «табу-запретах» и параллельные им загадки, на наш взгляд, являются остатками или осколками древней тайной речи, с которой, безусловно, связано происхождение народных загадок.

Основной функцией иносказаний было и остается обучение догадливости и быстрой сообразительности. Например, в сказке «Еленгир» (Укачина К.Е., 1984, с.15) отец во время охоты решил научить сына условной речи таежников, необходимой ему в будущем. Вот его иносказательная речь: «Зажги на гриве коня огонь!» — Это означало — кресалом добыть огонь и зажечь трубку отца; «Укоротить дорогу!» — значило пришпорить коня или спеть хорошую песню; «Гривой коня разожги костер!» — то есть заранее заготовленным сухим кустарником быстро развести огонь; «В деревянном котле приготовить еду!» — означало нанизать на заостренную палку печень косули или мясо для шашлыка.

Так же испытывает старик-отец сына в сказке «Шалтыр-Казан», но здесь значение зажечь и прикурить трубку он произносит как: «С голову коня свари казан!» (Алтайские народные сказки, 2002, с. 349).

Эти загадки-иносказания свидетельствуют о месте и условиях их зарождения, т.е. они могли появиться лишь в долгом пути охотников, во время ночных бдений у костра, что в основе их лежит «тайная речь» – иносказание.

Учеными отмечено так же, что загадки в древности несли и обрядовую функцию. Они входили, например, в обряд инициации: загадками проверяли – достиг ли человек нужной зрелости ума, достаточно ли он догадлив и мудр (Чичеров В.И., 1959, с. 322).

Особо важными считались загадки в свадебном обряде и при наречении именами новорожденных (Жанузаков Т., 1968, с. 174).

Часто именно функциональное назначение иносказания рождало загадку. Например, к одним из источников происхождения загадок относят свадебный обряд.

Еще задолго до сватовства родители пытаются найти: для сына – хорошую и мудрую жену, для дочери – догадливого и умного мужа. Это нашло отражение в алтайских сказках, таких как «Шалтыр-Казан» о которой мы уже упоминали выше. Здесь старик-отец ищет для сына подходящую невесту. Зайдя в один из домов, где живут бедняки, он спрашивает девушку:

— Куда ушел отец?

— Отец ушел за ненасыщающим.

— Мать куда ушла?

— Она ушла за кончающимся.

Старик не понял. Но тут, когда возвратилась хозяйка аила и принесла дрова, старик сообразил, что дров никогда не бывает в достатке. А когда зашел отец девушки с мешком хлеба, которым действительно никогда не насытится, старик, окончательно убедившись в мудрости девушки, сватает ее своему сыну (Алтайские народные сказки, 2002, с. 351).

В другой сказке «Загадка свата» в записи В.В. Радлова, наоборот отец невесты испытывает семью жениха и задает следующие загадки:

— Приходи в шубе и ни в шубе! — тогда отдам дочь.

Сын разрешает загадку: утром сшил отцу одежду из сети. Отец надел шубу-сеть и пришел к отцу девушки. Сват задает ему следующие загадки:

— Приходи ни дорогой, ни без дороги! Ни на лошади, ни пешком! — тогда отдам дочь.

Отец опять же получает ответы от сына на эти загадки:

— Не выходи из дороги, не иди по дороге — значит: идти между колеями дороги. Ни на лошади, ни пешком — значит: садиться верхом на палку, как на лошадь (Радлов В.В., 2006, с. 58—59).

Здесь загадки составляют сюжетную основу сказки, в то же время служат «трудной задачей» для испытания не только отца, но жениха и невесты, то есть играют роль «испытания мудрости» или «трудного задания». По этому поводу В. Я. Пропп отмечал, что фольклорный материал дает право на утверждение, «...что здесь и кроются корни «трудных задач» (Пропп В.Я., 1976, с. 167).

Следует отметить, что употребление табу-запретов, условной речи и эвфемизмов самым непосредственным образом способствовали развитию языка и культуры речи, т. е. расширяли его выразительные возможности, которые, в свою очередь, создавали условия для рождения новых загадок. Подставные слова, которые используются при табу и условной тайной речи людей — это уже готовые метафорические образы, образы-клише будущих загадок.

Образы-клише можно встретить в загадках, скажем, о лошадях. Как известно, у них и у маралов нет желчного пузыря. Это обстоятельство служит основой ряда загадок об этих животных. Желчный пузырь уподоблен в загадках кисету, огниву, кремню и т. д.: «Jакшы уулда калта (отык) jок» — У хорошего парня нет кисета (огнива).

Среди множества алтайских загадок встречаются такие, которые непосредственно выделялись из сказок: «Jӱрекче айылдан jӱлӱнче ыш чыгат» — (канзанын ыжы) — Из юрты, величиной с сердечко, тянется тоненький дымок, как мозг спинного хребта (дым курительной трубки) (Укачина К.Е., 1984, с. 19).

Загадки в алтайских народных сказках служат средством сюжетообразования и «трудной задачи», которую следует отгадать, расшифровать, проявив тем самым свою наблюдательность, остроумие и смекалку. Иногда от умения разгадывать иносказательно-загадочную речь противника зависела жизнь героя.

Например, это можно проследить в сказке «Ерен-Чэчэн и Яра-Чэчэн», записанной известным этнографом и фольклористом Г. Н. Потаниным у М. В. Чевалкова. В сюжет этой сказки входят много загадок, которые разрешает умная сноха Ерен-Чэчэна.

«Бай, призвав Ерен-Чэчэна, велел ему сделать сапоги из камня. «Иначе, — сказал он, — казню». Ерен-Чэчэн, опечаленный, придя домой, рассказывает об этом снохе. Она ответила: «Не печалься, сиди дома». Сама же на другой день в назначенное время вышла на дорогу. Яра-Чэчэн едет за каменными сапогами и видит сноху Ерен-Чэчэна. Она сидит у дороги и собирает песок в кучу. Яра-Чэчэн, подъехав, спрашивает ее, зачем она это делает.

— Ерен-Чэчэн велел свить веревку, — отвечает она.

— Разве веревку можно свить из песка? — возразил Яра-Чэчэн.

— А разве можно сапоги сшить из камня?

Яра-Чэчэн покраснел и вернулся домой.

Потом бай дает слуге быка и говорит: «Уведи его к себе, я приеду к тебе через три дня, чтобы к моему приезду бык принес теленка, и ты угостил бы меня молоком от быка». Ерен-Чэчэн идет домой и плачет. «О чем ты плачешь?» — спрашивает сноха. «Яра-Чэчэн мне дал быка и велел, чтобы этот бык принес теленка». «О чем тут плакать, — говорит сноха. — Отдай быка в мои руки, принесет он теленка». Сноха вышла на дорогу, по которой должен ехать Яра-Чэчэн, рвет траву и складывает в кучу. Яра-Чэчэн увидев рвущую траву женщину, спрашивает: «Почему рвешь траву и складываешь в кучу?» Она ему в ответ: «Свекор родит ребёнка, так надо травы подостлать». Он ей: «Разве мужчина может родить?» Она: «А разве бык может телиться?» Яра-Чэчэн со стыдом воротился домой. Третья загадка бая, подобная той, которую приводил В. В. Радлов в сказке «Загадка свата», приводится выше. И эту загадку сноха легко разрешила. Но хотя все загадки были разгаданы правильно, Яра-Чэчэн велел вырыть яму и бросить в нее Ерен-Чэчэна, а к его сыну послал семь послов.

Ерен-Чэчэн пишет домой письмо и отправляет с послами: «Лежу на шести слоях белого шелка, покрываюсь семью шелковыми одеялами, играю в шашки, пью сладкое светлое вино. Дома у меня есть семь баранов, шесть убейте, седьмому выколите глаза, изломайте руки и пришлите сюда. Это письмо разберет сноха». Письмо перехватил Яра-Чэчэн, но ничего не понял. Семь послов принесли письмо сыну Ерен-Чэчэна. Он прочел и сказал: «Моему отцу хорошо живется у Яра-Чэчэна». Сноха ему на это: «Ничего не понял: сладкое вино — это слезы, белый шелк — снег, шашки — звезды. Семь баранов — семь послов. Ерен-Чэчэн велит шесть послов убить, седьмому выколоть глаза». Сын Ерен-Чэчэна так и сделал. Затем сноха собрала своих людей и велела окривевшему послу вести себя к Яра-Чэчэну. Ночью её люди незаметно окружили Яра-Чэчэна и убили его, а Ерен-Чэчэн вместо него сделался начальником» (Потанин Г.Н., 2005, с. 362—363).

Еще более сложную изобразительную функцию выполняют загадки в сказке «Богатые и бедные сваты». В ней богач, решив закабалить бедного старика и его дочь, пытается загадать ему трудные загадки. Но, разгадав их, дочь старика спасла не только отца от смерти, но и самого бая заставила стать слугой (ФМ. Папка № 54(д)).

Так же примером иносказательной речи может служить сказка «Как три кюлюка слова испугались». Когда у старика и старухи родился сын, старик, радуясь, зашел к трем Кер-Сагалам. Они в то время друг другу сказку рассказывали. Когда старик вошел, они стали бить старика, говоря: «Ты наступил на хвост нашей сказки.» Кер-Сагалы спрашивали:

- Что дашь, если не будем бить?

- Что попросите, то и дам, - ответил старик.

- Отдай нам только что родившегося сына.

Старик согласился. А по прошествии пяти-шести лет, старший Кер-Сагал пришел забрать ребенка. Войдя в аил старика, он спросил сидящего там мальчика:

- Где твои отец и мать?

Мальчик ответил:

- Ушли, чтобы из рогов ящерицы сделать керик (нож).

Старший Кер-Сагал спросил:

Разве ваша ящерица имеет рога? Если она рогатая, то для чего нужен керик?

Мальчик сказал:

- Ну, как у людей сказки хвосты имеют, так наша ящерица рога имеет. Сегодня к нам должен прийти старший Кер-Сагал, чтобы распороть его брюхо, керик нужен.

Старший Кер-Сагал испугался и поскорее убежал домой.

Вскоре наведался средний Кер-Сагал и войдя в аил спросил у мальчика:

- Где твои отец-мать?

-Ушли, чтобы сделать рукоятку для топора из рогов лягушки, - ответил он.

- Разве ваша лягушка имеет рога? Если она рогатая, то для чего понадобилась рукоятка для топора?

- Ну, как у людей сказки хвостатые, так и наша лягушка рогатая. Сегодня должен прийти средний Кер-Сагал, чтобы отрезать ему голову, понадобилась рукоятка для топора, - ответил мальчик.

Средний Кер-Сагал услышав такие речи также испугался и придя домой сказал:

- И вправду страшный ребенок, оказывается.

Услышав это, младший Кер-Сагал засмеялся:

- Ы-ы! Испугались маленького ребенка и сидите, как вам не стыдно. Дайте-ка, я схожу и приведу его…

Войдя в аил старика, он спросил ребенка:

- Где твои отец и мать?

- Ушли, чтобы сделать рукоятку для пики из змеиных рогов, - ответил мальчик.

Младший Кер-Сагал спросил:

- Разве ваша змея рогатая? Если она рогатая, то для чего делают рукоятку для пики?

Мальчик ответил:

- Ну, как у людей сказки бывают хвостатые, так и наша змея рогатая. Сегодня к нам должен прийти младший Кер-Сагал. Чтобы проткнуть ему живот, для пики понадобилась рукоятка.

Младший Кер-Сагал услыхав такие речи, испугался и убежал (Алтайские народные сказки, 2002, с. 355-359). Так мальчик своей мудростью победил трех кюлюков.

В алтайском фольклоре примером иносказания в дипломатической речи может служить легенда о «Шуну-богатыре». В этой легенде фигурируют исторические персонажи 17-18 веков периода Джунгарского ханства: хан Цеван-Рабдан с титулом Контайши и его два сына от разных жен – Галдан-Церен и Лоузан-Шуну. В записи В.И. Вербицкого отец-хан назван как Конгдайч, а сыновья его именуются, как Калдан и Шюны. Хан Контайши более других сыновей любил сына по имени Галдан. У Шуну была любимая наложница Карагыс. В нее влюбился Галдан и отнял ее. Оскорбленный Шуну пригласил двенадцать верных помощников и отправился «разгуляться по хребтам священного Алтая». Отъехав далеко от своей юрты, Шуну поведал друзьям свое горе, при этом натянул лук и в виде насмешки и бесчестия пустил стрелу в юрту брата. Стрела вонзилась в дверь. Конечно, тот узнал, кому принадлежит стрела, и пожаловался отцу.

Рассерженный Контайши призвал к себе Шуну, приказал вырезать из его тела лопаточные кости, вместо них вставить собачьи лопатки и засадить в подземелье.

Никто не знал, куда пропал любимец народа, только один старик, слуга хана, знал, в чем дело. Он сделал от своей юрты подкоп к темнице и в продолжение семи лет кормил узника.

Контайши был славен и могуч, ему покорялись многие соседние ханы. Один из них — Кара-Калмык — узнав, что не стало мудрого Шуну, присылает к великому хану двух очень похожих птиц, из которых одна была сорока, другая ворона, искусным камланием превращенная в сороку.

Контайши должен был отличить одну птицу от другой. А условие было такое: если хан правильно угадает птиц, то Кара-Калмык будет ему платить дань по-прежнему, а если нет — перестанет. Контайши запечалился. Приходит ему на помощь старик-слуга. Принеся пищу Шуну, он рассказал ему о горе отца.

— Велика ли эта мудрость, — сказал ему Шуну, — чтобы отличить сороку от вороны. Ты посоветуй отцу: пусть поставит шест, а близ него навес. И когда настанет ненастное время, выпустит обеих птиц. Сорока полетит под навес, а ворона сядет на шест и закаркает.

Загадка была разгадана и Кара-Калмык остается данником Контайши.

В другой раз Кара-Калмык, прислал Контайши куст таволожника для различения корня от вершины. Снова Шуну разрешил эту, казалось бы, внешне простую задачу. Он рекомендовал отцу опустить куст в воду, зная, что он вершиною пойдет вверх, а комлем вниз.

В других фольклорных источниках говорится, что послы привезли с собой отрезанную палку, с таким же заданием – угадать, где толстый конец, а где тонкий. Шуну-богатырь посоветовал отцу опустить палку в воду – тогда толстый конец палки обязательно потянет вниз, а тонкий — наоборот, поднимется кверху (Садалова Т.М., 2006, с. 41).

Но и на этом «дипломатический разговор» не прекращается. Кара-Калмык присылает железный лук, чтобы Контайши натянул его. Условие спора остается прежним.

Никто не мог натянуть железный лук.

Тогда вытащили несчастного богатыря Шуну из подземелья. Он оброс мхом, плечи внешне зажили, только не мог он взглянуть на белый свет... Отец приказал вымыть его верблюжьим молоком, поставить на место богатырские плечи и нарядить. Медленно в тело Шуну входила сила и жизнь. Народ с нетерпением ждал возвращения богатыря.

— Неси, родитель, лук, — сказал Шуну. Тридцать человек кое-как притащили ему лук. Он заложил тетиву мизинцем, и лук легко согнулся. (Вербицкий В.И., 1993, с.143-144).

Короче говоря, победа остается за Контайши, а Кара-Калмык остался данником.

Загадки, составляющие сюжет этих сказок и легенды о Шуну-богатыре играли важную практическую роль: от правильного их решения зависела жизнь героев или целого племени. В данных сказках умная сноха и мудрая дочь, разгадав трудные загадки бая, спасают: первая — свекра, вторая — отца от смерти. Маленький мальчик умными ответами побеждает трех Кер-Сагалов, а в исторической легенде Шуну-богатырь разгадав три загадки, разрешил тем самым «дипломатическую проблему», и данник Кара-Калмык убедился, что пока жив этот богатырь — находиться ему в зависимости от Контайши.

Использование загадок-иносказаний в качестве сюжетной основы композиционных элементов создает в сказках, легендах и героическом эпосе острые социальные

конфликты. Как об этом заметила Ф. А. Алиева в своей работе «Социалъно-бытовая сказка народов Дагестана»: «Язык иносказания — упражнял и развивал ум, порождая догадливость, сообразительность, которые в процессе общественного развития приобрели практический смысл» (Алиева Ф.А., 1981, с. 6).

Иногда в самих загадках варьируются имена, образы и определения, которые употребляются постоянно в народных сказках и героических сказаниях, например, Көгӱтей, Ай-Каан, Эрлик-бий, Кан-кереде:

Jелип, jелип,
Jети туунын белтиринде
Кан-кереде төрӧди.
/Көрӱк/

Промчалась, промчалась
Птица Кан-кереде и
На стыке семи гор снесла яйцо.
/Кузнечные меха/

В некоторых алтайских загадках предметы напоминают действующих лиц сказки: пуля уподобляется серому волку, лежащему в логове или синей мышке; кедровая шишка — синему быку со ста почками; язык — огненно-рыжему коню; солнце — рыжей лисице и т. д. Все это поэтично, близко к быту и мировосприятию таежников-алтайцев.

Вот загадка, слова которой очень часто мы встречаем почти в любом героическом сказании при описании богатырского коня:

Болот туйгакту болор,
Кулjа тумчукту болор,
Кайчы кулакту болор,
Канат jӱректӱ болор [Кем ол?]
/Баатырдын Ады/

Со стальными копытами,
С носом, похожим на кульдя,
С ушами наподобие ножниц,
С сердцем, как крылья, кто он?
/Богатырский конь/
(Укачина К.Е., 1984, с.41).

Загадки также имеют тесную связь с эпическими произведениями. Например, в сказании «Ескюс-Уул» главные персонажи ведут речь загадочными выражениями. Караты-каан (хан Караты) узнав, что бедный рыбак Ескюс-Уул женился на красавице Алтын-Кюскю и что у него теперь вместо покрытого травой шалаша золотой дворец, сгорая от алчности, решил убедиться в этом. Тут-то и происходит «состязание загадкой»:

Кара jорго кайран адым
Саныскан агы учуп jетпес
Сары чӧлди ӧдӧрдӧ,
Канча тееп келгенин
Билерин бе, [Jаражай]? — деп ӧчӧди.

Через желтые пустыни,
Куда белая сорока не долетит,
Рысью скачущий мой вороной
Сколько следов оставил в пути,
Можешь ли подсчитать, красавица? —

ехидно кричит Караты-каан, подъезжая к золотому дворцу Алтын-Кюскю и Ескюс-Уула. Не тут-то было. Алтын-Кюскю не так-то легко провести. Она быстро берет свою «шестигранную иголку» и начинает вышивать «девятиугольный каменный ковер», задавая злому хану ответный вопрос-загадку:

— Алтын эжиктин jанынан
Тӧр бажына слер келгенче,
Тогус кырлу таш кебистен
Алты кырлу ийнеди
Ары-бери канча катап
Ӧткӱре тарткам,
Оны билип болороор бо, [Каан]?

Пока вы от золотой двери
До верхнего почетного угла дошли,
Сколько раз я туда-сюда
Втыкала шестигранной иголкой
В девятиугольный каменный ковер,
Можете ли сказать, хан?

/Подстрочный перевод наш — К. У./

(Алтай баатырлар,1980, с. 48).

Караты-каан не мог дать ответ на загадку Алтын-Кюскю, тем самым, признав неразрешимость и своего коварного вопроса.

Почти такое же словесное состязание мы находим в упомянутой нами сказке «Шалтыр-Казан», где старик спрашивает девушку, которая лущит в ступе ячмень:

- Об этот ячмень сколько раз ударила?

На что девушка отвечает:

- Ты на своей лошади от своего дома, до сюда сколько раз шагнув, приехал?

(Алтайские народные сказки, 2002, с. 349).

В эпосе «Алтай-Буучай» богатырь собирается на охоту. Очень важным мотивом в этом сюжете является наказ (запрет) богатыря своей жене и сестре: 1) в его отсутствие не жарить на огне очага черную печень животного; 2) не подниматься на вершину черной горы; 3) не ходить на берег черного озера (Суразаков С.С., 1961, с. 17-18), которые служат символом беды.

После отъезда богатыря жена нарушает запрет: колет черного торбока[1] и начинает жарить на костре «черную печень». Огонь тотчас гаснет, тогда она с золовкой Алтын-Сырга поднимается на вершину черной горы, видят там круглое черное озеро и, придя на его берег, ловят двух уток. На их крыльях изменницы пишут письмо Аранаю и Чаранаю — врагам Алтай-Буучая, о том, что несметное количество скота и другое богатство осталось без хозяина. Таким образом, бедствия богатыря Алтай-Буучая начинаются с момента нарушения запрета его женой и сестрой.

Хотя запрет в этом случае носит более символический характер, по форме выражения он близок к иносказаниям, но он требует расшифровки, т. е. разгадки.

В другом варианте сказания юный сын Алтая-Буучая быстро вырастает и расправляется со всеми врагами. Вернувшись в родной дом неузнанным, он задает своей изменнице — сестре такую загадку-иносказание:

Кынырак керек пе?	Что желаешь — скребок для
Кызырак керек пе?	выделки кожи или яловую кобылицу?

Сестра отвечает:

— Кынырак берзен —	— Если дашь скребок —
Тере уужап берерим,	Я выделаю тебе овчину.
Кызырак берзен —	Если дашь яловую кобылицу —
Саайла, ачыдала, аракы аскайым .	Надою молока и сварю вино.

(Суразаков С.С., 1961, с. 23-24).

В своем ответе изменница-сестра показала свое явное незнание сути предмета загадки-иносказания: кынырак – маленький скребок, которым трудно выделать большую овчину, а кызырак – яловая, нетельная кобылица у которой отсутствует молоко. Соответственно – маленьким скребком не выделаешь огромную овчину, от яловой кобылицы не получишь молока и не сваришь молочное вино.

Из-за ее предательства и неправильного ответа на загадку, рассерженный брат привязывает сестру к хвостам пяти кобылиц и отпускает их в разные стороны. Кобылицы разрывают ее на части.

В сюжетной основе этих произведений главным условием было умение понять и расшифровать иносказание, т. е. угадать его, что породило целый комплекс совершенно неповторимых поэтических образных средств, которыми располагает только жанр загадки. Это — загадочные понятия, игра слов, обмен иносказательной речью, вопросы-ответы, т. е. все художественные приемы, выполняющие функцию загадки в сказках, легендах и героических сказаниях данного типа. Отсюда возникают олицетворения, аллегории, метафоры и т. д. — весь арсенал средств, исключающих выражение мыслей говорящих, сталкивающихся сторон.

Следует сказать и о том, что сюжеты сказок и сказаний, достроенные на иносказательно-загадочных выражениях, сохранили, с одной стороны, отличительную

---

[1] Торбок – бычок по второму году.

сторону древней загадки, с другой стороны, они имеют общие черты с современными загадками. Говоря словами И. М. Колесницкой, такая связь загадок со сказкой: « ... дает возможность предположить, что древний по своему происхождению материал сказки отразил какую-то более древнюю ступень в жизни загадки», «... ту ступень, когда эта форма не была выкристаллизировавшимся жанром, а представляла собой нечто отличное от современной загадки» (Колесницкая И.М., 1941, с. 112).

Загадки, входящие в сюжет сказок, легенд, героических сказаний в начале представляли простую форму и выполняли функцию загадочной, тайной речи, которую было необходимо понимать и расшифровывать при определенных обстоятельствах.

Таким образом, можно констатировать, что загадки имеют прочные взаимосвязи практически со всеми жанрами устного народного творчества. Часто загадки являются основой сюжета, например, сказок, сказаний, легенд и т. д. но, с другой стороны, они могут и вычлениться из них и начать самостоятельную жизнь.

Библиографический список

1. Алиева, Ф.А. Социально-бытовая сказка народов Дагестана : автореф. дис. ...: канд. филол. наук / Ф.А. Алиева. – Баку, 1981. – 22 с.
2. Алтай баатырлар. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алт. кн. изд-ва, 1980. – Т. X. – 214 с.
3. Алтайские народные сказки. – Новосибирск: Наука, 2002. – Т. 21. – 455 с.
4. Вербицкий, В.И. Алтайские инородцы / В.И. Вербицкий. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. – изд. 2-е. – 269 с.
5. Жанузаков, Т. Загадки // История казахской литературы / Т. Жанузаков. – Алма-Ата, 1968. – Т. I. – С. 174.
6. Зеленин, Д.К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии / Д.К. Зеленин. — Л., 1930. – Т. IX. – С. 8-9.
7. Колесницкая, И.М. Загадка в сказке // Ученые записки Ленинградского государственного университета / И.М. Колесницкая. – Л.: ЛГУ, 1941. – Вып. 12. – № 81. – С. 112-121.
8. Махмутов, Х.Ш. Татарские народные загадки: автореф. дис. ...: канд. филол. наук / Х.Ш. Махмутов. – Казань, 1969, 24 с.
9. Потанин, Г.Н. Очерки северо-западной Монголии / Г.Н. Потанин. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005. – Т. IV. – 1026 с.
10. Потапов, Л.П. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Журнал Культура и письменность Востока / Л.П. Потапов. – Баку, 1929. – № 5. – С. 123-149.
11. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность / В.Я. Пропп. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1976. – 325 с.
12. Радлов, В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и дзунгарской степи / В.В. Радлов. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2006. – изд. 2-е. – 496 с.
13. Суразаков, С.С. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае / С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное изд-во, 1961. – 180 с.
14. Садалова, Т.М. Загадки Шуну-батыра / Т.М. Садалова. – Горно-Алтайск: ГУ кн. изд-во «Юч-Сюмер – Белуха», 2006. – 112 с.
15. Самойлович, А.Н. Женские слова у алтайских турков // Язык и литература / А.Н. Самойлович. – Л.: 1929. – Т. III. – С. 221-231.
16. Укачина, К.Е. Алтайские народные загадки / К.Е. Укачина. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алт. кн. изд-ва, 1984. – 104 с.
17. Фрэзер, Джеймс. Золотая ветвь / Джеймс Фрезер. – М., 1986. – 511 с.
18. Фольклорные материалы. Папка № 54(д). – Архив ГНУ «НИИ Алтаистики им. С.С. Суразакова».
19. Чичеров, В.И. Русское народное творчество / В.И. Чичеров. – М.: Изд-во МГУ, 1959. – 522 с.

20. Яимова, Н.А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке / Н.А. Яимова. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – 168 с.

Яданова К.В.
(г. Горно-Алтайск, Россия)

«ВСТРЕЧА ОХОТНИКА С ДУХАМИ-ХОЗЯЕВАМИ / *АЛМЫСОМ*»[1]. ОПЫТ УКАЗАТЕЛЯ СЮЖЕТОВ И ВЕРСИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ АЛТАЙСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

При составлении данного указателя мы руководствовались опытом работы Ю.И. Смирнова, представленного в указателе сюжетов и версий восточнославянских баллад (Смирнов Ю.И., 1988). Принципы систематизации сюжетов, разработанные им, были применены Н.К. Козловой при систематизации сюжетов мифологической прозы (Козлова Н.К., 2000; 2006) и В.Л. Кляусом при систематизации сюжетов заговорных текстов восточных и южных славян (Кляус В.Л., 1997). Главные показатели этих работ: открытость системы, который позволяет каждый раз вводить новый материал, и рассмотрение сюжетов и версий фольклорных текстов в эволюционной последовательности.

В указателе сюжетов и версий римскими цифрами отмечены темы: I. Встреча охотника с алмысом; II. Встреча охотника-музыканта (*кайчы* / *комусчы* / *шоорчы*)[2] с духами-хозяевами. Внутри тем первой арабской цифрой обозначены сюжеты (1), второй арабской цифрой – их версии (1.1.). После знака сюжета и версии буквами отмечены варианты текстов (1.1а). Некоторые варианты показаны с отсылками на соответствующие источники. Контаминации сюжетов обозначены нулем (0) и помещаются в зависимости от их отношения к конкретной версии. Например, индекс I.1.0.4.0. означает, что текст, представленный версией № 4 сюжета (1) «Охотник выдает вместо себя пень», относящийся к теме (I) – «Встреча охотника с алмысом», находится между двумя сюжетными частями, не имеющими отношения к этому сюжету.

---

[11] *Алмыс* (*алмын* / *албын*) – мифическое существо, нечистый дух. *Алмыс* называют также *jес тырмак* (ср. чалканск. *jес сырвак*, казах. *джезтырнак*) – медные ногти / когти. В фольклорных текстах часто выступает в облике красивой женщины с медными ногтями, может превращаться в животных (в козу, щенка) и в неодушевленные предметы.

[22] *Кайчы* (от сущ. *кай* – горловое пение, *кай чӧрчӧк* – героическое сказание) – сказитель; *комусчы* / *комысчы* (от сущ. *комус* / *комыс* – варган) – человек, играющий на варгане. У кумандинцев *комыс* – двухструнный музыкальный инструмент, под аккомпанемент которого сказитель исполняет сказание (алт. *топшуур*); *шоорчы* (от сущ. *шоор* – алт. нац. музыкальный инструмент из дудки борщевика) – человек, играющий на *шооре*.

Мы пытались расположить сюжеты и их версии в эволюционной последовательности, с целью выявления их связи между собой и их изменчивости во времени. Аннотации указателя сюжетов, версий и вариантов составлены подробно, указывается этническая принадлежность текстов. Материалом настоящего указателя послужили мифологические рассказы и предания алтайцев и других тюркских народов.

Основными источниками текстов для нас стали архивные материалы Института алтаистики им. С.С. Суразакова (ФМ – фольклорные материалы, МНЭ – материалы научной экспедиции), сборник преданий на алтайском языке «Алтай кеп-куучындар» («Алтайские предания») (1994), составители: Е.Е. Ямаева, И.Б. Шинжин; охотничьи предания кумандинцев, опубликованные Н.П. Дыренковой в переводе на русский язык (Дыренкова Н.П., 1949, с. 116-131) и др. Наш указатель носит рабочий характер и остается открытым для внесения новых материалов.

Указатель сюжетов

I. «Встреча охотника с алмысом»

1. ОХОТНИК ВЫДАЕТ ВМЕСТО СЕБЯ ПЕНЬ

Охотник ночует в охотничьем стане; ждёт прихода *алмыса*: вместо себя оставляет пень, накрывает его своей шубой. *Алмыс* бросается на пень, медные когти *алмыса* застревают на пне. Охотник избавляется от *алмыса*.

I.1.1. Охотник ждет прихода алмыса

I.1.1а. Охотник ночует в охотничьем стане. Приносит гнилой пень, накрывает своей замшевой шубой. Приходит *алмыс* и придавливает пень. Охотник стреляет в *алмыса*. (Исполнитель уточняет, что *алмысов* было двое: женщина и мужчина. Один из них убегает) *(**алт.**, МНЭ-38, С. 6, запись Т.М. Садаловой от Чалма Иркитовой, 69 лет, сöök (род) иркит, июнь 1986 г., с. Каспа Шебалинского р-на)* (Архив ИАРА).

I.1.0.0.1б. Охотник Сары-Тан. Алмыс крадет ребенка (0) + Сожительство охотника Сары-Тан (алт. «раннее утро») с алмысом (0) + Жена – *алмыс* преследует охотника (1б).

[Охотник Сары-Тан перед тем как отправиться с другом на охоту, наказывает жене поддерживать огонь ночью, не дать погаснуть. Если придёт *алмыс*, то вонзить его медным ножом].

0. Алмыс крадёт ребёнка

Алмыс крадёт ребёнка охотника Сары-Тан. Жена охотника по имени Унчукпас (алт. «молчаливая») находит жилище *алмыса*; убивает *алмысов*, пронзая в сердце медным ножом; возвращается домой.

(Распространенная версия сюжета «Алмыс крадет ребёнка»: Алмыс крадёт ребёнка. Мать находит свое дитя в жилище алмыса, через щель подманивает его своей грудью. Убегает со своим ребёнком домой).

+ 0. Сожительство охотника Сары-Тан с алмысом

Сары-Тан поохотившись с другом, решают возвращаться домой прямым путем: через россыпи и густые заросли кустарников. Дорога оказывается трудной, друг Сары-Тана умирает. Сары-тан лежит, выбившись из сил. Приходит «красивая алтайская девушка». Обещает вылечить охотника, если он станет жить с ней. Охотник соглашается. Девушка исцеляет охотника: «повела белым цветком, обмыла его целебным источником – *аржан*». Охотник Сары-Тан и девушка живут вместе. У них рождается четыре сына.

Однажды Сары-Тан уходит на охоту. Вернувшись домой, не находит самого младшего сына, жена сообщает, что он исчез. Охотник спрятавшись, следит за женой. «Видит: жена сидит, расчесывая волосы, под мышкой у нее отверстие, на темени тоже». Ночью она укладывает спать двух старших сыновей, третьего сына пронзает когтями насквозь, готовит из его мяса еду. Сары-Тан забрав двух сыновей, убегает от *алмыса*.

+ (I.1.) 1б. Жена – алмыс преследует охотника

По дороге вечером Сары-Тан разводит костёр, накрывает пень шубой. Прибегает «чёрная коза», оборачивается женой-алмысом, вцепляется ногтями в шубу на пне. Сары-Тан стреляет в нее из медного лука. *Алмыс* умирает. Охотник сжигает её ногти.

Сары-Тан возвращается с сыновьями домой. Одного называет Алмат, другого Jети-Сары. От них распространяются роды *алмат*, *jети сары*[1]

*(**алт.**, ФМ № 406, № 1.1 (оп.), С. 1-6. Самозапись П.Е. Ойношева, август 1986 г., 56 лет, сӧӧк тодош. Опуб.: Алтай кеп-куучындар, 1994, с. 89-93)* (Архив ИАРА).

I.1.1в. В охотничьем стане кто-то размешивает угли от костра

Охотник, вернувшись в охотничий лагерь, обнаруживает, что кто-то размешал угли от костра. Укрыв пень своей шубой, стал выжидать. Приходит *алмыс*, вцепляется когтями в пень. Охотник стреляет в него, [алмыс] превращается в пепел (***алт.**, запись К.В. Ядановой, К.Е. Укачиной от Jыртый Улачиной, 1920 г.р., сӧӧк иркит, родилась, жила в с. Келей. 03.07.08, с. Усть-Мута (алт. Мооты-Оозы) Усть-Канского р-на)*.

I.1.2. Кто-то съедает из припасов еды охотников

Охотятся три брата. Кто-то съедает из их припасов еды. Один из братьев винит других. Братья, рассердившись, уходят охотиться в другое место. Охотник догадавшись, что припасы еды съедает *алмыс*, накрывает пень своей шубой и ждёт. Приходит *алмыс*, охотник пускает в *алмыса* стрелу, борется, но не может убить. *Алмыс* не выдержав мук, причиняемых человеком, просит достать из его подошвы обуви «ножик с красной рукоятью» и умертвить его им. *Алмыс* просит после его смерти почитать его, приносить ему жертву. Охотник убивает *алмыса* его ножом с красной рукоятью

*(**туба**, «Три брата охотились…» ФМ №283, С. 15-17, зап. К.Е. Укачиной от А.К. Туймешева, 1891 г.р., 9 февраля 1976 г., Турочакский р-н, с. Яйлу. Опуб.: Алтай кеп-куучындар, 1994, с. 104)* (Архив ИАРА).

I.1.3. Охотник приманивает алмыса своим сыном

Жил на Алтае людоед алмыс. Находится храбрец, который решается убить чудовище. «Одевает» пень своей одеждой, рядом, у огня оставляет своего маленького сына, сам прячется с луком. Приходит алмыс, бросается на мальчика. Мальчик погибает, «сделавшись последнею жертвою». Охотник стреляет алмыса из лука (***алт.**, Калачев, 1896, с. 499).*

I.1.0.4.0. Охотнику снится приход Алмыса

0. Бездетный хан Чымалы-каан (букв. Муравей-Царь) отправляется к Пуповине Земли Матери *(Jер киндиги эне*), выпрашивать наследника.

+ (I.1.) 4. По дороге Чымалы-каан охотится на марала. После удачной охоты засыпает. Во сне приходит к нему человек Алмыс, чтобы убить его. Проснувшись, Чымалы-каан шьет мешок – *тулуп* из шкуры семи маралов. В постель приносит гнилой пень и укрывает своей шубой. Сам, спрятавшись, ждет. Приходит человек с черным лицом, бросается на пень, ногти застревают. Богатырь Чымалы-каан впихивает Алмыса-Шулмуса в кожаный мешок; справившись с ним и с его конем, сжигает.

+ 0 – далее следует основной сюжет героического сказания «Чымалы-каан» *(**алт.**, ФМ-402, тетрадь №1 , С. 100-108; самозапись Н.К. Ялатова. Опуб.: Ялатов 1988: 30-34; Ялатов 2007: 10-25)* (Архив ИАРА).

I.1.5. Женщина не показывает руки охотнику

В охотничий стан приходит женщина. Охотник подает ей мясо, женщина берет мясо, не показывая руки. Охотник понимает, что это не человек. Женщина уходит, охотник приносит гнилушки / кусок дерева / пень и прикрывает их своей шубой / халатом. Приходит алмыс (алт.) / *джез-тырнак*[2] (казах.), вонзается ногтями в шубу / «обнимает» кусок дерева, приняв за охотника. Охотник стреляет в алмыса / *джез-тырнак*.

***Алт.**, ФМ-261, № 64, С. 83. Запись К.Е. Укачиной от Бужулдаевой Ойон, 90 лет, сθθк майман. 1973 г., Онгудайский р-н, с. Боочы* (Архив ИАРА).

---

[1] *Алмат*, *jети сары* – алтайские роды – *сӧӧк*. Среди алтайцев распространены предания о происхождении *алматов* от *алмыса*.

[2] *Джез-тырнак* / *жезтырнак* – (казах. *медные когти / ногти*; ср. алт. *jес тырмак*) в казахском фольклоре мифическое существо с медными ногтями, путникам предстает в образе женщины. *Джез-тырнак* нападает на одиноких путников, пытается всячески навредить им (Каскабасов С.А., 1990, с. 129).

Казах. *Диваев А.А., 1906, № 7, с. 127. (Переизд.: «Истан и жезтырнак» // Казахские сказки, 1964, с. 282).*

I.1.6. Охотник идет по следам женщины – *джез-тырнак*

«Женщина не показывает руки охотнику» (I.1.5) + Охотник идет по кровавым следам. Находит раненого *джез-тырнака* в пещере, справляется с ним (казах. отрезает руки *джез-тырнака*).

I.1.6а.0. «Кара-Мерген» *– Охотник идет по следам «женщины в синей рубахе»* (I.1.6а) + *Встреча охотника с пери* (0).

I.1.6а. Охотник по имени Кара-Мерген отправляется на охоту. После удачной охоты вечером готовит ужин. В охотничий стан приходит «женщина в синей рубахе». Охотник, чтобы узнать вредоносное ли это существо, подает ей мясо; женщина берет, не показывая руки. Кара-Мерген прогоняет женщину, собирает *ууки* (длинные палки, которыми прикрепляют юрту) в кучу, сверху закрывает своей одеждой, сам прячется.

Приходит женщина, набрасывается на кучу *ууков*, лежавших как человек. Охотник убедившись, что это *джалмауз*[1], стреляет в нее. *Джалмауз* убегает; [Кара-Мерген идет по ее кровавым следам, находит *джалмауз* мертвой в пещере. У нее «ладони рук [были] из синего железа, как лезвие ножа, а концы пальцев острее конца пики и легко вонзаются в камень». Охотник, отрезав одну руку *джалмауза*, уезжает].

+ *0. Встреча охотника с пери.* Охотник Кара-Мерген по дороге встречает кочующих *пери*[2]. Пери выдают девицу за него замуж, с условием, что он ночью не должен заснуть. Охотник засыпает; проснувшись утром, рядом никого не обнаруживает.

Кара-Мерген возвращается домой, распродав шкуры добытых зверей, делает большую выручку. «Скот у Мергена стал умножаться, а жена его, ранее не родившая детей, забеременела по воле Божьей». Через год Кара-Мерген приходит на то место, где встретил девушку *пери*. С неба пери спускает ему младенца, которого родила от него. Кара-Мерген с ребенком возвращается домой, богатеет, становится ханом. Его сын, родившийся от его собственной жены, остается ханом вместо него, «а мальчик от пери умер в молодых летах от дурных глаз»

*(**казах.**, Пантусов Н.Н., 1901, с. 24-35; переизд.: Кара-Мерген // Казахские сказки, 1962, с. 122-128).*

I.1.0.6б.0.0. «Жезтырнаки, пери и Мамай» *(рассказ в рассказе). – Жигиты встречают аулы батыра Мамая* (0) + *Рассказы Мамая: охотник идет по следам жезтырнака* (6б) + *Дочь Мамая убивает жезтырнака* (0) + *Мамай и пери* (0).

0. Три жигита отправляются в далекий путь. По дороге встречают аулы батыра Мамая. Останавливаются на ночлег в одном из аулов. Мамай рассказывает им свои истории о встрече с *жезтырнаком* и *пери*. (Рассказ ведется от первого лица).

+ (I.1.) 6б. Дед и отец Мамая, отправившись на охоту в местность Ушарал, бесследно исчезают. Мамай отправляется в Ушарал, чтобы узнать: почему его дед и отец погибли там. Поохотившись несколько дней, перед возвращением домой убивает дичь и варит мясо. Приходит женщина темно-коричневого цвета. Охотник протягивает ей мясо с костью, женщина мигом глотает весь кусок. Когда она уходит, охотник, отрезав в свой рост осину, одевает ее в свой *чапан*[3]. Сам, зарядив ружье, забирается на дерево. Прибегает коричневая женщина, бросается на чучело. Охотник стреляет в нее. Женщина убегает, оставляя кровавые следы.

Охотник идет по ее следам; находит женщину мертвой в лачужке. Мамай отрезает у нее руки, прихватив белый топор и руки *жезтырнака*, отправляется домой.

+ 0. Мамай идет к *жаурынчи*[4]. *Жаурынчи* предсказывает, что остался муж *жезтырнака* и придет за белым топором. Поэтому Мамаю придется каждую ночь жить без сна и ждать чудовище. Убить его можно лишь его топором. Мамай каждый день ждет

---

[1] *Джалмауз / жалмауыз-кемпир* – в казахском фольклоре мифическое существо, пожирающее людей.

[2] *Пери* – чистые духи. Сюжет встречи в степи охотника с неземной девушкой *пери* и потери ее, традиционный для казахской былички (Каскабасов С.А., 1990, с. 221).

[3] *Чапан* – домашний верхний халат из верблюжьей шерсти.

жезтырнака. Вскоре выходит замуж дочь его Бикеш и просит у отца белый топор. Выпросив топор, каждую ночь караулит *жезтырнака*. Однажды появляется *жезтырнак*. Бикеш рубит его голову белым топором. Избавившись от *жезтырнака*, возвращает топор отцу.

+ 0. Батыр Мамай встречается с дочерью *пери*. Красавица ставит условие: если он, не заснув до утра, будет смотреть в огонь, то тогда она станет его женой. Мамай не выдержав, засыпает. На утро обнаруживает только одеяло, на котором сидел и записку от *пери* (***казах.***, *Жезтырнаки, пери и Мамай // Казахские сказки, 1964, с. 72-78; Каскабасов С.А., 1990, с. 117-118, 143-144).*

I.1.0.6в.0.0. «Жайык и Едиль»

0. Охотятся два брата Жайык и Едиль. Жайык рассказывает Едилю, что на охоте обнаружил след босого человека; пошел по следу и нашел пустой шалаш. В шалаше кто-то невидимый разговаривал с ним. Едиль не верит брату. Утром отправляются вместе на то место и не находят шалаша. Едиль расстается с Жайыком.

+ (I.1.) 6в. Едиль убив кулана, вечером стал жарить мясо на костре. В охотничий стан со стороны леса приходит человек, «укутанный с головой в *шекпен*[2]». Едиль подает мясо пришельцу. Сказав: «Несдобровать бы тебе, если бы ты не дал мне мяса», – человек уходит. Едиль накрывает бревно своим *шекпеном*, сам, зарядив ружье, притаился невдалеке. Приходит тот человек и бросается в бревно. Едиль стреляет в него. Это был *жезтырнак* с медными когтями. Охотник, срезав у *жезтырнака* когти, берет с собой.

+ 0. Едиль в поисках своего брата Жайыка, натыкается на юрту жалмауыз-кемпира – свекрови убитых им *жезтырнаков*. Жалмауыз-кемпир признается, что съела Жайыка. Едиль избавившись от нее, пригоняет весь ее скот в аул, раздает людям. Забирает все богатства жалмауыз-кемпира.

+ 0. Через два года Едиль выдает замуж свою дочь. Дочь просит у отца в приданое украшения – *шолпы* (?) жалмауыз-кемпира. Едиль наказывает ей не спать по ночам, караулить оставшуюся дочь жалмауыз-кемпира. В одну ночь приходит *жезтырнак*, дочь Едиля рассекает ей голову. «Так была убита последняя дочь жалмауыз-кемпира» *(**казах.**, Казахские сказки, 1964, с. 101-103).*

*Варианты см.: «Одноглазый великан» // Потанин, № 49, 1917, с. 162-164 – (**казах.**).*

I.1.0.7.0. Батыр Акжан побеждает *дяу*.

0. Батыр Акжан пасет скот бая. Одноглазый *дяу*[3] убив брата бая, жарит на огне; Акжан справляется с чудовищем. По дороге в аул бая батыр останавливается на ночлег в одной юрте. В юрту входит незнакомый человек, спросив у хозяев, где они собираются постелить своему гостю, уходит. Акжан догадывается, что братья убитого им *дяу* хотят отомстить ему.

+ (I.1.) 7. Батыр Акжан кладет на свою постель бревно, укрывает его своим *чапаном*, сам, спрятавшись, ждет. Ночью прилетает огромная птица, превращается в *дяу*, входит в юрту и выносит оттуда бревно. Акжан стреляет в него, *дяу* убегает. Батыр едет по следу чудовища и находит его мертвым.

+ 0. Батыр, добравшись до своего аула, рассказывает людям о поединке с *дяу*. Бай устраивает в честь Акжана *той*[4] (***казах.***, *Батыр Акжан // Казахские сказки, 1964, с. 155-156).*

I.1.0.8.0. Встреча охотника с лесным человеком – *лäгсурд* с топором на груди (рассказ в рассказе; цикл рассказов).

0. Два охотника: балкарец и кабардинец одновременно стреляют в одного оленя. Вдвоем разделав шкуру, спорят: кому должна достаться самая почетная часть – голова зверя. Решают, что возьмет ее тот, кто расскажет из своей жизни более чудесное и опасное приключение».

---

[4] *Жаурынчи* – гадальщик по сожженной бараньей лопатке (кости) (ср. алт. *jарынчы*; лопатка – *jарын*).

[2] *Шекпен* – суконный халат.

[3] *Дяу* – мифическое существо, чудовище.

[4] *Той* – пиршество, празднество; свадьба.

Первым начинает рассказ кабардинец (рассказ ведется от первого лица):

+ (I.1.) 8. Охотник ночует в лесу, повесив на дерево мясо убитого зверя. Услышав шум шагов, накидывает бурку на свалившееся дерево, сам прячется. Приходит лесной человек – *лäгсvрд* с топором на груди. Кидается на бурку, топором рассекает дерево пополам. Снимает мясо, висевшее на дереве, изжарив, ест. Охотник стреляет в *лäгсvрда*, тот убегает.

Охотник идет по кровавым следам. Находит в пещере раненого *лäгсvрда* и девушку. Убивает *лäгсvрда*, освобождает девушку. Девушка была похищена *лäгсvрдом* и родила от него мальчика также с топориком на груди. Она просит охотника избавить ее от ребенка. Охотник убивает сына *лäгсvрда*, девушка возвращается домой.

+ 0. Рассказ второго охотника – балкарца: охотник возвращается с охоты с убитой дичью на спине. Орел уносит охотника вместе с дичью в свое гнездо на вершине скалы. Охотник избавляется от орла; садится на его спину, спускается, столкнув труп со скалы…

(Сказка о балкарском и кабардинском охотниках // Миллер В., 1992, с. 150-151).

I.1.9. Хозяйка горы охотится за охотником, чтобы сделать его своим мужем

В охотничий стан приходит голая женщина, щекочет охотника. Человек хочет убежать, но боится быть съеденным. Голая женщина повторяет действия охотника, «передразнивая его». Охотник стреляет в неё, женщина убегает.

Охотники идут по её следам, находят чёрную скалу. Оттуда слышны голоса. “Один человек плакал там, говоря: «Ты ещё не удовлетворилась, семерых сделавши своими мужьями? Погнавшись теперь за восьмым, ты умираешь сама!»”. Двое собираются ночью убить охотников. Охотники, узнав об этом, приносят в охотничий стан две колоды, кладут их с двух сторон огня. Колоды накрывают своими шубами, взяв ружья, выжидают. Приходят два парня; приняв колоды за охотников, собираются напасть. Охотники стреляют в пришедших людей.

Вернувшись домой, охотники рассказывают о случившемся. Один старик сообщает: кто, поддавшись щекотанию голой женщины, побежит, то за ним она, погнавшись, убивает. «Как только он умрёт, она делает его своим мужем» *(**хак.**, Катанов Н.Ф., № 325, 1963, с. 133-134).*

I.1.10. Девушки с медными ногтями играют с охотником

а) два брата и две девушки

Два брата охотились. Вечером приходят к ним в охотничий стан две девушки с медными ногтями и играют с младшим братом. Младший брат ложится спать между девушками. Старший брат на место, где лежал, оставляет пень, прикрывает своей верхней одеждой. Девушки встают, прыгают через костер, вцепляются ногтями в пень, застревают. Старший брат стреляет в них из ружья. На другой день братья возвращаются домой *(**туба**, ФМ № 11, тетрадь № 2, С. 12. Зап. В.Я Майамановой от С.С. Тагизова, 1887 г.р., сöök комнош, Турочакский р-н, с. Эдербес, 1954 г.)* (Архив ИАРА).

б) медные ногти

Идут на охоту два брата. Вечером к ним в охотничий стан приходят две девушки с длинными рукавами. Играют с младшим братом. Старший брат их к себе не подпускает. Все ложатся спать. Старший брат спрашивает у девушек: когда они засыпают? Девушки отвечают: когда их «глаза сильно засветятся зелёным [пламенем]». Девушки засыпают.

Охотник приносит пень. Кладёт на то место, где лежал, сверху укрывает своей шубой. Сам, спрятавшись, наблюдает. Девушки встав, вцепляются медными ногтями в пень. Охотник стреляет в них. Будит младшего брата, возвращаются домой

*(**чалкан.**, ФМ № 423, № 7, С. 25-27. Зап. А.М .Кандараковой от А.М. Пустогачевой-Тагызовой, 1927 г.р., 1988 г., Турочакский р-н, с. Курмач-Байгол)* (Архив ИАРА).

I.2. ЖЕНЩИНА АЛМЫС ГОТОВИТ ЕДУ ОХОТНИКУ

Женщина-алмыс готовит еду охотнику. Охотник, спрятавшись, видит, что она готовит еду из своего мяса / кишок. Охотник поняв, что это алмыс, убегает / избавляется от нее.

1. Кто-то неизвестный готовит еду охотнику

В охотничьем стане кто-то готовит еду охотнику. Охотник, спрятавшись, видит, что еду готовит алмыс (из своего мяса, внутренностей); охотник убегает от алмыса.

1.1. Охотник и девушка

Охотник каждый раз по возвращении с охоты обнаруживает в охотничьем лагере еду, приготовленную кем-то. Пищу выливает и готовит сам. Спрятавшись в лагере, наблюдает. Приходит девушка, отрезает из своего бедра мясо, готовит еду. Сварив пищу, удаляется. Охотник выливает приготовленную еду, убегает домой

*(**туба,** ФМ № 11, тетрадь № 2, С. 11. Зап. В.Я. Майамановой от С.С. Тагизова, 1887 г.р., сöök комнош, 1954 г., Турочакский р-н, с. Эдербес)* (Архив ИАРА).

1.2. Алмыс гонится за охотником

Каждый раз в охотничьем стане кто-то готовит охотнику ужин. Охотник съедает пищу, остается в лагере караулить. Приходит светлая (рыжая)[1] женщина, варит еду из своих внутренностей (кишок)[2], готовит чай, «соскребав с [затвердевшей кожи] стопы», выцеживает молоко с грудей. Когда светлая (рыжая) женщина уходит, охотник убегает домой. Алмыс гонится за ним. Охотник, стремясь попасть в дом, цепляется ружьем о дверной косяк (?), умирает

*(**алт.**, «Об алмысе», ФМ-387, С. 37, № 21 (оп.). Зап. Т.М. Садаловой от И.О. Баграчина, 69 лет, сöök көбök. 1986 г., Улаганский р-н, с. Балыктуюль. Расшифровка текстов Т.М. Садаловой)* (Архив ИАРА).

2. Сожительство охотника с алмысом

Охотник встречает «красивую женщину», живёт с ней. Спрятавшись, наблюдает за женой: жена-алмыс варит еду из своего мяса / готовит чай, выскоблив омертвевшую часть кожи. Охотник убегает / избавляется от алмыса.

2.1а. Жена-алмыс варит «вкусный чай»

Охотник женится на красивой женщине. Жена каждый раз варит «очень вкусный чай». Охотник удивляется: «откуда она могла взять?»; следит за женщиной. Жена выскабливает омертвевшую часть кожи с колен и готовит чай. Охотник убегает от нее

*(**алт.**, опуб.: Яданова К.В., 2006, с. 111. Зап. К.В. Ядановой 30 сентября 2004 г. от Ч. Абуловой, 1918 г.р., с. Белтир Кош-Агачского р-на).*

2.1б. Молодая женщина *алмыс*

Парень знакомится с красивой девушкой, живёт с ней. На охоте встречается с человеком, который говорит, что его жена – *алмыс* и остерегает его. Парень спрятавшись, наблюдает за женой. Жена-алмыс режет из подмышек мясо, готовит еду. Парень стреляет в *алмыса*

*(**алт.,** ФМ-383, тетрадь № 3, С. 75-76. Зап. И.Б. Шинжина от К.Я. Тенишкиной, 1908 г.р., сöök очы, 1986 г. июня месяца, с. Кумалыр Шебалинского р-на)* (Архив ИАРА).

2.1в. Девушка-алмыс «не даёт дотронуться до спины»

В охотничий стан приходит девушка, охотник живет с ней. Девушка «не даёт дотронуться до спины». Охотник идёт к *каму*, узнаёт от него, что живёт с алмысом. Возвращается в охотничий стан, следит за женщиной. Алмыс превращается в рыжего щенка, ест подошву, подкову, части старой обуви. Снова превращается в человека, готовит ужин охотнику из своих рёбер. Охотник стреляет в алмыса

*(**алт.**, опуб.: Яданова К.В., 2006, с. 112-114. Зап. К.В. Ядановой 23 сентября 2005 г. от А.С. Тебекова, 1948 г.р., с. Ортолык Кош-Агачского р-на).*

2.2. Избавление Сыгынчы от девушки-алмыс

Парень по имени Сыгынчы (алт. «охотник за маралами») встречается с красивой девушкой Койонок (Койончы), живут вместе. Койонок (алт. «зайка, зайчонок») ничего не ест, просит Сыгынчы сходить к её родителям за узелком. В узелок просит не заглядывать.

---

[1] В тексте *сары üй кижи*. Лексема *сары* в алтайском языке имеет значения: «жёлтый, светлый, рыжий».

[2] Во многих текстах *алмыс* варит *казы-карта* из своих внутренностей. *Казы-карта / касы-карта* – блюдо из конских кишок и сала.

Сыгынчы на обратной дороге развязывает узелок и обнаруживает там подошвы старой обуви. Жена варит *кӧчӧ*[1] с мясом. Сыгынчы не может есть приготовленную «еду со странным вкусом». Сыгынчы забирается на дымоход *айыла* и оттуда наблюдает за женой. Из темени жены «насквозь виднеются её лёгкие-сердце». Жена готовит *кӧчӧ*, нарезав мясо из своего бедра. Сыгынчы избавляется от жены-алмыса: руки *алмыса* застревают в щели дерева, Сыгынчы придавив ее деревом, возвращается домой

*(**алт.**, ФМ-276. Зап. А.А. Коноева от Р.Г. Илакова, 1914 г.р., сӧӧк мундус, с. Еланда Шебалинского р-на (ныне Чемальского р-на), декабрь 1974 г.)* (Архив ИАРА).

3. Происхождение рода – *сӧӧк алмат*

Охотник на охоте встречает красивую девушку, живет с ней. У них рождается ребенок. Охотник, спрятавшись, следит за девушкой: девушка готовит еду из своего мяса. Охотник избавляется / убегает от алмыса, забирает сына и возвращается домой. От мальчика происходит род *алмат*.

3.1а. Охотник стреляет в алмыса

Живет одинокий охотник. Приходит красивая женщина. Охотник сватается к ней, живут вместе. У них рождается мальчик и девочка. Охотник следит за женой. Жена готовит еду, порезав мяса под мышками. Охотник заряжает ружье медью и обрезками старого войлока – *курумчы*. (Алмыса нельзя убить пулей, [пуля] попадет на самого стреляющего; в нее стреляют войлоком – *курумчы*). Охотник стреляет в алмыса, алмыс превращается в *курумчы* (?).

Охотник бьет дочь, она превращается в козленка, убегает. Бьет сына, мучает, он ни во что не превращается. Оставляет его себе. Сын алмыса и охотника становится «знающим» – *неме билер*

(***алт.**, МНЭ № 44, тетрадь № 1, с. 58-61. Зап. О. Шейкиной, Т.М. Садаловой от ϑ.К. Суунушева, 1926 г.р., сӧӧк таргы-кыпчак., с. Сугаш, Усть-Коксинского р-на, 30-31 мая 1988 г. Расшифровка текста З.С. Казагачевой)* (Архив ИАРА).

3.1б. «Ребенок, родившийся от алмыса это же алмат»

Кто-то в охотничьем стане готовит еду охотнику. Охотник следит, приходит «очень красивая молодая женщина». Они живут вместе; женщина каждый раз готовит охотнику *касы-карты* коня, конские кишки. Охотник удивляется, следит за ней. Женщина из своего живота режет конину. Охотник отказывается жить с ней, собирается домой. Женщина отдает ему ребенка от их совместного брака. Охотник был из рода *кара алмат* – черный *алмат*, ребенку дают *сӧӧк сары алмат* – желтый (светлый) *алмат*

*(**алт.**, зап. К.В. Ядановой 30 сентября 2004 г. от К.К. Дугашевой, 1921 г.р., с. Белтир Кош-Агачского р-на. Опуб.: Яданова К.В., 2006, с. 105-110).*

3.2. Охотник на охоте сломал ногу…

Охотник на охоте, сломав ногу / лыжи, остается в тайге. Приходит девушка и вылечивает охотника. Охотник и девушка живут вместе, у них рождается ребенок. (Охотник, спрятавшись, следит за девушкой: девушка готовит еду из своего мяса). Охотник забирает сына и возвращается домой. От мальчика происходит род *алмат*.

а) *Алмыс* вылечивает охотника

Пошли на охоту пять человек. У одного сломались лыжи. Охотники оставляют его в тайге с запасами еды. У парня «не заживала и рана на ноге» (?). В охотничий лагерь приходит «красивая девушка», вылечивает охотника. Парень Көпөгөш и девушка живут вместе. Девушка каждый раз готовит *кӧчӧ* с мясом. Көпөгөш удивляется: откуда она берёт мясо? Охотник следит за женой и видит, что она разрезает мясо из своей голени и готовит еду. Через некоторое время у них рождается мальчик. Көпөгөш взяв своего сына, убегает от алмыса.

Алмысы боятся и почитают охотника, который жил с алмысом. (Мальчики играют на берегу, приходит алмыс и спрашивает их имена. Дети сначала называют свои истинные имена, алмыс хочет их съесть. Один из детей называет себя Көпөгөш – именем охотника, который жил с алмысом, другой – сыном Көпөгөша. Алмысы услышав имя «зятя»,

---

[1] *Кӧчӧ* – суп из ячменя

убегают) *(**алт.**, МНЭ-38, С. 135-139. Зап. Т.М. Садаловой от В.Г. Маймановой, 1934 г.р., сӧӧк майман. Шебалинский р-н, с. Апшыякту, 1986 г.)* (Архив ИАРА).

3.2.1. «Говорили, что *алмат* произошел от *алмыса*». (Сюжет «Женщина *алмыс* готовит еду охотнику» опускается).

Охотник лежит в тайге, сломав ногу. Приходит красивая девушка и уводит его. Охотник выздоравливает, видит: женщина ночью становится алмысом, а днем его женой (?). Охотник, взяв сына, родившегося от алмыса, убегает. Дети от того мальчика становятся алматами *(**алт.**, Зап. К.В. Яданової 18 сентября 2005 г. от А.С. Тахановой, 1954 г.р., с. Ортолык Кош-Агачского р-на. Опуб.: Яданова К.В., 2006, с. 110-111).*

3.2.2. В этой версии предания о происхождении рода – *сӧӧк алмат* сюжет «Женщина *алмыс* готовит еду охотнику» отсутствует

а) два брата пошли на охоту

Два брата пошли на охоту. У младшего брата сломалась нога. Старший брат, приготовив припасов еды, оставляет брата в тайге, обещаясь вернуться за ним. Приходит красивая женщина, вылечивает рану охотника; живут вместе. У них рождается мальчик и девочка. Возвращается старший брат, расспрашивает младшего брата. Охотник рассказывает как жил с женщиной, потом женщина, обернувшись козой, забрала девочку, ушла в горы. Мальчик остался с ним. Братья забирают ребенка, возвращаются домой. От мальчика происходит народ «родом от *алмыса*»

*(**алт.**, МНЭ №44, тетрадь № 1, С. 98-99. Зап. О. Шейкиной, З.С. Казагачевой, 1 июня 1988 г. от Ырыс Яграшевой, 1929 г.р., сӧӧк танды, с. Кӧзӱл (Козуль) Усть-Канского р-на)* (Архив ИАРА);

б) «Кӧбӧк и Тӧлӧс пошли на охоту…»

Кӧбӧк и Тӧлӧс пошли на охоту. Кӧбӧк сломал ногу. Тӧлӧс построив ему жилище и наготовив запасов еды, оставляет его там. Через год Тӧлӧс возвращается и обнаруживает Кӧбӧка с младенцем на руках. Кӧбӧк рассказывает, что после его ухода пришла «красивая девушка», вылечила сломанную ногу охотника и стали жить вместе. Девушка родила ему мальчика. Узнав о возвращении Тӧлӧса, убежала. Забрав ребёнка, Тӧлӧс и Кӧбӧк возвращаются домой. От мальчика происходит *сӧӧк алмат*

*(**алт.**, ФМ-261, № 65, С. 84. Зап. К.Е. Укачиной, от Ойон Бужулдаевой, 90 лет, сӧӧк майман. 1973 г., Онгудайский р-н, с. Боочы. Опуб.: Алтай кеп-куучындар 1994: 93-94)* (Архив ИАРА);

в) два брата

Два брата пошли на охоту. У одного охотника сломалась нога. Другой оставляет его в охотничьем стане, возвращается домой. К охотнику приходит красивая девушка, «чтобы жить вместе». У них рождается мальчик. Возвращается брат охотника, забирает охотника с сыном домой, женщина остается в тайге. От мальчика происходит род *алмат*

*(**алт.**, ФМ № 436, тетрадь № 1, С. 18-20. Зап. И.Б. Шинжина от Тебек Можоевой, 107 лет, сӧӧк алмат, 1989 г., 3-7 марта, Онгудайский р-н, с. Joло (с. Ело))* (Архив ИАРА).

3.3. Жена охотника оборачивается бабочкой. (В этом тексте сюжет «Женщина *алмыс* готовит еду охотнику» отсутствует).

Два брата идут на охоту. Выпадает много снега, у охотников заканчиваются припасы еды. Один из братьев встречается с «красивой девушкой». Девушка оставляет охотника жить с ней в тайге, брата охотника отправляет домой, приготовив ему на дорогу припасов мяса зверей и птиц. У них рождается три мальчика: Алмадак, Кӧбӧгӧш, Тӧлӧзӧк. Через некоторое время жена просит охотника вернуться домой, забрав сыновей. По дороге охотник два раза возвращается назад; хочет в третий раз вернуться, жена улетает, обернувшись бабочкой. Охотник с сыновьями возвращается домой. От сына Алмадак происходит род *алмат*, от Кӧбӧгӧша – род *кӧбӧк*, от Тӧлӧзӧка – *сӧӧк тӧлӧс*

*(**алт.**, МНЭ-38, № 29, С. 47-50. Зап.: Т.М. Садаловой от К.Ј. Аргоковой, 1917 г.р., сӧӧк суу-тонжан, с. Апшуякта, Шебалинский р-н, 1986 г. (фонозапись))* (Архив ИАРА).

3.4. Охотник и алмыс. (Сюжет «Женщина *алмыс* готовит еду охотнику» отсутствует).

Охотник встречает на охоте красивую девушку, живет с ней. Замечает, что жена похожа на *алмыса*: «никогда не смеется и носит одежды только с длинными рукавами». Убегает от жены-алмыса; она настигает его, отдает ему ребенка от их совместного брака. От мальчика происходит род *алмат*

*(**алт**., личный архив К.В. Ядановой. Зап. К.В. Ядановой от Е.С. Матыева, 1984 г.р., сöök кыпчак, родился в с. Мухор-Тархата, Кош-Агачского р-на, кеп-куучын (предание) слышал у бабушки Амыровой Айылдаш. 30 октября 2004 г., г. Москва).*

3.0.5.0. Сары-Тан. (Жена-алмыс готовит еду из мяса своего ребенка). Здесь происходит переосмысление сюжета «Женщина *алмыс* готовит еду охотнику».

Алмыс крадет ребенка (0) + **Жена-алмыс готовит еду из мяса своего ребенка** + Охотник выдает вместо себя пень (0 – см. **I.1.0.0.1б.**).

Алмыс крадёт ребёнка (0) + Жена-алмыс готовит еду из мяса своего ребенка: Сары-Тан поохотившись с другом, решают возвращаться домой прямым путем: через россыпи и густые заросли кустарников. Дорога оказывается трудной, друг Сары-Тана умирает. Сары-тан лежит, выбившись из сил. Приходит «красивая алтайская девушка». Обещает вылечить охотника, если он станет жить с ней. Охотник соглашается. Девушка исцеляет охотника: «повела белым цветком, обмыла его целебным источником – *аржан*». Охотник Сары-Тан и девушка живут вместе. У них рождается четыре сына.

Однажды Сары-Тан уходит на охоту. Вернувшись домой, не находит самого младшего сына, жена сообщает, что он исчез. Охотник спрятавшись, следит за женой. «Видит: жена сидит, расчесывая волосы, под мышкой у нее отверстие, на темени тоже». Ночью она укладывает спать двух старших сыновей, третьего сына пронзает когтями насквозь, готовит из его мяса еду. Сары-Тан забрав двух сыновей, убегает от алмыса. + **Охотник выдает вместо себя пень (0)**.

Охотник возвращается с сыновьями домой. Одного называет Алмат, другого Jети-Сары. От них распространяются роды *алмат*, *jети сары*

*(**алт.**, ФМ №406, № 1.1 (оп.), с. 1-6. Самозапись П.Е. Ойношева, август 1986 г., 56 лет, сöök тодош. Опуб.: Алтай кеп-куучындар, 1994, с. 89-93)* (Архив ИАРА).

II. «Встреча охотника-музыканта (*кайчы* / *комусчы* / *шоорчы*) с духами-хозяевами»

1. ОДАРИВАНИЕ ОХОТНИКОВ БОГАТОЙ ДОБЫЧЕЙ

В охотничьем стане *кайчы* сказывает *кай-чöрчöк* / *шоорчы* играет на *шооре* / *комусчы* играет на *комусе*. Приходят духи-хозяева, послушать исполнение / игру; одаривают охотников / *кайчы* богатой добычей.

1.1а. Ясновидец и *комысчы* идут на охоту. Вечером в охотничьем стане *комысчы* играет *комысе*[1]. Игру музыканта приходит послушать хозяин горы; одаривает охотника богатой добычей (***кум.**, Дыренкова Н.П., № 5, 1949, с. 118; **шор.**, Дыренкова Н.П., № 32, 1940, с. 263*).

1.1б. Охотник в охотничьем стане играет на *комысе*. Приходит девица, слушает пение и сказку. Приходят два человека, бранят девицу: «Ты здесь сидишь и слушаешь сказку, а мой белокопытый жеребец из нашего счёта вышел!». На следующий день охотник убивает марала с белым копытом (***шор.**, Дыренкова Н.П., № 31, 1940, с. 263*).

1.1в. После неудачной охоты охотник в охотничьем стане три дня играет на *комысе* и рассказывает сказки. Каждый раз приезжает человек на рыжем коне, послушать сказку. Просит охотника подняться на хребет горы. Охотник находит дверь в горе, оттуда выходят соболи. Охотник, убив палкой соболей, уносит с собой (***шор.**, Дыренкова Н.П., № 33, 1940, с. 265*).

1.2. Хозяйка горы посылает охотникам соболей

Старик рассказывает сказку в охотничьем стане. Ночью приходит женщина, зовёт старика. Охотник не откликается. На следующий день в россыпях находит отверстие, похожее на дымоход – *тӱндӱк*. Оттуда выходят соболи. Охотник заглядывает через «дымоход»: внутри горы сидит женщина, около неё много соболей. Старик возвращается в охотничий стан.

---

[1] У кумандинцев и шорцев *комыс* – 1) двухструнный музыкальный инструмент, под аккомпанемент которого сказитель исполняет сказание, рассказывает сказку (алт. *топшуур*); 2) варган.

«Хозяйка горы, соболей выращивая, охотникам посылает. Охотникам, которые ей понравятся, много даёт. Через тюндюк соболей выпускает» (***шор.***, *Дыренкова Н.П., № 35, 1940, с. 267*).

1.3. Дух-хозяин горы приглашает охотника в гости

Один охотник после неудачной охоты «с тоски» играет на *комысе* и рассказывает сказку. Приходит хозяин горы послушать сказку. Приглашает охотника к себе в гости. Охотник и хозяин горы заходят в гору. Хозяин горы одаривает его пушниной и камнями.

Охотник по дороге бросает мешок с камнями, уносит мешок с пушниной. «Те камни – рождавшими железо камнями были». Камни находит бедный человек. Люди строят завод, начинают добывать природные ископаемые. Хозяин горы забирает зверей и птиц, уходит в другую тайгу (***шор***., *Дыренкова Н.П., № 36, 1940, с. 267-271*).

1.4. Плохая примета

После неудачной охоты *кайчы* сказывает *кай* в охотничьем лагере. Собираются духи-хозяева гор; за *кай* одаривают *кайчы* богатой добычей. Утром *кайчы* случайно проливает свой котёл. Сильно печалится из-за плохой приметы[1]. Возвращается в лагерь без добычи (***кум.***, *Дыренкова Н.П., № 9, 1949, с. 120*).

1.5. Смех ясновидца

Кайчы / *шоорчы* / *комусчы* в охотничьем стане исполняет сказание / играет на музыкальном инструменте. Ясновидец видит приход духов-хозяев / «голой девушки» послушать *кай* / игру на музыкальном инструменте. Ясновидец смеётся, *кай* / игра на музыкальном инструменте прерывается. Духи-хозяева одаривают охотников богатой добычей.

1.5.1. Пляшет хозяйка горы – голая женщина

Отправляются на охоту *шоорчы* и ясновидящий. Вечером в охотничьем стане *шоорчы* играет на *шооре*. Ясновидящий видит, как «хозяйка горы – женщина, совершенно голая, плясала и как у неё груди тряслись». Ясновидящий смеётся. Хозяйка горы одаривает музыканта за игру (***кум.***, *Дыренкова Н.П., № 7, 1949, с. 119*).

1.5.2а. Дух-хозяйка озера «без штанов», садится на нос *кайчы*

Охотятся *кайчы*, ясновидящий, охотник. *Кайчы* сказывает в охотничьем стане *кай чӧрчӧк*, его приходят послушать дух-хозяин Алтая, духи-хозяева различных местностей. Видит ясновидящий, приходит дух-хозяйка озера «без штанов», садится на нос *кайчы*. Ясновидящий смеётся, *кай* прерывается.

Дух-хозяин Алтая ругает духа-хозяйку озера, обещает отдать её «коня» с раной на лопатке *кайчы* за исполнение сказания. На другой день *кайчы* убивает марала с раной на лопатке *(**алт.**, ФМ № 360. Зап. И.Б. Шинжина от Н.К. Ялатова, 1927 г.р., сӧӧк майман, с. Апшыякту, Шебалинского р-на, 1 июня 1984 г.)* (Архив ИАРА).

1.5.2б. На охоту идут *кайчы*, ясновидящий и охотник

На охоту идут *кайчы*, ясновидящий и человек по имени Анчы. *Кайчы*, окропив жертвенную пищу *Алтай каныйу*, исполняет *кай*. Собираются духи-хозяева различных местностей, дух-хозяин Алтая. Всё это видит ясновидящий. Приходит дух-хозяйка болотистой реки, женщина без обуви. Вспрыгнув, садится на нос *кайчы* и слушает *кай*. Увидев это, ясновидящий смеётся. *Кайчы* прерывает *кай*, подумав, что смеются над ним. Дух-хозяин Алтая ругает духа-хозяйку болотистой реки, грозится отдать её единственного коня с раной на боку *кайчы*.

На следующий день *кайчы* стреляет марала с раной на спине. *Кайчы* несколько дней сказывает *кай чӧрчӧк*. Каждый раз приходят послушать *кай* духи-хозяева и одаривают охотников богатой добычей. Приходят духи кедра и рассказывают, что недавно два охотника вырубив топором их «дитя» – молодой кедр, сделали из него колотушку, чтобы спустить шишки с кедра. Ясновидящий поведал друзьям всё, что видел и наказывает

---

[1] У кумандинских охотников пролить на охоте содержимое котла, было плохой приметой. «С котелком, который охотник брал с собой на промысел, он связывал представление об удаче, счастье» (Дыренкова Н.П., 1949, с. 29).

людям не рубить молодой кедр *(**алт.**, ФМ № 397, тетрадь № 3, С. 47-69. Самозапись Н.К. Ялатова, 1987 г.)* (Архив ИАРА).

1.5.3. *Чуурчы* на охоте играет на *чууре*

Чуурчы на охоте играет на *чууре*, «когда у него закончились запасы еды в тайге». Ясновидящий видит: приходят два голых дитя. Они стали прикрывать свои укромные места. Увидев это, ясновидящий смеётся. Чуурчы сердится, подумав, что смеются над ним. «Русские дети» обещают им дать за игру на *чууре* «марала с загноившейся раной». На следующий день охотники стреляют марала с загноившейся раной на спине. Это дух-хозяин Алтая одарил охотников *(**алт.**, ФМ-399, тетрадь № 4, С. 101-103. Зап. Т.Б. Шинжина от Эзенке Яшевой, июня месяца, 1987 г., Усть-Канский р-н, с. Экинур (Яконур))* (Архив ИАРА).

1.5.4. Если бы ясновидящий не засмеялся, охота была бы удачной

Кайчы / шоорчы в охотничьем стане исполняет сказание / играет на *шооре*. Ясновидец видит: приходит «голая девушка» / старушка, садится на нос *кайчы* / у ног *кайчы*. Ясновидец смеётся, *кай* / игра на *шооре* прерывается; духи-хозяева оделяют охотников малой добычей.

1.5.4а. Охотник, ясновидящий, *кайчы*

Охотник, ясновидящий, *кайчы* идут на охоту. Вечером *кайчы* сказывает *кай чӧрчӧк*. Видит ясновидящий: приходит «голая девушка» и садится на нос *кайчы*. Ясновидящий не удержавшись, смеётся. Девушка уходит. Кайчы и охотник сердятся на ясновидящего: если бы он не засмеялся, *кай* бы не прервался. Охота была бы удачной. «Так они, охотясь, сильно-то много зверя не убили» *(**алт.**, ФМ № 459, тетрадь № 1, С. 6-7. Зап. Т.Б. Шинжина от А. Мекинова, 1936 г.р., сӧӧк сагал, Улаганский р-н, с. Акташ, 2 октября 1991 г.)* (Архив ИАРА).

1.5.4б. «Если бы ясновидец старуху не осмеял, хозяйка горы много бы зверя им дала»

Отправляются на охоту *шоорчы* и ясновидящий. После неудачной охоты в охотничьем стане *шоорчы* играет на *шооре*. Приходят «девицы» – духи-хозяева гор. Приходит старуха, садится у ног *шоорчы*. Ясновидящий увидев это, хохочет. Старуха рассердившись, уходит. Духи-хозяева одаривают *шоорчы* «чёрной коровой», ясновидящему ничего не дают, за то, что он осмеял старуху (***кум.** Дыренкова Н.П., № 8, 1949, с. 119-120*).

Библиографический список

1. Алтай кеп-куучындар / Сост. И.Б. Шинжин, Е.Е. Ямаева. – Горно-Алтайск, 1994. – 415 с.
2. Архив ИАРА – Архив Института алтаистики им. С.С. Суразакова Республики Алтай
3. Диваев, А.А. Семь сказок киргизов Сыр-Дарьинской области // Этнографическое обозрение / А.А. Диваев. – М., 1906. – № 1-2. – С. 127.
4. Дыренкова, Н.П. Шорский фольклор / Н.П. Дыренкова. – М.-Л., 1940. – 448 с.
5. Дыренкова, Н.П. Охотничьи легенды кумандинцев // Сборник музея антропологии и этнографии / Н.П. Дыренкова. – М., Л, 1949. – Т. XI. – С. 110-132.
6. Казахские сказки / Сост. В.М. Сидельников. – Алма-Ата, 1962. – Т. II. – 448 с.
7. Казахские сказки / Сост. В.М. Сидельников. – Алма-Ата, 1964. – Т. III. – 430 с.
8. Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина. – Алма-Ата, 1972.
9. Калачев, А. Несколько слов о поэзии теленгетов // Живая старина / А. Калачев. – СПб., 1896. – Вып. III-VI. – С. 477-488.
10. Каскабасов, С.А. Казахская несказочная проза / С.А. Каскабасов. – Алма-Ата, 1990. – 240 с.
11. Катанов, Н.Ф. Хакасский фольклор (Из книги «Образцы народной литературы тюркских племен», Т. IX, СПб., 1907) / Н.Ф. Катанов. – Абакан, 1963. – 163 с.

12. Кляус, В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян / В.Л. Кляус. – М., 1997. – 464 с.
13. Козлова, Н.К. Восточнославянские былички о змее и змеях: Мифический любовник / Н.К. Козлова. – Омск, 2000. – 260 с.
14. Козлова, Н.К. Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты / Н.К. Козлова. – Омск, 2006. – 460 с.
15. Миллер, В. Осетинские этюды / В. Миллер. – Владикавказ, 1992.
16. Пантусов, Н.Н. Материалы к изучению казак-киргизскаго наречия / Н.Н. Пантусов. – Казань, 1901. – Выпуск III. – С. 16-35.
17. Потанин, Г.Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки // Живая старина / Г.Н. Потанин. – Петроград, 1917. – Вып. 2-3 за 1816 г. – С. 1-190.
18. Смирнов, Ю.И. Славянские эпические традиции. Проблема эволюции / Ю.И. Смирнов. – М., 1974.
19. Смирнов, Ю.И. Восточнославянские баллады и близкие им формы. Опыт указателя сюжетов и версий / Ю.И. Смирнов. – М., 1988. – 117 с.
20. Яданова, К.В. Несказочная проза теленгитов / К.В. Яданова. – М., 2006. – 128 с.
21. Ялатов, Н. Чымалы-Каан. Кай чӧрчӧк / Н. Ялатов. – Горно-Алтайск, 1988. – 200 с.
22. Ялатов, Н. Царь-Муравей // «Алтай телекей – Мир Алтая» / Н. Ялатов. – Горно-Алтайск, 2007. – № 2. – С. 10-25.

Список сокращений
этнической принадлежности текстов

алт. – алтайский,
казах. – казахский,
кум. – кумандинский,
туба – тубаларский,
хак. – хакасский,
чалкан. – чалканский,
шор. – шорский.

Соёнов В.И.
(г. Горно-Алтайск, Россия)

ОТЧЕТ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В 2009 Г.[1]

Приказом ректора, д.филос.н., профессора Ю.В. Табакаева от 02 февраля 2009 года №28 образована «Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Горно-Алтайский государственный университет»» под руководством к.и.н., доцента В.И. Соёнова. Лаборатория создана для реализации научно-исследовательских проектов в области археологии, истории материальной культуры,

[1] Исследования проводились при финансовой поддержке РГНФ и Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках научно-исследовательских проектов «Древние и средневековые археологические комплексы Чуйской котловины» (№08-01-61103а/Т) и «Древняя и средневековая фортификация Алтая» аналитической ведомственной целевой программы "Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)" (№2.1.3/6768).

исторической географии, краеведении, культурологи, музееведении и т.д. Она действует на основании Положения, утвержденного Ученым советом университета 22 января 2009 г.

В отчетный период сотрудниками научно-исследовательской лаборатории производились полевые и кабинетные работы в рамках реализации научно-исследовательских проектов Министерства образования и науки Российской Федерации и РГНФ «Древняя и средневековая фортификация Алтая» аналитической ведомственной целевой программы "Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)" (№2.1.3/6768) и «Древние и средневековые археологические комплексы Чуйской котловины» (№08-01-61103а/Т) согласно заявленному плану исследований. В этих работах принимали участие к.и.н., в.н.с. С.В. Трифанова, к.и.н., с.н.с. А.В. Эбель, м.н.с. – Н.А. Константинов, И.А. Николаев, Е.А. Штанакова, Е.А. Черепанова, А.В. Богданов, Е.В. Зуев, Р.Н. Карушев, С.Г. Ковалев, А.Г. Сипатрова, С.Г. Ленская, а также студенты I курса исторического факультета ГАГУ.

По первому виду работ в 2009 году подготовлены и проведены экспедиционные исследования в Чуйской котловине, расположенном в Кош-Агачском районе Республики Алтай, и в окрестностях с. Чепош Чемальского района. Археологические работы производились по Открытым листам №300 (В.И. Соёнов) и №242 (С.В. Трифанова), выданным Институтом археологии РАН. В начале года проводилось обучение сотрудников лаборатории (а также других участников работ) методике полевых исследований и камеральной обработки материалов; проводились инструктажи участников полевых и камеральных работ.

В Кош-Агачском районе осуществлены исследования на объектах Тытту I-III, представляющих собой каменные сооружения на склонах г. Тытту, которые обращенны в долины р. Себистей и р. Кок-Озек (Соёнов В.И., 2008). На объектах Тытту I и III заложено по одному шурфу. А на объекте Тытту III – два. В результате шурфовки на объекте Тытту I находок не обнаружено; на объектах Тытту I и III зафиксированы древесные угли и зола, а также найдены неорнаментированные фрагменты стенок и венчика керамических сосудов. Исходя из результатов исследований, можно говорить скорее о ритуально-культовом характере объектов, чем о фортификационном или хозяйственном.

В ходе полевых работ в долине р. Себистей зафиксированы еще два каменных сооружения и могильник, включающий керексур, круглые каменные выкладки и курган эпохи средневековья (?).

На левом берегу р. Тархата, в 12-15 км к югу-юго-западу от с. Кош-Агач проводились раскопки курганного могильника Нижняя Тархата II и каменных выкладок Нижняя Тархата I, IV, V, зафиксированных в прошлый полевой сезон (Соёнов В.И., 2009). Под каменными выкладками ничего не обнаружено: ни ям, ни находок. Только на памятнике Нижняя Тархата II в кургане 4 обнаружено погребение человека, положенного на спину с согнутыми ногами. Предварительно погребение датировано эпохой бронзы.

В 12,5 км к юго-западу от с. Кош-Агач, на левобережье р. Тархаты, у животноводческой стоянки исследовался петроглифический комплекс Дьылкы-Таш. Он расположен на небольшом участке Чуйской степи размерами 115х100 м. Здесь сосредоточены несколько десятков крупных камней, на которых выбиты антропоморфные и зооморфные изображения (рис.1). Большая часть изображений относится к эпохе бронзы. В этом же месте зафиксирован могильник, включающий два объекта: керексур и курган.

В Кош-Агачском районе также был обследован ряд памятников по долинам рр. Юстыд и Бар-Бургазы с целью выбора объектов для раскопочных работ в следующем, 2010, году.

В Майминском районе было обследовано городище Манжерок-3 (Бородовский А.П., 2002, с. 45-46). В ходе работ в восточной части городища, на грунтовой дороге нами собран подъемный материал: два обломка курантов, фрагмент зернотерки, гальки со следами использования, обломок глиняного пряслица и фрагменты керамики. В результате осмотра городища сделаны некоторые наблюдения, требующие дальнейших исследований.

В Чемальском районе исследования проводились в окрестностях с. Чепош: на городищах Нижний Чепош-3 и 4, а также на поселении Нижний Чепош-2 (Шульга П.И., 1987; 1993, с.86; 1996, с.107, 113).

На памятниках Нижний Чепош-3 и 4 нами заложены траншеи пересекающие валы и рвы для изучения фортификационных сооружений городищ. В результате раскопок на каждом из городищ зафиксировано по несколько валов и рвов, а также найдены предметы вооружения, керамика, орудия труда, кости животных. Произведенные наблюдения, инвентарь и радиоуглеродные даты образцов позволяют сделать определенные выводы по функционированию городищ, а также по их хронологии и культурной принадлежности.

На поселении Нижний Чепош-2 заложен шурф для уточнения границ поселения и определения мощности культурного слоя. В результате шурфовки получены фрагменты керамики периода раннего железа (?).

По второму, кабинетному, виду работ изучалась опубликованная литература, а также археологические коллекции, неопубликованные отчетные материалы и диссертационные работы по теме исследования, хранящиеся в архивах ГАГУ, Института алтаистики им. С.С. Суразакова, Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай, АлтГУ (г. Барнаул).

В течение осени производились: обработка материалов полевых работ; изготовление чертежей и рисунков; подготовка текстов отчетов в Отдел полевых исследований Института археологии РАН, Министерство образования и науки Российской Федерации и РГНФ.

Проведенные нами в 2009 г. исследования расширили сведения об археологических памятниках Горного Алтая. Полученные результаты позволяют наметить планы дальнейших работ. Результаты исследований по проектам и ход изысканий обсуждались на заседаниях лаборатории и постоянно действующего семинара «Древняя и средневековая фортификация Южной Сибири и Центральной Азии». В течение года в Горно-Алтайском Государственном университете руководителем и основными исполнителями проектов читались лекции с использованием результатов исследований.

Библиографический список

1. Бородовский, А.П. Микрорайон археологических памятников у с. Манжерок Майминского района Республики Алтай // Древности Алтая / А.П. Бородовский. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – №9. – С.42-52.

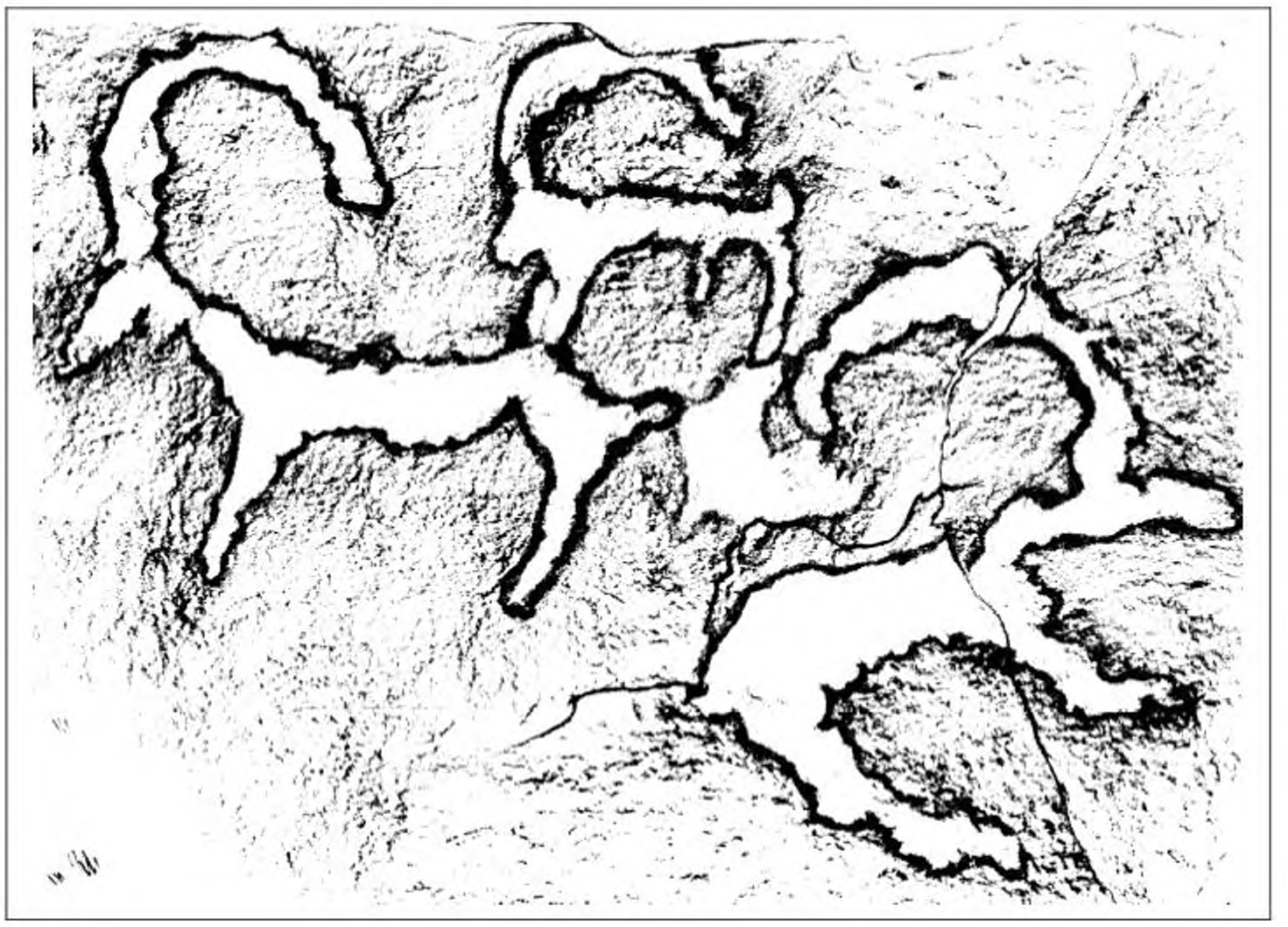
2. Соёнов, В.И. Горные каменные сооружения *шибе* южной окраины Чуйской котловины // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / В.И. Соёнов. – Горно-Алтайск, 2008. – Выпуск №7. – С.5-17.

3. Соёнов, В.И. Отчет за 2008 г. / Горно-Алтайский гос. ун-т. – Горно-Алтайск, 2009.

4. Шульга, П.И. Отчет за 1987 г. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 1987.

5. Шульга, П.И. Раскопки афанасьевского кургана у с. Чепош // Охрана и изучение культурного наследия Алтая / П.И. Шульга. – Барнаул, 1993. – Часть I. – С.86-89.

6. Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на средней Катуни // Археология, антропология и этнография Сибири / П.И. Шульга. – Барнаул, 1996. – С.106-123.

1

2

Рис.1 Петроглифы Дьылкы-Таша

Ленская С.Г.
(ГАГУ, исторический факультет, V курс)

Научный руководитель – доцент, к.и.н. В.И. Соёнов

ТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ СРЕДНЕЙ КАТУНИ

Среди многочисленных памятников средневековья особое место занимают каменные изваяния, известные в археологической литературе под неточным, но традиционным названием «каменные бабы» (Кубарев В.Д., 1984, с.3). Южносибирские и центральноазиатские тюркские изваяния отличаются от кыпчакско-половецких изваяний южнорусских степей. Последние, в культурно-хронологическом отношении, являются наиболее поздними. «Каменные бабы» – громоздкие, приземистые, человекообразные статуи, изображающие большей частью женщин (Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия…). С тех пор это название используют ко всем каменным изваяниям Великой степи и обрамляющих ее Гор (Каменные изваяния Алтайских гор…, 2007, с.157). Огромный интерес к каменным скульптурам не только помог выяснить их происхождение и назначение, но, к сожалению, способствовал также расхищению и уничтожению памятников. Нетронутые превратностями времени, изваяния гибли под гусеницами мощных тракторов при освоении новых земель или использовались в качестве строительного материала. Но, к счастью были люди, которые понимали, что эти памятники бесценны. Они свозили каменные изваяния и даже их изуродованные обломки в краеведческие музеи, научные центры и в музеи при школах. Так была сохранена частичка древнейшей истории алтайского народа (Кубарев В.Д., 1997, с.6).

Тюркские каменные изваяния Алтая – довольно реалистичные или грубые человеческие фигуры. Детали, выполненные барельефом или углублением, различимы на их выветренных поверхностях. Мнения археологов сводятся к одному – изваяния посвящены памяти умерших или погибших тюркских воинов (Каменные изваяния Алтайских гор…, 2007, с.157). Их ставили не на могилах, а у каменной оградки. Оградка являлась основанием небольшого мемориального храма. Это округлое или прямоугольное в плане сооружение из вертикально поставленных плит или выложенных стенок (Соёнов В.И., 1993, с.45).

Большое число каменных изваяний, открытых на территории Горного Алтая свидетельствуют об их широко налаженном производстве. При этом более половины алтайских изваяний выполнены на специально сколотых каменных блоках, уже внешне напоминающих очертания человеческой фигуры. Такие антропоморфные блоки подтесывали, их грани округлялись обивкой и последующей шлифовкой. Очень часто и удачно использовались окатанные валуны удлиненных форм. На гладкой поверхности таких камней, как правило, точечной техникой наносили только детали лица. Мастерских пока не обнаружено, но зато на Алтае имеется масса каменных карьеров. Возможно, камни для изготовления скульптур брались именно оттуда (Кубарев В.Д., 1997, с.6).

Территорию Средней Катуни на Алтае, от с. Тюнгур Усть-Коксинского района до с. Усть-Сема Чемальского района, можно отнести к району богатому тюркскими каменными изваяниям. В 1984 г. была издана монографическая работа В.Д. Кубарева «Древнетюркские изваяния Алтая». Многие изваяния Горного Алтая, в том числе и изваяния Средней Катуни, исследованные до начала 80-х годов, были детально описаны в этой работе. Каменным изваяниям Средней Катуни также посвящены публикации В.Д. Кубарева и В.А. Кочеева (1988); А.П. Бородовского (1994); В.Д. Кубарева (2001); А.А. Тишкина и В.В. Горбунова (А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, 2003; В.В. Горбунов, А.А. Тишкина,

2007); Е.П. Маточкина (2007) и т.д. На территории Средней Катуни тюркские каменные изваяния встречаются на следующих пунктах Алтая: Тургунда, Аргут, Инегень, Иня, Большой Яломан, Куюс, Бике.

Семь тюркских каменных изваяний было найдено у руч. Тургунда в 17 км от с. Тюнгур по левому берегу р. Катунь (Кубарев В.Д., 1984, с.120-121). Среди них можно выделить изваяния с изображением только лица или силуэта головы человека. На Тургунде таких изваяний пять. На лице изображены брови, глаза, нос, усы, рот, борода. На одном из изваяний встречается слабо намеченное ухо. На двух каменных плитах изображена фигура с сосудом в правой руке, с поясом и оружием. Правая рука согнута в локте и держит сосуд, близкий по форме к кубку или высокой чаше. Левая рука опущена на рукоять сабли или кинжала (сжимает ее). Сабля заткнута за пояс. На одном из изваяний под поясом изображен полукруглый предмет, возможно, сумочка.

В устье р. Аргут была обнаружена тюркская скульптура, которая относится к «лицевым» изваяниям, на котором изображено только лицо (Маточкин Е.П., 2007, с.99). В неглубоком рельефе близко посаженные глаза, низкие брови, прямой нос, широкие плавного разлета усы и округлый абрис лица.

Девять тюркских каменных изваяний было найдено у с. Инегень, которое расположено на левом берегу р. Катунь (Кубарев В.Д., 1984, с.116). Среди них пять изваяний с отбитыми по шею головами. Еще на одном изваянии голова наполовину сколота, но при этом сохранился только рот оформленный выемкой. На шее изображено ожерелье (?) из круглых рельефных бляшек. Изображения изваяний с округлым сосудом в правой руке встречается на пяти каменных плитах. Левая рука согнута в локте кистью над поясом. Среди скульптур встречаются изваяния с поясом, где хорошо сохранились изображения бляшек (сердцевидной, квадратной и округлой форм). На одном из изваяний левая рука не обозначена. Четыре изваяния имеют изображения округлой сумочки на правом боку.

На левом берегу р. Катунь близ с. Иня найдено два изваяния с изображением только лица (Кубарев В.Д., 1984, с.116). Одно изваяние было разбито. На сохранившейся части видна только линия лица, бороды и выемка шеи. На другом каменном изваянии в невысоком рельефе исполнены глаза и нос, другие детали лица выполнены неглубоким желобком.

В устье р. Большой Яломан было исследовано 40 тюркских изваяний (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2007, с.119-122; Кубарев.В.Д., Кочев В.А., 1988, с.209). Из них только четыре изображают человека: два изваяния представляют собой скульптуру; на двух изображен контур лица, и переданы глаза, нос, рот, усы. Остальные камни по виду являются обычными стелами, но внимательный осмотр и особенно полное изучение в процессе исследования, показывает наличие определенных антропоморфных черт.

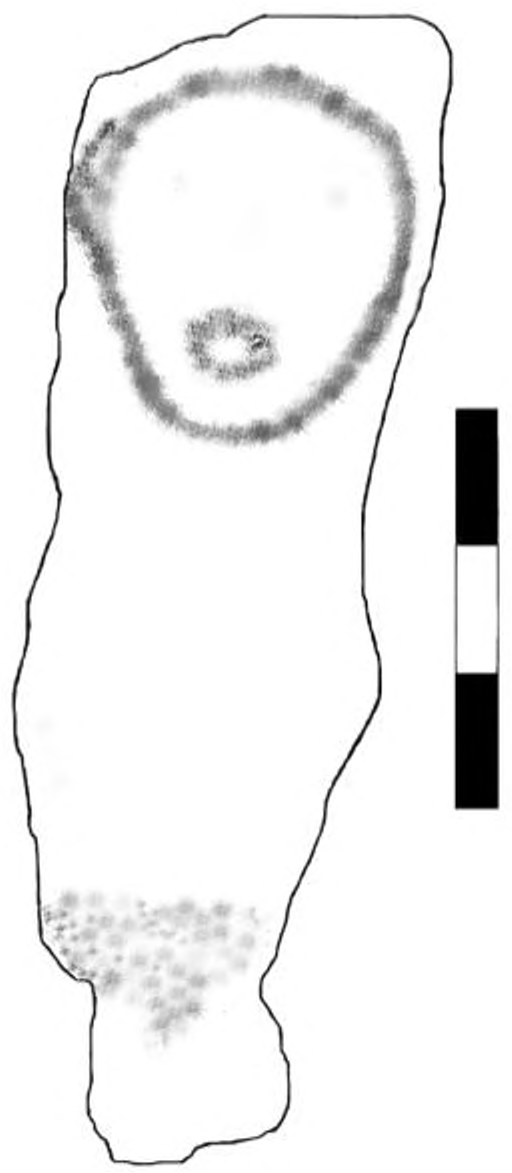
Семь каменных скульптур было обнаружено на правом берегу р. Катунь близ с. Куюс (Кубарев В.Д., 1984, с.103-104). Среди тюркских изваяний Куюса можно выделить четыре целых изваяния с изображением только лица, т.е «лицевые» изваяния. Два найденных изваяния расколоты, но при этом сохранились некоторые детали изображения. На одном сохранилось изображение пояса и шеи, а на другом – лица. Одно изваяние изображено с сосудом в правой руке на уровне груди. Левая рука опущена на пояс.

В 2008 году экспедицией под руководством В.И Соёнова было найдено каменное изваяние на правом берегу Катуни (рис.1), неподалеку от устья р. Бике, выше с. Еланда (Соёнов В.И., 2009, с.22). На каменной плите широкой, неглубокой канавкой передан контур лица. На основании остатков выбивки можно предположить, что на изваянии также были изображены детали лица (глаза, нос, рот). Есть слабо различимые следы выбивки в нижней части изваяния. Возможно, была использована краска для изображения деталей. Но из-за плохой сохранности выбивки и недолговечности краски, мы можем только предполагать, что там что-то было изображено.

Таким образом, на территории Средней Катуни встречаются изваяния разного типа. Есть изваяния «лицевого» типа с изображением деталей лица; есть изваяния с изображением сосуда в правой руке, с сумочками, с оружием, с шишкообразным головным убором и т.д. У части скульптур голова отбита. На основе исследованных деталей можно

1

2

Рис.1

выявить этнографические особенности одежды, головных уборов и других реалий. Наличие одинаковых иконографических черт позволило исследователям предположить общность или преемственность развития изваяний разных регионов (Ермоленко Л.Н., 2004, с.5). Неполная сохранность значительной части тюркских изваяний затрудняет их дальнейшее изучение.

Библиографический список

1. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. М., 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. Бородовский, А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая / А.П. Бородовский. – Барнаул, 1994. – С.75-82.
3. Горбунов, В.В. Каменные изваяния тюркского времени на Яломанском археологическом комплексе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сб. науч. трудов. (Труды САИПИ) / В.В. Горбунов, А.А. Тишкин. – Барнаул: Азбука, 2007. – Вып.3. – С.119-124.
4. Ермоленко, Л.Н. Средневековые изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения) / Л.Н. Ермоленко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – 129 с.
5. Каменные изваяния Алтайских гор. Кожого таш. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2007. – 167 с.
6. Кубарев, В.Д Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий). // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья / В.Д. Кубарев. – Барнаул: АлтГУ, 2001. – С.24-54.
7. Кубарев, В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая / В.Д. Кубарев. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
8. Кубарев, В.Д. Каменные изваяния Алтая (краткий каталог) / В.Д. Кубарев. – Новосибирск – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1997. – 167 с.
9. Кубарев, В.Д. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая / В.Д. Кубарев, В.А. Кочеев. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С.202-222.
10. Маточкин, Е.П. Изваяние в устье Аргута // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / Е.П. Маточкин. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007. – Вып.6. – С.99-101.
11. Соёнов, В.И. Археологический словарь Горного Алтая / В.И Соёнов. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1993. – 95 с.
12. Соёнов, В.И. Отчет об археологических раскопках на могильнике Бике III в Чемальском районе и разведках на территории Кош-Агачского и Усть-Канского районов Республики Алтай в 2008 году / В.И Соёнов. – Горно-Алтайск, 2009. – 131 с. – Архив ИА РАН.
13. Тишкин, А.А. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2003. – Т.IX. – Ч.1. – С.488-493.

Сипатрова А.Г.
(ГАГУ, исторический факультет, IV курс)

Научный руководитель – доцент, к.и.н. В.И. Соёнов

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕЛИГИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКОВ

Человеку присуще религиозное чувство. Оно сопровождает людей на протяжении всей человеческой истории. Во время религиозных обрядов и ритуалов люди вступают в связь с космическими и земными силами. Религия нужна для целостного мировоззрения. Через неё познаётся духовный мир и сам Дух Неба – творец физического мира. Никакие

научные мышления не охватывают всей вселенной, он очень велик. Поэтому для целостного мировоззрения без религии не обойтись. Наука и религия должны дополнять друг друга: наука в своей научной компетенции, а религия – в идее человеческого бытия. С помощью религии и других социальных ценностей человеку представляется целостный образ мира (Гумилёв Л.Н., 1993, с.146). Один из идеологов евразийства Н.С. Трубецкой отмечал, что «..типичный тюрок предпочитает оперировать с основными, ясно воспринимаемыми образами и эти образы группировать в ясные и простые схемы» (Попов А.А., 1936, с.56). Религий у тюрков было несколько, и все по-своему уникальны и представляют интерес в мире истории и археологии.

Религиозную систему тюрков исследуют по различным источникам, которые дают представление и картину религий тюрков. Археологические источники представлены курганами, поминальными комплексами (оградки, изваяния, стелы, балбалы и др), остатками храмов, городищами. Изобразительные источники представлены петроглифами, скульптурой, предметами мелкой пластики, торевтикой и др. Письменные источники представлены тюркскими, китайскими, арабскими, иранскими летописями, литературными произведениями, священными писаниями, отдельными надписями.

До принятия мировых религий – маниейства, ислама, христианства и буддизма, тюрки наряду с шаманизмом имели древнюю оригинальную религию тенгрианство, о которой можно узнать в китайских летописях, тюркских, арабских, иранских источниках.

Главными источниками сведений по религиозному воззрению древних тюрков Алтая, являются многочисленные курганы и поминальные комплексы. Они определяют важные аспекты в религии. Погребальные обряды отражают веру в существование у человека души. Они верят, что после смерти душа продолжает жить. А эта вера в бессмертие души, отделимой от человека, стала основой культа мёртвых, неразделимо связана с культом предков (Кубарев Г.В., 2005, с.210). Умерших тюрки хоронили по древнему тенгрианскому ритуалу. В китайских летописях сохранилось описание похорон: покойника помещали на возвышение в юрте. Рядом с юртой содержали принесенных в жертву овец и лошадей. Семь раз объезжая юрту по кругу, родичи каждый раз перед входом царапали лицо, оплакивая покойного. В назначенный день сжигали лошадей, одежду и вещи покойного вместе с трупом умершего. Собранный пепел хоронили в подходящее время: если умирал весной или летом, ждали, пока пожелтеет трава и листья на деревьях, если же умирал осенью или зимой, дожидались наступления лета. Затем в вырытую могилу хоронили пепел. После похорон накладывали камни и ставили на них памятный столб. Количество камней зависело от количества людей, которых убил при жизни покойник. Затем развешивали на столб головы принесенных в жертву животных. Этот обряд хорошо просматривается в погребальном комплексе тюрков. Со временем погребальный обряд изменился и умерших стали хоронить в ямах и насыпать курганы из земли или камня (Кузембайул И.Л., 1999, с.115).

Информативные возможности ритуальных памятников очень широки. Они могут привлекаться как первоисточник для понимания духовной культуры и религиозных воззрений тюркского населения (Васютин А.С., 1983, с.18). Поминальные сооружения тюрков представлены в основном оградками, с которыми тесно связаны цепочки камней-балбалов, стелы и изваяния. Оградки у тюрков имеют несколько форм: квадратную, прямоугольную, круглую, овальную. По размеру их можно разделить на большие и малые. Ориентируются обычно по сторонам света, длиной осью по линии восток-запад. Они могли иметь пристройки. И ряд балбалов, которые символизировали количество убитых врагов. Таким образом рассмотренный поминальный комплекс позволяет сделать вывод, что у тюрков существовал культ предков.

В тюркской тенгерианской религии было много культовых обрядов. Л.Н. Гумилёв заметил, что «Вэйшу» отмечает следующие обряды тюркской религии: «1) вход в ставку хана с востока из благоговения к стране солнечного восхождения; 2) ежегодно со всеми вельможами приносит жертву в пещере предков; 3) в средней декаде пятой луны собирает прочих и при реке приносит жертву духу неба; 4) в 500 ли от Дугинь на западе есть высокая гора, на вершине которой нет ни деревьев, ни растений, называется она Бодын-инли, что в переводе значит: дух покровитель страны». В китайской летописи сказано: «Тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимн земле,

поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю, и называют его Богом (Тенгре)». Свое почитание солнца они объясняли тем, что «Тенгри и его помощник Кун (Солнце) руководят созданным миром; лучи солнца – нити, посредством которых духи растений сообщаются с солнцем (Гумилёв Л.Н., 1993, с.154). Тюрки дважды в год приносили жертву солнцу – свету: осенью и в конце января, когда первые отблески солнца показывались на вершинах гор» (Попов А.А., 1936, с.225).

Тюркская эпоха представлена петроглифами, выполненными выбивкой и граффити. В петроглифах отражены бытовые и охотничьи сцены, а также основные сюжеты и главные персонажи шаманских мистерий (Гумилёв Л.Н., 1993, с.248). В росписях Афрасиаба есть фигура тюрка с атрибутом, который Л.И. Албайм определил как «небольшая палочка с рогаткообразной ручкой» (Трубецкой Н.С., 2000, с.56). М.Е. Массон считал, что описанное выше олицетворят шамана «с его характерным атрибутом – посохом». Многие арабские авторы пишут о тюркских колдунах, якобы способных вызывать холод и дождь путем магических манипуляций. О вере тюрок в магию, шаманские заклинания пишут и персидские историки и географы (Кузембайул А., 1999, с.123). Это ещё раз доказывает присутствие шаманизма в тюркских религиях. Также и в китайских летописях упоминается о шаманизме. «Суйшу», составленная на 50 лет позднее «Вэйшу» (в 30-х годах VII в.), не приводит вышеперечисленных сведений, вместо этого там сказано: «Почитают чертей и духов и верят колдунам» (Гумилёв Л.Н., 1993, с.156) .

Сведения «Суйшу» нисколько не яснее: китайское слово «ху» означает лекарь, волхв и колдун. С кем мы имеем дело в данном случае, из текста непонятно, равно непонятно и то, что представляют собой те духи, которым поклонялись тюрки: духи ли это предков (кӧрмӧс) или духи природы (тӧс) (Гумилёв Л.Н., 1993, с.165).

У тюрков было распространено христианство несторианского толка. Как считает Мурад Аджи, христианство трюков имеет тенгерианский уклон и не похоже на европейское. Христианские общины существовали в VI-IX вв. в городах, расположенных вдоль Великого Шелкового пути. Из Персии несториане широко распространились по Восточной Азии. В VI в. христиане проповедовали свою веру среди тюрок не без успеха. Тюрки, захваченные в плен византийцами в битве при Балярате в 591 г., имели на лбах татуировку в виде креста и объяснили, что это сделано по совету христиан, живших в их среде, чтобы избежать моровой язвы. Этот факт отнюдь не говорит о распространении христианства среди тюрков VI в., но позволяет констатировать нахождение христиан в степи (Гумилёв Л.Н., 1993, с.153). Мурад Аджи утверждает, что равносторонние кресты – знаки Бога Небесного – были излюбленным мотивом древних тюркских орнаментов. Также он пишет «в религии тюрков присутствовала святейшая троица. Но понятие троицы и троичности у тюрков было совершенно иным. Главная сила тюрков таилась в их духе. Они побеждали силой бога небесного» (Аджи М., 2004, с.123). Всё это, конечно, может быть предположением, что у тюрков имела место христианская религия несторианского толка. Изображения крестов есть на петроглифах тюрков. Однако, крест мог быть не только символом христианской религии.

Памятники рунической письменности служили важнейшим источником для реконструкции религиозного воззрения тюрков (Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири, 1988, с.215). Рунические надписи наносились на стелы, на предметы и на скалы. Зачастую они имели характер манихейких молитв. Что отражает религиозную направленность этих надписей. К примеру, орфография сирийского манихейского письма, распространившегося в Азии вместе с проникновением манихейской религии, выделенная при исследовании енисейских надписей. Такое предположение подтвердилось при изучении рукописей орхонского письма, найденных в Восточном Туркестане в руинах манихейских поселений. Дублирование рунической азбуки манихейскими буквами, прямо указывает на изучение рунического письма манихеями. Это делалось миссионерами для распространения новой веры среди тюркских народов и указывает на давнее (к середине VIII в.) укоренение рунической письменности в местном обществе. После обнаружения и раскопок Л.Р. Кызласовым в Хакасии серии храмов VIII-XII вв. и объяснения их планов стало очевидно, что Древнехакасское государство уже в VIII в. сделалось центром религии манихейства. Вслед за этим в Хакассии, Туве и на Алтае выделено 42 енисейские

надписи манихейского содержания: 38 молитвенных наскальных и 4 эпитафийных. Принятие манихейства вызвало на Саяно-Алтайском нагорье взрыв грамотности. Вот почему енисейских рунических надписей позднее VIII в. нам известно достаточно много, а более ранних нет (Кызласов И.Л., 2002, с.15).

Ярким примером мусульманской религии в письменных источниках служит «Дивани Хикмет» – сборник стихов, прежде всего, религиозно-мистического содержания. Яссави прекрасным поэтическим языком выражает свое неприятие зла, жадности, жестокости. Он, следуя учению суфизма, выступает против священнослужителей, стремящихся к наживе, личному благополучию. Путь к истине, по Ахмету, путь к богу. Книга проповедует аскетизм и смирение. Книга Сулеймена Бакыргани, написанная под влиянием «Дивани Хикмет», называется «Замму назир китабы» (Книга о конце света). Основная мысль произведения – все на Земле и хорошее и плохое, создано по воле Бога. Когда наступит конец света, погибнут все грешные и святые, ангелы и черти, вся Вселенная. Останется лишь Бог, который вновь создаст мир, и все возвратится к жизни. Оба сборника в течение столетий служили учебным пособием во всех медресе Средней Азии и Казахстана. Их использовало мусульманское духовенство в целях пропаганды идей ислама (Кузембайул А., 1999, с.126).

Археологическими исследованиями также установлено, что в VII-VIII вв. буддизм занимал прочные позиции в Средней Азии и Казахстане. Находки из храмов свидетельствуют о том, что в буддийские общины входили как согдийцы, так и представители тюрко-язычного населения (Кузембайул А., 1999, с.126).

Все упомянутые источники представляют собой обширный материал для изучения средневековых религий тюрков – ислама, христианства, тенгерианства, манихейства, буддизма, шаманизма. Они могут служить доказательством того, что элементы всех этих религий имели место в религиозном воззрении тюрков. Некоторые аспекты этих религий до сих пор сохранились в алтайской традиции и мировоззрении.

Библиографический список

1. Аджи, М. Европа, тюки, Великая степь / М. Аджи. – М.: Наука, 2004. – 256 с.
2. Васютин, А.С. К истории исследования ритуальных памятников в Горном Алтае // Археология Южной Сибири / А.С. Васютин. – Кемерово: КемГУ, 1983. – №3. – С.18-24.
3. Гумилёв, Л.Н. Древние тюрки / Л.Н. Гумилёв. – М.: Наука, 1993. – 253 с.
4. Кубарев, Г.В. Культура древних тюрок Алтая по материалам погребальных памятников / Г.В. Кубарев. – Новосибирск: Наука, 2005. – 324 с.
5. Кузембайул, А. История Республики Казахстан / А. Кузембайул. – Астана, 1999. – 182 с.
6. Кызласов, И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая / И.Л. Кызласов. – Горно-Алтайск, 2002. – 215 с.
7. Кульшарипова, Н.М. Человек и пространство: специфика пространственно-временных представлений кочевников / Н.М. Кульшарипова. – М.: Наука, 1995. – 215 с.
8. Попов, А.А. Таврийцы / А.А. Попов. – М.: Наука, 1936. – 234 с.
9. Традиционное мировоззрение народов Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1998. – 215 с.
10. Трубецкой, Н.С. Наследие Чингисхана / Н.С. Трубецкой. – М.: Наука, 2000. – 190 с.

Людмила Петровна Мылтыгашева
(17 октября 1949 – 5 апреля 2009 г.)

5 апреля 2009 г. закончился жизненный путь Людмилы Петровны Мылтыгашевой – талантливой, на редкость цельной и во всем творческой, мужественной женщины очень нелегкой судьбы. Она хорошо известна сибирским политикам, деятелям культуры и науки, но особенно – нашим музейным работникам и археологам. Где бы ни трудилась она – на морских берегах Дальнего Востока, в пустынях Туркменистана, в долинах Енисея или людском водовороте Москвы – жизнеутверждающий характер и деятельный профессионализм приводили ее к успеху.

Она родилась 17 октября 1949 года и закончила школу в с. Аскиз (хак. Асхыс) Хакасской автономной области Красноярского края. До самой школы не знала, что ее зовут Людмилой – носила хакасское детское имя Тудас, а с юности – Айдон. Ее отец Петр (Сагдай) Панфилович Тутатчиков был качинцем рода Пюрют, мать Варвара Митрофановна, в девичестве Майнагашева – сагайка рода Томнар. В 1973 г. Людмила Петровна вышла замуж за военного врача Прокопия Егоровича Мылтыгашева. В связи с переездами мужа ей приходилось часто менять трудовые коллективы, и она научилась быстро срабатываться с людьми любого рода.

Два высших образования, полученных ею, сформировали энциклопедически знающего и глубоко мыслящего гуманитария, увлекающего любого собеседника созидательным предназначением нравственного человека: в 1969-1973 гг. в Государственном училище искусств в г. Красноярске она получила специальность актрисы театра музыкальной комедии, впитав в себя все основные устои европейской цивилизации, а в 1980-1985 гг. окончила курс факультета экономики и управления культурно-просветительной работой Высшей профсоюзной школы культуры в г. Ленинграде (ныне – Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов) по специальности «культурно-просветительная работа» с присвоением квалификации «руководитель учреждений культуры, организатор-методист культурно-просветительной работы высшей квалификации».

Общий трудовой стаж Л.П. Мылтыгашевой составил 36 лет, из них в области культуры – 33 года, в том числе работа в музеях – 20 лет. 5 июля 1973 г. ее трудовая книжка открылась записью «методист Дома народного творчества Сахалинской обл.». С музейно-экскурсионной деятельностью Людмила Петровна была связана с 1983 г.,

вначале работая в Бюро путешествий г. Владивостока и г. Ашхабада (достигнув там должности директора), с 1989 г. – заведующим отделом музея Изобразительных искусств Туркменистана, затем – Туркменского гос. музея народно-декоративного искусства и ковра. В 1991 г. по результатам конкурса она стала директором Хакасского республиканского краеведческого музея в г. Абакане. На этой должности проработала всю перестройку – до октября 2000 г. Работа на Дальнем Востоке, в Туркменистане и Сибири принесла знания музейного дела Азиатской России и среднеазиатских стран СССР и СНГ, привела к личному знакомству со многими руководителями местных музеев и министерств культуры. Экскурсионная работа неизменно проводилась Людмилой Петровной не только в стенах музеев, но и сопровождалась постоянными поездками по памятникам. Всюду ею был внесен серьезный вклад в развитие культуры.

Особенно надолго запомнятся ее заслуги в культурной и общественной жизнь Хакасии.

Будучи директором Республиканского краеведческого музея, она в лихие годы перестройки – безденежные и попросту голодные для людей, служивших родине – действуя в одиночку, но находя и привлекая неравнодушных и бескорыстных помощников, не только сохранила, но и развила и увеличила музейную сеть южносибирской республики. Тогда эта благородная миссия требовала не только целенаправленной выдумки, но и немалого личного мужества. Изящная маленькая женщина единственная противостояла Правительству Республики Хакасия в его упорном стремлении заложить фонды музея, наследие предков, в американском банке ради получения денежного кредита. Она победила, хотя на ее глазах, в назидание, семья, только что вернувшаяся на милую родину из Ашхабада, была вычеркнута из списка на предоставление жилища (адрес и номер квартиры был уже известен), а нервное напряжение привело ее к туберкулезу (с годами залеченному в горах Алтая). И все-таки в тот момент Мылтыгашева, не щадя себя и детей своих, не только не изменила профессиональному и нравственному долгу, но и, поймём это, спасла личную мужскую честь тогдашних руководителей республики.

В годы перестройки борьба за сохранение невосполнимых ценностей культуры потребовала совершенно новых решений. И Людмила Петровна находит их. От защиты отдельно взятой народной святыни – статуи Улуг Хуртуях тас, выдвигая идею создания музея одного экспоната, до сохранения особо ценных земель – впервые в Сибири создавая в 1996 г. историко-ландшафтный музей-заповедник «Казановка», второй в стране по величине (18 тыс. га) и новаторский по постановке задач.

Жизнь Хакасии требовала большей общественной активности и Л.П. Мылтыгашева становится организатором и первым председателем Лиги хакасских женщин «Алтын Ай» («Золотая Луна»), на общественных началах помогавшей женщинам и детям, детским садам и школам, проводившей культурно-массовую работу и поддерживавшей интерес к родному языку и исконной культуре хакасов.

С произошедшим в те годы упадком иных научно-исследовательских структур Абакана Хакасский краеведческий музей становится центром подготовки гуманитарных кадров республики. Сюда принимались на работу молодые специалисты, здесь определялась приоритетная тематика изысканий, отсюда направлялись исследователи на различные курсы и в аспирантуру ведущих центров страны. А сама Л.П. Мылтыгашева, руководя музеем, по совместительству становится заместителем начальника нового научного учреждения: Хакасской археологической экспедиции Совета Министров Республики Хакасия (1991-2002 гг.). В 2000-2002 гг. она заведуют издательским отделом Хакасской археологической экспедиции, способствуя публикации девяти научных и научно-популярных книг, посвященных новейшим открытиям. С этих пор у нее появляется возможность самостоятельных исследований, и она начинает публиковать статьи, по большинству музееведческие.

В 1999 г. она награждена нагрудным знаком «За вклад в культуру» Министерства культуры РФ.

Лишь внешне деятельность Людмилы Петровны выглядит замкнутой в пределах Хакасии. Где бы она ни трудилась, ее отличало постоянное стремление помочь молодым музеям и новым формам музейного дела. Ее опыт способствовал развитию музеев и национальных парков в Республике Алтай, ею разработана концепция историко-

культурного ландшафтного музея-заповедника на р. Хемчик и архитектурно-технический план подобного музея-заповедника «Долина царей» на р. Уюк в Республике Тыва, в Президентском центре культуры Республики Казахстан в Астане разрабатывается словарь-справочник музейного работника и проводятся курсы повышения квалификации музейных сотрудников «Музей в меняющемся мире», создается концепция развития Московского областного музея народных художественных промыслов (Федоскино) на 2004-2014 гг. Продолжается и работа в Хакассии – в 2005 г. ею создается проект создания музея-заповедника «Гуннский дворец на Енисее» на р. Абакан, в 2006 г. – подобного «Казановке» историко-ландшафтного музея-заповедника в Орджоникидзевском районе республики.

В 1997 г. погиб ее муж. В 2000 г. Л.П. Мылтыгашева вновь выходит замуж и с тех пор живет в Москве. С 2003 г. она руководит разными подразделениями, первая и единственная хакаска в стенах Государственного Исторического музея на Красной площади (в 2003-2006 гг. она занимает специально для нее созданную А.И. Шкурко должность – заведует методическим кабинетом, 2006-2007 – сектором Новодевичьего монастыря, с июля 2007 – хозяйственной группой строительства Музейного квартала на ул. Никольской). Ее административная работа не вытесняет в ней музееведа и всегда сопровождается соответствующей добровольной специализацией. Людмилой Петровной разрабатывается проблема «Музеи-заповедники Сибири», ведутся исследования по теме «ГИМ и Азиатская Россия». Л.П. Мылтыгашева ежегодно участвует в общероссийских и международных конференциях с предоставлением и публикацией докладов – в Москве, Самаре, Пензе, Красноярске, Кызыле, Минусинске, Велико Тырнове (Болгария), Астане (Казахстан).

Более 10 лет, с 1995 по 2006 г., Людмила Петровна деятельно участвовала в археологических экспедициях Российской академии наук в Хакасии, Туве, на Алтае и в Казахстане. На скалах Алтая ею обнаружены две неизвестных рунических надписи.

Публикуемый здесь список работ, вероятно, не полный, позволяет видеть тематику и интенсивность исследовательского труда Людмилы Петровны. Он продолжался и приносил плоды даже в 2008 г., в течение которого Мылтыгашева мужественно боролась со смертельной, мучительно протекавшей болезнью.

В наш сборник вошли и небольшие популярные очерки, подготовленные Людмилой Петровной в разные годы, но оставшиеся в рукописи. Они с разных позиций раскрывают широту ее общественной жизни и действенность ее профессионального мышления, методику построения текста, сохранившего живую связь с присущим ей долгие годы устным рассказом просветителя (экскурсовода и лектора). Нельзя не увидеть в текстах и самого главного – высокой нравственной природы тех жизненных устоев, которые в любых условиях отличали эту удивительно светлую женщину.

В дни выхода нашего сборника Л.П. Мылтыгашевой исполнилось бы 60 лет.

Список печатных работ Людмилы Петровны Мылтыгашевой

1997

1. Сулекская писаница и другие экспонаты Хакасского краеведческого музея (интервью) // Наука и жизнь. – 1997. – № 11. – С. 140-142, 4-я стр. обл., 5 илл. (0,24 п.л.)[1].

2001

2. 50-тилетний юбилей Хакасской археологической экспедиции // Российская археология. – 2001. – № 3. – С. 172-181 (1,06 п.л.) (совместно с И.Л. Кызласовым).

2002

3. 50-тилетний юбилей Хакасской археологической экспедиции // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии [Хакасского госуниверситета] – Абакан, 2002. – Вып. VI. – С. 246-257 (1,06 п.л.) (совместно с И.Л. Кызласовым) (перепечатка № 2).

[1] Всюду указан объем текста, без учета иллюстраций.

4. Сöс алны (предисловие) // Л.Р. Кызласов. Сампир. Тархынға чарыдылған поэма. В.Г. Майнашев тілбестеен / Труды Хакасской археологической экспедиции. 9. – Ағбан: Отдел издат. деятельности «Роса». – 2002. – С. 3-4 (на хакас. яз.) (0,2 п.л.).
5. Ред. и составитель: Л.Р. Кызласов. Сампир. Тархынға чарыдылған поэма. В.Г. Майнашев тілбестеен / Труды Хакасской археологической экспедиции. 9. – Ағбан: Отдел издат. деятельности «Роса». – 2002. – 92 с., 21 илл. (на хакас. яз.) (5,5 п.л.) [Сампир. Историческая поэма].

2004

6. Древние святыни Сибири в современном обществе (к постановке проблемы) // Этносы Сибири. Прошлое, настоящее, будущее. Материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск, Россия, 11-13 ноября 2004 г. – Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей. – 2004. – Ч. 2. – С. 184-190, 1 рис. (0,35 п.л.).
7. Сибирь станет ближе. О необходимости создания историко-культурного ландшафтного музея заповедника на р. Хемчик в Республике Тыва // Мир музея. – 2004. – № 7. – С. 2-7, 4 илл. (0,43 п.л.).
8. Мастер и его ученики. К 130-летию Дмитрия Иннокентьевича Каратанова // Газ. «Красноярский рабочий». – № 40 (24837) – 18 марта 2004 г. – С. 3, 1 илл. (0,3 п.л.) [о родоначальнике красноярской школы художников].
9. Учитель и его ученики. К 130-летию Дмитрия Иннокентьевича Каратанова // Газ. «Хакасия». – № 96 (20203) – 25 мая 2004 г. – С. 4, 2 илл. (перепечатка № 8) (0,3 п.л.).
10. Хоостарында пістің чирлерні сабландырған. Д.М. Каратанов төреенең пеер 130 чыл // Газ. «Хакас чирі». – Абакан. – № 46 – 18 марта 2004 г. – С. 4, 1 илл. (на хакас. яз.) (0,2 п.л.).
11. Выдающийся сын земли Сибирской // Газ. «Хакасия». – № 55 (20162) – 24 марта 2004 г. – С. 3, 1 илл. (0,3 п.л.) [к 80-летию археолога Л.Р. Кызласова].
12. То же // Газ. «Красноярский рабочий». – 7 апреля 2004 г. – С. 5, 1 илл. (0, 3 п.л.) (перепечатка № 11).

2005

13. Довоенные коллекции С.В. Киселева из Хакасско-Минусинской котловины в фотоархиве Государственного Исторического музея // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения… Сергея Владимировича Киселёва. Минусинск, 20-26 июня 2005 г. – Красноярск: КГПУ, 2005. – С. 246-248 (0,13 п.л.).
14. Вечные камни. Об устройстве каменных памятников в Республике Хакасия // Мир музея. – 2005. – № 4. – С. 2-9, 4 илл. (0,55 п.л.) [задачи музеев при возрождении в обществе древних культов, проблемы создания музеев одного экспоната].

2006

15. Ткани. Словарь-справочник для музейного работника. Составитель Л.П. Мылтыгашева (3,4 авт. л.) [работа выполнена для Президентского культурного центра Республики Казахстан (Астана) и планировалась им к изданию, результаты неизвестны].
16. Отчет о музееведческих наблюдениях, сделанных в ходе эпиграфической экспедиции на Саяно-Алтайское нагорье в июне-августе 2006 г. (1,4 авт.л. и 21 фотография) [аналогично № 11].

2007

17. Музеи Саяно-Алтая: наблюдения 2006 года // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай. – 2007. – Вып. 5. – С. 174-189 (1,48 п.л.).
18. Борьба с опустыниванием с точки зрения истории культуры // Опустынивание земель и борьба с ним. Материалы Международной научной конференции по борьбе с

опустыниванием (Россия, Абакан, 16-19 мая 2006 г.). – Абакан: НИИ аграрных проблем Хакасии. – 2007. – С. 269-272 (0,3 п.л.).

2008

19. Из опыта создания историко-ландшафтных музеев-заповедников Сибири (О новом уровне и назначении музейного дела) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Материалы Международного полевого семинара 29-30 июля 2004 г. – Астана: Евразийский нац. университет. – 2008. – С. 101-107 (0,6 п.л.).
20. Гуннский город и дворец под Абаканом: проект реконструкции и использования // Материалы Международной научной конференции «Роль степных городов в цивилизации номадов», посвященной 10-летнему юбилею г. Астана 2 июля 2008г. – Астана: Акимат г. Астаны. – 2008. – С. 220-225 (0,25 п.л.).
21. Поход за рунами // Мир музея. – 2008. – № 7. – С. 26-30, 6 илл. (0,4 п.л.).
22. Музей для изваяния // Наследие народов Российской Федерации. – 2008. – № 2. – С. 42-44, 6 илл. (0,2 п.л.).

О Л.П. Мылтыгашевой

1. Полежаев В.В. Первая женщина из Чилан. Сборник публицистических рассказов. – Абакан: Отдел издат. деятельности «Роса». – 1997. – С. 19, 20.
2. Трошкин А.Ф. Уезд, округ, автономия, Республика Хакасия и ее люди. – Абакан: Стрежень. – 2000. – С. 75, 76.
3. Некролог // Газ. «Хакасия». – Абакан. – № 64 (21421) – 10 апреля 2009 г. – С. 23.
4. Хомзыныс // Газ. «Хабар». – Абакан. – № 38 (19932) – 10 апрель – хосхар 2009 чыл. – С. 12 (на хакас. яз.).

Мылтыгашева Л.П.

ИСТОРИКО-ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ «КАЗАНОВКА» – ДЕЛО НОВОЕ

В Европе первое общество охраны памятников создано 165 лет назад в Норвегии, в 1844 году. Благодаря этому зародилось новое направление в музейном деле – музеи под открытым небом. Жизнь сразу же показала, что потребность в этом давно назрела: к 1918 году в Скандинавии открылось 50 таких музеев. На специально выделенную территорию близ Стокгольма впервые были намеренно свезены памятники архитектуры. Идея распространилась и на другие страны.

В Сибири музеи архитектурно-этнографического направления стали появляться лишь в 60-е годы XX века. Это были восточносибирские музеи-заповедники: «Шушенское» в Красноярском крае, «Тальцы» в Иркутской области, «Ангарская деревня» близ г. Братска. В 80-е годы музеи под открытым небом появились в Бурятии и Якутии. Коллекции всех их составили местные архитектурные памятники, иногда перевезенные со своих первоначальных мест. Изготавливали и новые копии типичных построек, которые размещали в окружении естественной и исторической среды.

Развитие музеев под открытым небом привело к расширению их назначения. От сохранения старинных зданий и воссоздания уходящего быта они обратились к значительно более древним элементам местного культурного наследия, включили в свою сферу археологические памятники. Тем самым, специалисты насыщали музеи-заповедники не только культурными, но и характерными природными элементами: окружавшими памятники горами, лесами, лугами. Так в музейном деле плавно складывалось еще одно направление – историко-культурные и одновременно ландшафтные комплексные музеи под открытым небом

Созданный в 1996 году в Республике Хакасия ландшафтный музей-заповедник «Казановка» отличается от названных сибирских музеев. 18 тысяч гектаров историко-

культурного ландшафтного заповедника включают в себя первозданную горную тайгу и степные урочища, родниковые лога и прибрежные луга реки Аскыз. Однако это не природный заповедник – в его пределы вошли крупные площади современных хозяйственных угодий и памятники культуры многих племен и народов, живших на этой земле в течение тысячелетий.

Коренные обитатели этих мест – хакасы-сагайцы – продолжают жить привычным образом, традиционно используя вошедшие в музей-заповедник покосы и пашни, выпасы и места сбора грибов и ягод, речные переправы. Но хозяйственных новшеств, нарушающих сложившееся естественное и культурное своеобразие, в пределах охраняемых земель уже не будет. В тайге здесь запрещена охота.

Сравнив назначение природных заповедников и историко-культурного музея-заповедника типа «Казановки», увидим, что, в сущности, перед нами соединение двух типов заповедного дела, придавшие ему, наконец, необходимую целостность и завершенность: первый направлен на дикую, второй – на культурно освоенную природу.

Отвечая этому предназначению, музей-заповедник превращает традиционное землепользование в экспонат под открытым небом, создает экспозицию совершенно нового рода. Музейное хранение выходит здесь за пределы зданий, но, как и всякое музейное хранение, закладывает основы для глубокого изучения своего «инвентарного фонда». Я имею в виду фактическое создание для специалистов по истории общества и экологии возможности ретроспективного взгляда на целостный процесс обживания определенных мест человеком. Для реализации таких исследований музей-заповедник предоставляет два необходимых условия.

Во-первых, то традиционное землепользование, которое законсервировано при организации заповедника, позволяет непосредственно наблюдать и осмыслить систему жизни на природе, бывшую здесь в недавнем прошлом (и восходящую к началу XX в., если не к XIX или, в силу консерватизма быта, и к XVIII в.). Здесь существует возможность в конкретных ландшафтных условиях предметно проследить и столь важный и интересный процесс влияния русской агрикультуры на хакасскую, а шире говоря (включая горно-таежную и степную часть заповедника), также изучить взаимовлияния пришлой и аборигенной системы обживания природного пространства.

В такое исследование необходимо включить и духовный аспект освоения природы человеком, исследуя мировоззренческие особенности восприятия ландшафта. Материалы для анализа, кроме прямого общения с продолжающими свой быт коренными жителями заповедных мест, предоставит сравнение с данными этнографии, свидетельствами новой и новейшей истории.

Во-вторых, включенные в музей-заповедник археологические памятники, кроме их очевидной культурной самоценности (сохранение которой, конечно, одна из задач заповедника), позволяют, в той или иной мере, исследовать особенности землепользования того же конкретного ландшафта в давние времена – в средневековье, раннем железном, бронзовом или даже в каменном веке.

Назову и другой аспект деятельности и общественного значения историко-ландшафтного музея-заповедника. История общества постигается не одним лишь исследованием стадий его общего развития. Столь же важно воссоздать особенности жизни и истории конкретной общины, этапы освоения отдельной речной долины, горно-таежной местности или степных урочищ. Знакомство с историей по макетам в чистых и тихих музейных залах не так впечатляет, как рассказ под открытым небом, молчаливо дождливым или наполненным пением жаворонка, среди курганов, близ которых когда-то кипела другая жизнь. Здесь, взглянув по сторонам, можно задаться вопросами: как эти камни сюда доставили вон от той горы, с помощью каких приспособлений установили, какие песни пели в горе и в радости, бродя по тем же ковылям, и на каком языке.

Исходя из сказанного, несложно понять, почему «Казановка» сразу же превратилась в центр активной полевой научной работы археологов и тюркологов-лингвистов, этнографов и фольклористов, биологов и лесоводов, охотоведов. Сотрудники музея и приглашенные академические экспедиции зафиксировали свыше тысячи памятников археологии, лишь часть которых была известна до этого. Раскопы сибирских захоронений гомеровских времен были музеефицированы. Кроме студентов-историков, в музее

проводят учебную практику геологические и биологические факультеты многих университетов страны. Летняя практика ботаников Хакасского университета выявила на территории музея редчайшие растения-эндемики. Недавно заповедник принял группу студентов-филологов Российского государственного гуманитарного университета (Москва), изучавших хакасскую речь. Поступают заявки и от зарубежных вузов.

В дни глобализации в музее-заповеднике «Казановка» возрождают исчезающие пласты этнической культуры, на его территории проводят национальные праздники, утраченные в советские годы. Я принимала участие в проведении «Ночи хайджи», во время которой профессиональные городские артисты соревновались с местными исполнителями народных песен. К полуночи лесная поляна незаметно стала тесной – молодежь после клуба собралась у большого костра, где до рассвета не смолкала народная музыка.

Жизнь побуждает музеи заняться популяризацией среди молодежи народных традиций, организацией свободного времени, проведением массовых мероприятий и даже созданием новых рабочих мест. Просвещение посетителей было и осталось основной работой музея, но ныне он начал заботиться и об отдыхе пришедших в него людей. В «Казановке» организация досуга приезжающих сюда гостей становится основным направлением работы. Музей-заповедник выбрал туризм одним из условий своего развития. С этим связано возрождение в ближайших деревнях народных промыслов, проведение фольклорных праздников. Ради познавательного туризма разработаны экскурсионные природные маршруты (так называемые экологические тропы), которые действуют зимой и летом. В заповеднике воссоздано традиционное хакасское поселение, но внутри его новеньких деревянных юрт оборудованы двухместные номера для ночлега туристов, столовая, душевые и другие необходимые современные бытовые комплексы.

Научное комплектование фондов в «Казановке» ведется в трех направлениях: природном, археологическом, этнографическом. Планируются исследования памятников, сотворенных самой природой – разных видов растений и животных (предусмотрено и обогащение природного фонда – научно обоснованная акклиматизация тех видов растений и животных, что существовали здесь ранее). В плане научной работы сотрудников стоит и инвентаризация заповедного фонда с паспортизацией основных объектов, проведение комплексных наблюдений за изменением природной среды, составление научных справок по основным темам – археологии и этнографии – и объектам изучения этих наук.

Музей принимает участие в конференциях, проводимых в Хакасии по этнографии, археологии, экологии и другим направлениям исследований, приобщает к этим сферам науки местных школьников.

Повсюду в наши дни возродилось паломничество к святым местам. Вспомнили свои былые святыни и хакасы. Однако это не всегда учитывается людьми приезжими. В Сибири стихийные посетители беззастенчиво проложили автомобильные дороги ко многим памятникам, искони почитаемым коренным населением. Особенно беззащитными оказались народные святыни, находящиеся в природе. Поверх древних письмен бездумно выбиваются современные, костры у подножия скал коптят вековые изображения. Приватизация земли создала новую угрозу археологическим памятникам, уникальным природным объектам и территориям.

Выход из этой непростой ситуации видится в создании системы особо охраняемых земель типа музея-заповедника «Казановка». Надо формировать местные проекты и федеральную программу, которые будут опираться на конкретные исследования исторического наследия и ландшафта. Музеи под открытым небом наиболее приближены к посетителю, стремящемуся к изучению страны и народа, а самое главное, желающему научиться читать божественную книгу природы.

В процессе создания музея-заповедника «Казановка» пришлось немало общаться с государственными чиновниками. Прежде, чем удавалось их убедить подписать те или иные документы, почти каждому представителю власти требовалось провести персональную экскурсию, показывая основные памятники, которые были хорошо известны исследователям. На любой музей, его оформление, на сложившуюся в нем атмосферу, влияет государственная политика страны, но особо активную роль во всем этом играет личность руководителя музея. Музеи не только отражают, но и в не меньшей степени формируют уровень культуры общества: экологической, духовной, социальной.

Произведенный нами обзор убеждает, что в Сибири сегодня сложились все основные формы музеев под открытым небом, известные в современной мировой культуре. Согласно задачам и объектам сохранения и использования их следует подразделять на три самостоятельные категории:

1. *Историко-архитектурные* музеи-заповедники (типа «Шушенского», на западе именуемые скансенами);

2. *Историко-культурные* музеи-заповедники (типа «Томской писаницы»);

3. *Историко-ландшафтные* музеи-заповедники (типа «Казановки»).

Значение «Казановки» состоит в том, что она по существу стирает грань между музейным и заповедным делом, дополняя сбережение дикой природы, сохранением освоенного человеческой культурой естественного ландшафта.

ВОЗРОЖДЕНИЕ СТАРОЙ СВЯТЫНИ ИЗВАЯНИЕ УЛУГ ХУРТУЯХ ТАС

В наши дни хранившиеся в музеях святыни вновь возвращаются в культовую практику. Следует, пожалуй, осознавать особую роль музеев страны в сохранении древних святынь. Она оказалась весьма эффективной. Мы уже привыкли к возврату в храмы христианских, мусульманских, иудаистских или ламаистских святынь. Однако те же проблемы возникли и в районах страны, сохранивших разнородные языческие представления. В Хакасском краеведческом музее произошло такое отторжение древнего и уникального памятника – экспонат из экспозиции был возвращен на прежнее его место, в поле.

Древние монументальные скульптуры Хакасии создавались около 4 или 5 тысяч лет. И возрастом и обликом они ничем не похожи на иные каменные бабы степей Евразии. Их образы воплощали космогонические представления, олицетворяли ход времени и течение жизни, культ плодородия. Особенно значимо, что эти скульптуры не были могильными камнями, а изначально ваялись как идолы, устанавливались в древних святилищах и были предметами почитания и поклонения. Такую роль они играли в Хакасии до современности.

Изваяние, о котором идет речь, принадлежит к этому кругу памятников. Оно широко известно и населению, и специалистам, поскольку привлекло внимание науки ранее многих иных древностей Саяно-Алтая – сразу же после присоединения Хакасии к России. Обследовавший Сибирь Д.Г. Мессершмидт в 1722 г. на реке Есь видел множество обрамлявших курганы каменных плит с резными фигурами. Здесь же, у такого кургана, близ хакасского улуса, личиной на восток находилось и высеченное из серого песчаника изваяние Улуг Хуртуях Тас, буквально «Камень в виде большой старухи». На спине скульптуры, «как у калмыцких и татарских женщин», рельефно выделялась толстая коса. Жители рассказали, что это знатная женщина, превращенная богами в камень, которой оказываются почести. Каждый странник должен был три раза объехать вокруг изваяния Хуртуях и принести в жертву камню часть своего провианта. Экспедиция Д.Г. Мессершмитда впервые зарисовала изваяние и в 1730 г. в книге Ф.И. Табберта фон Страленберга представила его европейской науке. Изваяние посещали, описывали, графически или фотографически запечатлевали многие последующие исследователи

Хакасии. В 1929 г. в первой сводной работе об изваяниях такого рода было названо уже 21 исследование, связанное с Улух Хуртуях Тас.

В 1947 г., к 240-летию присоединения Хакасии к России, о скульптуре Улуг Хуртуях Тас был снят киносюжет. А через семь лет уже никто не мог увидеть знаменитое изваяние на его вековечном месте – в 1954 г. «Старуха-Камень», вопреки протестам местных жителей, была выкопана и перевезена к зданию Хакасского областного краеведческого музея в г. Абакан. Почти 20 лет спустя там, где стояла народная святыня, были проведены археологические раскопки. Они показали, что изваяние Улуг Хуртуях Тас находилось на месте древнего святилища и изначально было связано с культом плодородия.

Хакасские народные воззрения не могли, конечно, прямо восходить к верованиям столь далекого прошлого, но они также связывали камень с излечением бездетности. Тому способствовал вид древней скульптуры, напоминающей фигуру беременной женщины. Кроме того, многое в облике изваяния воспринималось хакасами как изображение костюма свахи: в высоком головном уборе видели традиционную шапку «тюлгю пёрик», в личине, вырезанной в средней части идола, – характерное национальное нагрудное украшение «пого».

Поклонение народной святыне не прекратилось с перевозкой ее в столичный город. Изваяние Улуг Хуртуях Тас было установлено в музейном дворике среди других подобных памятников, вывезенных из степи в 1950-е годы (и, надо сказать, этим спасенных от уничтожения при освоении целинных земель и многочисленных последующих процедур нивелировки полей и их «очистки» от курганов, древних стел и изваяний). Забор-штакетник, окружавший музейный стеларий того времени, не стал препятствием для почитателей Улуг Хуртуях Тас – музейные работники и жители города помнят, как хакасы специально приезжали со степи в город для поклонения народной святыне. Подробности таких сцен приведены в старых краеведческих изданиях, в музее хранятся фотографии, запечатлевшие хакасок в национальной одежде, совершающих обряд кормления изваяния, официально ставшего музейным экспонатом.

Со временем обрядовые действия отошли в прошлое, но память об особой силе изваяния и его былом почитании не исчезла. Поколение спустя культ Улуг Хуртуях Тас возродился и вспыхнул с новой силой в 1990-е годы. Уже в новой экспозиции, в крытом помещении, купившие входные билеты и намеренно отставшие от экскурсий женщины тайно от музейных смотрителей «кормили» свою каменную старушку.

Несложно заметить изменения, наступившие в наши дни в восприятии и почитании скульптуры. Улуг Хуртуях Тас первоначально почиталось хакасами как символ женского плодородия, связанный лишь с личным, семейным благосостоянием, а ее мистическая мощь распространялась лишь на жителей одной долины. Ныне это древнее изваяние резко расширило свою культовую значимость и воспринимается как общенациональная святыня – средоточие плодородия, жизненной силы и благосостояния всего хакасского народа.

Обновление старой святыни сопровождалось требованием вернуть изваяние на старое место. Сначала переместить изваяние от директора музея потребовала известная и глубоко уважаемая в Хакасии народная певица. В 1995 году с тем же требованием обратился уже представитель власти – руководитель района опирался на письмо местных жителей, скрепленное длинным рядом подписей. Ответ директора содержал предложение о создании на месте былого святилища музея одного экспоната, в который можно было бы передать на хранение древнее изваяние. Представленные экономические расчеты показали серьезность ситуации и значительно снизили ее первоначальную остроту. Но национальная интеллигенция обратилась к печати, телевидению, радио и иным средствам воздействия на общественность и власти. В музее же вели поиск возможного способа отторжения памятника культуры. На одном из заседаний известный в Хакасии художник предложил, сделать точную скульптурную копию Улуг Хуртуях Тас, обрядово освятить ее и установить на прежнем месте, подобно тому, как строят новые храмы и пишут новые иконы. Однако это предложение не нашло отклика у верующих.

Через пять лет в музей пришел другой директор и в правительство поступили очередные обращения. Среди специалистов росло осознание закономерности сложившейся ситуации: в России шел возврат культовых предметов верующим из

центральных и местных музеев и библиотек. Оставалось найти формы, которые удовлетворяли бы запросы общественности и отвечали задачам музейного хранения. В Хакасии вернулись к первому предложению – созданию музея одного экспоната.

Правительство отыскало средства, был утвержден минимальный штат. В Хакасии началась подготовка к созданию первого в России музея одного экспоната. В 2003 году памятник культуры был извлечен из музея в Абакане и за временной оградой установлен на прежнем месте в степи близ улуса Онхакова. Позднее для знаменитого изваяния был сооружен застекленный павильон, по облику приближенный к хакасскому многоугольному срубному жилищу, произведено оформление прилегающей территории. Новые условия хранения и экспонирования Улух Хуртуях Тас нуждаются в профессиональном анализе ради соблюдения необходимых требований музейного дела.

К древней святыне снова идут со своими нуждами люди. Вокруг нее стали праздновать свадьбы. Странники опять отклоняются в пути, чтобы почтить «Старуху-Камень». Но, выйдя из стеклянного павильона, надо обозреть всю долину: ведь это с нею от века было связано изваяние. За рекой Абаканом высится гора Хызыл-хая, на склоне которой виден длинный рубец. Это остатки стены средневековой крепости. Но люди говорили: «Это тропа Хуртуях Тас». Некогда пленили монголы хакасскую семью и угнали на чужбину. Но смогли бежать на родину пленники и, когда сбегали с горы, проложили тропу. Перепрыгнуть через реку в степь удалось только матери, муж-старик и ребенок утонули в бурных струях. Вот и окаменела от горя старуха.

Ныне Улуг Хуртуах Тас снова удалось вырваться на свою родину из дальнего города. Вот и судите, есть ли правда в народных преданиях? Истина же в том, что у хакасов, как в старь, сохраняется сила любви к родной земле.

ПАРКИ И САДЫ – ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

«Может быть, это звучит парадоксально, но самая насущная современная проблема в области охраны природы – это защита нашего вида от нас самих» (Д. Дорст. До того, как умрет природа. М., 1968, с. 128).

Наступление весны и новость, полученная из информационного агентства REGNUM и газеты «Красноярский рабочий», за электронной версией которой я слежу постоянно, побудили меня к написанию этой заметки. Сообщалось о том, что в Преображенском парке Абакана будут высажены 60 взрослых деревьев, привезенных из Красноярска. В нашу эпоху, когда сильным изменениям подверглись все компоненты живой природы, исчезли некоторые естественные биогеоценозы, сократились и продолжают сокращаться ареалы диких видов растений, мне захотелось воздать должное благому начинанию, одному из тех дел, которые отличают культуру человечества на протяжении всей его нелегкой истории.

Искусство оформление ландшафта возникло в далекой древности. Сады и парки в Древнем Египте устраивались на возвышенностях, обустроенных террасами, по берегам Нила из-за разлива выращивали только сельскохозяйственные культуры. Насаждений было много – в Новом царстве, за 16 веков до н.э., недостаток лесов возмещался большим количеством священных рощ. Поскольку с древних времен дерево для египтян было объектом священным, каждый храм имел свое дерево. Фараон Рамзес Ш в так называемом Харситском папирусе, восхваляя свои дела, отмечал также: «Я засадил всю землю деревьями и кустами».

Древнегреческий географ Страбон описал на Иерихонской равнине в Иудее пальмовую рощу, в которой в 10 веке до н.э. был дворец царя Соломона, а в саду выращивали знаменитые пряности.

В 5 в. до н. э. персидский царь Кир-младший создал замечательный парк, получивший название «парадиз» – с тех пор это слово вошло во все языки мира. В этом парке устраивали смотры армии и большие народные празднества. Народы,

порабощенные персами, знали, что для захватчиков нет более жестокой мести, чем беспощадно опустошать сады их владык. Греческий философ Сократ говорил своим ученикам, что повсюду, где появлялся персидский царь, он заботился о разведении садов. Парадизам придавалась правильная геометрическая форма, а декоративные деревья в них сочетались с фруктовыми. Персию называют родиной царицы цветов – розы, но она была родиной и хорошо знакомых нам тюльпанов, нарциссов, лилий, сирени. Сама столица древней Персии называлась Сузы – то есть Лилия.

Немудрено, что именно в Иране в середине XIX века было основано религиозное движение, тесно связанное с садоводством. Главную тему откровений его создателя, Бахай-Уллы, составило утверждение о том, что Земля – единая страна и все люди ее граждане. Цель учения состояла в служении человечеству. Первая община бахаистов за пределами Ирана появилась на землях Российской империи, в Ашхабаде. Они создали в этом маленьком тогда глиняном городке первый сад. В Каракумской пустыне яблони не растут, слишком жарко. Храмовый сад привлекал горожан, особенно детей – им разрешалось самим собирать яблоки.

Увидев прекрасные парки восточных владык, греки пришли в восторг. Но для эпохи эллинизма, когда все другие области искусства бурно развивались, о садоводстве самих греков нам известно очень мало. Свидетельства о разведении садов дошли уже от древней Греции. И хотя они были редкостью, Гомер в 8 в. до н.э. воспел, к примеру, прекрасный фруктовый сад мифического царя Алкиноя, который находился на расстоянии человеческого голоса от города возле рощи Афины Паллады. Второй царский сад примыкал ко дворцу. Гораздо чаще садов у Гомера упоминаются священные рощи и источники. Позже, во времена зарождения спортивных школ гимнасий (5 в. до н.э.), затем переросших в учебные заведения, близ них стали появляться прекрасные парки. В саду общался со своими учениками и Платон – создатель первой в мире Академии.

В южной Азии, у индусов, поклонение деревьям было обычаем древним, священные рощи или отдельные растения посвящались сначала языческим богам, а затем какому-нибудь Будде. Наиболее известен индийский парк Емабана, подаренный Будде купцом Анатапинта.

Если исходить из дошедших до нас письменных источников и рисунков, владыка царства Чжоу создал один из первых парков Древнего Китая в 12 в. до н. э. В особо почитавшейся «Книге песен» упоминается «Сад знаний», созданный императором Вэн Вангом в 1150 г. до н.э. на площади 375 га.

Греческий историк Геродот в 5 в. до н.э. повествует о существовании садов в нижнем течении Днепра. Много позднее летописец Нестор (1055-1115 гг.) описывает яблоневый сад Киево-Печорского монастыря. В Москве в 14 в. уже были городские сады (Бутов сад, Терехов сад и др.). Наиболее известный дворцово-парковый ансамбль в Москве – это Коломенское. Иван Калита упоминает о нем в своем завещании в 1328 г. Самым крупным культурным садом во время царствования Алексея Михайловича (17 в.) был сад в Измайлово. Со временем разведение парков и садов стало в России целой наукой.

Сибирское садоводство – тема особая. Старожилы Абакана хорошо помнят пыльный степной городок, лишь по краям, вдоль рек окруженный дикими тополями. Каждый зеленый росток в самом городе был посажен руками и заботливо возделан. С тех пор дух цветущих черемух и яблонь стал памятен всякому абаканцу. Ряды деревьев протянулись по многим улицам, вошли во дворы. Вот только парк, созданный еще до войны в самом центре, оставался в городе один. Ближе к Енисею раскинулся давний и единственный общественный сад. Черногорский бульвар – аллея мемориальная, его тень укрывает памятники погибшим героям.

Потому так и радует весть о создании нового парка в Абакане: посадке 60 взрослых деревьев близ Преображенского собора. Каждое живое дерево – знак духовности и обновления нашей жизни. Спасибо Абакану. Спасибо Красноярску. Парки и сады – дела истинно человеческие.

МНЕ ПОВЕЗЛО

Мне повезло, что родилась в середине XX века, и я благодарю своих родителей за то, что моя Родина – Хакасия. Земля, где так много памятников археологии и культуры, говорящих о великом прошлом моего народа. На протяжении многих веков благодатная Хакасия была ареной столкновений интересов разных народов и государств. Сегодняшний день народов, живущих на этой земле, непростой, он полон забот о хлебе насущном, о детях, а главное – об окружающем мире, о живой Природе.

И главный фактор выживания общества это – женщина. В хакасских эпических сказаниях, как бы они ни назывались, героиня – женщина, и освобождающая свой народ от врагов, и сохраняющая родной язык и культуру. Во все времена это было нелегким делом. Думаю, что в отличие от былинных героинь, женщины XX века не смогли распорядиться должным образом всеми своими возможностями. Болезни, наркомания, алкоголизм губят юное поколение, глобализация культуры обезличивает наших детей, лишая их языка своих родителей и бабушек-дедушек, мировоззрения и традиций предков, живших на этой нашей земле не одно тысячелетие.

Экономика, создавшая лишь «островки благополучия» и обширные «зоны бедствия», минимальная зарплата, на которую возможно прожить лишь неделю, безработица – вот то, что стало характерным для конца XX века. С возникновения первых женских общественных движений в России прошло более 130 лет, но в 90-х годах их различные направления проявились активнее, они стали независимыми от политических партий. Более того, сами политические партии, которых в стране образовалось несколько, все более обращались за поддержкой к женским обществам. И это вполне понятно, поскольку история России издавна складывается так, что женщин в ней всегда больше, чем мужчин.

Лига хакасских женщин, инициатором возникновения которой была журналистка Евдокия Михайловна Кильчичакова, создавалась на фоне Союза женщин Хакасии, объединявшего женщин всех народов республики и, следовательно, не занимавшегося вопросами национального развития. На первое собрание Лиги в октябре 1994 г. пришли известные в Хакасии женщины: преподаватели, врачи, юристы, инженеры, артисты. Они решили назвать свой союз Лигой хакасских женщин «Алтын Ай», а первым президентом выбрали меня. Организационный этап можно назвать временем поиска средств – для регистрации в Минюсте, изготовления печати и т.д. Все вопросы мы разрешили просто: решили сложиться, но лигу сохранить.

Цель нашего общества была такой же, как у всех женщин России: содействие женщинам в адаптации к новым социально-экономическим условиям. Однако мы учитывали национальные особенности родного народа, в котором люди не выносят на общий обзор свои трудности и горести, не привыкли обращаться с личными просьбами к представителям власти. Эти функции надо было брать на себя. Ради этого проводились встречи с членами правительства, выборы в депутаты своих представителей, защита интересов семьи и детей в официальных и общественных организациях. Мы не ждали просьб от людей и сами собирали и развозили в аалы одежду, книги, учебники, на месте организовывали для населения встречи-консультации с разными специалистами. Мы помогали друг другу, использовали любую возможность для организации встреч с женщинами в районах – им приходилось труднее всех: не было зарплаты, одежды, нечем было кормить детей в школах и т.п. Думаю, женщинам начала XXI века не легче: хотя задачи физического выживания людей уже не стоят так остро, но проблема сохранения хакасского народа во всей его самобытности остается актуальной. Лига хакасских женщин обязана помочь матерям и детям сохранить свой язык, культуру, национальное достоинство. Преодолеть эти трудности не просто и я хочу пожелать сегодняшним членам Лиги здоровья, благополучия в семье, успеха в общем деле. А он не придет без роста «Алтын Ай», без молодых и сильных подруг, которые продолжат наши дела.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азбелев Павел Петрович *– методист 1-й категории (с.н.с.) Государственного Эрмитажа. 190000, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж, НПО. Тел.: +7(911)713-11-61, e-mail:azb13@hotmail.com*

Константинов Никита Александрович *– младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО «Горно-Алтайский государственный университет», студент IV курса исторического факультета. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1.*

Конунов Аркадий Алексеевич *– научный сотрудник Института алтаистики им. С.С. Суразакова, кандидат филологических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 6. ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». Тел.: 8(388-22)2-53-18, факс: (388-22)2-53-04, e-mail: konun1974@mail.ru*

Кызласов Игорь Леонидович – *ведущий научный сотрудник, заведующий группой средневековой археологии евразийских степей Института археологии РАН, доктор исторических наук. 117036, г. Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН. E-mail: kyzlasovil@mail.ru*

Ленская Светлана Геннадьевна *– младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО «Горно-Алтайский государственный университет», студентка V курса исторического факультета. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1.*

Маточкин Евгений Палладиевич *– старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, кандидат искусствоведения. 630090, Новосибирск, ул. Академическая, 34-24. Тел.: 8(383)330-83-69, e-mail: pallady@ngs.ru*

Мылтыгашева Людмила Петровна *– заведующая группой строительства Музейного квартала на ул. Никольской Государственного Исторического музея. г. Москва*

Подобед Вячеслав Анатольевич *– старший научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея. 83015, Украина, г. Донецк, б. Школьный, д. 14, кв. 56*

Серегин Николай Николаевич *– лаборант лаборатории археологии при кафедре археологии, этнографии и музеологии ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61. Тел./факс: 8(3852)66-81-58, e-mail: nikolay-seregin @mail.ru*

Сипатрова Анастасия Григорьевна *– младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО «Горно-Алтайский государственный университет», студентка IV курса исторического факультета. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1. E-mail: ana-villiss@yandex.ru*

Соёнов Василий Иванович *– заведующий Научно-исследовательской лабораторией по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО «Горно-Алтайский государственный университет», доцент кафедры археологии, этнологии и источниковедения ГОУ ВПО ГАГУ, начальник Горно-Алтайского центра специальных работ и экспертиз, доцент, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева, 16-5. E-mail: soyonov@mail.gorny.ru, soyonov@mail.ru*

Тишкин Алексей Алексеевич *– профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет», доцент, доктор исторических наук. 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61. Тел./факс: 8(3852)66-81-58, e-mail: tishkin@hist.asu.ru*

Торушев Эркем Геннадьевич *– научный сотрудник отдела истории Института алтаистики им. С.С. Суразакова, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 6. ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». Тел.: 8(388-22)2-53-18, факс: (388-22)2-53-04*

Трифанова Сынару Вениаминовна *– заведующая археологическим музеем ГОУ ВПО «Горно-Алтайский государственный университет», ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ, заместитель начальника Горно-Алтайского центра специальных работ и экспертиз, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1. E-mail: trifanovasv@mail.ru*

Укачина Клавдия Ергековна *– старший научный сотрудник Института алтаистики им. С.С. Суразакова, кандидат филологических наук, заслуженный деятель науки Республики Алтай. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 6. ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». Тел.: 8(388-22)2-53-18, факс: (388-22)2-53-04*

Усачук Анатолий Николаевич *– старший научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея, кандидат исторических наук. 83047, Украина, г. Донецк, ул. Багратиона, д. 9а, кв. 12. E-mail: dood@mail.ru*

Худяков Юлий Сергеевич *– главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий кафедрой археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, профессор, доктор исторических наук. 630090, г. Новосибирск-90, пр. Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Факс: 8(383-2)30-11-91, e-mail: khudjakov@ngs.ru; khudjakov@mail.ru*

Цимиданов Виталий Владиславович *– ведущий научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея, кандидат исторических наук. 86108, Украина, г. Макеевка, пос. Котовского, д. 27, кв. 15*

Чевалков Лев Мирославович *– научный сотрудник Института алтаистики им. С.С. Суразакова, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 6. ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». Тел.: 8(388-22)2-53-18, факс: (388-22)2-53-04*

Швецов Михаил Львович *– руководитель Донецкого Центра института востоковедения им. А. Крымского НАН Украины. 83052, Украина, г. Донецк, ул. Владычанского, 36/24, Тел.: +8(062)389-7353, +3(050)208-7665, e-mail: m-shvetsov@yandex.ru*

Штанакова Евгения Александровна *– младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО «Горно-Алтайский государственный университет», студентка IV курса исторического факультета. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1.*

Яданова Кузелеш Владимировна *– научный сотрудник Института алтаистики им. С.С. Суразакова. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 6. ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». Тел.: 8(388-22)2-53-18, факс: (388-22)2-53-04, e-mail: kuzelesh@mail.ru*

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. (г. Донецк, Украина)
НОЖИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ С КОЛЬЦЕВЫМ УПОРОМ
ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СИБИРИ И ИХ ЗАПАДНЫЕ АНАЛОГИ……**3**

Худяков Ю.С. (г. Новосибирск, Россия)
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ДОЛИНЕ Р. ЭДИГАН
(по материалам работ Южносибирского отряда ИАЭТ СО РАН в 1988-2008 гг.) ……...**17**

Азбелев П.П. (г. С-Петербург, Россия) ТАШТЫКСКИЙ ПОЯС……..……**29**

Тишкин А.А, Серегин Н.Н. (г. Барнаул, Россия) ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ОБСЛЕДОВАНИЯ В ОНГУДАЙСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ……..……**49**

Маточкин Е.П. (г. Новосибирск, Россия) ПЕТРОГЛИФЫ КАЛТАКА……..……**59**

Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А.,
Штанакова Е.А. (г. Горно-Алтайск, Россия)
РАСКОПКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБЪЕКТОВ НА МОГИЛЬНИКЕ БИКЕ III……..……**74**

Кызласов И.Л. (г. Москва, Россия) НОВЫЕ ПОИСКИ В АЛТАИСТИКЕ.
II. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ……**95**

Швецов М.Л. (г. Донецк, Украина) ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
В КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСАХ ТЮРКСКОЙ ЭПОХИ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ……**130**

Чевалков Л.М. (г. Горно-Алтайск, Россия) НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРНОГО АЛТАЯ
В 20-30 ГГ. XX ВЕКА (материалы к «Истории Республики Алтай, Т. 3, 1917-1993 гг»)……..**139**

Торушев Э.Г. (г. Горно-Алтайск, Россия) КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА ГОРНОГО АЛТАЯ В КОНЦЕ 1929 – ПЕРВОЙ ТРЕТИ 1930 ГГ. ……..……**145**

Конунов А.А. (г. Горно-Алтайск, Россия) СТИЛЕВОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ
В ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ Н. УЛАГАШЕВА И В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ ГОРНОЙ ШОРИИ И ХАКАСИИ……..……**157**

Укачина К.Е. (г. Горно-Алтайск, Россия) ЗАГАДКА, КАК ОДНО ИЗ ЗНАЧИМЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В АЛТАЙСКИХ СКАЗКАХ, ЛЕГЕНДАХ
И ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ……**165**

Яданова К.В. (г. Горно-Алтайск, Россия) «ВСТРЕЧА ОХОТНИКА
С ДУХАМИ-ХОЗЯЕВАМИ / *АЛМЫСОМ*». ОПЫТ УКАЗАТЕЛЯ СЮЖЕТОВ
И ВЕРСИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ АЛТАЙСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ……**174**

Соёнов В.И. (г. Горно-Алтайск, Россия)
ОТЧЕТ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В 2009 Г. ……**186**

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Стр.

Ленская С.Г. (ГАГУ, V курс)
ТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ СРЕДНЕЙ КАТУНИ……**189**

Сипатрова А.Г. (ГАГУ, IV курс)
ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕЛИГИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКОВ……**192**

МАТЕРИАЛЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ **ЛЮДМИЛЫ ПЕТРОВНЫ МЫЛТЫГАШЕВОЙ**

Мылтыгашева Людмила Петровна
(17 октября 1949 – 5 апреля 2009 г.)……**196**

Список печатных работ Л.П. Мылтыгашевой……**198**

О Л.П. Мылтыгашевой……**200**

Мылтыгашева Л.П. ИСТОРИКО-ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ «КАЗАНОВКА» – ДЕЛО НОВОЕ……**200**

ВОЗРОЖДЕНИЕ СТАРОЙ СВЯТЫНИ ИЗВАЯНИЕ УЛУГ ХУРТУЯХ ТАС……**203**

ПАРКИ И САДЫ – ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ……**205**

МНЕ ПОВЕЗЛО……**206**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……**208**

Научное издание

ДРЕВНОСТИ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.
№1-2(13-14)

Ответственный редактор – ***В.И. Соёнов***

Статьи публикуются в авторской редакции

Составление, оформление, компьютерная верстка, корректура, макет – ***В.И. Соёнов***

Начальник редакционно-издательского отдела – ***А.Ю. Казанцев***

Ведущий редактор РИО – ***А.Г. Карышев***

Подписано в печать 12.10.2009. Формат 60х84 1/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. – 26,5. Заказ № 441.
Тираж – 500 экз.

РИО Горно-Алтайского государственного университета.
649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, д.1

Отпечатано полиграфическим отделом
Горно-Алтайского государственного университета.
649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, д.1